Annotation

В книге рассказывается о соприкосновении Человечества с семью различными космическими расами.

Андрей Ливадный Смертельный контакт [= Соприкосновение]

Пролог

Земля. Околопланетные орбиты. 2071 год…

Многокилометровая уплощенная конструкция плыла над серо-голубым полумесяцем Земли.

Орбитальный эллинг[1] парил над планетой. К расположенным по краям вакуум-докам в данный момент были пристыкованы семь транспортных челноков, на центральном стапеле космической верфи шла сборка корпуса колониального транспорта «Одиссей»; у причалов специального модуля, принадлежащего ВКС России, освещенный тусклыми искрами габаритных огней застыл внепространственный авианесущий крейсер «Варяг».

Капитан ВКС России Андрей Логинов устроился в кресле недалеко от огромного голографического экрана, на который транслировалась панорама Земли.

Вид родной планеты зачаровывал капитана. Размытая линия терминатора делила Землю на два совершенно непохожих пространства.

Андрею нравилась ночная сторона планеты. Будь его воля, он бы часами мог сидеть, наблюдая за движением границы дня и ночи.

Там где сгущалась тьма, взгляду открывалось поистине фантастические картины. Растущие с каждым годом города, словно гигантские, рвущиеся в околоземное пространство побеги огненных соцветий техногенной оболочки планеты, являли собой завораживающее зрелище — ассиметричные, пульсирующие текучими потоками транспортных артерий мегаполисы все теснее сближались друг с другом, постепенно поглощая разветвленную инфраструктуру связующих их магистралей.

Пройдет еще несколько десятилетий, и города Земли окончательно сольются друг с другом, образовав семь или восемь сверхмегаполисов, а поверхность материков полностью скроет под собой техногенная оболочка.

Хорошо ли это?

Логинов не брался судить, ведь он был человеком своего времени; эмосфера,[2] в которой рос Андрей, изначально примиряла рассудок с высочайшим уровнем урбанизации. Он любил Землю такой, какова она есть, тем более, что открывшаяся дорога к звездам прочила Человечеству

скорое обновление, а колыбели цивилизации — заслуженный, почетный отдых от чрезмерно активной эксплуатации природных богатств и ресурсов.

Конечно, Земля никогда уже не вернется в состояние девственной планеты, но биосфера постепенно возродиться, снова появятся леса, заповедники, парковые зоны, — еще один «культурны слой» ляжет поверх стеклобетона, формируя новые, теперь уже смешанные ландшафты, где зелень лесов будет обрамлять уходящие за облака здания…

…Пока он размышлял, линия терминатора, движущаяся по Евразии, достигла горных стран Тибета и Тянь-Шаня.

Полосы мрака смотрелись на фоне огней многочисленных городов как зловещие ассиметричные знаки.

Горные районы, вернее — горные страны, практически не освоенные, все еще оставались темными пятнами — толщи скал, протянувшиеся на тысячи километров, в современности пронзала сеть тоннелей, по которым двигались основные транспортные и грузовые потоки, а вот в самих горах жизнь как будто застыла. Там почти ничего не изменилось за последние два века.

Трудно проходимые районы, к сожалению, стали приютом для остатков разгромленных террористических группировок. Сложный рельеф, отсутствие развитой инфраструктуры дорог, множество естественных укрытий, превратили целый регион в опасное, не освоенное пространство, где не соблюдались законы и межгосударственные соглашения.

Взгляд Логинова скользнул по темным пятнам и вновь вернулся к великолепию красок ночной иллюминации городов.

Скоро, уже буквально на днях ему предстоит покинуть Солнечную систему.

Андрей во главе взвода космического десанта ВКС России улетал в колонию Новая Земля, туда, где сейчас проходила незримая граница освоенного Человечеством космического пространства.

Часть 1. Соприкосновение

Глава 1

Земля. Мегагород «Русь».[3]

Управление внешней разведки ВКС России.

Генерал Юранов неторопливо прохаживался по кабинету, мрачно поглядывая на карту горных районов Евразии, развернутую устройством голографического проецирования.

— Почему генеральный штаб придает такое значение рядовому каравану контрабандистов, и почему мы не имеем о нем достаточных сведений? — наконец нарушил он тишину, обращаясь к своему заместителю.

— Николай Арсеньевич, информация по каравану, движущемуся со стороны Китая в направлении границы с Россией, получена от контртеррористического комитета. В их подчинении находятся спутники, контролирующие обстановку в регионе.

— То есть — группа «антитеррор» прохлопала караван, а нам теперь предложено заткнуть дыру, так? Но каким образом, они подумали?

— Николай Арсеньевич, к нам поступила не просьба, а приказ, — напомнил полковник Нарушев. — Кто недоработал, будем выяснять потом.

— Понимаю, — махнул рукой Юранов. — Что известно о численности отряда, характере груза, пункте назначения и маршруте?

— Численность банды — до пятидесяти стволов. Двигаются горными тропами, в последний раз их удалось засечь севернее Большого Хингана, в бассейне реки Шилка. Предполагаемый пункт назначения — Алданское нагорье. Характер груза пока неизвестен.

— Но хоть какая-то информация есть?

— Они транспортируют оружейные кофры, габариты груза по длине — два метра, сечение контейнеров семьдесят сантиметров. Исходя из полученных разведданных, есть предположение, что поставка неизвестного пока типа вооружения осуществляется с территории Китайской Народно-Демократической республики. Маршрут сложный, проложен по труднодоступным горным районам, что косвенно свидетельствует о чрезвычайной ценности груза.

— Где и когда мы должны перехватить банду?

— Нам предложено запереть вот эту долину, — луч лазерной указки

отметил на карте точку предполагаемой высадки десанта. — На подготовку к операции отпущено два часа.

— Рехнулись они там в генштабе? — недовольно буркнул Юранов. — Ни тебе точных сведений, ничего, а как я за два часа подготовлю подразделение и переброшу его вглубь горной страны?

— Видимо потому и обратились к нам, — произнес Нарушев. — Подразделение капитана Логинова находиться в постоянной боевой готовности. — напомнил он.

— Логинов и его взвод готовятся к отправке на Новую Землю. Неужели космодесантом можно затыкать дыры при ловле контрабандистов?

— Господин генерал, — вмешался в разговор молчавший до сих пор представитель генерального штаба. — Ваше возмущение в данном случае неуместно. Космический десант выполняет именно те задачи, решение которых наиболее важно для государства в текущий момент времени. Вы получили недвусмысленный приказ. Обсуждать или корректировать его — не в вашей власти. Через два часа группа капитана Логинова должна осуществить высадку с орбиты в указанном районе, и блокировать дальнейшее продвижение банды. Ради осуществления данной операции решено перенести старт крейсера «Варяг».

Юранов хотел ответить, но осекся.

Перенос запланированного старта крейсера, учитывая нарастание напряженности в колонии — уже не шутка.

Что же за груз такой, если, ради его перехвата, отсрочен старт межзвездного космического корабля?

Словно угадав его мысли, представитель генерального штаба добавил:

— О характере груза вы будете проинформированы отдельно.

— Государственная тайна?

— Более чем, — майор Должников вежливо кивнул. — Действуйте. Я передал приказ и сейчас вынужден вернуться к своим обязанностям.

Юранов молча пожал протянутую руку.

Когда за представителем генерального штаба бесшумно закрылась дверь, он, не тратя более времени на бесплодные в данной ситуации размышления, произнес:

— Группе Логинова, — час на подготовку к десантированию.

* * *

Земля околопланетные орбиты. Борт крейсера «Варяг»…

Полученный приказ скорее расстроил, чем удивил капитана Логинова.

Конечно, Андрею стало досадно: моральный настрой на межзвездный прыжок оказался на поверку очень сильным, еще бы — ведь с часа на час ожидалось главное событие в жизни, и вот на тебе — очередное десантирование с орбиты, и снова — на Землю, в труднодоступный горный район.

Приказы не обсуждают.

Мысль не новая и далеко не успокаивающая.

Десантно-штурмовой модуль (сокращенно ДШМ) крепился в специальном «слоте» внешней обшивки крейсера. Рядом располагались гнезда для груза, который сбрасывался вслед подразделению с использованием устройств, типа «волан».[4]

Десантно-штурмовой модуль, оснащенный мощными планетарными двигателями, нес на борту двадцать человек, плюс две БМК.[5]

Процесс десантирования был отработан до полного автоматизма, и даже то обстоятельство, что точка приземления располагалась в горах, не вызывало особых затруднений, — во время тренировок они в большинстве случаев десантировались именно в горы. Во-первых, там рельеф сложный, что повышало качество практической подготовки, во-вторых, снижение штурмового модуля в режиме планетарной тяги представляло серьезную опасность для городских построек, поэтому, выбирая между океанскими просторами и горами, предпочтение отдавалось последним.

…

Час десять, потраченные на предстартовые процедуры, сближение с Землей и вход в атмосферу, пролетели незаметно, будто один миг, и вот ДШМ, объятый пламенем планетарных двигателей, начал маневр окончательного торможения.

Грузовые контейнеры, буксируемые до границ стратосферы на специальных фалах, минуту назад отделились от спускаемого модуля, начиная самостоятельное снижение, с использованием системы «волан», разработанной еще в конце двадцатого века Российскими учеными.

Капитан Логинов находился в пилотажной кабине ДШМ; рядом, в кресле второго пилота расположился лейтенант Сапов, обязанности штурмана выполнял старший лейтенант Негода.

В данный момент модуль шел в полном автоматическом режиме — пока работа систем автопилотирования не вызывала нареканий, вмешательства офицеров не требовалось.

Конечно, при учебных высадках они неоднократно отрабатывали все

операции в ручном режиме, но сейчас нет ни повода, ни желания экспериментировать.

Подсистемы ориентации, получая данные позиционирования со спутников, вывели десантный модуль в режим автопарения точно над указанной высотой.

— Начинаем сброс техники.

Голос Логинова прозвучал глухо, все же сказывалось четкое осознание того, что высадка не учебная.

Каждый из бойцов подразделения прошел не одну «горячую точку», а вот боевая высадка с орбиты у всех без исключения — первая.

Резкий толчок возвестил об отделении контейнеров с БМК.

Десантно-штурмовой модуль продолжал «парить» в ста метрах над возвышенностью, — срывая раскаленную окалину, в бортах открылись оружейные порты, — десять автоматических импульсных орудий прикрыли верхнюю и нижнюю полусферы, обеспечивая огневую поддержку боевых машин космодесанта.

Контейнеры с БМК коснулись склонов возвышенности, тут же «расколовшись» на отдельные сегменты, и две боевые машины выдвинулись на заранее отмеченные позиции.

Не обнаружив присутствия противника, автоматика БМК выдвинула устройства, предназначенные для возведения инженерных сооружений и уже через минуту боевые машины, расположившись в неглубоких капонирах, перешли в режим прикрытия, позволяя десантному модулю осуществить посадку.

В лазурных небесах, увеличиваясь в размерах, появились наполненные гелием «воланы».

Транспортные контейнеры с имуществом взвода снижались точно по заданным координатам.

* * *

Земля. Горные районы Евразии. Четыре часа спустя…

Они отработали на опережение. Ни одна из промышлявших в горных районах, вершившая тут свои темные делишки банд, естественно, и предположить не могла, что на пути их следования внезапно встанет подразделение космического десанта.

Логинова очень скупо информировали о деталях операции. Задача конечно ясна, но формулировка: «блокировать пути прохода каравана, сорвать передачу груза, захватить транспортируемые контейнеры»,

вызывала множество вопросов, относительно мелких деталей, и давала Андрею широчайшие возможности для принятия тактических решений.

Стоял жаркий июньский полдень.

Пологие, поросшие кустарником склоны высоты, еще утром тонувшие в молочном тумане, теперь лежали, как на ладони.

Капитан Логинов осматривал окрестности в электронный бинокль. Система автоматического распознавания растительности, работающая на основе анализа изображения, существенно облегчала задачу, отсеивая большинство помех, встающих на пути визуального восприятия местности.

Нервы на пределе. Боевые метаболические импланты[6] при высадке автоматически включаются в работу, для десанта не существует «проходных» заданий, вся процедура отрабатывается по полной программе, но обычная схема действий не подразумевает длительного ожидания, бездействия.

Четвертый час они стоят на позициях. За это время технические сервомеханизмы, приданные взводу, успели возвести полноценную круговую сеть инженерно-технических сооружений, превратив склоны высоты в неприступную позицию. Однако на людей томительное ожидание действует скверно — Логинов вполне мог судить по собственному состоянию. После окончания операции нужно будет потребовать, чтобы изменили систему настроек метаболической системы скафандров. Боевое стимулирование организма должно включаться не по факту высадки, а по конкретной обстановке, иначе стимуляторы уже не помогают, а, напротив, вредят: от напряжения зрение становиться размытым, нечетким. Собственное восприятие, к сожалению, не обладает встроенными фильтрами, отсеивающими помехи, увеличивающими резкость и контрастность изображения.

Сколько еще продлится неизвестность? Часов пять-шесть? А если караван заметил снижение десантного модуля?

Нет. Об этом наверняка подумали в штабе группировки.

— Стрельников! — опуская бинокль, Логинов сердито обернулся, будто связист был каким-то образом виноват в полном отсутствии разведданных. — Что, «семерка», молчит?

— Молчит, товарищ[7] капитан, — охотно отозвался сержант.

Он не меньше командира и других бойцов взвода устал от ожидания, и сейчас был рад даже такому несправедливо-резкому тону, лишь бы не напряженная тишина, съедающая нервы, давящая на рассудок.

Логинов не ответил, только кивнул.

Пройдя по ходу сообщения, он, прежде чем исчезнуть в прохладных сумерках командного пункта, остановился подле пулеметного гнезда.

— Как настроение Тмоян?

— Порядок в космических войсках, товарищ капитан, — с присущей ему серьезностью, чуть картавя, ответил Рома.

Хороший парень. Сначала казался немного странноватым. По отцу азербайджанец, по матери русский, чуть застенчивый, до фанатизма влюбленный в оружие, окончил школу снайперов, прошел через несколько «горячих точек», затем попал в ВКС России.

— Что «порядок»? Солдат спит — служба идет? — усмехнулся Логинов.

— Обижаете, товарищ капитан.

Роман не поддержал шутки. Его пальцы ласково коснулись металлопластикового материала треножного станка, затем переместились на массивную крышку ствольной коробки, пробежали вдоль жал крупнокалиберных патронов, снаряженных в ленту.

— Тихо, — выцветшим, словно выгоревшим на солнцепеке, осипшим голосом добавил он. — Как будто мы не на Земле.

Усмешка сползла с лица Логинова.

Шагнув сквозь полог маскирующего покрытия, собранного из тончайших нитей, в прохладный сумрак командного пункта, он в полной мере ощутил напряженную ирреальность ситуации.

Что, спрашивается, делает взвод Военно-Космических сил России в горах?

Почему они стоят на высотке, запирающей выход из ущелья, когда им по статусу положено выполнять задачи за десятки световых лет отсюда, там, где проходит освоение новой планеты, где люди, едва вырвавшись из Солнечной системы, столкнулись с иным разумом, настроенным отнюдь не дружелюбно, по отношению к молодой, экспансивной расе…

Взглянув на призрачное сияние объемных голографических экранов, связанных незримыми информационными каналами с тысячами «засеянных» по площади датчиков раннего обнаружения, Андрей поразился той точности, с которой старший стрелок-пулеметчик обрисовал ситуацию.

Вокруг молчаливые горы.

Монохромное изображение на стереоэкранах превращает ландшафт в зловещую пустыню, без намека на растительность — тут так же работают специальные программные фильтры, отсеивающие большинство препятствий растительного происхождения, способных дать укрытие

непрошенным визитерам, и оттого окружающие горы кажутся чуждыми, как на иной планете.

Они — заслон.

Взвод ВКС России против неведомой, непознанной в бою силы.

В том, что она появится, рано или поздно, Логинов не сомневался.

Взгляд обежал контрольные экраны, но не зацепился ни за одну деталь рельефа, интуиция молчала, внутренний голос заглох, — скверный признак накопившейся усталости.

— Командир?

Он обернулся.

Лейтенант Сапов, дежуривший на КП, только что завершил проверку контрольных точек, где установлены стационарные сканирующие комплексы.

— Ну? — Логинов взглянул на своего заместителя, присел на край пластикового кофра из-под аппаратуры, и на секунду прикрыл глаза.

Не расслабляться…

Постоянная опасность вызывает презрение к ней…

Древняя, но справедливая мудрость…

— Ты в «братьев по разуму» веришь?

Неожиданный вопрос.

Командир отдельного особого взвода космического десанта ВКС должен верить в утопии?

Нет, — ответил внутренний голос.

— Саша, я на риторические вопросы не отвечаю, — Логинов заставил себя переключиться на новую тему. — Факты. Нам с тобой позволено опираться лишь на голые факты.

— А если их нет?

— Значит, станем принимать решения, как пилоты в плохих метеоусловиях, — Логинов помассировал веки. — Знаешь что такое взлет по фактической погоде?

— Слышал, — откликнулся Сапов. — Это когда летчики сами принимают решение взлетать или нет?

— Верно.

— И все же, командир? — лейтенант явно проигнорировал попытку Логинова уклониться от обсуждения сложной, но актуальной темы. — Я, лично, не понимаю психологии Эшрангов. Кто они по отношению к нам? Друзья? Враги? Или им люди вообще безразличны?

— Ты спал на лекциях?

— Нет. Но меня не устраивают официальные версии. Слишком много

противоречий.

— А как ты хотел? Подумай — они *иная цивилизация*. Понять их психологию за несколько лет невозможно. Единственное, что нас объединяет — это метаболизм, основанный на энергетике кислорода. Если желаешь знать мое, сугубо личное, субъективное мнение, — пожалуйста. Любая раса, встреченная нами в космосе, имеет свои жизненные интересы. Здесь не подходят системы ценностей, выработанные нами. Не факт, что твои или мои моральные принципы, взгляды, хоть в чем-то совпадают с психологией представителей иного разума.

Андрей говорил предельно четко и убежденно. Он ни на секунду не забывал, что после этого непонятного пока дежурства в горных районах им вместе предстоит лететь к звездам.

— Разве мы не готовились к вероятной встрече с иной цивилизацией? — тема беседы, сначала показавшаяся ему лишней в сложившейся ситуации, внезапно дала возможность сконцентрироваться, почувствовать прилив сил, вызванный резким информационным вбросом, напрямую не относящимся к текущему заданию. — Готовились, отыгрывали различные сценарии, вплоть до совершенно фантастических, и что получили в итоге? Сильнейший эмоциональный шок. Думаю, что Эшранги испытали нечто схожее.

— Потому и отступили, отдали нам колонию Центавра? Извини, но что-то мне не вериться, командир. Они имеют космический флот, и вдруг совершенно безропотно покидают уже обжитую планету.

— А кто видел их космический флот? — возразил Логинов. — Небольшие транспортные корабли, да еще *нечто*, по осторожным оценкам экспертов отдаленно похожее на крейсер, окруженный барражем аэрокосмических истребителей? Все это лишь догадки, основанные на чтении нечетких, спорных в интерпретации сигнатур,[8] — Андрей твердо излагал свою, устоявшуюся после изучения доступных материалов точку зрения. — Мы же прибыли в систему Проксимы, имея в распоряжении колониальный транспорт, несущий на борту системы вооружений, — напомнил он. — Произошло *соприкосновение*, причем колонисты не сразу поняли, что вторглись в чужую, уже освоенную систему. Ты ведь прекрасно знаешь, что Эшрангов поначалу приняли за птиц, принадлежащих исконной биосфере Новой Земли. Они имели прекрасную возможность наблюдать за деятельностью поселенцев, и только спустя год, в момент их эвакуации с планеты, стало ясно, кто они на самом деле.

Сапов лишь усмехнулся в ответ.

— Их истребители и транспортники слишком малы, чтобы совершать прыжки между звездными системами, — выслушав командира, возразил он. — Ты ведь сам прекрасно понимаешь: чтобы создать деформацию метрики пространства, необходима, как минимум, энергия управляемого термоядерного синтеза. Ни один из известных нам транспортов Эшрангов не несет на борту подобной силовой установки. Значит, базовые корабли есть, проблема в том, что до сих пор не удалось с полной определенностью распознать, зафиксировать их нашими приборами.

— Не стану спорить, — кивнул Логинов. — Допускаю, что ты прав, к тому же наверняка большая часть информации строжайше засекречена. Но спешное создание носителей для обслуживания и запуска малых космических кораблей говорит само за себя. Мы строим свой флот. И почему это происходит, понять несложно.

— Просвети?

— А сам вроде как не догадываешься?

Андрей выдержал паузу, но не дождался версий, и потому продолжил развивать свою мысль.

— При первом контакте шла тщательная оценка технических возможностей противоположной стороны. Результат такой оценки, учитывая семантическую пропасть, неизбежно лежащую между двумя развившимися на разных планетах цивилизациями, непредсказуем. Мы не сидели и не строили бы с тобой версий, будь намерения Эшрангов относительно нашей цивилизации понятными. В чем-то мы их явно опередили, скажу больше — сильно испугали, раз они безропотно уступили колонию Центавра, и пошли на контакт, начиная выстраивать дипломатические отношения.

— А может они все же «братья по разуму»? — спросил Александр. — Умнее, добрее, чем мы? Не задумывался, об этом, командир? — в словах Сапова внезапно проскользнула горечь. — Вспомни историю создания внутрисистемных колоний. Мы ведь по-прежнему раздроблены на государства и нации. И вместо общечеловеческих усилий цена освоения Марса и лун Юпитера измерялась понятиями гонки технологий, кто будет первым, кому достанется больше ресурсов и территорий, да, что я тебе объясняю?.. — он безнадежно махнул рукой. — Мы с государственным и международным терроризмом до сих пор не справились. А они понаблюдали и ужаснулись.

— Не перегибай, Саша. Прятать голову в песок, не замечая проблем, никто и не собирается. Но конечный результат гонки технологий — наш прорыв к звездам. А там, в колонии, деление на государства и нации уже

теряет остроту и смысл.

— Рановато мы к звездам рванули, вот о чем я думаю, — ответил лейтенант. — Уж извини, приучили не бездумно исполнять приказы, а постоянно анализировать ситуацию.

* * *

Покинув командный пункт, Логинов вышел под палящее солнце.

Разговор с Сашей Саповым — нормальное явление. В подразделение космического десанта не попадали люди случайные. Однако взвод сформирован недавно, отсюда и появлялось известное количество обсуждаемых тем. Они все еще присматривались друг к другу. Притирка характеров, выяснение взглядов — процесс неизбежный.

Андрей не напрягался по данному поводу. Напротив, радовался, что подчиненные идут на контакт, доверяют мысли, не опасаются высказывать собственных суждений.

Он усмехнулся. О женщинах, о жизни, разговоры не клеились. Слишком велико моральное напряжение момента. Как перед грозой.

Воздух над безымянной высотой плавился зноем миражей струящегося маревом воздуха.

Две боевые машины космодесанта притихли в капонирах, слились с фоном местности за счет мимикрирующего[9] покрытия брони.

Их плавные обводы, едва различимые с расстояния в два десятка метров, создавали впечатление эстетики и мощи, каждая БМК несла на борту все системы, необходимые для выживания подразделения в условиях иных, отличных от земной биосфер, — яркий пример машины двойного предназначения, которая, не смотря на грозное вооружение, могла послужить и мирным целям терраформирования территорий. Для подобной трансформации оружейные сегменты, в данный момент оснащенные четырьмя импульсными и двумя кинетическими орудиями, а так же зенитно-ракетными и противотанковыми комплексами, легко заменялись на устройства таких же размеров, но исключительно мирного предназначения.

Глядя на контуры БМК, Логинов понимал — взвод перебросили в горы не ради дополнительных тренировок. Он вновь расчехлил электронный бинокль, в который раз осматривая окрестности.

Отвесные, непроходимые скалы.

Ущелье, плавно перетекающее в долину.

И высотка — как пробка в горлышке бутылки — мимо не проскочишь, по крайней мере, по земле.

Взгляд Логинова скользнул выше, зацепился за силуэт парящего в

поднебесье орла.

Благородная птица…

Сравнение вызвало ассоциации. Опустив бинокль, Андрей прошел по ходу сообщения до капонира, присел подле БМК, ощущая жар, струящийся от брони, и позволил себе на минуту расслабиться.

Птицы…

Эшранги тоже птицы. По крайней мере, внешне они ассоциируются с птицами, хотя сравнение весьма условно — на крыльях у Эшрангов нет перьев, они голые, кожистые, с характерно выраженными двухсуставчатыми пальцами, расположенными попарно, на оконечностях стыков кожистых сегментов крыла.

Никто не видел, чтобы Эшранги летали. Даже на Новой Земле, где они долгое время сосуществовали с людьми, никак не выдавая своей принадлежности к разумной космической расе, они передвигались исключительно по земле, на мощных, покрытых шелушащейся кожей лапах.

Лишь на теле, шее и голове Эшрангов росла мягкая, пушистая шерстка. Возможно, когда-то они были полностью голы, — ученые предполагали, что представители иной цивилизации эволюционировали из звероящеров, однако пока подтвердить или опровергнуть гипотезу не было возможности — не хватало фактического материала.

Андрей задумался, черты его лица разгладились, он больше не морщил лоб, как это было в момент изучения окрестностей.

Жизнь достаточно помотала Логинова по свету, чтобы он научился простым на первый взгляд, но часто недостижимым для многих истинам, которые, к сожалению, приходят к человеку лишь с личным опытом.

Никогда ни от чего не зарекайся. Всегда будь готов, что тебя попытаются использовать тем или иным способом.

Всегда думай, прежде чем сделать очередной шаг. Порой секундное промедление, необходимое на осмысление ситуации, позволяло выйти без потерь из самых сложных положений.

Прав лейтенант Сапов. Не зря он завел разговор про «братьев по разуму».

Космический десант не место для дураков или слабонервных. Но и на одной силе воли, решимости далеко не уйдешь. Анализ ситуации, прежде всего — анализ, а уж затем — стремительное, отработанное до автоматизма действие. Мысленно можно понять противника, вычислить недосказанное в приказах, найти оптимальный вариант действий, а вот сделанного, зачастую уже не вернешь. Действие — оно необратимо, особенно, когда в

руках оружие.

Мысли капитана Логинова не имели ничего общего с иллюзорностью мироощущения. Он считал себя прагматиком, в утопии действительно не верил, а вот сложность современно мира признавал безоговорочно. Саша правильно сказал: нет у нас пока еще единой цивилизации. Мы — не одно целое. Вот тут — Россия, с понятной внешней и внутренней политикой, страна, поднявшаяся с колен, не допустившая третьей мировой войны, едва не развязанной Соединенными Штатами Америки и противостоящим всему и вся международным терроризмом, а вот там, за изломами горных хребтов — Китай. Иная территория, другой народ, со своим менталитетом, с другими взглядами на мир и иной внешней политикой…

Беда в том, что каждый из нас по отдельности рвется в космос.

Почему интеграционные процессы заглохли, ограничились сотрудничеством при создании первых внутрисистемных колоний, и не получили развития при рывке к звездам? Что так сильно и явно разобщило нас, когда мировой кризис, как казалось, уже позади?

Самоуспокоенность?

Наверное, немного не так. Самоуверенность некоторых наций.

Да, но при чем тут Эшранги? Почему мысль, как будто пройдя по кругу, вновь возвращалась к проблемам взаимоотношений с иным разумом?

Наверное потому, что подразделение космодесанта просто так не бросят в горы с лаконичным, предельно-четким приказом: остановить любую попытку проникновения на территорию России со стороны сопредельного государства.

Юранов что-то знает. Генерал не сказал ничего конкретного, но приказ двойной трактовке не поддается. Значит, есть информация, но неполная. И она имеет прямое отношение к космосу, к событиям, происходящим за десятки световых лет от Солнечной системы.

Коммуникатор шлема, оснащенного системами БСК,[10] внезапно нарушил ход его мыслей:

— Первый на связи третий. Завершили сканирование. На западном направлении обнаружен старый укрепрайон, предположительно покинутый.

Логинов обернулся в указанном направлении, вновь вскинул электронный бинокль, прошелся взглядом по скалам: небольшую холмистую долину в тылу позиций взвода так же ограничивали горы: начинаясь отвесными скалами, выше и западнее они образовывали систему

из нескольких плоскогорий. По флангам подразделения склоны не были отвесными, здесь складки горных пород лежали под уклоном, выветренные и потрескавшиеся, кое-где испятнанные зеленью растительности.

Где-то по флангам есть тропа, ведущая к плоскогорьям, — подумал Логинов.

— Третий, тщательнее отсканируй обнаруженные укрепления. Наверх не лезь. План укреплений загрузить в тактическую подсистему.

— Понял, приступаем.

…

Четверть часа спустя тишину эфира нарушил доклад с передового поста, выдвинувшегося на позицию сразу после десантирования:

— Ноль первый, докладывает семерка, — передача велась специальным кодом, который расшифровывала подсистема боевого сканирующего комплекса, потому и голос лейтенанта Малышева звучал с глухими металлическими нотками, обезличивающими его. — Гости приехали. Много. Пятьдесят четыре человека. Все с чемоданами. Повторяю — гости прибыли. Готовьте встречу.

— Ноль седьмой, дай телеметрию по защищенному каналу!

Картинка пришла нечеткая, смазанная, зарябленная помехами:

Вереница усталых вооруженных людей, экипированных в горный камуфляж. На лицах дыхательные маски. Идут тяжело, но усталость многодневного перехода не притупила их настороженности, не нарушила четкой организации, выдающей в караване не заурядную банду контрабандистов, а опытных бойцов, подчиненных жесткой дисциплине.

Меж людьми отчетливо видны вьючные животные — мулы, которых на горных тропах все еще использует местное население.

Вьюки нестандартные. Что-то крупногабаритное, правильной формы.

Оружейные упаковочные кофры?

Не факт. Под тканью не разобрать. Да и по бокам напихано что-то мягкое, округляющее формы, лишь в некоторых местах резко обозначены углы, выдающие истинную геометрию груза.

— Синцов, связь с центром, срочно!

Логинов продолжал пытливо вглядываться в поступающее изображение.

— Взвод к бою! Седьмой, что у тебя со сканерами? Почему нет информации о содержимом контейнеров?

— Они надежно экранированы, — пришел ответ. — По форме — оружейные кофры, но что внутри — не разобрать.

— Понял тебя. Продолжай наблюдение. Будь готов по моей команде

сделать предупреждение с предложением о добровольной сдаче.

— Понял.

— Центр на связи, товарищ капитан!

Логинов переключил канал коммуникатора.

— Докладывает «высота 13—07». У нас гости. Пятьдесят четыре человека, все вооружены. Транспортируют оружейные кофры на вьючных животных. Содержимое груза сканированию не поддается.

Несколько секунд на частоте связи царила тишина, затем далекий голос Юранова, в котором даже после обработки ощущалось нечеловеческое напряжение, приказал:

— Банду остановить любой ценой. Допустимо предложение о сдаче на условиях сохранности груза. По контейнерам огня не открывать, все действия подразделения фиксировать в режиме полной записи с разверткой данных по каждому бойцу. В случае успеха — контейнеры не вскрывать. При повреждении транспортировочной упаковки близко не подходить. Обо всех непредвиденных ситуациях докладывать немедленно. И еще — главное. Запрещаю вести огонь по воздушным целям. Как понял меня «высота»?

— Задача ясна. Поддержка будет?

— К вам направлены боевые машины для изъятия груза.

Логинов выпрямился, наблюдая, как бойцы взвода занимают заранее подготовленные позиции.

Численный перевес здесь и сейчас преимущества контрабандистам не дает.

До их появления из ущелья еще минуты четыре…

— Никому не открывать огня. Сначала дадим им шанс сложить оружие.

Логинов не очень-то верил, что предъявленные требования будут исполнены. Ежу понятно — не рядовой караван они останавливают. И в транспортных контейнерах что-то «покруче», чем наркота или оружие.

Знать бы что?

А станет ли от этого легче? Юранов недвусмысленно намекнул, чтобы носа к грузу не совали.

— Ноль седьмой, приготовься. Мы пропустим головной дозор к подножию высоты. Как только ядро банды появиться из ущелья, и окажется у нас под прицелом — захлопывай капкан. Далее транслируешь предложение по сдаче. Текст я тебе передал. Все. Как понял?

— Понял, командир. Действую.

* * *

Вторая группа противника появилась внезапно, словно материализовавшись среди скал в тылу взвода капитана Логинова.

Две боевые машины пехоты китайского производства, работающие на водородных двигателях, выдвинулись в район высоты «13—07» из глубины горной страны. Пройдя незамеченными через рубеж раннего обнаружения, они спустились в долину по древней, тщательно замаскированной дороге.

— Первому: на связи ноль четвертый.

Логинов мгновенно сообразил — произошло нечто скверное, — четвертый пост прикрывал тылы.

— Докладывай!

— Наблюдаю две БМП, оборудованные системами подавления датчиков сканирования. Остановились вне зоны эффективного огня. Вероятно — осуществляют высадку подразделений.

— Точнее, четвертый! Состав, численность?

— Они действуют под защитой маскирующих полей. Рубеж датчиков раннего обнаружения прошли вообще, как призраки.

— Людей видишь?

— Нет. Приборы выявляют сигнатуры, но визуального контакта нет. Наблюдаю машины по характерному мареву, система анализа по вторичным признакам идентифицировала их, как БМП «Дракон» пятой серии.

В коммуникаторе раздались трескучие раскаты помех.

Глушат. Где-то неподалеку заработала установка, блокирующая каналы связи, в том числе и спутниковые.

Частые, ритмичные хлопки прозвучали как гром, и спустя несколько секунд на панели тактического комплекса злобно зардела предупреждающая искра индикатора — лазерный канал передачи данных накрылся.

Логинов все же попытался выйти на спутник, вызвать Юранова, но тщетно. Над позициями взвода раскрылись капсулы с металлизированной, намагниченной пылью, которая будет оседать в течение двух-трех часов.

Откуда здесь китайские БМП?

Риторический вопрос. Прохлопала разведка. Группу, идущую со стороны границы, встречают. Видимо отряд, обеспечивающий безопасность груза, выдвинулся сюда заранее, скрывшись в одном из множества естественных укрытий, которыми изобиловала горная страна. Винить Юранова бессмысленно. Он бы и сам не нашел их.

Кольцо замкнулось.

Бой еще не начался, но ситуация прояснялась, и от этого, как ни странно, стало легче.

Непонятно почему генерал особо предупредил о возможных воздушных целях? Стратосферные штурмовики или истребители еще могут пройти над горной страной, но по ним вести огонь бессмысленно — современную машину при ее скоростях и защите из ручного комплекса не сбить.

Вертушки?

Нет, — мысленно опроверг свои же сомнения капитан. — Вертолетам сюда не подняться из-за разреженности воздуха.

Ладно. Решать задачи следует по мере их возникновения.

— Сапов.

— На связи.

— Возьми двух бойцов. Идешь на усиление к «ноль четвертому».

— Понял.

— Саша, там две БМП. Отработай по ним тихо. Разрешаю применить «штормы».

— На поражение?

— По обстоятельствам, — Логинов не выносил риторических вопросов со стороны подчиненных. Бой — действо коварное. Никогда заранее невозможно предугадать, как поведет себя противник — дрогнет, даст возможность обойтись без излишних жертв, или упрется, вцепиться в камень, вынуждая к долгому огневому контакту.

* * *

События на выходе из ущелья еще не начались, когда лейтенант Сапов с двумя бойцами вышел к позиции тылового охранения.

— Как жизнь Паша?

Старший лейтенант Негода молча указал на отвесные стены скальной гряды, господствующей над ущельем, высотой и долиной.

— Там наверху, и еще на площадках среди скал — старый укрепрайон. Сканеры только что зафиксировали движение. По моим данным позиции заняли снайпера и минометные расчеты. Первый же выстрел — и нас накроют. Они подготовились в расчете на бой. Заранее выставили наблюдателей, потому что работы датчиков зафиксировать не удалось.

— Значит, наблюдали за нашей высадкой, знают позиции?

— Я указывал Логинову на две свежие воронки и на выщерблины в

камне. Высота явно пристреляна заранее. Первый же выстрел с нашей стороны вызовет ураганный огонь.

Сапов, наблюдая за продвижением БМП, которые по распадку огибали возвышенность, негромко приказал:

— Серега, давай назад к взводному. Доложи обстановку. БМП мы остановим, но передай, что есть риск обстрела высоты из минометов. Пусть тянет время, даст нам хотя бы минут пять. Все, пошел!

Посыльный исчез, даже не шелохнулись кусты.

— Саша, что задумал?

— У нас связи нет, у них тоже. В переделах прямой видимости они еще могут использовать лазерные передатчики, но как только боевые машины втянуться в распадок между двух высот, радиотишина будет полной и гарантированной.

— Ну? — Негода уже понял мысль лейтенанта, но ждал подтверждения своей догадки.

— Путь по распадку до встречи с группой, идущей от границы, займет минуты три. Это то время, которое мы можем использовать, не рискуя спровоцировать минометный огонь. Остановим БПМ[11] вне зоны визуального контакта с их наблюдателями — выиграем еще столько же. Надежда сам знаешь — умирает последней.

— Дело, — кивнул Негода. — Умаров, Зайчихин, Когтев, — в укрытия, на случай обстрела высоты. Сверяем часы. Через пять минут, после того как БМП исчезнут из вида, начинаете тревожащий огонь по вероятным позициям противника. Цель — выявление минометных расчетов и снайперских гнезд. ИПК,[12] — он указал на грозное современное оружие, установленное на треножном станке, — молчит. Фиксируйте цели, создавайте иллюзию численности, затем выдвигайтесь сюда. Если мы с лейтенантом к тому времени не появимся — открываете огонь по обнаруженным огневым точкам.

Бойцы молча кивнули, исчезая в зарослях.

Напряжение сгущалось, оно будто окутало высоту, подступив к ее подножию знойным маревом.

Сапов и Негода, кивнув друг другу, отложили автоматы, затем быстро, сноровисто загерметизировали боевые шлемы и расчехлили импульсное оружие.

Замысел офицеров был понятен. Они готовились применить ручное стрелковое оружие нового поколения, используя его особенности: ИПП[13] «Шторм» разработанный в России, воплотил в своей конструкции все

передовые технологии последних десятилетий.

Технологии будущего, ставшие реальностью. В конструкции «Шторма» использовались кольцевые электромагниты, разгоняющие игольчатый боеприпас калибра 2 миллиметра до сверхзвуковых скоростей. Конечно у нового вида оружия, еще не прошедшего государственные испытания, кроме очевидных плюсов имелись и минусы, в основном относящиеся к его применению в условиях атмосферы.

Во-первых, при выстреле возникала конусная ударная волна, способная нанести серьезные травмы бойцу своего же подразделения, если он не защищен специальной экипировкой (потому Сапов с Негодой и герметизировали шлемы).

Во-вторых, при переходе боеприпаса на сверхзвук раздавался отчетливый хлопок (при стрельбе очередями сливающийся в гул), на срезе ствола возникали яркие стробоскопические вспышки статики, заметные даже днем, а движение боеприпаса в атмосфере обозначалось зримым инверсионным следом, выдающим позицию стрелка.

Третьим минусом являлся большой вес оружия и огромное энергопотребление. Одной батареи, созданной на основе десяти суперконденсаторов, хватало для разгона ста игл. Отсекатель очереди, срабатывающий по факту отключения разряженного конденсатора, позволял произвести десять форсированных очередей, после чего требовалась смена элемента питания.

В явных плюсах нового вида оружия — отсутствие рикошета, высокая точность и дальность стрельбы, огромная, по сравнению с традиционным оружием, разрушительная способность пули, которая при столкновении с препятствием испаряется, превращая в облачко нагретого газа изрядный фрагмент цели (объем испаряемого вещества зависит от материала, с которым происходит столкновение игольчатой пули).

Именно эти качества нового оружия собирались использовать лейтенанты.

Они, пригибаясь, начали быстро пробираться сквозь кустарниковые заросли, с таким расчетом, чтобы выйти в тыл БПМ, на скрытом от взглядов наблюдателей участке меж холмами.

* * *

Логинов, получив сообщение от Сапова, мгновенно ценил неравенство сил.

Минометные расчеты и снайпера, укрывшиеся среди уступов отвесных скал, представляли серьезную опасность, при внезапном

нападении он вполне могли уничтожить взвод космодесанта, не дав бойцам шанса оказать достойное сопротивление.

Почему они медлят, не наносят превентивного удара? Ведь понимают, мы сюда пришли не затем, чтобы засвидетельствовать факт нарушения границы.

Тем временем караван миновал устье ущелья, и внезапно начал рассредотачиваться, явно не собираясь двигаться дальше. Нужно отдать должное боевикам — действовали они грамотно и слажено, никакой суеты, полсотни человек и два десятка вьючных животных в считанные минуты буквально растворились, укрывшись в складках местности.

Ждут появления группы поддержки…

Вот почему засада не открывает огонь. В горах без надежной связи они не уверены, что из ущелья вышел именно тот караван, для встречи которого неведомые пока силы предприняли столь далеко идущие шаги.

Все. Тянуть дальше бессмысленно и опасно. Как только начнется обстрел, ни о каких переговорах не сможет идти и речи. Нужно воспользоваться ситуацией.

Переключив коммуникатор на кабельный канал, Логинов отдал распоряжение седьмому посту, а затем перешел на громкую связь. Аудиоустройства были заранее размещены на выходе из ущелья, потому Андрей не сомневался, что его услышат и поймут, — автоматическая подсистема осуществляла синхронный перевод обращения на английский, китайский и арабский языки:

Не размениваясь на приветствия, Логинов сразу перешел к делу:

— Внимание! Говорит командир отряда особого назначения вооруженных сил России. Вы нарушили государственную границу Российской Федерации. Предлагаю вам избежать кровопролития и сдаться. В случае неподчинения будет открыт огонь на уничтожение. Пути отступления отрезаны. На размышление — две минуты, затем выходить по одному, оружие складывать на открытой местности. Время пошло.

В следующий миг, подтверждая его слова об отрезанных путях отступления, рявкнул сдвоенный взрыв и с обеих стен ущелья, блокируя горную тропу, обрушился камнепад.

Пыль всклубилась и тут же начала оседать в прозрачном разреженном горном воздухе.

Ответом на ультиматум послужила гробовая тишина.

Системы ближнего сканирования отсеивали помехи, выводя на голографические экраны тактических подсистем четкие обозначения позиций рассредоточившегося на местности отряда нарушителей.

— Внимание всем, — Логинов особо и не надеялся, что кто-то выйдет к нему с поднятыми руками. Судя по подготовке двух групп и их оснащению, цена товара, запакованного в оружейные кофры, была баснословно велика. — Через минуту начнется.

В этот миг из распадка между двумя высотами раздался характерный, воющий звук форсированных очередей «Штормов».

Минуты, отведенные на размышление отряду нарушителей, уже истекли, и когда в тылу взвода вдруг раздались частые и отчетливые хлопки минометных выстрелов, Логинов без колебаний отдал команду:

— Работаем на поражение. Огонь!

* * *

Сапов и Негода, спустившись по пологому склону, оказались за кормой двух боевых машин пехоты. Экипировка космического десанта надежно скрывала лейтенантов от обнаружения стандартными, общевойсковыми системами сканирования, и потому их появление стало для противника полнейшей неожиданностью.

Короткие очереди двух «Штормов» вспороли тишину ноющим гулом, кустарник мгновенно прибило к земле шквалистым порывом ветра, возникшим в результате прохождения воздушной волны, в корме двух БМП, там, где располагались силовые установки, камуфлированная броня внезапно подернулась искажением, по контуру машин как будто пробежала рябь, через долю секунды взорвавшаяся двумя нестерпимыми вспышками призрачного, кажущегося холодным и нереальным пламени; воздух содрогнулся от громового раската, вдоль склонов рванула смешанная с обломками ударная волна, кустарниковые заросли вспыхнули десятком очагов пожара, — все это спрессовалось в две-три секунды реального времени, а когда смолк оглушительный рокот, две боевые машины, исковерканные, объятые пламенем, уже не представляли угрозы.

Устарели «коробочки» — без злорадства, но с чувством удовлетворения подумал Сапов, меняя позицию. БМП не выдержали форсированных очередей из импульсного оружия: игольчатые пули, испаряя материал брони при соударении, пробили себе путь к двигателям, превратив силовые установки боевых машин в обломки…

Хотя и террористов можно понять, — пригибаясь, Александр быстро поднимался вверх по склону, стараясь не тревожить кустарник, чтобы не выдать снайперам противника своего маршрута, — подготовились они основательно, но на встречу с космическим десантом явно не рассчитывали. Подразделение в полном смысле «свалившееся им на

голову», самим фактом появления уже смешало все планы бандформирования…

Ага, вот и огневая точка… Сапов припал на колено, осматривая окрестности. «Шторм» он поместил в специальный пластиковый чехол, оснащенный системой самоликвидации оружия при попытке его несанкционированного вскрытия.

— Паша, видишь?

— Вижу. Минометная батарея.

— Задушим по-тихому?

В ответ Негода отрицательно покачал головой.

— Не успеем. Пока станем карабкаться, обходить — залпа три-четыре произведут.

— Что предлагаешь?

— Чуть выше по склону сервомеханизмы установили штатное укрытие. Отработаем оттуда. Мы в броне, ответный огонь снайперов вызовем на себя.

— Добро, — без колебаний согласился Сапов.

Переместившись метров на двадцать выше по склону, оба офицера действительно вышли к заранее подготовленной позиции. Заглубленный в скат высоты бронепластиковый бастион, оснащенный собственными системами сканирования и маскировки, давал приличный шанс продержаться тут минут пять, оттягивая на себя массированный огонь групп прикрытия.

…Со стороны ущелья, перекрывая рокот обвала, зачастил автоматический огонь, в сухую россыпь коротких очередей тут же вплелся ритмичный перестук крупнокалиберного пулемета, отдаленно хлопнули разрывы гранат, выпущенных из подствольников.

— Готов, — Сапов, обменявшись данными с системой наведения встроенного в укрытие ракетного комплекса, присел подле амбразуры. Чуть впереди, как раз в поле зрения лейтенанта тускло вспыхнул полупрозрачный голографический экран.

Негода занял позицию за секунду до запуска.

Пять реактивных снарядов, получив целеуказание, вырвались из пусковых стволов, подняв позади укрытия клубы пыли, и короткими зримыми росчерками ушли к скалам: угол атаки не позволял ударить непосредственно по обнаруженной минометной батарее, разрывы легли чуть выше, обрушив на позицию противника град поражающих элементов вперемешку с вырванными из скал каменными обломками.

В ответ с небольших уступчатых площадок, хаотично разбросанных

по отвесным стенам скальной гряды, ударили минометы, три инверсионных следа обозначили точки запуска ракет, выпущенных из ручных пусковых комплексов, часто и отчетливо рассыпались звуки одиночных выстрелов.

Первый залп накрыл западный склон высоты, — мины легли правее позиций четвертого поста, в ответ по естественным каменным укрытиям сухо и часто огрызнулись выстрелы снайперов взвода, — со стороны создавалось впечатление, что огонь ведут как минимум десять человек, но на самом деле бойцов, ответивших на минометный залп, было всего трое, вот только определись истинное количество десантников противник не мог, — экипировка надежно защищала ребят от обнаружения типовыми системами сканирования, так что боевикам оставалось лишь считать выстрелы и верить собственному слуху.

Хуже пришлось Сапову и Негоде: пуск, заставивший замолчать минометную батарею, полностью демаскировал их позицию, но офицеров спасла выдержка. Вместо того, чтобы метнуться прочь, они остались в укрытии, полагаясь на его надежность.

Ураганный ответный огонь густо усеял склон высоты кустистыми разрывами, среди слепящих вспышек взметнулись султанчики прицельных очередей, выпущенных из крупнокалиберного оружия, разрывные пули терзали бронепластик укрытия, словно пираньи, выхватывающие куски мяса из тела жертвы.

Через несколько секунд два удачных ракетных попадания вырвали бастион из почвы, заставив массивную конструкцию податься назад, а затем опасно просесть в образовавшиеся воронки.

Негода привстал, изымая из гнезда сканирующего комплекса накопитель информации.

— Уходим.

Теперь в их распоряжении были данные, снятые сканерами уничтоженного бастиона. Павел не собирался тратить время и нервы на «выкуривание» боевиков с заранее подготовленных позиций.

— Саша, давай к ребятам. Отводи их.

— БМК?

— А что сутки тут возиться? — огрызнулся Негода. — Работаем, в темпе!

Не окажись на высоте подразделение космического десанта, со всей положенной техникой и экипировкой, боевики, бесспорно, могли бы рассчитывать на успех силового прорыва. Они хорошо подготовились, даже сейчас их огневые позиции доставляли немало неприятных моментов, но

против импульсных орудий боевой планетарной машины естественные скальные укрытия бессильны.

— Командир, есть данные по огневым точкам. Нужна БМК, — доложил старший лейтенант, добравшись до точки выхода на поверхность проложенного техническими сервами оптического кабеля.

— Добро, — раздался по связи ответ Логинова. — Бери вторую машину.

* * *

Передовые позиции взвода, развернутые к выходу из ущелья сплошной линией оборудованных укрытий, хоть и подверглись интенсивному обстрелу, но огонь с неудобных позиций не причинял вреда бойцам.

Андрей, выслушав доклад Негоды и дав разрешение на использование БМК, окинул взглядом голографические мониторы.

Боевики, застигнутые врасплох, сдаваться явно не собирались.

Знают о группе поддержки, слышали минометные залпы, ждут удара нам в тыл.

— Синцов, частоту их связи перехватил?

— Так точно. Даю.

Частота, на которой боевики каравана пытались связаться с группой поддержки, отозвалась лишь потрескиванием помех — устройства, блокирующие связь, все еще работали. Если со своими бойцами Андрей мог связаться через кабельные соединения, связывающие центральный КП с определенными, известными командирам групп точками на скатах высоты, то боевики, заглушив частоты связи, создали неудобства скорее себе.

Андрей не стал выключать коммуникатор. Не обращая внимания на плотный автоматический огонь, он вышел из КП.

Два крупнокалиберных пулемета били из-за нагромождения каменных глыб, их поддерживало десятка три автоматов. Бойцы первого отделения отвечали редкими сдерживающими очередями, не давая противнику менять позиции и маневрировать огнем, но тоже без особого успеха. Пока что пули лишь бессильно взвизгивали, уходя в ноющий рикошет от каменных, либо бронепластиковых препятствий.

Логинов терпеливо ждал.

Разделаться с боевиками сейчас, когда стало ясен их численный состав и качество вооружения, уже несложно. Бронескафандры, которыми оснащались подразделения космического десанта, спокойно выдерживали

попадание тридцатимиллиметровых снарядов, а вот от импульсных орудий БМК скалы вряд ли укроют. Так что контрабандисты обречены, но Логинов, не желая проводить короткую кровавую зачистку, ждал удобного момента для попытки возобновления переговоров.

Нет, он не испытывал симпатий к боевикам, однако собирался дать им шанс. Несколько лет службы в подразделении космодесанта научили его особому искусству сдержанности: нет смысла проливать кровь там, где есть возможность решить проблему без лишних трупов.

К тыловым позициям, откуда работали минометы, данное утверждение не относилось.

Капитан спрыгнул в стрелковую ячейку.

— Как? — осведомился он, когда смолкла короткая очередь модернизированного «Утеса».

— Сдерживаю, — скупо отозвался Тмоян. — Больно резвые.

В этот момент БМК-2, получив от старшего лейтенанта Негоды целеуказания, бесшумно, будто призрак вырвалась из укрытия на склон высоты, открыв огонь из импульсных орудий по укреплениям, расположенным в тылу, среди скал.

На мгновенье с обеих сторон стихла стрельба. Воющий гул, с которым разряжались импульсные орудия БМК, прозвучал тоскливо и яростно, скалы на огромном участке будто подернулись дымкой, на миг застыли в шатком равновесии, а затем вдруг начали оползать, взрываться клубящимися облаками мельчайшего щебня, по отвесным стенам змеистыми сполохами метнулось зеленовато-голубое пламя, затем вдруг с ощутимым толчком сотрясения почвы начался камнепад, — вниз рушились тонны горных пород, увлекая за собой покореженную технику…

В наступившей после грохота обвала зловещей тишине вдруг исчез шумовой фон помех на несущей частоте связи. Устройства, генерировавшие помехи, по всей видимости, были уничтожены вместе с позициями снайперов и минометных батарей противника.

Логинов, не поднимаясь из укрытия, произнес, используя определенную частоту:

— Я повторяю условия сдачи: груз не трогать, сначала выбрасываете оружие, затем с поднятыми руками выходите на открытое пространство. Еще одного предупреждения не будет.

Некоторое время канал связи доносил лишь звуки сиплого дыхания, затем раздался хрипловатый, простуженный голос:

— Выйди, поговорим.

— Мне оно надо? — резонно осведомился Логинов.

— Я знаю, тебе нужен груз, а не наши жизни.
— Груз уже считай у меня.
— Выйди, поговорим, — упрямо настаивал незримый пока абонент.
— Ладно.

Логинов принял решение, поднялся на край бруствера, и одновременно из-за угловатых каменных глыб показалась рослая фигура в горном камуфляже.

* * *

Они встретились на полпути между высотой и непроходимым теперь ущельем.

Андрей не стал поднимать забрало боевого шлема, его личность, как и личности всех бойцов подразделения космического десанта — часть военной государственной тайны. А вот командир отряда боевиков, напротив вел себя открыто, уверенно.

— О чем говорить хотел? — первым произнес капитан, пристально глядя на крепко сбитого, одетого в добротный высокогорный камуфляж, мужчину славянской наружности. — Ты наши условия уже слышал.

— Есть тема, командир, — во взгляде боевика не читалось ни робости, ни испуга. — У меня три десятка контейнеров с грузом. Код активации знаю только я и мой помощник. Если мы с тобой сейчас не договоримся, он передаст его остальным, и все тридцать контейнеров будут активированы одновременно.

— Угрожаешь? — нахмурился Логинов.

— Скажем так — предупреждаю.

— А на мой взгляд, — блефуешь, тянешь время. Код активации для транспортного контейнера — неправильный термин. Код доступа — согласен. Но активации — нет. Ты, по-моему, плохо разбираешься в технических нюансах.

— Разбираюсь я нормально. Мне передан именно код активации. То есть — то, что находится внутри, при введении кода на панели контейнера, будет приведено в готовность, вернее всего — в боевую.

— А что внутри? — для очистки совести спросил Логинов, не особо надеясь на ответ.

— Не знаю. Контейнеры не сканируются, открыть их нет возможности. Только код. Но я не склонен проводить опасные эксперименты.

— Почему сразу не пошел на условия сдачи? Зачем вообще оказали сопротивление?

— Ждал, пока вы разберетесь с «группой поддержки», — усмехнулся тот.

— Выражай яснее! — потребовал капитан.

— А ты не кипятись. Мы — наемники. Доставка и сопровождение грузов. На подвиги ради мифических идей разного толка националистов или террористов, меня лично не тянет. Я взялся доставить груз, не более. Но вчера, — заметь капитан, я с тобой совершенно откровенен, — один из моих агентов вышел на связь через спутник. Предупредил, что нас приказано ликвидировать после доставки груза.

Логинов молча, не перебивая, выслушал его.

— Значит о характере груза тебе ничего неизвестно? Ну, а конечный пункт маршрута?

— Плоскогорье в двадцати километрах отсюда.

Капитан прислушался. Огонь в тылу позиций взвода стих, и больше не возобновлялся.

— Все же не понимаю, как мы с тобой можем решить возникшую проблему? — он посмотрел на наемника сквозь дымчатый бронепластик забрала.

— Я же сказал, все просто: либо мне дают уйти, вместе с людьми, разумеется, либо будет введен код активации на всех контейнерах. Повторюсь — что там я не знаю. Может быть, ядерные боезаряды, может еще что похуже, но мало не покажется никому, — это гарантирую.

Андрей мысленно прикинул все «за» и «против».

Далеко не уйдут. Горные районы теперь накроют плотной сеткой сканирования. Боевики, конечно, попытаются отсидеться в пещерах, но тут уж — работа пограничников и чистильщиков из специальных подразделений. Задача же его взвода — перехватить груз, не устраивая локальных катастроф.

— Сам я таких решений не принимаю, — ответил Логинов. — Сиди смирно, держи в узде своих людей. Чтобы больше ни единого выстрела. Сейчас разгоним магнитную пыль, свяжусь по инстанции. А пока советую надиктовать все, что тебе известно о грузе: где получил, от кого, имена, фамилии, клички, в общем все. Чем полнее информация, тем больше шансов, что тебе позволят уйти.

— Значит ты не кровожадный? — усмехнулся наемник.

— Почти угадал, — ответил Андрей. — Долго объяснять, да и бесполезно. Не поймешь. У меня другие задачи…

Он не окончил фразы: слух резанул тревожный зуммер частоты экстренной связи и тут же последовал доклад:

— Командир сканеры фиксируют девять неопознанных воздушных целей! Идентификации нет. Это… не наши! — голос Синцова, как мгновенно определил Андрей, звучал *растерянно* . — Идут снижающимся курсом, — скороговоркой продолжал докладывать Синцов, — система анализа предполагает вероятную штурмовку позиций…Поправка: еще девять объектов во второй волне!..

Логинов вскинул злой взгляд на командира наемников, но вопрос не успел сорваться с его губ. Над горными вершинами внезапно появились девять стремительно укрупняющихся точек, и вдруг прозрачные небеса озарило неистовое пламя: *плазма* — мгновенно определили датчики, но их показания запаздывали за действием, спрессованным в несколько секунд: потоки ионизированного газа накрыли площадь в десятки квадратных километров…

Чудовищный, внезапный удар обрушился на ограниченное пространство долины.

Мертвенный свет, будто жидкий огонь, разлился меж скалами…

Не смотря на защиту и вес брони, Андрея ураганным порывом ветра оторвало от пылающей земли, он успел заметить лишь страшную картину: только что разговаривавший с ним командир наемников *горел*, неистовый порыв всесжигающего *солнечного ветра* в буквальном смысле сдул плоть с его костей, развеяв над дымящейся землей горсть праха, секунду назад бывшую человеком…

Девять неопознанных аппаратов, по своим габаритам схожие со штурмовыми модулями, начали набирать высоту, выходя из конуса атаки, но Логинов уже не видел их. От удара о скалы он потерял сознание, однако беспамятство длилось лишь несколько мгновений, потребовавшихся боевой системе метаболической коррекции на совершение необходимых действий.

Совершив рефлекторное движение, Андрей рывком поднялся на колено, — сервоусилители мускулатуры отчетливо взвыли, приводя в движение два центнера брони, вокруг с оглушительным грохотом взрывались мгновенно нагревшиеся скалы, убийственный шрапнельный разлет дымящихся каменных обломков, казалось, не оставлял шансов выжить, мир за несколько секунд изменился до полной, абсолютной неузнаваемости, и лишь бесстрастные системы боевого сканирования гнали на проекционное забрало гермошлема потоки данных.

Сопроцессоры подсистемы анализа и распознавания целей успели за краткий отрезок времени обработать поступающие от сканеров данные, сравнить их с имеющимися базами данных, и сформулировать строки

отчета, вонзающиеся в рассудок, будто пылающие, раскаленные иглы:

Цели не идентифицированы.

Вероятность принадлежности атакующих объектов к двум различным внеземным цивилизациям — 99 процентов.

ЧУЖИЕ…

Мысль на миг затмила сознание, но очередной близкий разрыв, вернул Логинова в реальность.

Черно-оранжевый сгусток выметнуло в небеса, и тут же по натянутым как струна нервам полоснула категоричная, не оставляющая надежды на ошибку мысль:

Посадочный модуль!

Горящие обломки ДШМ падали вокруг, поджигая кустарник.

Инопланетные аппараты натужно набирали высоту, сотрясая скалы ревом планетарных двигателей, а вслед им стремительно снижались размытые на чудовищных скоростях контуры второй атакующей волны, в которой, по показаниям датчиков, шли изящные, обтекаемые аэрокосмические истребители.

Доля секунды и веера лазерных лучей хлестнули в двух плоскостях: первый залп полоснул по позициям взвода, и нагромождению скал, где тщетно пытались укрыться выжившие наемники, а второй…

Второй настиг карабкающиеся в небеса модули неизвестной космической расы, мгновенно превратив в пылающие распадающиеся факелы три из них.

* * *

Психология контакта, — какой она будет?

Ответ на вопрос искали многие. Но не нашел никто.

Даже такое простое утверждение: «за кем правда, — тот и сильнее», мгновенно утратило смысл, ибо между участниками внезапных событий не существовало ни единой точки соприкосновения, у каждого — своя система моральных ценностей, непостижимая и вероятно — неприемлемая для другой стороны.

Зато мгновенья спрессованного рева, пока инопланетные аэрокосмические истребители пикировали на позиции взвода, открыли иную, невозможную еще секунду назад общность: люди, оказавшиеся под ураганным огнем, мгновенно смешались, те, кто шел навстречу друг другу с намерением убивать и победить, сейчас оказались по одну сторону баррикад.

Взгляд Логинова, еще мутный от секундной потери сознания,

прихотливо выхватывал стоп-кадры происходящего: рушились скалы, земля *кипела* от сжигающих ее энергий, в вихрящемся водовороте событий мелькали фигуры и лица, вот боец взвода, облаченный в энергостойкую броню, рывком подмял под себя боевика, на мгновенье прикрыв его от залпа, а спустя секунду наемник, вывернувшись из-под встающего на колено десантника, рванул из-за спины тубус ручного зенитного комплекса, посылая короткий огненный росчерк ракеты в выходящий из пике аэрокосмический истребитель чуждой космической расы.

Небеса брызнули осколками.

Грохот взрыва глох в раскатистых, трескучих ударах: перегретые плазмой скалы лопались, по ним пробегали исполинские трещины, огромные угловатые глыбы камня отламывались от стен ущелья, падая вниз, радио и лазерная связь не работали, дым мгновенно окутал возвышенность, из ущелья клубами выталкивало едкую пыль, перемешанную с сажей.

Логинов рванулся к БМК, но автоматика планетарных машин опередила своими действиями командира десантной группы. От двух капониров, перекрывая грохот обвалов и раскатистый треск лопающихся скал, туго и мощно ударили импульсные орудия, дым от сгоревшей под плазменными ударами почвы вдруг начал закручиваться двумя воронками, а секунду спустя его разметало, порвало ураганными порывами ветра, разнося длинными нитями пепельного марева.

Андрей скатился в воронку, вскочил на ноги, мгновенно оценивая обстановку по данным тактического монитора проекционного забрала гермошлема.

Над горящими позициями, словно две стаи хищных птиц, кружили пятнадцать машин, теперь уже четко разделенные системой опознания целей: одного взгляда на сигнатуры аэрокосмических аппаратов было достаточно, чтобы понять — *они разные*. Разные, до полной чуждости друг другу. Одни вытянутые, обтекаемые, с четкой аэродинамикой корпусов, другие более крупные, массивные, удерживаемые в воздухе не турбореакторами, а двигателями планетарной тяги…

Две расы?

Да именно так, вслед за системой распознавания целей, воспринял Логинов кричащую разницу в строении летательных аппаратов. Осмысливать увиденное не оставалось времени, но подсознание, интуиция, толкали рассудок к очевидному выводу, если б машины принадлежали одной цивилизации, то в их строении, и, особенно в картах распределения энергий, считанных сканерами, прослеживались бы четко выраженные

повторяющиеся элементы, *типичные* технологические решения, но система анализа выдавала «ноль» в ответ на автоматически сформулированный запрос по «технологической идентичности».

Связь не работала.

…Он рывком выбрался из воронки, короткой перебежкой, под секущим лазерным огнем, взрезающим обугленную почву вишнево-красными, разбрызгивающими расплав породы рубцами, достиг оплывшего края капонира, и, наконец, увидел БМК.

Покатая башня боевой машины космодесанта вращалась рывками, замирая на доли секунд, чтобы послать в небеса короткую очередь из импульсных орудий, и снова — в круговое движение, доворачивая на цель, и так по кругу, по всем секторам обстрела верхней полусферы…

От адского грохота и ударных волн, возникающих при интенсивной стрельбе снарядами тридцатого калибра, разгоняющихся в импульсных ускорителях, спасал исключительно гермошлем да автоматическая система фильтрации, над капониром метались радужные сполохи, родственные северному сиянию, — это работал электромагнитный щит БМК, отклоняя потоки заряженных частиц, превращая плазменные сгустки в размытые пятна неопределенной метаморфической формы…

Звено тяжелых модулей противника вынырнуло из рваной завесы дыма, машины шли в режиме штурмовки наземных целей, их плазмогенераторы видимо перезаряжались, либо вовсе «выдохлись», исчерпав запас отведенной им энергии, — по целям в данный момент били лазерные установки, — с оглушительным грохотом в оранжевом сгустке пламени исчез один из оружейных контейнеров, перевозимых караваном, вьючные животные с опаленными до мяса шкурами, безумно рвались в разные стороны, тщетно пытаясь спастись от обрушившегося с небес всепожирающего буйства энергий, выжившие после плазменных ударов боевики, рассеявшись по укрытиям меж дымящихся, хаотично громоздящихся у устья ущелья каменных глыб, вели ответный огонь, без особого успеха, конечно.

Только позиции свои демаскируют. — Шарахнулась в рассудке капитана злая мысль, и как будто в ее подтверждение три машины, отработав по мечущимся среди дыма вьючным животным, резко, без видимых эффектов притормозили полет, перенося огонь на дымящиеся каменные глыбы за которыми укрывались наемники.

Над головой Андрея, стартовав с поднявшихся изнутри БМК пилонов, рванули ракеты, две из них превратили в извергающийся огненный сгусток головной модуль, остальные были сбиты мгновенным лазерным

противодействием, но разлетающиеся в разные стороны обломки ведущей машины довершили начатое — оба уцелевших под ракетным обстрелом инопланетных аппарата, получив серьезные повреждения, потеряли стабилизацию: один с резким креном вправо ушел к земле, второй круто начал забирать вверх, где его неожиданно добил вырвавшийся из-за дымовой завесы аэрокосмический истребитель.

Они уничтожали друг друга, одновременно расстреливая наземные цели!

Все — от рывка Логинова к капониру до гибели звена штурмовых модулей заняло не более десяти-пятнадцати секунд, за это время проворный человек не сделает и нескольких шагов, но динамика современного боя не предполагала замешательств или промедлений. Если ты остановился — значит погиб.

Связь. Единственное, что требовалось сейчас Андрею.

По многим признакам он воспринимал общую ритмику боя, отдавая себе отчет в том, что его подразделение живо и оказывает сопротивление, со стороны контрабандистов помощи ждать не приходилось, они сейчас служили лишь отвлекающим фактором, но сознание Логинова уже отвело жирную четкую черту — какие-никакие — они люди, которых он теперь обязан спасать, наравне с бойцами взвода.

БМК, подчиняясь приказу, полученному от капитана по каналу лазерной связи, заработавшему на дистанции прямой видимости, резко ушла с позиции, продолжая с ужасающей скоростью расходовать боекомплект.

Броня планетарной машины светилась алыми и вишневыми рубцами от множественных лазерных попаданий, но держалась: все внутренние механизмы и подсистемы работали без сбоев, одно скверно — боекомплект не резиновый…

Продержаться. Немного. Минут пять… семь…

Не будут же наши на орбите сидеть сложа руки.

Логинов занял позицию за несколько мгновений до того, как БМК отстрелила контейнеры со спреем.

Дымопылевая завеса, густо укутавшая район боя, вдруг начала стремительно таять.

Он рисковал. Очень рисковал, намеренно уничтожая единственную помеху для лазерных установок противника, но связь была нужна как воздух, да и противники (а в этом Андрей уже не сомневался) пусть увидят друг друга, — кто знает, насколько хороши их бортовые сканеры?

Он жертвовал обоими БМК, спасая людей. Дорогостоящие боевые

машины уже фактически израсходовали боекомплект, их импульсные орудия отработали, что называется «на износ», запас ракет иссяк, и сейчас они выполняли скорее функцию приманки, отвлекая на себя истребители, и позволяя бойцам подразделения определить позиции, прояснить текущую обстановку, установить связь.

А обстановка складывалась не из легких.

Массивные корабли, дожигая и без того обугленную почву огнем планетарных двигателей, совершали маневр посадки, два уже твердо стояли на выпущенных опорах, высаживая десант, — вовремя, ох как вовремя был убран дым: существа, шокирующие своим видом, церемониться не собирались, — Андрей отчетливо видел, как срезали из ручного лазера попытавшегося огрызнуться из автомата контрабандиста, и, заметив, наконец, изумрудный сигнал, свидетельствующий, что связь установлена, отдал приказ:

— Всем: огонь на поражение!

Он понимал, что бойцы взвода, не смотря на только что отбушевавший энергетический ад, все же скованы многими параграфами уставов, да, они будут защищаться, но станут делать это с оглядкой на последствия, уж так их обучали, не позволяя бездумно жать на сенсор огня.

Получив приказ командира, они сбросили тяжкую ношу ответственности за проваленный контакт, за все свои действия, — Логинов брал все на себя, не испытывая сейчас ни грамма сомнений в правильности принятого решения.

Сделают его героем, или банально распнут, в угоду «общественному мнению» — еще дожить надо.

В следующий миг бой взъярился с новой силой.

Силы противника поредели за истекшие с начала атаки минуты. Половина истребителей оказалась сбита ураганным огнем БМК, уцелевшие же ринулись в атаку на севшие или еще садившиеся модули.

Короткая передышка позволяла бойцам взвода передислоцироваться, окончательно просчитать обстановку, подготовиться к отражению следующей атаки.

Схватка между «братьями по разуму» была скоротечна и немилосердна.

Шквал лазерных разрядов фактически выкосил десант, четыре тяжело бронированные, массивные машины не выдержали бесноватой атаки истребителей, взрываясь, превращаясь в ослепительные сгустки жидкого пламени, остальные прекратили снижение, отвечая залпами перезарядившихся плазмогенераторов, и в небе вновь вспухли

нестерпимые для глаза разрывы, когда ионизированный газ сталкивался с броней, сжигая обшивку истребителей…

Расчет Логинова оказался верным, они действительно вцепились друг в друга, значительно упростив задачу его взвода.

— Отделение Сапова, к оружейным кофрам! Обеспечить охранение! Синцов, прикрываешь выживших людей! Остальные ко мне!

План Андрея удался в полной мере: спустя минуту последний аэрокосмический истребитель, объятый пламенем, врезался в скалы, разлетаясь обломками в оранжево-черном разрыве.

Два модуля неизвестной космической расы все же сумели завершить изначальный маневр, высадив еще одну волну десанта меж пылающих обломков сбитых машин.

Обе БМК к этому моменту уже вышли из боя — они застыли, располосованные лазерными разрядами, их броня все же не выстояла — изнутри боевых машин космодесанта сочился едкий дым…

…Существа, ринувшиеся в атаку со стороны совершивших посадку модулей, действительно были страшны: внешне они походили на ожившие скелеты фантастических животных, либо на эндоостовы сервомеханизмов. Было непонятно, действительно ли они обладают эзоскелетом,[14] или внешние формы лишь механическая оболочка, нечто схожее с боевой броней?

Нет, это оказалась не броня, по крайней мере — не искусственная оболочка. Низкорослые существа, резво, грамотно перемещающиеся от укрытия к укрытию, падали, как подкошенные там, где их встречали прицельными очередями из автоматического оружия, под разлетающимися от ударов пуль ошметьями материала, похожего на природный хитин, на поверку оказалась плоть…

Логинов, мгновенно оценив ситуацию, отдал приказ:

— В укрытия. Огонь прекратить. Будем брать живыми!

Не вышло.

Как только сформированная Андреем группа захвата попыталась сблизиться с отступившими под защиту модулей существами, произошло непредвиденное: два уцелевших в бесноватой схватке корабля внезапно взорвались, сметая остатки десанта.

— Проклятье! — Логинов остановился, едва удержавшись на ногах от удара несущей пламя взрывной волны. — Самоликвидировались….

Глава 2

Земля. Подмосковье. 25 июня 2073 года.

Один из кабинетов генерала Юранова, куда следующим утром вызвали Андрея, располагался глубоко под землей в бункерной зоне, не отмеченного ни на одной карте подмосковного поселка Гагачий.

Многое изменилось здесь с тех пор, как капитан Логинов в последний раз общался с Юрановым. Сейчас кабинет генерала напоминал не то склад, не то временно арендованное для выставки, но еще не оформленное помещение: вдоль стен стояли злополучные оружейные кофры, кроме того, к обстановке добавилось две «витрины» из затемненного ударостойкого пластика. Что скрывалось за тонированным материалом пока оставалось загадкой.

Логинов успел поспасть несколько часов, был гладко выбрит, одет в чистую полевую форму, будто накануне вернулся с загородной прогулки.

Николай Арсеньевич встретил его, стоя подле электронного псевдоокна, за которым в хмурой дымке знойных миражей плавились очертания сверхмегаполиса.

На взгляд человека непосвященного генерал Юранов мало походил на военного. Его манера общения скорее напоминала лекторский тон терпеливого преподавателя, главная задача которого заключается в том, чтобы непременно донести свою мысль до рассудка собеседника.

Николай Арсеньевич — вдумчивый, слишком мягкий для военного, называющий подчиненных по именам, зачастую вводил в заблуждение новичков, но Логинов уже давно не обманывался: работая в контакте с генералом не первый год, он прекрасно знал и иного Юранова — жесткого, требовательного, порой даже беспощадного.

— Заходи, Андрей.

Николай Арсеньевич обернулся, сделал шаг навстречу вошедшему. Осунувшееся лицо, усталый взгляд покрасневших глаз говорили в пользу бессонной ночи.

— Как ребята? — участливо, без фальши осведомился он, обменявшись крепким рукопожатием с Логиновым.

— Четверо в госпитале. Остальные по моему приказу получили сутки на отдых, — ответил капитан, и тут же, не желая выслушивать полуправды, спросил: — Во что мы вляпались, Николай Арсеньевич?

Генерал ответил не сразу. Вернувшись к своему столу, он сел в глубокое, старомодное (по современным стандартам) кожаное кресло с высокой нерегулируемой спинкой, и, жестом пригласив Логинова занять место напротив, произнес:

— Нам с тобой разговор предстоит долгий… надеюсь. Так что обо все по порядку, ладно?

Логинов лишь согласно кивнул в ответ. «Разбор полетов» действительно обещал быть тяжелым. Значение произошедшего накануне события трудно переоценить.

— Не вижу, Андрюша, энтузиазма во взгляде.

Юранов помял в пальцах сигарету, понюхал ее, но прикуривать не стал, положил на стол рядом с чистой пепельницей.

Капитан промолчал. Какой энтузиазм? Несколько часов сна сняли свинцовую усталость, но фрагменты боя по-прежнему стыли в истерзанном рассудке.

— Оправдываться не стану, Николай Арсеньевич, — произнес он, исподлобья глядя на Юранова.

— Ты о чем?

— О вчерашней операции. Вам знакомо ощущение, как будто ты вдруг оказался в стороне, вне событий, словно статист?

— Ощущение знакомое, но вот так оценивать собственные действия не нужно. Появление инопланетных кораблей явилось полной неожиданностью, даже для нас. Аналитический отдел штаба ВКС всю ночь корпел над записями телеметрии, обломками, фрагментами.

— И каков вывод? — Логинов прекрасно понимал, что его действия, начиная с определенного момента, шли в разрез с полученным приказом.

— Ты правильно просчитал ситуацию, понял, что они — по разную сторону баррикад. Применение спрея для снятия дымопылевой завесы, по сути, предрешило исход схватки. Сканеры у инопланетных кораблей, по данным технической экспертизы, действительно слабоваты, а так — увидели друг друга, отвлеклись от атаки наземных целей. — Юранов пытливо посмотрел на Логинова. Знакомый, пробирающий холодком взгляд. — Одно правильное решение, Андрюша, в нашем деле гораздо важнее бесполезной в данном случае беготни с автоматом. И БМК ты вывел вовремя. На их счету пять сбитых аэрокосмических истребителей, что так же предрешило исход боя. Ребята целы, караван остановлен, груз взяли.

Логинов промолчал. Юранов, по его мнению, не произнес главного.

— Поправьте меня, Николай Арсеньевич, но, по-моему, вчера было совершено нападение на Землю?

Генерал понимающе кивнул, машинально постукивая пальцами по золоченому портсигару с дарственной надписью.

— Прежде чем говорить на эту тему, предлагаю выработать систему координат, ключевых понятий, на которые будем опираться, давая определение событиям, — предложил он. — Во-первых, Земля — не центр Вселенной, как тебе должно быть понятно. Во-вторых, мы, — я имею в виду Человечество, — все еще не представляем *единой цивилизации* . Мы разобщены на государства и нации, ставящие собственные интересы выше интересов общечеловеческих.

— Я согласен, — ответил Логинов. — Но мне казалось, что любая агрессия *извне* будет расценена, как агрессия против всего Человечества. Ведь вы не станете отрицать: мое подразделение столкнулось с представителями двух различных инопланетных рас, это несложно было определить как по различиям в технике, так и при самом беглом, поверхностном осмотре останков пилотов…

— Ты рассуждаешь правильно, но опираешься не на все известные факты, — прервал Андрея Николай Арсеньевич. — Я готов ответить на любые вопросы, восполнить имеющиеся у тебя информационные пробелы, но прежде мне необходимо знать: как далеко ты готов зайти? Это важно, Андрюша, — с неожиданными, теплыми и одновременно зловещими нотками в голосе завершил он свою мысль.

— Дальше фронта ведь не пошлете, — Логинову стало немного не по себе и от заданного вопроса, и от своего, отдающего киношной штамповкой, ответа.

— Фронта как такового пока нет, — не поддержал его тона генерал. — Но события развиваются стремительно, и совершенно неизвестно, как обернется ситуация в ближайшие месяцы или даже дни. Поэтому из кабинета ты выйдешь либо через пару минут, пребывая в святом неведении грядущего… либо чуть позже, с полным знанием оперативной обстановки и своей задачи, но уже без вариантов относительно собственной судьбы и дальнейших действий.

Конечно, Андрей готовился к нелегкому разговору, но такого оборота не ожидал. Юранов, похоже, не ставил под сомнение действия взвода, не собирался устраивать разбирательств по поводу «жесткого» контакта с «братьями по разуму», а принимал ситуацию, как есть, и даже более того: видел ее развитие, подводя под вчерашний бой формулировки устава ВКС, гласящие о вынужденной самообороне.

Видимо прочитав ход его мыслей по едва уловимым изменениям мимики, Юранов подлил масла в огонь:

— Совсем нет времени, Андрюша. Решай. За вчерашний бой тебя не наградят, но и не осудят.

— Дело касается только меня?

— Нет. С ребятами из взвода сейчас беседуют мои сотрудники. Действовать в одиночку тебе не придется.

Речь идет об автономном задании, — мгновенно сообразил Логинов.

Не желая повторять штампованных, затасканных фраз, он просто ответил:

— Да.

— Ну, вот и славно, — доверительный тон Юранова вновь показался Андрею *ледяным* . — Тогда располагайся поудобнее. Позавтракать успел?

Логинов кивнул.

— В таком случае возвращаемся в нашу систему координат. Допрос выживших контрабандистов, анализ техники, и еще десяток различных экспертиз показывают следующую картину: одна из транснациональных корпораций «за спиной» остального человечества вступила в тайный сговор с некоей внешней силой, представляющей интересы пока что остающейся в тени космической расы.

— Насколько я понимаю, речь идет об экспорте наших технологий?

— Правильно понимаешь. Что тебе известно в области разработки автоматизированных боевых комплексов? — вопросом на вопрос ответил Юранов.

— Целая отрасль, — неопределенно пожал плечами Логинов. — Разработки в данном направлении ведутся с конца двадцатого века. Однако большая часть проектов осталась «под сукном». Международная конвенция 2041 года запрещает создание, а уж тем более — практическое применение роботизированных комплексов с элементами искусственного интеллекта, а так же кибернетических механизмов, работающих в режиме «абсолютный автомат», то есть неподконтрольных человеку.

— Достаточно, — мягко перебил его генерал. — Мы живем в подлом и жестоком мире, Андрей. Как ты сам прекрасно понимаешь за пол века активных разработок, учитывая взрывообразное развитие нанотехнологий, произошедшее в начале двадцать первого века, а так же неприсоединение некоторых стран, — ты их прекрасно знаешь, — к международным конвенциям, ограничивающим робототехнические вооружения, рано или поздно рецидив был неизбежен.

Генерал сделал несколько переключений на пульте дистанционного управления и крышки транспортных контейнеров, установленных у стены, начали подниматься с ноющим звуком сервомоторов. Внутри в мягких,

выполненных по форме деталей выемках покоились различные узлы и агрегаты, оснащенные компактными приводами.

С виду — ничего необычного. Стандартизированные узлы, из которых при желании можно собрать до десятка кибернетических механизмов различного типа и предназначения… за исключением специализированных креплений, на которые, по определению, могло устанавливаться только оружие.

Комментарии тут казались излишними, но Юранов еще более усугубил произведенное впечатление, сняв, тонировку с пуленепробиваемых витрин.

За прочным прозрачным материалом на специальных постаментах возвышались собранные сервомеханизмы, вооруженные ИПК.

Андрей, прежде чем высказать свое мнение, внимательно осмотрел конструкцию.

— Собрано из комплектующих, что перевозил караван?

— Да, — кивнул Юранов. — Управление внешней разведки, оказывается, на протяжении нескольких месяцев отслеживало каналы поставок. К нам обратились в последний момент, когда стало ясно, что назревает передача груза и состоится она в труднодоступной горной местности, куда мог осуществить высадку только космический десант.

— Кто решился на явную конфронтацию с мировым сообществом? — спросил Андрей, продолжая изучать один из собранных сервомеханизмов.

— Тот, кто мнит себя умнее, сильнее и могущественнее других, — ушел от прямого ответа Юранов. — Сейчас не столь важно название государства или транснациональной корпорации, нарушивших запреты. К сожалению, тут замешаны, прежде всего, человеческие глупость, алчность и самонадеянность. Ты ведь понимаешь, что речь идет о продукции «двойного предназначения»?

— Естественно, — кивнул Логинов.

— Так вот, использован следующий прием: множество предприятий, разбросанных по всему миру, производят среди прочих изделий, узлы боевых сервомеханизмов. Стандартизация многих агрегатов привела к тому, что из безобидных на первый взгляд деталей стало возможным собрать боевую машину. По данным разведывательного управления ситуация дошла до грани абсурда. Зная точный перечень необходимых комплектующих их может, не вызывая никакого подозрения, заказать кто угодно.

— Не вижу смысла в таких поставках, — Логинов обернулся. — В схеме боевых машин нет главного компонента — источника автономного

питания.

— Да, но есть слот для его крепления и подключения. Технический отдел произвел экспертизу и дал заключение — источник питания весит не более пяти килограммов, имеет габариты двадцать на тридцать сантиметров, гнездо подключения нестандартное.

— Такого накопителя энергии не существует.

— У нас, среди суммы реальных человеческих технологий не существует, согласен. Но мы не знаем, какими технологиями располагают иные расы.

— Подразумевается что заказчики — наши «братья по разуму»?

— Допрос пленных из числа выживших контрабандистов показал, что ни один из них не имеет даже приблизительного представления о заказчике груза. Они всего лишь транспортировали кофры в определенное место, где должны были складировать их и замаскировать.

— Нас атаковали представители двух космических рас. Между собой они так же вели бой, — размышляя вслух, произнес Логинов. — Это означает, что кто-то из них прилетал за грузом, а другая сторона пыталась сорвать поставку сервомеханизмов нашего, земного производства?

— Анализ обломков аэрокосмических машин показал, что ни одна из сторон не могла взять груз на борт, — дополнил Юранов. — Либо существует третья сила, являющаяся реальным заказчиком, либо транспортный корабль, попросту не вышел в зону боестолкновения, что, на мой взгляд, более правдоподобно.

Логинов нахмурился.

Понятно, что со вчерашнего дня положение серьезно осложнилось. Если до последнего времени люди имели дело исключительно с Эшрангами, не демонстрирующими явно агрессивных намерений, то теперь на сцену внезапно вышли представители двух, агрессивно настроенных цивилизаций.

— Положение расценивается как критическое, — подтвердил его мысли Юранов. — Мы поставлены перед фактом: Солнечная система и колония Новой Земли находятся в зоне столкновения интересов как минимум трех цивилизаций. Фактически мы в кольце, нас пытаются использовать в своих целях, прекрасно понимая, что человечество раздроблено на государства и нации, чем не преминули воспользоваться заказчики боевой техники. Сейчас идет расследование всех обстоятельств вчерашнего инцидента, но боюсь, что оно уже не поспевает за событиями.

Логинов задумался.

— Земля в окружении иных цивилизаций. Ну, пусть не в буквальном

«окружении», но, по крайней мере, в зоне пересекающихся интересов «братьев по разуму». До вчерашнего дня Эшранги оставались единственной космической расой, с кем мы столкнулись на просторах космоса, — тяжело размышлял он. — Но теперь события принимают иной оборот.

Подтверждая его мысли, генерал, прохаживаясь по кабинету, продолжил:

— Ситуация усложнилась настолько, что мы — Россия в частности — уже не можем позволить себе действовать в одиночку, либо замалчивать факты. Риск слишком велик.

— Риск чего?

— Передачи «братьям по разуму» иных, более существенных технологий.

— Есть еще что-то? — не сразу ухватил мысль генерала Логинов.

— Да. Ты прекрасно знаешь, что пять лет назад нами рассекречен факт наличия у России внепространственного привода. Пока что на его основе создано девять машин класса «аэрокосмический истребитель». Более мощный гиперпривод установлен на крейсере «Варяг». В ходе испытаний эскадрилья «Витязей» совершила прыжок на координаты Новой Земли в автоматическом режиме. Сегодня нами получено сообщение, что в околопланетном пространстве колонии зафиксировано прохождение крупного космического корабля неизвестной нам цивилизации.

— Именно «неизвестной»? — уточнил Андрей.

— Есть мнение, что корабль принадлежит Эшрангам, более того — существует реальная угроза захвата самих машин. Надо полагать, что ходовые испытания эскадрильи «Витязей» вызвало шок в среде «братьев по разуму».

— Разве они не пользуются подобной технологией?

— В том-то и дело, что нет. Их корабли, как мы смогли убедиться, исследуя обломки истребителей, не оснащены собственным гипердрайвом. Сейчас за орбиту Плутона высланы разведывательные аппараты, и я более чем уверен, что они обнаружат в непосредственной близости к границам Солнечной системы приемопередающее устройство стационарного гиперпространственного тоннеля.

— То есть мы совершили технический прорыв, создав мобильный генератор, способный создавать аномалию пространства?

— Выходит так, Андрюша. Учитывая события последних суток, шансы у человечества невелики. Мы не успеем объединиться, отбросить вековые распри, организовать серийное производство боевой космической

техники. Земля и первая колония человечества на сегодняшний момент беззащитны. Нужно смотреть правде в глаза. Мобильный гиперпривод даст любой космической расе неоспоримое преимущество перед другими цивилизациями. Желание или даже жизненная необходимость обладания подобным устройством способно пересилить и здравый смысл, и любые этические нормы. Нас сомнут, Андрюша.

— Нельзя так говорить! — внезапно вспылил Логинов.

— Нужно смотреть правде в глаза. Мы не готовы к столкновению с иными расами, — устало ответил Юранов. — Есть лишь один способ избежать конфликта: уничтожить все действующие образцы гиперпривода, и всю информацию об его устройстве.

— Это не выход. Полумера. То, что создано одним человеком, неизбежно сможет повторить другой. Действительно — нельзя строить иллюзий. Цивилизация раздроблена и нет никаких гарантий, что тот же Китай не станет сотрудничать и иными расами, воссоздав технологию под определенные гарантии для своей нации.

— Если не война в космосе, то мировая война на Земле. В курс событий поставлены правительства всех мировых держав. Любая попытка одностороннего сотрудничества с представителями иной цивилизации будет пресекаться самым жестким образом.

У Андрея, не смотря на его опыт и самообладание, голова шла кругом.

— Выход есть?

— «Варяг» в ближайшие сутки совершит прыжок на координаты Новой Земли для эвакуации населения колонии. После завершения операции, когда крейсер вновь окажется на орбите Земли, гиперпривод корабля будет демонтирован, вся документация уничтожена.

— А что с «Витязями»?

— Их судьба вверяется твоей группе, — неожиданно произнес Юранов.

Андрей недоуменно посмотрел на генерала — уж не бредит ли?

— Мы не пилоты, Николай Арсеньевич.

— Знаю. Но вы ими станете, в течение суток.

— Но как?! — вырвалось у Логинова.

— Сейчас объясню. Слушай внимательно… хотя нет, сначала скажи, что тебе известно по проекту «Первопроходец»? — внезапно, будто нанося неожиданный удар, спросил Николай Арсеньевич.

Андрею не пришлось напрягать память. В военно-космические силы он пришел осознанно, и историю покорения космоса знал на «отлично», более того: подростком он бредил романтикой Внеземелья, а старт

«Первопроходца» пришелся как раз на его пятнадцатилетие.

— Межзвездный научно-исследовательский автоматический корабль «Первопроходец» спроектирован и построен Российским Агентством по Освоению Дальнего Космоса. Стартовал из Солнечной системы два десятилетия назад, — ответил он, как будто находился в аудитории академии астронавтики. — Цель полета — доказать возможность достижения удаленных звездных систем, двигаясь с околосветовыми скоростями. На борту, кроме научной аппаратуры, размещено несколько испытательных криогенных камер с биологическим материалом. Проект осуществлялся в условиях, когда США и Китай стремительно развивали свои программы строительства боевых космических кораблей, в том числе крейсеров класса «Гарри Трумэн» и «Цен Дао». По плану полета «Первопроходец» достигнет указанной звездной системы, произведет исследования планет, и отправит на Землю подробный отчет. В случае обнаружения планеты, пригодной для жизни, кибернетический мозг корабля самостоятельно приступит к терраформированию ограниченного участка поверхности, с целью строительства защищенного от воздействия чуждой биосферы первичного поселения, ориентированного, как место проживания будущих колонистов.

Юранов, внимательно слушавший капитана, неожиданно прервал его вопросом:

— Как, по-твоему, Андрюша, за двадцать лет корабль достиг намеченной цели?

— Не могу ответить, — признал Логинов. — Мне неизвестен коэффициент замедления времени, зависящий от скорости движения корабля.

— Три с половиной. Грубо, конечно.

— В таком случае «Первопроходец» еще движется в глубоком космосе.

Юранов кивнул.

— Да, все расчеты подтверждают твой вывод. А теперь о главном: подумай, почему в период, когда США и Китай строили космические крейсера, способные одним своим присутствием на Земной орбите полностью нарушить сложившийся в мире геополитический баланс сил, мы, я имею в виду Россию, сочли необходимым организацию дорогостоящей и весьма спорной в плане практической отдачи экспедиции к удаленной звездной системе?

Логинов, внимательно выслушав Юранова, не удивился ни вопросу, ни явной экзаменовке, которой сейчас подвергал его Николай Арсеньевич.

Офицер ВКС тем и отличался от представителей иных родов войск, что его подготовка, склад мышления не предполагали узости боевых задач. В академии их учили мыслить глобально, логично, но не упускать при этом так называемых «мелочей». Схватывать общую обстановку, выделяя на ее фоне частности, способные повлиять на целое, предопределить ход развития событий, умение принимать решение не только в рамках текущей задачи, но и из расчета вероятных последствий — вот *минимальные* критерии, по которым происходил постоянный отбор и отсев слушателей академии.

— Решение по проекту «Первопроходец» было принято до момента первого контакта с представителями цивилизации Эшрангов, — начал развивать Андрей свою мысль. — В тот период на Земле полностью проявил себя кризис, связанный с оскудением естественных ресурсов планеты. Это мотивировало освоение Луны, исследования Марса, пояса астероидов, и строительство колонии на спутнике Юпитера — Ганимеде.

Ассиметричный ответ России на зреющее в космосе противостояние Соединенных Штатов и Китая, был выражен в постановке на боевое дежурство новейших ракетных комплексов «Искандер-2000» способных не только перехватывать боезаряды в зоне низких околопланетных орбит, но и атаковать крупные единицы космического флота в случае агрессивных действий со стороны вероятного противника. Таким образом, театр предполагаемых боевых действий в космосе был перемещен в район орбиты Марса и пояса астероидов, где шла активная разработка полезных ископаемых. В тоже время, не вызывает сомнения факт бесперспективности «внутрисистемного» развития цивилизации, особенно в условиях, когда объединения человечества не произошло, и освоение пространства Солнечной системы по-прежнему ведется в режиме «гонки» между наиболее развитыми мировыми державами. В данном контексте проект «Первопроходец» получает исключительную важность: в случае успеха мы получаем не только опыт межзвездных перелетов, но и готовый плацдарм для заселения потенциальной колонии. Полагаю что проект «Первопроходец», рассчитанный на перспективное освоение космоса, в ближайшем будущем позволит России избежать участия в новой мировой войне, а в случае развития крайне нежелательного варианта событий, обеспечит возможность эвакуации населения нашей страны в колонию.

Юранов кивнул.

— Мыслишь правильно. А теперь слушай меня внимательно: «Первопроходец» — не автоматический корабль.

У Андрея в груди пробежал холодок.

— Да, я не оговорился. Пять сменных экипажей, плюс колониальный модуль, несущий не только генетический материал с запасами образцов флоры и фауны Земли, но и семь тысячь камер низкотемпературного сна, с колонистами. Кандидатов в пассажиры «Первопроходца» отбирали в условиях строжайшей секретности, каждый колонист проходил сложнейшую систему отбора, исключающую попадание на борт первого колониального транспорта людей случайных, либо некомпетентных.

Андрей хорошо держал информационные удары, но слова Юранова ввергли его в замешательство. Как же так? Не имея никакого опыта межзвездных перелетов, не располагая точными данными по наличию планет в системе, их предполагаемым биосферам послать *в никуда* семь тысяч человек, да еще и представляющих, по словам генерала, элиту российского общества?!

Кроме того, осуществлению озвученного генералом проекта, объективно препятствовали откровенные неудачи в области крионики.[15]

— Вижу недоумение, — Юранов сцепил пальцы рук в замок, поглядывая на капитана.

Ждет, пока выскажусь.

— Николай Арсеньевич, пилотируемый проект, по моему мнению, возможен лишь при соблюдении двух ключевых условий: наличия первичной информации относительно звездной системы, куда направился «Первопроходец» и неизвестной мне технологии, компенсирующей все неудачи в области крионики.

Генерал остался доволен заданными вопросами, хотя в его настроении все же преобладала мрачная предопределенность, основанная на некоем знании…

— Теперь слушай меня внимательно, Андрюша. Ты должен помнить о загадочных событиях в колонии Ганимеда.

— Паника, связанная с появлением мифического экзовируса, якобы обнаруженного в районе полярных станций переработки атмосферы? — отреагировал Логинов. — Насколько я знаю, — продолжил он под пытливым взглядом Юранова, — все население колонии было эвакуировано в бункерную зону, задержан прием колонистов и грузов с борта транссистемного грузопассажирского корабля «Альфа», а в околопланетном пространстве Юпитера, по непроверенным данным, в нарушение международных соглашений появился крейсер соединенных штатов «Гари Трумэн»?

— Все верно Андрюша. Только никакого экзовируса не было.

Причиной паники стал некий артефакт, обнаруженный в толще ископаемого льда. Население колонии не осведомлено об истинной подоплеке событий. Находка произошла в российском секторе освоения. О наличии артефакта стало известно при глубинном сканировании ледника, задолго до того, как объект под воздействием атмосферного процессора «вытаял» на поверхность. Времени как раз хватило, чтобы с очередным рейсом «Альфы» на Ганимед прибыла наша группа, которой, из-за утечки информации действительно пришлось действовать параллельно с десантом, высаженным с борта «Гарри Трумэна». Однако ситуация разрешилась без столкновения. Загадочный артефакт исчез… как принято считать — самоуничтожился.

— А на самом деле?

— На самом деле он исполнил свое техническое предназначение — транспортировал двух наших агентов на Землю, через канал внепространственной связи. Американцы не нашли ничего. Они до сих пор ломают голову над феноменом тех событий. Учитывая, что область приемника разового устройства внепространственной транспортировки, расположена в горных районах на территории России, нам удалось обеспечить полную секретность.

— Агенты выжили?

— Да. Более того — приборы, встроенные в их экипировку, зафиксировали пространственно-временную аномалию, и после расшифровки всех показаний многочисленных датчиков, мы в конечном итоге смогли совершить качественный прорыв — создали альтернативный внепространственный привод.

— А «Первопроходец»? Он ведь стартовал задолго до начала колонизации Новой Земли.

— По порядку, Андрюша. По порядку, — Юранов встал, и, заложив руки за спину, начал прохаживаться по кабинету. — Ты знаешь, насколько тяжела и напряженна была обстановка на Земле в тридцатые-сороковые годы двадцать первого века. После успешного овладения управляемой реакцией термоядерного синтеза мы получили возможность постройки межзвездных кораблей, достигли ближайшей звезды, основали колонию Новая Земля, но на фоне этих успехов России зрело противостояние Соединенных Штатов и Китая. Как ты теперь понимаешь, мы уже знали о существовании иных разумных рас, и вели исследования в области внепространственного привода. Старт «Первопроходца», как ты справедливо заметил, оправдан лишь при соблюдении определенных условий. По первому пункту отвечу: да мы знали, что в системе звезды есть

планета с кислородосодержащей атмосферой. Приемник устройства внепространственной транспортировки расположен в пещере. Существа, построившие его, похожи на людей, они гуманоиды. По полученным данным они посещали Землю около двухсот тысяч лет назад, проводили исследования нашей биосферы, изучали первобытных людей, и сделали вывод, о потенциальной возможности развития на Земле цивилизации. Позже пещера была превращена в место поклонения, часть информации нами почерпнута из наскальных рисунков и барельефов, среди которых обнаружен фрагмент звездной карты с точкой расположения наблюдателя на поверхности земли. Именно по фрагменту карты нам удалось идентифицировать звезду, к которой направился «Первопроходец».

— Подождите, Николай Арсеньевич… Но при чем тут тогда программа колонизации?

— Система звезды была исследована нами дистанционно. По результатам наблюдений стало очевидно наличие планет. Однако никаких следов деятельности разумной цивилизации не зафиксировано. Отсюда сделано три равновероятных вывода: либо планета, куда вел древний канал внепространственной транспортировки предназначена исключительно для первого контакта с молодой цивилизацией Земли, либо существа, ее населявшие, ушли из нашего сектора пространства, либо с их цивилизацией произошла катастрофа, иначе мы бы обязательно обнаружили следы их деятельности, хотя бы в виде упорядоченных потоков излучения.

— Насколько я понимаю, устройство внепространственной транспортировки, связывающее Землю с иной звездной системой, не работает?

— Нам не удалось его реактивировать, даже после того, как был открыт принцип формирования аномалии пространства. Это говорит о том, что приемное устройство, без которого невозможно формирование устойчивого транспортного тоннеля, не работает. Понимаешь? Еще одно косвенное доказательство, что планета необитаема, либо представители иной цивилизации по каким-то причинам деградировали за истекшие двести тысяч лет. Миссия «Первопроходца» — исследование планеты, установление всех фактов, и, в случае если планета необитаема в современности, — обустройство на ее поверхности первичного поселения.

— Кроме загадочной цивилизации гуманоидов кто-то еще посещал Землю?

— В пещере обнаружены изображения семи различных существ, несомненно, принадлежащих к разным космическим расам, — ответил

Юранов. — Среди них — два изображения, по особенностям отраженного в них анатомического строения, идентифицируют пилотов аэрокосмических истребителей, атаковавших позиции твоего взвода.

Логинов вздрогнул.

— Но раньше мы с ними не контактировал ни при каких обстоятельствах, верно?

Юранов кивнул.

— Теперь ты понимаешь, что нас окружает не одна или две, а как минимум *семь* иных цивилизаций?

Андрей хорошо умел держать информационные удары, но сейчас голова шла кругом. Все его представления о ближайшем будущем перевернулись за какие-то двадцать четыре часа.

— Николай Арсеньевич, мне все же непонятно, как мы сумеем управлять «Витязями»? — сделав усилие, Логинов вернулся к той части разговора, где остался важный, но пока безответный вопрос.

Юранов оценил его выдержку.

— А вот тут мы с тобой будем вынуждены вернуться к вопросам технического обеспечения проекта «Первопроходец». С подготовкой экспедиции связано еще одно уникальное открытие, решившее как проблему криогенного сна пассажиров, так и многие, казавшиеся ранее неразрешимыми задачи по подготовке экипажа и поддержанию его работоспособности в экстремальных условиях дальнего космоса.

Их беседу прервало появление бытового сервомеханизма, доставившего кофе.

— Извини, Андрюша, ограничимся тонизирующими напитками, — Николай Арсеньевич жестом указал на сервированный бытовым автоматом столик, подле которого стояли два удобных кресла.

Несмотря на самообладание, Юранов еще более осунулся за время разговора, нездоровый землистый цвет лица и резко обозначившиеся морщины немо свидетельствовали, что на кофе и стимуляторах он держится уже не первые сутки.

Андрей против кофе не возражал. Разговор шел не из легких, количество и новизна информации получаемой от генерала, требовали от Логинова полной самоотдачи, каждое слово, фраза испытывали на прочность его рассудок, способность быстро, логично мыслить, мгновенно ориентироваться среди новых, открывающихся по ходу беседы обстоятельств.

— Итак, о «Первопроходце», — сделав глоток кофе, Юранов все же не выдержал, открыл портсигар, прикурил сигарету. — Никак не

избавлюсь, — посетовал он. — Так вот, Андрюша, ты должен отлично помнить, как откровенная гонка технологий начала двадцать первого века дала мощный импульс в развитии многим областям науки. Ставка в те годы делалась не только на фундаментальные изыскания и открытия, но и на многие частности, вытекающие из них, на немедленное практическое применение научно-технического потенциала страны. Мы избавлялись от большинства западных технологий, программного обеспечения, создавая свои уникальные разработки. В преддверии общепланетного энергетического кризиса, который мог повлечь за собой противостояние мирового масштаба, важно было обеспечить достаточный уровень автономии нашей армии. В силу перечисленных обстоятельств многие открытия тех лет до сих пор строго засекречены.

Юранов откинулся на спинку кресла, на миг задумался, затем продолжил:

— Полная расшифровка человеческого генома, успехи в области нанотехнологий, глубокое проникновение в тайны метаболизма, качественный скачок в понимании механизмов хранения и передачи информации в нервной системе человека, позволили нашим ученым создать уникальные микромашинные комплексы, способные коренным образом изменить ход дальнейшей эволюции человека.

Юранов вновь взял секундную паузу. Чувствовалось, что генерал устал, к тому же круг его мыслей явно не ограничивался изложением капитану Логинову сверхсекретной информации.

— Когда стало ясно, что наука достигла практического результата, способного коренным образом повлиять на ход истории, встал вопрос: имеем ли мы право обнародовать открытие, и если «да», то к каким последствиям это приведет?

В конечном итоге было принято решение: разработку засекретить, испытания проводить вне Земли, где исключена, как утечка информации, так и спорадическое распространение возможных негативных эффектов. Вообще, я сейчас поясню тебе суть работы микромашинных комплексов, и ты поймешь, — их внедрение на Земле способно было попросту расколоть цивилизацию, породить еще один серьезнейших очаг мировой напряженности, ведь монополией на открытие обладала бы одна страна, автоматически превратившись в «сверхдержаву».

Юранов допил кофе и продолжил:

— Три основных типа микромашин, введенных в организмы астронавтов еще до старта колониального транспорта «Первопроходец», исполняли различные функции, образуя при взаимодействии

сверхэффективные комплексы, призванные не только помочь организму человека перенести многолетний сон, но и справиться с сотнями иных задач, круг которых неизбежно возникал в условиях иного, отличающего от Земли, мира.

Первый тип высокотехнологичных наночастиц, обращаясь в кровеносной системе астронавта, служит для сбора и передачи информации, контроля над состоянием организма, — данная группа микромашин отвечает за устойчивость локальной сети, хранение и передачу данных, воспроизводство элементарных компонентов, из которых по мере необходимости создаются новые узкоспециализированные микромашины.

Второй тип нанопылинок, исполненных на молекулярном уровне, через систему кровообращения попадает во все без исключения ткани и органы, встраиваясь в нервные волокна, что позволило без применения медикаментов усиливать ту или иную функцию метаболизма (в зависимости от условий, в которые попадет астронавт), наделяя человека способностью контролировать обмен веществ и нервные реакции, — здоровый сон без применения снотворного, повышенная активность без приема стимуляторов, обострение, либо притупление болевого порога, активация отдельных групп мышц, при необходимости не свойственного для человека усилия, более точная координация движений, повышенное внимание — все это достижимо путем несложных тренировок. Существует два варианта контроля перечисленных процессов: сознательный и подсознательный. Первый требует от человека осознанного, волевого усилия, мысленной команды, отданной самому себе. Второй вариант предполагает обязательный отклик встроенных в нервную систему микромашин на резкое, но не всегда осознанное действие — например на усилие, прилагаемое определенной группой мышц, автоматически вызывает реакцию со стороны наномашин.

Николай Арсеньевич сделал паузу, ожидая уточняющих вопросов, но Андрей молчал, пока что принимая к сведению и осмысливая поистине ошеломляющую информацию.

— Третья группа, узкоспециализированная, и весьма специфичная, — продолжил генерал Юранов, — отвечает за мысленную связь человека с кибернетическими устройствами, за усиление остроты восприятия, концентрацию внимания, а так же за формирование «аппаратных средств», необходимых для появления у астронавта некоторых, не свойственных для человека способностей. Данные функции активизируются только при осознанном, волевом усилии. Характерным примером может служить

коррекция зрения и слуха, расширение за счет колоний микромашин спектра восприятия звуковых и световых волн.

Таким образом, микромашины, не изменяя организм человека, многократно повышают шансы астронавтов не только перенести годы низкотемпературного сна, но и выжить в непредсказуемых условиях биосферы чуждой планеты, они диагностируют любые отклонения метаболизма, не допускают развития болезней, создают в сознании астронавта комфортную, легкую для управления и доступа к данным информационно-командную среду, в десятки, если не сотни раз повышая эффективность человеческого рассудка, при принятии и реализации молниеносных решений.

Сразу замечу, Андрюша, что наличие комплексов наночастиц, первоначально никак не сказывается на психике человека: ни одна система микромашин не имеет полномочий нивелировать эмоциональные реакции. Астронавт, либо колонист может прожить долгую жизнь, ни разу не обратившись к новым возможностям своего организма. Набор автоматизированных функций позволяет наночастицам поддерживать здоровье «хозяина» в заданных параметрах, вовремя диагностировать и бороться с заболеваниями, нейтрализовывать негативные последствия повышенных физических нагрузок, но для того, чтобы заработали несвойственные для человека способности, требуется явная, осмысленная команда рассудка.

Главной особенностью комплексов микромашин, безусловно, является их высочайшая автономия, и принцип невмешательства в высшую нервную деятельность человека. Еще одно уникальное свойство наночастиц: передача по наследству материнских микромашин ребенку.

Не имея возможности точно предсказать условия, в которых колонистам придется бороться за выживание, наши ученые из научно-исследовательских центров «Энергии», создали уникальную, не имеющую мировых аналогов разработку, — принимая решение мы вполне отдавали себе отчет, что экипаж «Первопроходца» станет очагом новой цивилизации, а дети, родившиеся в колонии, — первым поколением людей, способным выжить в условиях различных биосфер.

Со стартом «Первопроходца» человечество сделало шаг на следующую ступень развития, ведь микромашинные комплексы, введенные в кровь или переданные по наследству, уже невозможно нейтрализовать, вывести из организма.

Генерал умолк.

Наступила пауза, в ватной тишине кабинета было отчетливо слышно,

как тикают, отсчитывая секунды старомодные напольные часы.

Андрей по ходу разговора успел принять и осмыслить информацию, он понимал логику решений, озвученную Юрановым: в условиях Земли, где не прекращалось противостояние между государствами, нациями, шла борьба с международной террористической сетью, по-прежнему существовала политика двойных стандартов, открывать тайну микромашинных комплексов, означало посеять хаос, создать новые очаги напряженности.

Открытие по определению являлось *общечеловеческим* , но оно опередило время, цивилизация в своей массе еще не доросла до понимания ответственности за использование подобных технологий, обещающих не только сверхвозможности, но и подразумевающие разумное применение полученных способностей. На основе введения в организм наномашинных комплексов (при коррекции их программного обеспечения) открывалась возможность удаленного манипулирования нервной системой человека, и эта, пришедшая в качестве примера *вероятность,* наверняка являлась не единственной и, возможно, не самой жесткой и существующих негативных перспектив.

— Решение о введении микромашин экипажу «Первопроходца» было и остается оправданным. К моменту старта колониального транспорта мы еще не знали о том, что Солнечная система фактически находится в окружении иных космических рас, — заметил Юранов.

— Я понимаю, — ответил Андрей. — Теперь мне хотелось бы прояснить свою роль, и роль тех ребят из взвода, кто добровольно согласиться принять участие в предстоящей операции. Что мы должны будем сделать?

Юранов вновь встал, начав прохаживаться по кабинету.

— Существует две технологии, которые дают нам преимущество в назревающих событиях. Обе принадлежат России, и потому сохранены в тайне. Одна — мобильный гиперпривод, вторая — наномашинные комплексы. Все данные по этим разработкам, хранящиеся на Земле будут уничтожены в ближайшие дни. Образцы наномашин, имеющиеся в распоряжении ВКС — введены в организмы участников операции. Благодаря формированию в организме параллельной информационной сети ты и еще два человека из подразделения получите возможность прямого соединения с кибернетическими системами, которые экспортируют вам навыки и технические знания, необходимые для управления «Витязями». Экспериментальные машины необходимо срочно передислоцировать, чтобы они не попали в руки «братьев по разуму».

— Передислоцировать куда? — задал закономерный вопрос Андрей.

— Сам должен понимать, что не на Землю. Я уже сказал, а ты, должно быть, понял: мы сейчас не в состоянии обеспечить защиту наших технологий от их передачи в руки иных космических рас. Кроме того, в связи с последними событиями, и информацией, накопленной уже после старта «Первопроходца», миссия колониального транспорта поставлена под сомнение. Не обладая современными данными по иным космическим расам, экипаж «Первопроходца» окажется в сложном положении. Поэтому задачей твоей группы, Андрей, будет вывод эскадрильи «Витязей» через аномалию космоса к конечному пункту полета колониального транспорта. Если «Первопроходец» еще не достиг границ намеченной звездной системы, вы начнете его поиск и движение навстречу, короткими прыжками через аномалию.

— Цель?

— Остановить колониальный транспорт, «положить его в дрейф» среди открытого космического пространства, куда наши «братья по разуму» с их технологиями стационарных гиперпространственных тоннелей по определению не сумеют добраться. Мы же, благодаря мобильному гипердрайву «Витязей», сумеем наладить и поддерживать связь. Я не могу сейчас предсказать, по каким сценариям будут развиваться события здесь, в Солнечной системе, поэтому приказ твоей группе Андрей, будет таким: во что бы ни стало найти «Первопроходец», остановить его, а далее… далее ты и капитаны сменных экипажей будете принимать решение, исходя из реальной обстановки.

— Поясните.

— Сам понимаешь, не маленький. Инопланетные цивилизации явно ведут борьбу между собой, в которую сейчас активно пытаются втянуть нас. Не удивлюсь если правительства некоторых стран в тайне от мирового сообщества, преследуя интересы своих наций, вступили или вступят в тайные отношения с какой-либо из противоборствующих сил. В таком случае нам не избежать глобального конфликта, последствия которого попросту непредсказуемы для Земли. Если вдруг наиболее пессимистичный прогноз оправдается, экипаж и пассажиры колониального транспорта «Первопроходец» станут последней надеждой на возрождение независимой цивилизации людей. И твой долг — защитить их, понимаешь? У нас для сохранения Человечества сейчас есть только девять «Витязей», «Первопроходец» и твое подразделение.

Юранов вернулся к креслу сел, сцепив пальцы рук, и, исподлобья посмотрев на Логинова, добавил:

— Теперь я сказал все, что хотел. Решай капитан.

* * *

Земля. Мегаполис «Сибирь»…

Операция по вводу микромашин прошла буднично.

Центральный госпиталь ВКС России располагался в «зеленой зоне» на одной из экологически чистых площадок мегаполиса «Сибирь» и сейчас, очнувшись, Андрей видел за окном лишь умытую дождем зелень древесных крон.

Что греха таить, не смотря на заверения генерала, Логинов морально готовил себя к сложной операции с непредсказуемыми для организма последствиями, но видно зря накручивал нервы, — если не считать трехсуточного беспамятства, иных осложнений для организма не наступило.

Он очнулся в одноместной палате, и почти сразу к нему с визитом явился Юранов.

На этот раз генерал был одет по «гражданке», и лишь серое, землистое лицо с набрякшими под глазами мешками, выдавало то нечеловеческое напряжение, в котором Николай Арсеньевич провел истекшие несколько дней.

— Ситуация осложнилась, Андрей, — без всякой раскачки приступил к делу Юранов, даже не осведомившись о самочувствии Логинова, видно, прежде чем войти, он уже узнал все у медицинского персонала госпиталя. — В системе Новой Земли обнаружено два крупных космических корабля. Один по нашим данным принадлежит Эшрангам, второй вряд ли будет опознан, ничего похожего в базах данных попросту нет. Оба осторожно маневрируют на почтительном удалении друг от друга, и пока не приближаются к планете, но с появлением «Варяга» ситуация может резко измениться. Как чувствуешь себя? — все же не удержавшись, спросил он.

— Самочувствие в норме, — Логинов без труда сел, недоумевая, когда Юранов успел так измотать себя?

— Трое суток прошло, Андрюша, — ответил на его невысказанный вслух вопрос генерал. — Нам пришлось форсировать события.

— Операция прошла успешно?

— Да.

— А три дня без сознания — нормально?

— Вполне. Медикам лучше знать, я извини, не специалист.

— Так меня намеренно держали в бессознательном состоянии?

— Намеренно, — кивнул генерал. — Я же сказал — ситуация осложнилась. Времени нет. Вот и дали микромашинам отработать заданную программу. Ты теперь у нас не только космодесантник, но и пилот. Не напрягайся только. Нужные знания и навыки проявятся сами, когда в том возникнет реальная необходимость.

— Не чувствую в себе никаких изменений, — признался Андрей.

— Вот и отлично. Твои ребята тоже в норме, уже все пришли в сознание, вот только периода реабилитации у вас не будет. Через два часа ждем войсковой транспорт. Он доставит твою группу на космодром «Северный», оттуда старт челнока к «Варягу». Крейсер уходит в гиперпрыжок сразу, как только вы подниметесь на борт. Вот, — Юранов протянул руку, разжал ладонь, показав горошину микровоспроизводящего аудиоустройства. — Дочка передала. Не тебе конечно. Мне. А я слушать, сам понимаешь, не могу. Некогда.

— А мне будет время?

— Возьми. Может пригодиться. Там классическая музыка.

— Не о том говорим, Николай Арсеньевич, — Андрей все же взял металлопластиковую горошину, демонстративно вставил ее в ушную раковину.

— А говорить Андрюша уже не о чем. Все сказано. Решение принято, приказ получен, инструкции переданы. Все архивы ВКС вычищены. Нет более информации ни по мобильному гипердрайву, ни по колониям микромашин. Как я уже говорил: «Варяг» идет к Новой Земле для эвакуации населения колонии. Его гиперпривод будет уничтожен, как только крейсер совершит обратный прыжок к Солнечной системе.

— После того, как мы уведем «Витязи», что произойдет на Земле?

— Мы объявим, что технология мобильного гипердрайва уничтожена. Ради безопасности всего Человечества.

— Что, вероятность оккупации Земли настолько велика?

— Не знаю. Никто не знает. Но отстоять Землю в данный момент мы не сможем. Если «братья по разуму» еще не получили искомое, то они воздержаться от немедленных действий, на время оставят нас в покое. Не исключено, что сделают попытку наладить сотрудничество, или выкрасть определенных людей из числа научной элиты, не знаю. Определенности нет. И это, похоже, поняли все.

— Включая тех, кто за спиной цивилизации заключал сделки с иными расами?

— Пока никто не взял на себя ответственность за поставки

робототехники в горные районы, где действительно были обнаружены две приспособленные для посадки транспортных кораблей площадки. Все кивают в сторону «международного терроризма». Так что возможно удастся добиться хотя бы временной консолидации сил, перед угрозой реального вторжения из космоса.

Андрей заставил себя кивнуть.

Тяжело стало на душе. Чувствовал, что не скоро вновь увидит Юранова, если увидит вообще.

— Прощаться будем?

— Позже, — Николай Арсеньевич не отвел усталого взгляда. — Позже Андрюша, на космодроме. Я буду провожать группу. Сейчас к тебе придут, произведут форсированную стимуляцию организма. Через час будешь на ногах, как новенький. Все, — давай.

Юранов вышел, не прощаясь, плотно прикрыл дверь, а уже через пару минут, не дав Андрею опомниться, в палату вошла целая бригада медиков.

…

Им все же удалось еще раз переговорить, на этот раз во время короткого перелета группы к космодрому «Северный».

Логинов сам подсел к генералу.

— Николай Арсеньевич, я понимаю, что все инструкции у меня есть. Но они касаются действий группы, до момента контакта с «Первопроходцем». Дальше только общие фразы. Что значит — «действовать по обстановке»?

Юранов устало посмотрел на него, но все же ответил:

— Забегаешь вперед Андрюша. Хотя…

Он покачал головой, а затем добавил:

— Слушай внимательно. Мы убеждены, что иные расы, избегая контакта с нами, стремятся использовать человечество, или, по крайней мере, отдельных людей, государства, группировки, в своих интересах. В космосе, по всей видимости, идет борьба, либо за власть, либо за жизненное пространство, мы пока не знаем. У нас есть только один шанс отмежеваться от этой борьбы: зная, что противник использует стационарные порталы гиперпространственной транспортировки, найти и уничтожить их устройства, расположенные в границах Солнечной системы. Этим сейчас занимается объединенный флот наций. Сил нашего нарождающегося космического флота не хватит, чтобы отстоять суверенитет Земли в пространстве, но, уничтожив порталы, мы получим временную передышку, которой, надеюсь, хватит для объединения человечества.

Главное — не пустить космические флоты иных рас в Солнечную систему, но если это все же случиться, «Первопроходец» останется последней надеждой, на выживание людей, как вида. Я уже говорил тебе, не заставляй повторяться. Отыщете его — действуйте по обстановке. На борту ты найдешь достойных соратников. В твоем распоряжении будет не только потенциал колониального транспорта, но и мобильность «Витязей». Машины еще не прошли всех испытаний, но поверь, они уникальны. С их помощью ты сможешь легко вернуться в Солнечную систему, оставаясь при этом незамеченным, выяснить обстановку и принять решение: уводить «Первопроходец» в глубокий космос, для поиска новой родины, или же возвращать корабль на Землю.

— Все зависит от того, отыщет ли объединенный флот стационарные устройства внепространственной транспортировки?

Юранов кивнул.

— Мы постараемся «отсечь» сектор Земли и Солнечной системы и использовать выигранное время. Твоя же наипервейшая задача — вывести из-под удара «Витязи» и остановить «Первопроходец», пока он не достиг конечной цели полета, где, по всей вероятности, корабль и экипаж могут попасть в ловушку. Пока это все, Андрей. Поверь, сейчас существует узость конкретных задач, не более. Мы оказались не готовы вступить в борьбу с иными цивилизациями, а на переговоры, не говоря уже о полноценном, равноправном контакте, они не идут.

Андрей смог лишь кивнуть в ответ.

Слова сейчас казались лишними, неуместными.

Ему казалось, что Юранов взвалил на свои плечи такое бремя, что не поднять одному человеку.

Генерал же в данный момент думал о другом.

Мне легче. Я остаюсь. А вот они, — Николай Арсеньевич взглянул на троих офицеров — Логинова, Сапова и Негоду, — *они уходят в полную неизвестность…*

* * *

Борт крейсера «Варяг».

Система Новой Земли.

— Капитана Логинова на ходовой мостик!

Андрей, полностью экипированный для десантирования, встал.

Крейсер маневрировал в околопланетном пространстве, и чтобы удержаться на ногах Логинову пришлось задействовать сервомускулы и

подсистему самостабилизации массивного боевого скафандра.

— Сапов, остаешься за старшего.

В отсеке десантного модуля между наклонными ложементами капсул, оставался узкий проход, по которому в тяжелом бронескафандре продвигаться совсем непросто, однако Логинов виртуозно справился с задачей, — не зря ведь они выматывали себя ежедневными тренировками в течение нескольких лет.

Спустившись по пологому пандусу, он направился к лифту.

Шаги отдавались гулким эхом в пустоте предстартового накопителя. Истребители первого поколения («Витязи» принадлежали ко второму) уже находились в пусковых шахтах электромагнитных катапульт, в полной готовности к старту.

Раз командир крейсера не захотел общаться по связи, а вызвал его в рубку, значит ситуация неожиданно осложнилась.

…Через минуту Логинов вышел из лифта в тесный тамбур шлюзовой камеры, отделявшей главный пост управления от иных отсеков и палуб крейсера.

Здесь располагалась сложная система доступа, но прибегать к процедуре проверки полномочий не пришлось — внутренний люк распахнулся сразу же, как только Андрей вошел в пространство тесного тамбура.

Полковник Завьялов окинул сумрачным взглядом бронированную фигуру командира десантной группы и жестом указал на дугообразный поручень, отделявший его рабочее место от других боевых постов.

— Держись за него.

— В чем дело? — Логинов последовал приглашению, застыв в окружении голографических информационных экранов, образующих рабочее пространство командира корабля.

Завьялов сделал несколько переключений на своем терминале, и часть голографических экранов соединились в единый виртуальный монитор, показав укрупненное изображение космического пространства.

Два корабля — оба не менее километра в длину (судя по масштабной сетке наложенной на изображение), двигались параллельными курсами, периодически озаряясь сполохами залпов систем энергетических вооружений, преследуя третий космический корабль, не меньший по размерам, но иной по конструкции.

Присмотревшись к конфигурации корпуса уже порядком потрепанного корабля, окруженного вихрящимися облаками выбросов, возникших при декомпрессии пораженных отсеков, Андрей невольно

вздрогнул, но в первый момент от комментариев воздержался, усилием воли справившись со своими чувствами.

Расстояние между тремя исполинами не превышало одной световой секунды, однако интенсивный огонь преследуемого практически не достигал цели, оба корабля, медленно настигавшие его, были прекрасно защищены от воздействия энергетического оружия: сгустки плазмы рассеивались в пространстве, расходясь мертвенным сиянием в зоне активных противодействующих полей, лазерные разряды так же не достигали брони исполинов, вызывая вспышки в виде ярких, объемных, нестерпимых для глаза сгустков раскаленного вещества…

Зрелище подавляло своими масштабами. Три космических корабля в течение одной минуты схватки израсходовали энергию, способную при других обстоятельствах обогревать и освещать все мегаполисы Земли на протяжении нескольких суток.

— Они идут курсом перехвата, — пояснил Завьялов. — Видишь, грызутся между собой, но без особого успеха.

— Вижу, — отозвался Логинов. — Чем нам грозит такое соседство?

— Мы не в состоянии немедленно подойти к планете. Либо мне придется идти встречным курсом, что сам понимаешь — чревато, либо маневрировать, уклоняясь от столкновения. Но от Новой Земли меня уже отрезали. У тебя особое задание капитан, так что я готов выслушать соображения. Могу отстрелить твой модуль сейчас же, как только ты вернешься на борт, могу задержать старт до возникновения более подходящей ситуации.

Андрей несколько секунд молча наблюдал за динамично меняющимся изображением.

— А сам? — наконец спросил он.

— Эти, — Логинов кивнул на экран, — отношения выяснят, пока «Варяг» маневрирует, а потом займутся крейсером.

— Моя судьба беспокоит, капитан? — нервно усмехнулся Завьялов. — Есть приказ — доставить твою группу к точке десантирования. В кратчайшие сроки, в приоритетном порядке.

Андрея не устроил уклончивый ответ.

— Одно дело делаем, Савелий Иванович. «Братья по разуму» не просто так сцепились. Выясняют, кому установка гипердрайва с «Варяга» достанется.

Завьялов, и без того бледный, посерел.

— Я подорву гиперпривод, можешь не сомневаться.

— А колонисты? — напрямую спросил Логинов. — Они-то как? Кто

их эвакуировать будет?

— Ну а ты что предлагаешь?! — вспылил командир «Варяга».

— По зубам им врезать, — ответил Андрей. — Чтобы не зарывались.

— Ты ослеп? Вот сюда посмотри, — Завьялов указал на суммарное значение бушующих в пространстве энергий. — От нас только облако плазмы останется.

Будто подтверждая его слова, корабль, безуспешно пытавшийся оторваться от преследования, внезапно начал разламываться сразу в нескольких местах, одновременно выплескивая из-под обшивки полупрозрачные волдыри распухающего по сфере пламени.

Краткая, но ужасающая сцена гибели исполина потрясала, заставляла предательский холодок красться вдоль спины, а два корабля тем временем, чуть разошлись в стороны, огибая образовавшееся на месте противника облако обломков, и вновь легли на прежний курс, двигаясь на перехват Земному крейсеру.

— Нет, я не ослеп, — Андрей отрицательно покачал головой, хотя этот жест под массивным гермошлемом остался незамеченным. — Но мы должны драться. На артиллерийских и навигационных компьютерах установлена защита от воздействия электромагнитного импульса? — уточнил он.

— Естественно. У нас на борту вся аппаратура не только надежно защищена, но и многократно дублирована. К тому же в каждом отсеке орудийной и двигательной палуб дежурят офицеры, готовые в любой момент взять ручное управление.

— Тогда игра стоит свеч.

— Что предлагаешь, говори толком? Почему ты решил, что они — враги?

— Погибший корабль за минуту до гибели выпустил истребители. Я их опознал. Подобные машины атаковали мое подразделение, вторгшись в воздушное пространство Земли.

— Значит победители — наши друзья?

— Не факт, — Андрей поморщился. Как объяснить командиру крейсера, что тут нет союзников? Они сцепились между собой в схватке за право захватить любой присланный с Земли корабль и использовать принадлежащие людям технологии по своему усмотрению?

— Тут нет друзей. Я не могу привести неоспоримых доказательств, но если не принять решение о подготовке к бою сейчас, то через четверть часа уже будет поздно.

Не дождавшись ответа на свою реплику, Логинов включил лазерное

стило, вмонтированное в указательный палец гермоперчатки, и несколькими точными движениями проложил курс для «Варяга», от точки действительной позиции меж вражеских кораблей, к планете.

— Нас сожгут, — произнес Завьялов.

Андрей пожал плечами.

— Они же друзья, — напомнил он полковнику его же слова.

— Капитан не забывайся!

— Есть только один способ проверить кто из нас прав. Подготовиться к бою и двигаться намеченным курсом к планете. Они не станут открывать огонь на поражение, но попытаются остановить крейсер и высадить на борт десантные группы. Это будет доказательством моей правоты. Если же нас пропустят… Я принесу свои извинения, Савелий Иванович.

— Риск слишком велик… Ты сам-то понимаешь, о чем говоришь?

— Понимаю. Им нужна установка мобильного гиперпривода. Поэтому противник не станет применять тяжелое вооружение. До поры, конечно. Наша задача обезвредить оба корабля одним ударом, как только мы убедимся в их истинных намерениях.

Завьялов промолчал. Накануне старта он получил от командования все данные по текущему положению дел, и спорить с Логиновым становилось все труднее.

— Они не знают, где именно смонтирован генератор, деформирующий метрику и создающий аномалию пространства, — тем временем продолжал развивать свою мысль Андрей. — Ставка велика, риск велик, но повторяю: они не откроют огонь, а попытаются осуществить силовое проникновение на борт крейсера.

Завьялов посмотрел на данные анализаторов, работающих на основе показаний многочисленных сканирующих комплексов «Варяга».

Система анализа уже построила модели кораблей вероятного противника, более того, на броне каждого из них специальная программа обозначила проявившие себя в ходе боя огневые точки, а так же элементы конструкции, подпадающие под понятие «стартовая шахта».

— Броня у них слабая, — подлил масла в огонь Логинов. — Защита ориентирована на отражение ударов энергетического оружия. А мы им старой доброй кинематикой…

Завьялов промедлил еще пару секунд, затем обернулся, в упор, посмотрев на Андрея.

— Ты предлагаешь мне начать боевые действия? Начать *войну?!*

— Нет, — ответил Логинов. — Собственно у нас два варианта, — тут же добавил он. — Либо крейсер беспрепятственно проходит к Новой

Земле, либо оба инопланетных корабля начинают активное противодействие, и тогда мы получаем моральное право на ответный огонь. Нужно заранее распределить цели и сориентировать орудийно-ракетные комплексы на атаку огневых точек противника и двигательных подсистем. Не уничтожая корабли инопланетных рас, мы прорвемся к планете, лишив их возможности преследовать нас, либо применить тяжелое вооружение. Смелый план. Рискованный. Но единственно-возможный в сложившейся ситуации.

Некоторое время на мостике царила гнетущая, напряженная тишина.

— Добро, — наконец произнес Савелий Иванович. — Убедил.

Завьялов только что принял трудное решение и теперь готовился отдавать приказы по крейсеру.

— Собери свою группу в предстартовом накопителе. Будь готов к немедленным действиям по первой команде.

— Не пойдет, — Андрей уже составил собственное мнение относительно роли группы в предстоящих событиях. — У меня всего два человека. Мы — подготовленные пилоты. А у тебя истребители в стартовых шахтах.

— Ну да. Режим — полный автомат.

— Сколько их? Десять?

Завьялов кивнул.

— Нас трое. По два автоматических корабля определим ведомыми в звенья. Я, Сапов и Негода возглавляем группы. Таким образом, мы прикрываем крейсер, и в случае крайних осложнений сохраняем возможность к продолжению своей миссии — уходим к планете.

— Ладно. Будь по-твоему, капитан. Я понимаю твою логику. У каждого свое задание.

— Задания может и разные, а задача общая, — упрямо ответил Логинов. — Через десять минут доложу о готовности. Отстрел истребителей сразу по моему докладу.

* * *

Борт крейсера «Варяг». Пятнадцатью минутами позже.

В тесной рубке аэрокосмического истребителя Андрей почувствовал себя тоскливо.

Где обещанная Юрановым подготовка? Почему не проявляют себя имплантированные навыки?

Ощущение бредовой обреченности захлестнуло на миг и тут же

отпустило, как только включился командный интерфейс обмена данными с кибернетической системой «Миража».

Одна за другой оживали автоматические подсистемы, но надежда на их адекватность в бою с неизвестным противником была слабой. Действия автоматики хоть и молниеносны, но в большей части предсказуемы, и Логинов, не отключая последовательности стартовых процедур, взял ручное управление.

Даже если вдруг не сработает имплантированная информационная сеть микромашин, выкручусь. На симуляторах тренировался и тут смогу. — Мысленно убеждал себя он.

Шли секунды, и по мере окончания предстартовой подготовки к нему начала возвращаться уверенность в собственных силах. Откуда исходило чувство, он разобраться не смог, да и не к чему сейчас забивать голову, через минуту старт, а далее — неизвестность.

— Первый — готов, — хрипло выдавил он в коммуникатор.

Короткая перекличка окончилась, и шахты стартовых электромагнитных катапульт открыли диафрагменные люки, выметнув в космос жидкие облачка мгновенно кристаллизовавшейся остаточной атмосферы.

Минутой позже корпус крейсера озарили ритмичные сполохи призрачного сияния: три звена аэрокосмических истребителей поочередно отстрелило в пространство.

Логинов испытал шок.

Он сотни раз за последние несколько суток пытался представить себе: *как это произойдет?* Но миг откровения потряс его до глубин души, до неконтролируемого спазма, перехватившего дыхание.

Андрей ощутил себя *вне* материальных оболочек, как будто исчез скафандр, распалась сложная конструкция противоперегрузочного пилот-ложемента, растаяли бронеплиты обшивки истребителя, а он остался, — совершенно нагой, беззащитный рассудок, несущийся в бездне.

Он пытался, но не сумел в первые секунды после включения колоний микромашин, обуздать внезапно открывшееся восприятие, продолжая ощущать себя некоей бестелесной субстанцией, частицей бесконечности Вселенной, затем вокруг внезапно начали проявляться пульсирующие линии изумрудно-зеленого сияния, они множились, распадались по цветовой гамме, пока он не осознал, что воспринимает конфигурацию всех энергетических и информационных подсистем истребителя…

Первые секунды шокового состояния отпустили, сознание, вопреки внезапной *нечеловеческой* эмоциональной нагрузке, выдержало, не

помутилось, не погасло, а напротив начало собирать вокруг себя некое информационное пространство, заставляя его метаморфировать до привычных материальных форм.

Судорожный вдох, мельтешение разноцветных искр перед глазами, ощущение мелкой вибрации астронавигационных рулей, и внезапно — новый поток данных хлынул в рассудок: личность Логинова как будто раздробилась на множество фрагментов, он проживал сейчас неисчислимое количество ситуаций, происходивших отнюдь не с ним, но с пилотами-испытателями «Миражей».

И вновь ему удалось справиться, прожить краткий миг, спрессовавший в себе передачу опыта многих ситуаций, возникавших при испытаниях аэрокосмической техники.

…Когда к Андрею вернулось «нормальное» зрение, таймер бортового хроно отсчитывал десятую секунду после старта.

— Четвертый, седьмой, доложить состояние! — не узнавая собственного голоса, выдохнул он в коммуникатор.

Ответы пришли с задержкой, голоса Негоды и Сапова несли отпечаток только что прожитого перерождения:

— Четвертый… порядок.

— Седьмой, сейчас… еще пару секунд, командир…

— Спокойно. Выходим на дистанцию прикрытия.

Андрею хотелось хоть на миг отрешиться от постоянно возрастающего информационного прессинга, но, не тут-то было.

Ситуация, как говориться, не располагала…

Прямо по курсу росло, ширилось облако хаотично сталкивающихся, сверкающих беззвучными микровзрывами обломков, оставшихся на месте гибели исполинского космического корабля иной расы.

Боевой разворот.

Логинов уже ничему не удивлялся. Он *думал* , а подсистемы автоматического пилотирования подхватывали его мысль, воплощая ее в точном, филигранном действии маневра — все происходило благодаря колониям микромашин, наладившим прямое соединение рассудка с кибернетической системой истребителя.

Некогда.

Все придет позже. И стресс, и осознание произошедших перемен, а сейчас всего лишь мысль о двух инопланетных кораблях, идущих на перехват Земного крейсера, мгновенно сцементировала рассудок, вернуло все ощущения тела, примирило разум с новыми формами восприятия окружающего пространства и происходящих в нем явлений.

Мгновенный взгляд, брошенный на обзорные экраны, туда, где росли, укрупнялись очертания исполинских кораблей иной расы, на самом деле стал не движением зрачков, — все сканирующие системы аэрокосмического истребителя нацелились туда же, обшивка инопланетного корабля вдруг начала таять, обретая прозрачность, словно переродилась в стекло, под которым пульсировали хитросплетения энергетических систем.

Андрей еще не знал, какую цену придется платить за соединение нервной и кибернетической систем, сумеет ли он вообще после всего происходящего с ним вернуть нормальное восприятие мира, или дарованные человеку природой способности станут для него пыльным окошком, через которое не разглядеть, что же твориться вовне… но сейчас в рассудке происходили невероятно быстрые изменения, — Логинов не до конца отвал себе отчет, что большинство рутинных операций, такие как считывание сигнатур, их анализ, производит вовсе не его мозг, и даже не информационная микромашинная сеть, которая являлась всего лишь посредником в передаче данных между биологическими нейросетями пилота и кибернетической системой истребителя, — сканирование, подсчет, анализ производили различные подсистемы, но он воспринимал их как часть своего рассудка, как компонент собственного, созданного лишь силой разума информационного поля, потому и сигнал тревоги, прозвучавший в рубке «Миража» он ощутил как холод, внезапно ожегший спину.

Часть сигнатур отсканированных во внутренних отсеках, под обшивкой неопознанных кораблей, в данный момент словно набухала энергией.

Ни одна кибернетическая подсистема в таких условиях не способна предположить, что последует дальше, а уж тем более отработать на упреждение.

Разум человека сумел. Закаленный множеством боев, впитавший смертельный опыт, накопленный еще на Земле, в различных «горячих точках» рассудок Логинова реагировал мгновенно: он видел накопление энергии, доли секунд потребовались капитану, чтобы вернуть материальность обшивке чужих кораблей и сопоставить работе энергосистем надстройки определенной конфигурации.

Генераторы плазмы…

— Разворот!

Мысль уже опережала действия автоматики, истребитель еще только начал тягуче и, как показалось Логинову, — слишком медленно

отрабатывать двигателями ориентации, меняя курс, а по каналам взаимного обмена данными уже ушли четкие директивы остальным машинам эскадрильи и предупреждение капитану «Варяга».

«Миражи» синхронно развернулись, перегрузка заставила просесть амортизационную систему пилот-ложемента, но маневр, выполненный на грани выносливости человеческого организма, спас пилотов от смерти.

Включив носовые дефлекторы,[16] машины врезались в рой обломков, оставшихся на месте гибели инопланетного корабля; поля, предназначенные для отклонения от оси курса крупных метеорных частиц, напряженно пульсировали, расталкивали фрагменты оплавленных, покореженных конструкций, которые, придя в движение, «всклубились», затягивая бреши за кормой земных истребителей, и вовремя: секундой позже оба инопланетных корабля озарились синхронным залпом плазмогенераторов.

Основной удар потоков ионизированного газа приняли на себя обломки, они мгновенно раскалились, превращаясь в облачка плазмы, брызги расплава, — со стороны создавалось впечатление, что энергетический удар заставил тлеть бесформенное скопление обломков, как будто неподалеку от Новой Земли в космосе зардел багряный полумесяц фантастической новорожденной луны…

* * *

Завьялов слышал предупреждение капитана Логинова, видел стремительный, не поддающийся мгновенному здравому осмыслению маневр «Миражей», он не понимал, как человек способен распознать опасность и избежать ее, прикрывшись, как щитом, остатками погибшего инопланетного корабля, произведя все необходимые операции за считанные секунды?!

Зато капитан «Варяга» четко, недвусмысленно понимал другое: противник сделал первый ход, явно обозначив свои намерения.

— Орудийная палуба, доложить готовность!

Логинов подарил ему жизнь, выраженную в бесценных мгновеньях: на убийственно-короткой дистанции нет необходимости сложного маневрирования, и все решают секунды…

— Цели распределены, орудийные комплексы к стрельбе готовы!..

Удар сердца… Еще один…

«Варяг» содрогнулся от носа до кормы. Сто двадцать орудийно-ракетных комплексов синхронизированные кибернетическими системами, разрядились одновременно, выплеснув в пространство весь оперативный

боекомплект артиллерийской палубы.

Логинов был прав, тысячу раз прав — броня инопланетных исполинов, рассчитанная на отражение атак энергетического оружия, не выдержала удара, брызнула осколками, пространство между двумя кораблями, через которое стремительно продвигался земной крейсер, мгновенно наполнилось выхлопами декомпрессии, миллиарды мельчайших частиц взломанной снарядами брони смешались с замерзающей, кристаллизующейся атмосферой пораженных отсеков, создав непреодолимую преграду для работы лазерных установок, — теперь противнику придется совершать сложные маневры, чтобы нанести такой же сокрушающий ответный удар.

— Осмотреться в отсеках!

Пульсировали энергетические щиты, вокруг крейсера постепенно вскипало коловращение новорожденного газопылевого облака, сканирующие комплексы, отсеивая помехи, захлебывались сигналами тревоги: от инопланетных кораблей отделялись, разворачиваясь в сторону «Варяга», двенадцать объектов, определенных как «штурмовые модули».

Исполины, получив ощутимый, болезненный удар, тем не менее, не вышли из боя, не отказались от достижения намеченной цели, но кто бы не управлял ими, — эти существа потеряли самообладание: сквозь распухающее, ширящееся газопылевое облако, предваряя атакующий бросок штурмовых носителей, били лазеры различных спектров, выкачивая сотни мегаватт энергии из бортовых накопителей, обозначая для систем наведения «Варяга» новые цели, в то время как ураганный лазерный огонь, наносил лишь незначительный урон земному крейсеру, — основной удар принимали на себя частицы газа и пыли, смешанные с мелкими обломками, ставшие надежным щитом на пути потоков излучения.

Прошла минута, и на голографической модели крейсера постепенно начали множиться сигналы повреждений.

Завьялов остался спокоен.

Он мог нервничать перед боем, когда слушал глухую тишину в эфире, как ответ на попытки вступить в диалог с кораблями неизвестной расы, но теперь, когда он сделал все что мог, дабы избежать столкновения, сомнения стали бессмысленны и неуместны.

Из внешнего слоя отсеков «Варяга», непосредственно граничащих с обшивкой, атмосфера была откачана еще до начала боя, люди работали в скафандрах высшей защиты, и потому лазерные попадания не приносили ощутимого вреда, хотя некоторые разряды прожигали бронеплиты, вызывая мелкие неполадки в работе подсистем.

— Огневые точки зафиксированы, орудия перезаряжены и наведены!

Повторный залп, произведенный «Варягом» превратил в уродливые дыры большинство надстроек, инопланетных кораблей, четыре из двенадцати штурмовых модулей пополнили хаос разлетающихся во все стороны обломков, но восемь тяжелых космических аппаратов упрямо и стремительно сокращали дистанцию, намереваясь осуществить процедуру насильственной стыковки с земным крейсером и высадить десант.

Где же ты капитан?

Не хотелось думать, что Логинов сгинул в поле обломков.

Завьялов понимал: даже если экипажу удастся сбить штурмовые модули на подходе, либо отразить атаку десанта, крейсер неизбежно получит повреждения при которых гиперпространственный переход станет невозможным без серьезного ремонта обшивки, а значит эвакуация людей из колонии Новой Земли будет поставлена на грань срыва. Хуже того, системы анализа указывали — крейсер не выстоит против ударов излучателей плазмы…

— Артиллерийской палубе: сосредоточить огонь на штурмовых модулях противника! Не допустить насильственной стыковки или повреждения корпуса крейсера!

* * *

Боевой разворот в поле обломков заставил пилотов истребителей сбросить скорость.

Датчики сканирующих комплексов отслеживали лишь отголоски боя между земным крейсером и двумя инопланетными кораблями, но Логинов не мог форсировать события, ставя под угрозу целостность истребителей.

Он понимал, что нужен там, но был вынужден двигаться медленно, продираясь через обломки.

Внезапно заработавший канал связи поначалу вызвал у Андрея неадекватную реакцию.

Моральное напряжение достигло внутреннего предела, — мало того что приходилось постоянно «сживаться» с абсолютно новым восприятием реальности, так еще и судьба «Варяга» висела на волоске, а тут не то Паша, не то Александр требуют повышенного внимания к себе, как будто он сам не переживает в эти растянувшиеся, будто вечность минуты радикального внутреннего перерождения…

И все же Андрей не смел так мыслить, как бы тяжело сейчас не приходилось.

Сознание постоянно «сбивалось» меняя варианты восприятия, вот и

сейчас, он попытался задействовать новые возможности, но не получилось, прямого контакта отчего-то не вышло, пришлось волевым усилием возвращать себе «нормальное» зрение.

Терминал связи, расположенный подле левого подлокотника противоперегрузочного кресла, был оснащен небольшим голографическим экраном.

Логинов взглянул на него и остолбенел.

Он думал, что после пережитого уже ничто не сможет его шокировать до предательского холодка в животе и ощущения ледяного пота, выступившего на лбу и спине.

Из стереобъема на него смотрело искаженное гримасой страдания лицо *чуждого существа!*

Фоном изображения служил фрагмент явно деформированного отсека со смятыми переборками и разбитой аппаратурой.

— Кто ты? — невольно вырвалось у Андрея, хотя он безошибочно узнал в получаемом изображении реконструкцию одного из существ, что атаковали позиции его взвода.

Точно так, по данным системы анализа, выглядели пилоты аэрокосмических истребителей, пытавшиеся уничтожить перевозимый караваном груз.

— Мое имя ничего не скажет тебе, человек… — ответила аудиосистема безэмоциональным голосом, несущим дребезжащие нотки автоматического переводчика.

— Ты говоришь на языке Эшрангов?

— Это не язык Эшрангов… Общий… Так говорят между собой… разных миров, — речь существа была прерывиста, оно явно агонизировало, доживая последние минуты…

Язык межрасового общения… — мгновенно сообразил Андрей. — *Выходит, в систему автоматического переводчика заложен универсальный язык. Эшранги лишь использовали его…*

Не о том думаю. Не то говорю…

— Ты можешь определить свое местоположение? Тебе нужна помощь?

Существо ответило отрицанием.

— Мне уже не помочь. Мы хотели предотвратить… Не смогли… Нет времени говорить… Слушай… Старайся помнить… Двигательные секции… в середине корабля… длинные… выпуклые… Ошибиться сложно… Атакуй… Спасешь этим многих…

Голографический экран внезапно подернулся помехами, изображение

исказилось, а затем исчезло вовсе.

Андрей не мог сейчас поручиться, происходило все наяву или у него начались галлюцинации под напором постоянного информационного прессинга?..

Истребитель, следуя прежним курсом, уже выходил к границе облака обломков.

— Командир, что это было? — внезапно раздался в коммуникаторе голос Саши Сапова. — У меня систему связи глючит, или…

— Ты тоже принимал передачу?

— Да.

— Она записана, я проверил, — подключился к разговору Негода.

— Решение, командир?

— Верим ему или нет? — Логинов на секунду задумался. — А выхода иного нет. «Варяг» не выстоит под ударами плазмы. Если крейсер прорвется к планете, назад его не выпустят, вот о чем он хотел сказать.

— Атакуем двигатели?

— Да, — после секундной паузы ответил Логинов. — Силами автоматических истребителей, — уточнил он. — Мы не имеем права рисковать своими жизнями. Наша задача — «Витязи».

Напряженное сияние дефлекторного щита постепенно угасало. Истребитель Логинова первым вышел на окраину скопления облака обломков.

Подключившись к системам сканирования, он увидел панораму боя: «Варяг», огрызаясь огнем орудийно-ракетных комплексов, шел к планете; судя по получаемым данным, обшивка крейсера не подверглась плазменному удару, а вот бронеплиты и надстройки двух инопланетных исполинов щерились безобразными пробоинами, между ними и «Варягом» ширилась полоса газа и мельчайших осколков, в которой перемещалось двенадцать потерявших управление, изуродованных множественными попаданиями десантно-штурмовых модулей, уже знакомой Андрею конструкции.

— Внимание, крейсер прорвался к планете. Противник потрепан, но маневрирует, думаю запаса прочности у инопланетных кораблей еще достаточно. Они получили урок и теперь изменят тактику.

— Если атаковать их сейчас, со стороны поврежденных бортов, где фактически не осталось огневых точек…

— Правильно мыслишь, — поддержал Андрей соображения Негоды. — Ставим задачу автопилотам ведомых машин: повредить силовые установки обоих кораблей. Остановив их на существующей

позиции, мы обеспечим «Варягу» беспрепятственное маневрирование в районе орбит.

…

Я бы никогда не подумал, что двигательные секции расположены в центральной части конструкции. — Логинов даже сейчас, наблюдая как шесть истребителей, разделившись на два звена, стремительно сближаются с инопланетными кораблями, не был уверен в точном выборе целей. Да, действительно, центральные секции инопланетных кораблей имели характерную форму вздутий, но обшивка в этой части не поддавалась проникающему сканированию.

Сейчас все узнаем…

Секунды ожидания опять начинали выматывать…

Противник, несомненно, заметил приближение истребителей, но противодействия фактически не было, — стремясь отрезать «Варяг», прижать его к планете, оба корабля развернулись неповрежденными бортами в сторону удаляющегося земного крейсера, тем самым позволив истребителям двигаться в «мертвой зоне», созданной ураганным огнем орудийных установок «Варяга».

Десять секунд…

Девять…

Восемь…

Пять…

Две…

Серия безобидных вспышек метнулась по обшивке центральных секций обоих кораблей противника.

Истребители, израсходовав ракеты, продолжали атаку, задействовав все виды бортового вооружения. В ответ огрызалось лишь несколько лазеров.

Неужели не пробили обшивку?!..

Похоже на то… Двигательные секции инопланетных кораблей оказались очень надежно бронированы.

При максимальном увеличении было отчетливо видно: ракеты выжгли глубокие конические воронки в бронепокрытии, куда автоматика истребителей сейчас вбивала снаряд за снарядом в режиме беглого безостановочного огня, и все же…

…Две ослепительные вспышки сверкнули практически одновременно: истребители, израсходовав оперативный боекомплект, пошли на таран.

…

— Варяг, здесь «Мираж-1».

— Слушаю тебя, капитан! Живой?!

— Ушам своим верить нужно, Савелий Иванович.

— Силы шутить остались? Хорошо. Видели вашу работу. Думал все, — погибли вы.

— На таран шли машины под управлением автопилотов, — доложил Логинов. — В общем, ход мы им сбили. Уходи по другую сторону планеты, точно не достанут.

— А вы?

— У нас свое задание. Если судьба, — еще встретимся.

…

Спустя некоторое время три аэрокосмических истребителя класса «Мираж» вошли в атмосферу Новой Земли, начиная снижение над безжизненным, находящимся в первичной стадии терраформирования, и потому — пустынным материком планеты, где располагался резервный космодром ВКС России.

Глава 3

Новая Земля. Космодром ВКС России…

Садились на автопилотах.

После пережитых потрясений нервное напряжение клокотало внутри, в руках, все еще сжимающих астронавигационные рули, ощущалась дрожь.

Зрение, слух, осязание — все сбоило, словно нервная система, дезориентированная новым уровнем возможностей, вкусив иного быстродействия, побывав в совершенно ином информационном пространстве, уже не в состоянии была вернуться к прежнему, нормальному для человека восприятию окружающего мира.

Под знойным маревом прятались смутно различимые сигнатуры, Андрей видел их, не смотря на волевые попытки абстрагироваться от новых возможностей, дать хотя бы минуту отдыха истерзанному рассудку.

Не получалось.

Логинов, устав от внутренней борьбы, сосредоточил внимание на внешнем обзоре, и, как ни странно — помогло.

Сигнатуры меркли, угасали, словно являлись не более чем фантомными изображениями, а на смену им все явственнее проступали детали зрительного восприятия.

Истребитель интенсивно гасил скорость, маневрируя короткими включениями двигателей планетарной тяги, перегрузки накатывались волнами, система метаболической коррекции, встроенная в боевой скафандр, постоянно пощелкивала, производя микроинъекции препаратов…

На информационных экранах сплошными потоками бежали столбцы данных, между кибернетической системой истребителя и наземными диспетчерскими службами шел интенсивный диалог, — между собой общались машины, но, к своему удивлению, Андрей отчетливо понимал, что даже мимолетного взгляда на информационный экран хватало для ясного, недвусмысленного прочтения столбцов, содержащих кодированную информацию.

Все… Хватит!..

Мысленный окрик подействовал, затуманившиеся было зрение, вновь попытавшееся соскользнуть в информационное пространство, резко прояснилось: впереди, по курсу снижающегося истребителя, появились

длинные взлетно-посадочные полосы, вливающиеся в сплошное стеклобетонное покрытие, с разметкой рулежных дорожек.

Касание.

Дым из-под колес многоосного шасси, легкая вибрация, пробежавшая, будто дрожь, затем рывок, последний удар перегрузки, и вдруг, — безмятежный покой уверенного, уже потерявшего опасную стремительность пробега.

Мимо, уплывая за корму истребителя, проносились приземистые постройки технических служб, впереди росло куполообразное здание космического порта, от него двумя крыльями протянулись ангары для техники, за ними, вонзаясь в прозрачные, лазурные небеса, застыли шпили диспетчерских вышек.

«Мираж» неторопливо повернул, следуя разметке рулежной дорожки, затем жалобно, протяжно скрипнул тормозной системой, и, покачнувшись, застыл.

С ноющим звуком сервомоторов поднялись, скользнули в стороны сегменты бронеплит обшивки, затем пришел в движение прозрачный колпак из бронеспластика, и вниз, издавая звонкий, веселый металлический звук, выдвинулась лесенка.

Андрей коснулся сенсора, поднимая забрало гермошлема.

Пахло нагретым металлом, от стеклобетона струилось знойное марево, потрескивала остывающая обшивка, — вселенский покой внезапно навалился, придавил к креслу, хотелось сидеть, запрокинув голову, смотреть в лазурные небеса и не думать о том, что предстоит сделать буквально через несколько минут, без права на отдых.

Мимо, окруженный дрожащим воздухом, почти беззвучно зарулил на стоянку «Мираж» с бортовым номером «4».

Логинов заставил себя расстегнуть страховочные ремни, встать с кресла и спуститься по шаткой лесенке на горячий стеклобетон стартопосадочного поля.

— Здесь что нет никого? — раздался голос лейтенанта Сапова.

— Космодром полностью автоматизирован, — ответил Андрей, обернувшись на голос.

Саша шел, чуть пошатываясь, его бледное, землистое лицо хранило отпечаток пережитого, глаза смотрели устало, и ранняя сеточка морщин, разбегающаяся от уголков век, как будто добавила к возрасту лейтенанта еще десяток лет, прожитых всего за час…

Подошел Негода.

Они молча обнялись, минуту постояли втроем, без лишних слов, без

дурацких, неуместных и ненужных фраз.

Первый контакт с иным разумом, активация сети микромашин и связанных с ними новых возможностей, прорыв «Варяга» к планете, — все это изменило их до полной, абсолютной неузнаваемости и одновременно — сроднило, ибо каждый отчетливо понимал: все только начинается…

— Ну, что, по машинам?

* * *

Кодоны доступа и активации, выданные Юрановым, сработали безотказно.

Девять «Витязей» — многофункциональных аэрокосмических машин нового поколения, застыли в тиши прохладных ангаров резервного космопорта.

«Миражи» на их фоне выглядели маленькими пташками.

Плавные, обтекаемые обводы «Витязей» кроме изящества несли ощущение уверенной силы, мощи, от которой замирало сердце.

Андрей поднялся в кабину через шлюз, прошел к креслу противоперегрузочного пилот-ложемента, стараясь сейчас не напрягаться в попытке понять назначение многочисленных приборных панелей. Он уже вкусил всю глубину и эффективность *мнемонического* контакта между собственной нервной системой и исполнительными узлами кибернетической сети.

— Взлетаем звеньями. Я лидирую, — произнес Логинов, как только активировалась связь и девять машин образовали устойчивую локальную сеть. — Удаляемся от планеты на триста тысяч километров. Расчетные данные для прыжка сейчас будут переданы. Интервал погружения в аномалию — две минуты. В точке выхода дежурим, ожидая сбора всех машин эскадрильи.

Вроде бы все понятно, даже — предельно просто, если не учитывать кричащей новизны используемых технологий.

Говорить на досужие темы не было, ни времени, ни желания. Внутреннее моральное напряжение вновь начало расти, сознание едва справлялось с потоками данных, поступающих от подсистем грозной боевой машины, ведомые «Витязи» четко придерживались получаемых от ведущего инструкций, синхронно повторяя маневры, — рулежка на старт, короткий интенсивный разгон по параллельным взлетно-посадочным полосам, и первое звено тремя огненными росчерками наискось пронзило небеса Новой Земли, выходя за пределы атмосферы планеты.

Прежде чем положить машину на курс, Андрей сделал один

орбитальный виток, убедившись, что «Варяг» занял зону парковочной орбиты, а чужие корабли так и не сумели покинуть клубящееся газопылевое облако, образовавшееся в пространстве недавней схватки.

Мы вернемся. Обязательно вернемся, — с такой мыслью Андрей дал указания автопилоту лечь на новый курс, двигаясь к точке погружения в аномалию.

* * *

Неизвестная точка пространства…

Медленно прояснялось сознание.

Рисунок звезд на голографических обзорных экранах рубки аэрокосмического истребителя пугал своей чуждостью. Бездна космического пространства, расплескавшаяся вокруг корабля, тревожила разум, помогая пилоту придти в себя, преодолеть непостижимую, но крайне неприятную «рыхлость» мышления. Внезапные, болезненные, негаданные побочные эффекты прыжка через пробой метрики пространства коснулись и кибернетических систем «Витязя» и человеческого рассудка.

Логинов медленно приходил в себя, одновременно впитывая новые, но не становящиеся от этого менее болезненными ощущения глобального сбоя, — благодаря колониям наномашин, внедренным в его нервную систему, Андрей продолжал воспринимать истребитель, как часть самого себя и вместе с подсистемами грозной боевой машины невольно переживал таинство реактивации, перезагрузки всех компонентов системы с резервных носителей.

Постепенно, по мере включения локационно-сканирующих комплексов пришли иные чувства.

Он оказался совершенно один среди бескрайней угольно-черной бездны пространства.

Только сейчас осознав окружающую *пустоту* , Логинов, преодолевая собственное недомогание, вдруг подумал: *прошлое исчезло… Вся жизнь была лишь подготовкой к этому мгновению…*

Взгляд скользнул по голографическим информационным экранам, где призрачно-алым полыхали строки отчетов о сбоях и попытках реактивации дублирующих подсистем, а затем невольно задержался на цифрах, отражающих текущую дату и время.

Они *менялись* .

Андрей поначалу подумал, что сбой в кибернетических сетях

«Витязя» все же фатален, и автоматическая реактивация дублирующих модулей, отключенных во время прыжка, а значит — не подверженных пагубному воздействию возникшей аномалии пространства, в конечном итоге завершится провалом, однако, спустя минуту, он *почувствовал* , как дурман в рассудке постепенно рассеивается.

Не он приходил в себя, а кибернетическая система «Витязя».

Логинову еще недоставало опыта, не получалось чисто волевым усилием «отключить» разум от прямой связи с бортовым компьютером истребителя. Собственная дурнота оказалась следствием тесного мнемонического контакта со сбойными подсистемами — отсюда большинство болезненных, негативных ощущений, включая расслоение сознания.

Он мысленно перешагнул и этот рубеж.

Преодолев через пробой метрики пятьдесят четыре световых года, Андрей оказался там, где еще не ступала нога человека, его взгляд абстрагировался от пустоты и теперь скользил по панорамам неизвестной звездной системы, переданным с заработавших, наконец, основных систем локации, — горячечной горошиной полыхала красная звезда, ближе и правее разбух укрытый покрывалом облачности шар планеты, рассеченный линией терминатора на два пространства — дня и ночи.

Серо-голубой цвет атмосферы, глубокий мрак ночной стороны, без намека на огни, обозначившие бы существующие поселения *состоявшейся* колонии.

Конечно, а что я хочу? «Первопроходец» еще не достиг планеты, он движется к системе среди бесконечного мрака, и наша задача найти его…

Наша.

Где остальные? Где ведомые истребители, где Саша и Павел?

Тишина на частотах связи. Внутреннее ощущение ситуации жестко и упрямо возвращается к мысли, что он — первый из людей, кто видит свет красного карлика.

Нужно проявить терпение, сдержанность. Конечно, легко и просто поддаться состоянию аффекта, но Логинов не искал лазеек, он честно пытался осмыслить происходящее, принять данность такой, какова она есть, без истерик и без иллюзий.

Целостность психики офицера военно-космических сил, воспитанная в нем годами обучения, упорных тренировок, подвергалась сейчас серьезнейшему испытанию.

Нас ведь готовили именно к этому.

Нас…

Мысль снова резанула по нервам, обожгла болью.

Логинов вдруг понял, что до последней секунды оттягивал момент повторного сеанса мысленной связи с реактивировавшейся кибернетической системой «Витязя», но избежать прямого контакта не представлялось возможным.

У тебя есть задание. Соберись!..

Мысленный окрик подействовал: практически мгновенно вновь пришло ощущение полного слияния с машиной, идентификации бортовых подсистем, как части собственного сознания.

От картин открывающихся рассудку, вполне можно было сойти с ума.

Каково ощущать жаркое дыхание реактора? Как рассудок человека способен за считанные минуты адаптироваться к восприятию окружающего космоса не посредством зрения, а через бортовые сканирующие комплексы, получая информацию от датчиков напрямую?

Он невольно закрыл глаза. Головокружение не унялось, но стало терпимее.

Я справлюсь. Обязательно справлюсь…

Как будто отклик на мысль, первой ласточкой грядущих событий внезапно пришел сигнал на частотах связи.

Затем еще один.

Андрей почувствовал, как озноб крадется вдоль спины, шевелит коротко остриженные волосы, мурашками пробегает по коже головы.

Два истребителя ответили на автоматически сгенерированный запрос.

Оба — в режиме «полный автомат».

Получив сигнал от ведущей машины, они включили двигатели, сокращая дистанцию и перестраиваясь в боевой порядок.

Действия автопилотов заставили Логинова вновь обратиться к вопросу о дееспособности кибернетической системы собственного «Витязя».

Отчеты, которые начали поступать в рассудок в ответ на оформившуюся мысль, поначалу радовали: сто процентов дублирующих аппаратно-программных модулей успешно прошли инициализацию и уже включились в работу, вновь сформировав целостное ядро бортовой кибернетической системы.

Он открыл глаза, взглянул в нижнюю часть главного информационного экрана.

Значения даты и времени уже не менялись с пугающей скоростью, но цифры явно противоречили здравому смыслу.

16 января 2372 года. 14 часов 2 минуты.

Ошибка почти в триста лет.

Он не стал требовать еще одной перезагрузки системы. Логинов поступил проще — вызвал на связь ведомые машины.

Значение даты и времени, переданные ими, повергли его в шок.

Получалось что три кибернетических системы, прошедшие аварийную перезарузку, независимо друг от друга, определили одно и тоже значение текущего времени.

16 января 2372 года. 14 часов 2 минуты.

Разумного объяснения показаниям бортовых хронометров Логинов не находил, но причин сомневаться у него уже не осталось. Кибернетические системы не выходили на связь друг с другом, пока он сам не потребовал этого.

Значит, они устанавливали значение реального времени независимо.

Обосновать случившееся Андрей не мог. Смириться с простой констатацией факта — тоже.

Ощущение глобального одиночества все сильнее давало знать о себе, давило на рассудок. По всему выходило, что он потерян не только в пространстве, но и во времени.

Свойства аномалии, возникающие при пробое метрики, совершенно не изучены.

Здравая мысль, не несущая, однако, облегчения.

Выходит, что колониальный транспорт «Первопроходец» прибыл в систему несколько столетий назад. Но почему в таком случае на ночной стороне планеты нет даже намека на огни?

Вспомнилась Земля. Вид из космоса на густозаселенную прародину человечества не просто впечатлял — зрелище, открывающее взгляду на ночной стороне планеты, потрясало. Миллиарды огней собранные в пульсирующие соцветья мегаполисов, текучие реки жидкого пламени, обозначавшие наиболее оживленные магистрали…

От воспоминаний стало тяжело на душе.

Я вышел из пробоя метрики в другой системе? Или «Первопроходец» не достиг намеченной цели?

Система автоматического поиска включена.

Реакция бортового компьютера на мысленное сомнение пилота, вновь напомнила ему о новых способностях собственного организма, полученных в результате инъекций микромашин.

Кем же ты сделал меня, Юранов?

Мог ли представить, что через несколько суток субъективного времени я окажусь за десятки световых лет от Земли, спустя три века после

нашего разговора?

* * *

Сдавленно пискнул предупреждающий сигнал поискового радара, привлекая внимание Андрея к показаниям, выведенным на голографический монитор.

Он поднял взгляд. Использовать возможности наномашин для быстрого считывания информации, пока удавалось через раз, вернее сказать — Логинову приходилось прилагать усилия, чтобы использовать новые, пока еще непривычные и потому жутковатые (по внутреннему восприятию) способы коммуникации.

На голографическом мониторе, по мере сближения «Витязя» с планетой, начали появляться подробности по объектам расположенным в зоне высоких орбит.

Сначала Андрей подумал, что система анализа и моделирования предлагает его вниманию кольцо, аналогичное кольцам планет гигантов Солнечной системы, однако уже через несколько минут стало ясно: первое впечатление обманчиво, а структура, опоясавшая планету, состоит из… множества обломков, среди которых идентифицировались весьма специфичные рукотворные конструкции.

Для Логинова увиденное явилось шоком. В первый момент, когда стало ясно, что на орбитах расположены скопления различных конструкций, сердце замерло в груди. Мысль о «Первопроходце» обожгла рассудок, но по мере входа обломков в зону эффективного сканирования подсистем дальней локации, гнетущее подозрение сменилось иным открытием.

Бортовая киберсистема «Витязя» уверенно идентифицировала часть объектов, из ближайшего, расположенного по курсу «скопления», как элементы малых космических кораблей двух типов, — тех самых с которыми капитану Логинову уже приходилось сталкиваться во время памятной операции в горах.

Обломки… Везде, куда проникало излучение сканирующих комплексов наблюдались схожие картины: сотни тысяч, миллионы тонн исковерканных, опаленных неистовым буйством энергий фрагментов малых и больших космических кораблей кружили по орбитам вокруг планеты.

Он не отключал систему поиска, — неконтролируемый страх и робкая, трепетная надежда смешивались в сознании, ситуация в какой-то момент вышла за рамки здравого смысла, психологической выносливости.

Воображение рисовало жуткие картины происходившей тут схватки, по сравнению с которой бой на подступах к колонии Новой Земли выглядел мелкой стычкой…

Базы данных трех аэрокосмических истребителей быстро пополнялись все новыми и новыми данными, кибернетические системы, сканируя обломки, выявляли повторяющиеся элементы конструкций, анализировали изображения и сигнатуры, выстраивали модели чужеродных космических аппаратов, по крупицам воссоздавая их облик и техническое наполнение.

Мысли Андрея носили иной характер.

На частотах связи по-прежнему царила тишина, прошли все мыслимые сроки ожидания, но второе и третье звено так и не появились в границах неопознанной звездной системы.

Аномалия пространства-времени, свойства которой только начинала постигать земная наука, привела Логинова в точку, не поддающуюся счислению, — ни один из звездных ориентиров так и не был опознан, и последняя надежда вскоре истаяла как дым.

Я промахнулся. Это не та система, к которой двигался «Первопроходец».

Парадокс времени еще предстояло пережить и осмыслить.

Потерян. Крохотная песчинка, в необъятных просторах Галактики, самонадеянное существо, ставшее добычей аномалии…

Удалось ли Паше и Александру вывести свои звенья в расчетную точку?

Я не узнаю этого. Никогда.

Что же теперь? Рассудок, провалившийся в бездонную пропасть отчаянья, не находил выхода из сложившейся ситуации. Андрей лишь чувствовал, как исчезла почва из-под ног, цели и задачи, столь ясные и очевидные, превратились в туманное воспоминание, — чем отчетливее он начинал осознавать бездну пространства и времени, разверзшуюся между прошлым и настоящим, тем тяжелее становилось.

Три столетия… Что произошло на Земле за это время? Да и сумею ли я отыскать Солнечную систему, когда не опознано ни одного звездного ориентира?

Неизвестно выдержал бы он усиливающийся прессинг отчаянья, не верни его в реальность тревожный сигнал поискового радара.

Пока он предавался мрачным размышлениям, кибернетические системы истребителей, работающие в составе локальной сети, продолжали кропотливое изучение искусственного кольца планеты: они сканировали

обломки, сопоставляли различные фрагменты, постепенно накапливали повторяющие в тех или иных вариациях изображения, — бесценные базы данных уже позволили «достраивать» некоторые из конструкций до их истинного, первозданного облика, и как подтверждение, некий результат статистического накопления результатов сканирования стало обнаружение скрытого в одном из «облаков» искусственного объекта, не подвергшегося разрушению.

* * *

Вполне естественно, что системы анализа данных не сумели *идентифицировать* космический корабль, обращающийся по орбите вокруг планеты. Изображение, возникшее на центральном информационном экране, показало обнаруженный объект и наглядно сопоставило ему множество на первый взгляд бесформенных обломков, — по выводу системы анализа они принадлежали подобным конструкциям.

Андрей вздрогнул, приходя в себя.

Чудовищные по своим масштабам события происходили тут в недалеком прошлом.

Он уже не комплексовал: степень морального напряжения ушла далеко за грань предполагаемых нагрузок, восприятие невольно притуплялось, дрожь по-прежнему волнами окатывала его, но теперь Логинов уже не обращал внимания на физические реакции организма.

Стресс не прекращался ни на секунду, напротив, каждый миг добавлял к требующей осмысления информационной картине все новые и новые детали.

На более высокой орбите относительно неопознанного космического корабля протянулась разорванная цепь обломков, оставшихся от исполинских (даже по масштабам космоса) сооружений.

Взгляд Логинова перескакивал с одной панорамы на другую, рассудок, переполненный впечатлениями, начинал уставать, внимание рассеивалось, все казалось важным, значительным, но обилие данных уже превысило допустимый информационный порог…

Следовало успокоиться, унять непроизвольную дрожь, сосредоточить внимание на чудом уцелевшем объекте.

Его истребитель после коррекции курса начал осторожное сближение с неопознанным кораблем, в то время как две ведомые машины осуществили маневр торможения, прикрывая его с дальних подступов.

Корабль, к которому Андрей направил свой «Витязь», имел семьсот метров в длину, около двухсот пятидесяти метров в поперечнике, и обладал

ярко выраженной конструкцией корпуса. Условно, неопознанный космический объект делился на пять сегментов, имеющих общую ось симметрии: носовая часть имела форму полусферы, плавно перетекающую в конус, второй сегмент, с пространственным симметричным строением надстроек, выдвинутых далеко за пределы усредненного габарита, демонстрировал трапециевидные формы выступающих ребер, сплошь покрытых броней, на фоне которой выделялись округлые диафрагменные люки, числом не менее сотни.

Третий «сегмент» загадочного корабля имел форму обратного усеченного конуса (развернутого основанием к носовой части). Данная часть конструкции, так же защищенная броней, при максимальном увеличении демонстрировала десятки тысяч небольших вкраплений, расположенных симметричными рядами, — возможно, это были сопла корректирующих двигателей или гнезда крепления каких-то датчиков.

Четвертая и пятая (кормовая) части состояли из цилиндра и сферы, сплошь усеянных различными надстройками, неразгаданного пока предназначения.

Общее впечатление, сложившееся у Андрея, оказалось крайне противоречивым.

Он даже не сумел ответить себе на вопрос: что за конструкция открылась его взгляду — автономный корабль, или орбитальная станция?

* * *

Как бы в дальнейшем не била и швыряла его жизнь, в сознании Андрея первые часы, проведенные на борту покинутого космического корабля иной цивилизации, навсегда остались самым ярким и напряженным впечатлением.

После долгого, утомительного маневрирования ему удалось подвести «Витязь» к зиявшей в броне исполина огромной пробоине с оплавленными краями.

Понимая, что внешний стазис корабля обманчив, Логинов, не смотря на моральную и физическую усталость, нашел в себе силы для принятия волевого решения: он идет внутрь инопланетного корабля, не смея перепоручить данную миссию кибернетическим механизмам.

А воздействие микромашин на организм и рассудок становилось все масштабнее, явственнее.

Логинов чувствовал, как вторгаются в разум новые, почти неприемлемые для человеческого рассудка ощущения. У него в отличие от астронавтов, покинувших Солнечную систему на борту «Первопроходца»,

не было времени на адаптацию, введенные в кровь микромашины распределялись по организму, вступали в симбиоз с различными тканями уже в процессе выполнения задания, — первые признаки изменений он ощутил еще на подступах к Новой Земле, затем, вне сомнений, именно микромашины спасли ему жизнь, помогли перенести прыжок, связанный с необъяснимым, но, несомненно, пагубным скачком темпорального потока, и вот теперь, когда «Витязь» вплотную приблизился к чудом уцелевшей инопланетной конструкции, процессы радикальной перестройки организма, вошли в новую активную фазу.

Логинов чувствовал боль в суставах и мышцах, тело казалось слабым, рассудок постоянно находился под гнетом крайнего напряжения моральных и физических сил, но все же он не дал себе поблажки, не отложил выхода в открытый космос, и исследование инопланетного корабля на «более удачное время».

Интуиция подсказывала: нельзя откладывать решительные, необходимые шаги, и он поверил своему внутреннему голосу, помня, что подсознание не подводило его никогда.

Боевой скафандр, оснащенный сервоусилителями мускулатуры, помог ему подняться из кресла пилот-ложемента.

Андрей все чутче и тревожнее прислушивался к новым, по большей части ошеломляющим ощущениям. Он по-прежнему не мог взять под контроль свои чувства, абстрагироваться хотя бы на минуту от возникшей незримой связи между рассудком и теми кибернетическими системами, что находились в прямом контакте с микромашинами.

С одной стороны открывшиеся возможности существенно расширяли его потенциал, помогали интуитивно принимать решения, контролировать сложные сервосистемы, видеть ранее недоступное взору… но как же мучителен оказался процесс адаптации, совмещенный с необходимостью постоянно быть настороже, совершать действия, требующие полной концентрации, отдачи всех сил…

…Автоматика шлюзовой камеры, расположенной по правому борту аэрокосмического истребителя, уже выдвинула негерметичный тоннельный переход: гофрированный рукав из прочного металлопластика проник в пробоину и остановил свое движение, выпустив растяжки временных креплений.

Андрей наблюдал за процедурой благодаря возникшей связи между внедрившимися в мозг микромашинами и датчиками внешних систем «Витязя».

Ему вновь, как и во время боя в системе Новой Земли, показалось, что

настигшее изменение необратимо, и теперь он по большей части станет воспринимать окружающую действительность посредством различных приборов и устройств, однако, стоило лишь открыться внешнему люку шлюзовой камеры, как тут же возобладало привычное зрение: взгляд чиркнул по тонкой щели, в разрезе которой расплескалась бездна космического пространства, на миг пришло головокружение, подавленное лишь усилием воли.

Тоннельный переход казался тонким, непрочным, немало сил пришлось приложить, чтобы сделать первый шаг навстречу неведомому, — не смотря на исправно работающую систему терморегуляции, Андрей ощутил, как ледяной пот прошиб спину, но давшийся с таким трудом первый шаг внезапно принес облегчение.

Быстро преодолев гофрированный рукав тоннельного перехода, он ступил на наклонную палубу внутреннего отсека инопланетного корабля.

Обширное помещение подверглось декомпрессии, повсюду были видны явные следы катастрофических разрушений, связанных не только с бесновавшимся тут в течение нескольких секунд воздушным потоком, истекавшим в пробоину, но и воздействием высоких энергий, разрушивших несколько квадратных метров обшивки.

Оплавленные края пробоины и следы воздействия высоких температур на различных устоявших на своих местах агрегатах, наводили на мысль о попадании в борт корабля сгустка плазмы. Судить однозначно Андрей, конечно, не мог, для категоричного вывода требовались специальные исследования, которые он намеревался произвести позже, а сейчас, осмотрев почти пустое помещение, он пошел вдоль закругляющейся стены отсека в поисках люка или другого перехода во внутренние помещения инопланетного корабля.

Анализируя свои ощущения, Логинов насторожился.

Внешний вид корабля, как он и подозревал, не вполне соответствовал его внутреннему содержанию. Новые чувства давали знать о себе подсказывая: в недрах космического сооружения до сих пор работают источники энергии, питающие (по предположению Логинова) некие аварийные цепи.

Однако восприятие энергоактивности оказалось далеко не самым острым ощущением.

Сделав первый шаг во внутреннее пространство инопланетного корабля, Андрей фактически сразу почувствовал нечто, сравнимое с ощущением пристального взгляда со стороны.

Озноб бил по телу. Не от страха, — от неимоверного морального

напряжения.

Соприкосновение…

Андрей стал первым, кто соприкоснулся с неизвестной человечеству расой, вернее сказать — с ее техногенным детищем…

Мысль внезапно оборвалась, он застыл, ощущая, как пощелкивает, впиваясь в кожу, инъектор системы поддержания жизни и метаболической коррекции.

А где Человечество? Уцелело ли оно?

Воспоминания, кажущиеся вчерашними, на самом деле относились к периоду трехсотлетней давности. Думать о том, что могло произойти за три столетия, учитывая роковые события, непосредственным участником которых он стал в колонии Новой Земли, было страшно, но еще хуже, болезненнее, страшнее стало внезапно вернувшееся ощущение глобального одиночества.

Прошло несколько минут, прежде чем Андрей сумел полностью взять себя в руки.

Да, он не раз попадал в смертельно-опасные ситуации, но как бы там ни было, где-то поблизости всегда находились люди.

Здесь же не было никого. Лишь он, космос, да холодные, таинственные обломки, несущие отпечаток трагедии, постигшей неведомую инопланетную расу.

Ощущение взгляда со стороны не проходило, напротив, оно стало лишь сильнее, а когда, двигаясь вдоль стены, Логинов, наконец, отыскал нечто похожее на овальный люк, то вставшая перед ним проблема — как преодолеть препятствие — внезапно разрешилась самым неожиданным, непредсказуемым образом: овальная плита, герметично запиравшая вход в тамбур переходной камеры шлюза, внезапно пришла в движение, поднимаясь вверх.

Его приглашали войти.

Но кто?!..

По внешним признакам корабль был покинут, разве что некоторые аварийные автоматические системы могли уцелеть, сохранить функциональность.

Логинов не стал строить догадок, тем более любое предположение, которое он в состоянии выдвинуть сейчас, явно не соответствовало истинному положению вещей, ведь он абсолютно не знал тех существ, что построили космический корабль, не предполагал логики их технической мысли…

Слишком просто меня впустили внутрь. — Вот что настораживало,

подсознательно давило на психику.

По человеческим понятиям следовало ожидать либо ловушки, либо мольбы о помощи. Иначе как объяснить явную, пока что ничем не оправданную легкость, с которой ему удалось проникнуть в зону неповрежденных ударом плазмы и последующей декомпрессией отсеков?

Как только Логинов миновал шлюз, оказавшись в длинном, широком, но невысоком коридоре, его восприятие, направленное на распознавание активных энергетических цепей, особенно обострилось. Андрею стало казаться, что на фоне серых, имеющих зернистую структуру стен, его взгляд различает тонкие, пульсирующие нити энерговодов, проложенные в толще массивных переборок.

Поддавшись новому, но чрезвычайно сильному, манящему ощущению, он пошел по коридору в ту сторону, куда (в его восприятии) уводили тонкие, едва просматривающиеся на фоне материала стены пульсирующие трассы.

Через пару минут их стало больше, часть «нитей», чем-то похожих на разветвленные капилляры кровеносной системы человека, уходила вглубь корабельных коммуникаций, но он не стал отклоняться от основного коридора, который, по показаниям сканирующих систем, проходил через все «модули», совпадая с осью симметрии и вращения составных частей семисотметровой конструкции.

* * *

Тишина угнетала. Натянутые нервы готовы лопнуть, каждый шаг требует усилия воли.

Встроенные видеокамеры скафандра вели постоянную съемку, данные, полученные от сканирующего комплекса, так же фиксировались в отдельные файлы, и Логинов, слыша собственное дыхание, подумал: а почему не озвучить увиденное?

— Я внутри инопланетной конструкции, — начал он. — Думаю, это космический корабль.

Коридор, прямой, как стрела, вел его все дальше. На борту царила невесомость, но специальное покрытие подошв скафандра, внутренней части перчаток, а так же наколенников и налокотников, позволяли Андрею двигаться в привычном вертикальном положении относительно пола. Такой способ перемещения требовал определенного навыка: нога ставилась ровно, на всю площадь подошвы, обеспечивая за счет специального молекулярного покрытия плотное сцепление с любой твердой поверхностью. Чтобы нарушить образовавшуюся связь приходилось

начинать каждый новый шаг со скользящего движения, тогда подошва легко отрывалась от пола.

При желании, используя покрытие материала гермоперчаток, Андрей смог бы стремительно продвигаться в условиях невесомости или же напротив, мгновенно затормозить свой полет. Что немаловажно — сцепление с твердыми поверхностями обладало такой степенью надежности, при которой он мог вести огонь из личного оружия, не рискуя, что возникающая в момент выстрела реактивная тяга отшвырнет его назад, заставив беспорядочно вращаться или того хуже — ударив о какое-либо препятствие.

…Заметив темное пятно на материале стены, он остановился.

— Странно. Вижу отверстие неправильной формы, около полуметра в диаметре, с оплавленными краями. Рядом, — он подался вперед, — рядом выщерблины, как будто от попадания пуль.

Взгляд Андрея скользнул по сторонам, но не обнаружил обломков. Часть переборки в районе отверстия испарилась под воздействием высоких энергий.

— Двигаюсь дальше, — продолжил комментировать он свои действия, не обнаружив за дырой ничего примечательного.

Там располагалась прослойка, в которой между материалом облицовки и самой переборкой тянулись кабели.

— Энергетическая активность в обнаруженных магистралях отсутствует. По-прежнему вижу таинственное мерцание, в виде пульсирующих нитей, окруженных напряженной аурой. Но они расположены за толстой переборкой, которую лишь оплавило, но не смогло пробить попадание из неизвестного мне вида энергетического оружия. Хотя, — тут же добавил он, — здесь могла произойти техническая катастрофа и тогда оружие не при чем.

* * *

Уже четвертый час Логинов двигался по тоннелю, постепенно приближаясь к носовой части космического корабля.

Продвижение затрудняли аварийные переборки, блокирующие проход через каждые пятьдесят метров. Некоторые из них оказались опущены лишь наполовину, оставляя достаточный зазор, чтобы Андрей мог протиснуться в него, иные были пробиты: препятствия полуметровой толщины зияли дырами, прорезанными при помощи энергетического оружия.

Попадались и наглухо блокированные участки, «чудес», как на входе в

корабль, больше не происходило, но ощущение направленного на него взгляда не покидало, постоянно поддерживая невероятное моральное напряжение.

Остановившись подле очередного препятствия, Андрей позволил себе короткий отдых.

Оглядевшись по сторонам, он продолжил комментировать увиденное:

— Теперь я уже не сомневаюсь, что нахожусь внутри космического корабля. Системы сканирования проникают через материал межпалубных перекрытий, и на некоторых участках я вижу под собой огромные трюмы, в которых складированы сотни тысячь тонн грузов. Какие-то детали, механизмы, точнее о характере наполнения низлежащих отсеков сказать не могу. Сейчас передо мной очередная аварийная переборка, на этот раз полностью опущенная, и не подвергавшаяся воздействию какого-либо оружия. Придется искать обходной путь.

Завершив фразу, Андрей приступил к методичному обследованию примыкающих к опущенной переборке стен.

На этот раз положение показалось ему безвыходным, тупиковым. Если в предыдущих случаях выручали повреждения обшивки, в виде проплавленных дыр, ведущих в смежные с тоннелем отсеки, через которые удавалось обойти опущенную переборку и вновь вернуться к магистрали, то теперь…

Он застыл, внимая внезапно обострившимся чувствам.

Показалось, что в коммуникаторе слышен звук: периодически повторяющийся сигнал, не речь, а именно звуковой сигнал, переданный на радиочастоте.

Определить пеленг на источник радиоволн оказалось несложно. Сигнал исходил из глубин коридора, на уже пройденном отрезке пути.

Андрей медленно развернулся, стараясь не совершать резких движений, чтобы не потерять сцепление подошв скафандра с полом.

Восприятие вновь обострилось, теперь внимание сосредоточилось не на звуке, а на распознавании несущей волны, передающей сигнал от передатчика к приемному устройству боевой экипировки.

Зрительный образ вновь ткал в сознании иллюзорную картину: пульсирующий свет, не воспринимаемый «нормальным» зрением, ритмичными сполохами озарял коридор на пройденном участке пути.

Метрах в двадцати от него угадывался источник сигнала — нестерпимо-яркая фиолетовая точка.

Он решил вернуться и проверить.

— Как будто кто-то играет со мной… — собственный голос прозвучал

хрипло, неузнаваемо. — Я двигаюсь к источнику сигнала.

Фразы, произнесенные вслух, не давали ему окончательно утратить связь с реальностью, возвращали из мира восприятия энергий, напоминали, что он по-прежнему остается человеком.

Ослепительная точка все ближе.

Еще пара осторожных шагов и она… угасла.

В полу коридора зияла дыра, Андрей прекрасно помнил, как обходил ее несколько минут назад, не наблюдая при этом никакой энергетической активности.

Ни зрение, ни сканеры и сейчас не различали по краям уродливого отверстия каких-либо устройств, способных генерировать излучение.

Внизу, метрах в десяти под уровнем магистрального тоннеля, внезапно зажегся еще один маячок, теперь уже не такой яркий, но ясно различимый.

Одновременно Андрей уловил еще один сигнал: вновь проявились пульсирующие в толще стен нити, но теперь по ним текли небольшие утолщения, — они двигались в сторону носовой части инопланетного корабля, как будто кто-то пытался указать ему путь… или заманить в ловушку?

Прежде чем скользящим движением оторвать подошвы скафандра от пола и начать спуск, Логинов дал себе минуту на отдых, одновременно пытаясь понять возникшую ситуацию.

— Не понимаю, с чем я столкнулся, — вновь стал комментировать он свои мысли.

Случиться могло всякое, и, быть может, его голос, записанный на запоминающие устройства боевой гермоэкипировки, спасет в будущем кому-то жизнь.

— У меня нет возможности уклониться от «приглашения». Если только вернуться назад, на борт «Витязя» и убираться отсюда, но что это даст? Куда я полечу, что стану делать? Если выживу, ведь буду потом мучиться, спрашивать себя: а если бы я продолжил путь?

Нет, отступать бессмысленно. Что странно — на борту чужого корабля повсюду явные следы штурма, но, не смотря на вакуум, царящий в большинстве отсеков, тут нет мертвых тел членов экипажа. Нет и каких-либо обломков от автономных механизмов, осуществлявших высадку, или напротив, защищавших корабль. Создается впечатление, что коридоры, отсеки и палубы тщательно прибраны. Остались только те следы боя, которые невозможно устранить без серьезного ремонта…

Он опять взглянул вниз, где по прежнему тускло светил «маячок».

— Похоже на некую автоматическую систему. Мало того, что меня впустили внутрь корабля, теперь, же, помогают обойти препятствия, выбрать не очевидный, но единственный существующий путь. Вопрос: куда он ведет? Общее сканирование, осуществленное с борта «Витязя», не выявило работы бортовых источников энергии. Реакторы корабля погашены. Но тонкие нити, которые я «вижу» в толще переборок, — реальны. Они появились не сразу, периодически исчезали, и вот теперь видоизменились. Их энергетическая природа не вызывает сомнений. Слабые токи, обретающие в моем восприятии вид сигнатур, создают некий указатель направления. Скорее всего, они пущены по информационной сети корабля. Буду следовать за «огоньками». Иного выхода я не вижу.

Собственный голос помог Андрею собраться с силами и немного сбить нарастающее нервное напряжение. Сейчас главное — быть осторожным и не наделать глупостей.

Он оторвал от пола сначала одну ногу, затем вторую, сразу попав под воздействие невесомости, затем перевернулся, и начал спуск, оттолкнувшись руками от края пробоины.

Маячок угас, но тут же включился новый, расположенный метрах в пятидесяти по направлению к носовой части корабля. Туда же стремились и небольшие энергетические сгустки, теперь сигнатуры, наблюдаемые в толщи переборок, из пульсирующих нитей превратились в пунктирные цепочки, они как будто обозначали для него габариты некоего тоннеля: пунктиры постоянно изгибались, помогая ему увидеть и обойти препятствия. Через некоторое время Андрей убедился: некто, используя общепонятный способ целеуказания, действительно прокладывает для него оптимальный маршрут, — по мере продвижения он успешно огибал различные препятствия, возникающие в виде покореженных, местами оплавленных агрегатов, неизвестного предназначения.

Логинов теперь двигался в пространстве огромной, лишенной внутренних переборок палубы.

Ему потребовалось около получаса, чтобы преодолеть сотню метров извилистого маршрута, проложенного меж различных препятствий.

Наконец впереди появилась глухая, мощная переборка, по-видимому, отделяющая полусферическую носовую часть корабля от иных отсеков, и тут же указующие сигналы побежали быстрее, уведя его вертикально вверх, к небольшому овальному отверстию.

Технический проход, по стенам которого ровными рядами тянулись различные кабели, оказался коротким, люк через которой он проник в него, был выжжен ударом плазмы, точно такой же выбитый ударом

энергетического оружия проем располагался в десяти метрах от него.

Пунктирные линии сошлись сосем близко, теперь они окружили Андрея, световые маячки больше не включались, он достаточно быстро преодолел теснину технического тоннеля и еще раз нырнув «вниз», внезапно оказался под куполом огромного сумеречного помещения.

* * *

Вновь включился светлячок сиротливого маячка.

Оттолкнувшись от свода отсека, Логинов продолжил движение, проплыв в невесомости над амфитеатром таинственных устройств.

Наконец ему удалось достичь пола и закрепиться на нем, используя подошвы скафандра для надежного сцепления.

Интуиция подсказывала, что вокруг протирается некий пост управления. Логично, что сигналы, исходят именно отсюда.

Он осторожно, стараясь не зацепить блоки аппаратуры, направился по пологому, похожему на пандус спуску, к центральному сектору «амфитеатра», где неожиданно заработал передатчик, чей слабый сигнал не сумел бы пробиться через мощные межпалубные переборки.

Какая-то из подсистем огромного космического корабля, созданного чуждой расой, пыталась связаться с ним. Андрей остановился, внимательно осматриваясь по сторонам. Свет фонаря, закрепленного на гермошлеме, выхватывал из тьмы подробности: блоки аппаратуры, с погашенными индикационными огнями, возвышались вокруг, немые, непонятные, их не коснулось разрушение, а вот расположенные между ними огромные, продолговатые «чаши», некогда закрытые колпаками из полупрозрачного материала, подверглись целенаправленному уничтожению. Материал, похожий на пластик, сгорел, от него остались лишь замысловатые почерневшие потеки, да несколько осколков, валявшихся на полу. Внутри продолговатых емкостей громоздились обугленные кристаллические массы, совершенно непонятного происхождения и предназначения.

Осмотрев очаги разрушений, Логинов продолжил спуск, ориентируясь по показаниям систем сканирования.

Пост управления оказался огромен, очевидно он был полностью автоматизирован, потому что Андрей не нашел ничего похожего на кресла или иные приспособления, где могли бы располагаться астронавты. Из-за размеров помещения и обилия в нем различных устройств, он почти что четверть часа пробирался к источнику слабых, едва уловимых сигналов, пока за очередной глыбой спекшейся от воздействия высокой температуры кристаллической массы, не заметил слабое сияние.

Он обогнул препятствие, подошел ближе.

Цилиндр из дымчатого материала, похожего на стеклопластик, плотно заполняли кристаллические образования, на этот раз нетронутые разрушением. Контейнер, по всей видимости, был поднят из открывшейся в полу ниши уже после того, как содержимое семи огромных «чаш» подверглось методичному уничтожению.

Если верить показаниям сканеров, сигналы исходили именно отсюда.

Андрей внимательно рассматривал три скопления кристаллических образований, образующих плотные колонии, соединенные между собой ажурными, причудливо изгибающимися нитями, собранными из крохотных едва различимых невооруженным взглядом кристаллических крупинок. Внутри цилиндра вихрился мутный газ, колонии кристаллов светились, картина была совершенно фантастическая, — осколок иного, непонятное устройство, или, быть может все-таки организм, заключенный внутри автономной системы жизнеобеспечения?

Сигналы не ослабевали, но понять, расшифровать их, Логинов не надеялся.

Он ошибся.

Внезапно заработал интегрированный в кибернетическую систему боевого скафандра программно-аппаратный модуль автоматического переводчика.

В первый момент Андрей испытал сильнейший шок.

Можно понять его состояние: после боя в системе Новой Земли, прыжка, поглотившего триста лет реального времени, картин гибели нескольких космических флотов, открывшихся его взгляду в неизвестной звездной системе, отчаянья и надежды, обманутого ожидания встречи с боевыми товарищами, длительного, полного нечеловеческого напряжения путешествия по отсекам и палубам исполинского корабля иной расы, он в довершении цепочки загадочных событий внезапно услышал ровный голос, синтезированный аудиосистемой модуля автоматического перевода:

— *Ты — помогать Мы. Мы — помогать Ты.*

Часть 2. Чужие

Глава 4

Одной из узловых станций, где сходились древние торговые пути, являлась система Нерг.

Исполинский комплекс, выстроенный в незапамятные времена цивилизацией Армохонтов, включал в свой состав сотни терминалов, вакуумных доков, стапели двух космических верфей, — пространственная конструкция, вытянувшаяся в трех измерениях, была собрана из отдельных модулей и, вероятно, ее современный облик формировался не одно столетие.

Транспортный узел обращался по эллиптической орбите вокруг четвертой планеты системы, где в древности шла активная разработка месторождений полезных ископаемых.

Сейчас непригодная к жизни планета представляла печальное зрелище: на ее поверхности, среди многочисленных открытых выработок и шахт, постепенно разрушалась брошенная за ненадобностью планетарная техника, управлять которой уже не сумел бы ни один из смертных. Исполинские самодвижущиеся комплексы все еще проявляли признаки функциональности, — они перемещались по поверхности мертвого мира, под покровом ядовитых облаков, пытаясь отыскать среди отвалов древних разработок потерянный смысл былого предназначения.

Транспортный узел древней межзвездной сети был не только обитаем, но и поддерживался в сносном техническом состоянии, впрочем, в этом не было заслуги представителей различных космических рас, наполнявших жилую часть комплекса шумным, бурлящим движением жизни.

Менее успешные, не имеющие собственных достижений научно-технического прогресса наследники могучей, но канувшей в лету цивилизации Армохонтов, не создавали ничего нового. Они эксплуатировали уникальное наследие, чаще всего не задумываясь ни о чем, кроме собственных сиюминутных проблем и чаяний.

И, тем не менее, уникальный комплекс продолжал функционировать. Его окружали так называемые «врата» — автоматические пробойники метрики пространства, созданные по утраченным ныне технологиям. Их надежности, простоте конструкции и функциональности оставалось лишь поражаться. Спустя сотни лет после исчезновения своих создателей уникальные системы продолжали бесперебойно работать, получая энергию от горячего, молодого светила системы.

Множество загадок таили в себе древние космические сооружения. Однако мало кто из ныне живущих пытался постичь тайны былого. Большинству обитателей станции достаточно и того, что комплекс функционирует, позволяя им вести прибыльную межзвездную торговлю.

Контролировали транспортный узел Ц'Осты.

Они редко появлялись на глаза торговцам, ведя замкнутый образ жизни. Каждый корабль, проходящий через систему древних врат, был обязан причалить к вакуумным докам и отдать определенный процент товара, в качестве платы за пользование древними устройствами Армохонтов.

Никто не пытался оспорить или нарушить сложившееся положение вещей. Торговцы, вне зависимости от расы, которую они представляли, прекрасно понимали, что соблюдение правил, установленных Ц'Остами, поддерживает минимальный порядок и хоть как-то регламентирует межзвездный бизнес. К тому же большинство торговцев справедливо полагали, что именно Ц'Осты поддерживают комплекс в рабочем состоянии, иначе, зачем бы им брать в качестве платы за проход не только диковинные товары, но и полезные ископаемые, часто перевозимые транспортными кораблями?

* * *

Появление корабля Эшрангов не вызвало на узловой станции особого интереса.

Пришвартовавшись к свободному вакуум-доку, средних размеров транспорт выдвинул герметичный рукав переходного тоннеля, по которому на борт «Н-болга» (так на языке Армохонтов именовалась узловая станция древней транспортной сети) проследовал единственный пассажир.

Эшранга поглотили запутанные недра станции.

Несколько часов спустя он появился в баре центрального сегмента, где по традиции собирались все не занятые в данный момент капитаны и члены экипажей космических кораблей.

Нужно сказать, что появление нелетающей птицы было встречено холодно — большинство существ, собравшихся тут, относились к так называемым «молодым» или, если выражаться точнее, «младшим» расам обитаемого космоса, в то время как Эшранг являлся представителем древней цивилизации, правившей в космосе (согласно утверждениям новейшей истории), наравне с Армохонтами, еще до нашествия загадочных механоформ.

Чем вызвана неприязнь «младших рас» к более древним существам,

объяснить просто. Если об исчезнувших Армохонтах сохранились преимущественно положительные воспоминания, то Эшранги снискали себе дурную славу. Вмешательство во внутренние дела планет, использование противоречий, возникающих между многочисленными планетными цивилизациями, сугубо в своих личных целях, являлись обычной практикой для Эшрангов. После исчезновения Армохонтов и трагических, ныне скрытых вуалью таинственного забвения событий многовековой давности, цивилизация Эшрангов, раздробленная на враждующие друг с другом кланы, утверждала свою власть любыми доступными способами, постепенно подминая некогда свободные звездные системы…

…Эшранг не обратил внимания на внезапную тишину, воцарившуюся в баре после его появления.

Проследовав к свободному столику, он неуклюже взгромоздился на спинку универсального кресла,[17] вцепившись в нее своими мощными когтистыми лапами. По-прежнему игнорируя повышенное внимание к своей персоне, Эшранг дождался, пока завсегдатаям бара не наскучит пялиться на него.

Как только шум голосов вновь наполнил помещение, он характерным жестом поманил к себе официанта.

Универсальный язык межрасового общения, разработанный еще до нашествия механоформ, базировался на фонемах[18] Армохонтов — цивилизации, гуманоидного типа. По структуре тела Армохонтов можно сравнивать с людьми, по уровню развития, они, конечно, находились намного выше человеческой цивилизации, — даже среди древних рас обитаемого космоса Армохонты занимали особое положение. Именно они стояли у истоков формирования внепространственной транспортной сети, их космоверфи снабжали кораблями все без исключения союзные цивилизации, однако высочайший уровень технического развития оказался палкой о двух концах: нашествие чуждых механоформ выявило факт абсолютной зависимости Армохонтов от создаваемой ими же техники. Говоря проще, цивилизация гуманоидных существ не смогла существовать вне рамок созданной ими же техносферы, и, как это ни печально, погибла одновременно с разрушением последней.

От Армохонтов осталось многое: полуразрушенная транспортная сеть, сотни космических кораблей, десятки тысяч планетарных машин, — все цивилизации обозримого космоса до сих пор использовали технику Армохонтов, которая постепенно ветшала в отсутствии должного ухода и

технического обслуживания.

Лишь на нескольких узловых станциях древней космической сети существам цивилизации Ц'Ост частично удалось проникнуть в тайны древних технологий, по крайней мере, они заявляли, что контролируют полуавтоматические системы «Н-болгов», и теперь только они — Ц'Осты единственные в обитаемом космосе, кто в состоянии осуществлять техническое обслуживание всех типов космических кораблей и управлять сохранившимися после нашествия механоформ каналами внепространственной транспортировки.

Соответствовали ли их заявления истине — понять сложно. Техническое обслуживание космических кораблей на узловых станциях типа «Н-болг» действительно осуществлялось, но в условиях регресса, утраты большинства знаний, трудно дать ответ, действовали ремонтные механизмы самостоятельно, руководствуясь заложенными в них программами, или ими действительно отдавали распоряжения Ц'Осты?

…Эшранг, сделав заказ, вновь принял надменный вид, застыв будто изваяние, и лишь его глаза под кожистыми веками продолжали жить, цепко, внимательно осматривая полутемный зал.

Олг (так звали Эшранга) курировал данный сектор пространства уже не первый год, и независимая станция системы Нерг являлась его постоянной головной болью. Здесь собирались наиболее дерзкие наемники и торговцы, сама станция была прекрасно защищена, и являлась одним из немногих оплотов вольнодумства.

Дело в том, что, не смотря на жестокую борьбу между кланами, в отношении «младших рас» Эшранги придерживались единой политики. Независимость некоторых планет и узловых станций «Н-болг» одинаково раздражала все группировки Эшрангов, и задачей Олга на протяжении многих лет являлся сбор информации, устройство провокаций, всяческое ослабление единства и усиление распрей между отдельными расами, населяющими современный космос.

Независимость системы Нерг обуславливалась ее крайне неудобным, удаленным расположением, и исправной работой систем противокосмической обороны «Н-болга». Чтобы захватить станцию требовался, как минимум, полнокровный боевой флот, и ни одна из группировок пока что не решалась идти на подобную жертву.

Олг прекрасно понимал: если он сумеет отыскать способ захвата огромного комплекса, то его положение в клане не только упрочиться, но и приобретет качественно иной статус.

Он не строил иллюзий относительно хитрых Ц'Остов, но и не

оставлял надежды, что находясь на станции он сумеет подгадать подходящий момент, столкнуть лбами вольных торговцев, или нанять группу авантюристов, — он искал любой способ устроить смуту и «под шумок» овладеть управлением уникального комплекса.

Он действовал осторожно, — такова была натура Эшрангов, они никогда не бросались в бой, предпочитая действовать окольными, обходными путями, без риска для собственной жизни.

Ц'Осты конечно подозревали его в недобрых намерениях, но ничего не могли доказать, и были вынуждены терпеть периодические появления Олга.

…Сейчас он исподволь наблюдал за собравшими в отсеке станции существами, делая вид, что полностью погружен в собственные размышления.

В основном среди посетителей бара выделялось три категории существ: Хонди — разумные насекомые,[19] Умры — теплокровные разумные млекопитающие, которых, пользуясь привычной для человека терминологией, следовало отнести к семейству кошачьих, и, наконец, Цириты — разумные существа, обладающие эзоскелетом.

Ц'Осты, присутствующие в помещениях бара, пришли сюда не отдыхать, а работать.

Следует отдельно остановиться на облике этих удивительных существ. Ц'Осты развивались в условиях явно неблагоприятной внешней среды, жестокой конкуренции видов, что не преминуло сказаться на особенностях строения их организмов. Никто не мог похвастаться, что определенно знает, как выглядит Ц'Ост. Дело в том, что эти существа обладали не только способность к мимикрии кожных покровов, но и умели трансформировать свое тело, придавая ему формы окружающих предметов.

Прислуживали в баре сервомеханизмы, созданные еще во времена технического расцвета цивилизации Армохонтов. Их вид был довольно жалок, не смотря на утверждения новых хозяев «Н-болга» о том, что вся техника находиться под полным контролем и содержится в надлежащем функциональном состоянии.

Механизмы, чем-то похожие на уменьшенные копии Циритов, с ярко выраженным туловищем и восьмью членистыми конечностями-манипуляторами подносили еду и напитки, общаясь с представителями различных цивилизаций, благодаря встроенному синтезатору речи и программе, оперирующей словарем универсального межрасового языка, заработанного еще Армохонтами.

…Эшранг, погрузив клюв в узкий, высокий сосуд с напитком, продолжал исподволь контролировать всех посетителей бара.

Сначала его привлекла группа Умров, но после минуты пристального наблюдения заинтересованность, появившаяся было во взгляде нелетающей птицы, потускнела, а затем исчезла вовсе.

Нет, они не годились. Слишком агрессивны и самоуверенны, к тому же их ненависть к Эшрангам уже стала притчей.

Взгляд Олга равнодушно скользнул по Циритам, задержался на многочисленных Хонди, а затем, не найдя ничего интересного, стал внимательно изучать отдельных представителей «младших рас».

Три колонии разумных кристаллов с Алгита ненадолго привлекли его внимание. Вообще, по мнению Эшранга их нельзя было причислять к самостоятельным цивилизациям космоса. Разумные кристаллы никогда бы не вышли за пределы биосферы родной планеты, не понадобись в свое время Армохонтам альтернативные системы управления, призванные продублировать работу бортовых компьютеров, в условиях нештатных ситуаций.

Разумные кристаллы, или как их стали называть — Алгиты, идеально подходили на роль дублирующих систем, здесь казалось, сама природа позаботилась о техническом решении, столь необходимом для поддержания работоспособности корабельных информационных сетей в случае утраты централизованного питания. Алгиты никогда не создавали орудий труда, они не строили городов, не изменяли природу своей планеты, но, тем не менее, сумели развиться до уровня существ, осознающих факт собственного бытия. Соединяясь между собой в сложные структуры колоний, разумные кристаллы создали непрерывную цепь накопления и анализа данных, — знания об окружающем мире не утрачивались, каждый новый Алгит, отпочковавшийся от колонии, использовал информационные ресурсы зрелых особей, таким образом, у них возникло понятие «история», появились непрерывные во времени массивы данных, где концентрировалась вся информация об окружающем мире, собранная многими тысячами поколений.

Армохонты не устанавливали контакта с Алгитами, не спрашивали их желания поступить на службу, и путешествовать в пространстве, они взяли множество образцов только отпочковавшихся от колонии молодых кристаллов, и начали культивировать их на космических станциях. В процессе роста вновь образованные колонии разумных кристаллов получали строго дозированную и тщательно отобранную информацию, поневоле образуя информационно-управляющие центры, пригодные для

интеграции в структуру космических кораблей.

Нужно сказать, что совершенное «насилие» открыло для разумных кристаллов новые горизонты. Они продолжали осознавать себя, но совершенно не противились той роли, что была отведена для них Армохонтами. Постепенно Алгиты, уже не мыслящие себе жизни вне космических кораблей, шагнули на новую ступень развития, — теперь единение кристаллов стало идентифицировать себя с понятием «разумное существо».

На протяжении тысячелетий Алгиты исправно служили Армохонтам, но когда началось вторжение механоформ, и огромное количество космических кораблей оказалось разрушено, мыслящие кристаллы, благодаря герметичным, имеющим огромный ресурс автономии капсулам, сумели не только выжить, но и добраться до узловых космических станций, пользуясь лишь теми маломощными средствами передвижения, что входили в конструкцию спасательных модулей.

Конечно, уцелели далеко не все, а тем Алгитам, которым посчастливилось достичь обитаемых систем, не нашлось места в раздираемом противоречиями послевоенном мире. На кораблях и станциях, что пережили нашествие механоформ, существовали свои, узкоспециализированные колонии мыслящих кристаллов, не нуждающихся ни в каких «расширениях», — ведь после упомянутой трансформации сознания, каждая колония воспринимала себя, как личность, и любое смешение вело к пагубным последствиям — у Алгитов наступало «раздвоение сознания» результатом которого (в подавляющем большинстве случаев) становилась гибель обеих колоний.

В современности отдельные Алгиты, не связанные с конкретными космическими кораблями, проживали на узловых станциях, пользуясь щедрым гостеприимством Ц'Остов. Некоторое время ходили слухи, что Алгиты выдали метаморфам (так в просторечье называли Ц'Остов) многие тайны технологий Армохонтов, знание которых позволило последним взять под свой контроль сохранившиеся «Н-болги», но подтвердить или опровергнуть подобные слухи было чрезвычайно сложно: метаморфы помалкивали, да и находящиеся на положении «гостей» Алгиты отказывались обсуждать подобные темы.

Некоторое время понаблюдав за кристаллами, медленно перемещавшимися по поверхности специального стола, покрытого тонкой пленкой питательных веществ, Эшранг перенес свое внимание на четверых Звенгов.

Еще одна раса гуманоидного типа.

Чтобы не утомлять читателя весьма специфическим восприятием Эшранга, следует заметить, что внешний вид (да и повадки) Звенгов разительно напоминали земных мартышек. Низкорослые, щуплые, необычайно подвижные, можно сказать — непоседливые, они с одинаковым проворством использовали в одних и тех же целях все четыре конечности. Их ладони с тремя гибкими многосуставчатыми пальцами находились в постоянном движении, и только хвост, покрытый разноцветной, отливающей мягкими полутонами шерсткой, почти всегда оставался неподвижен. Дело в том, что уникальная цветовая гамма растущей на хвосте шерстки, насыщенность и ширина чередующихся полос, на девяносто девять процентов определяли индивидуальность каждого Звенга.

Среди этих существ, создавших планетную цивилизацию, но вышедших в космос исключительно при помощи и под патронажем Армохонтов, не существовало такого понятия, как «смертная казнь». Вместо того, чтобы лишить Звенга жизни, за наиболее тяжкие преступления ему отрубали хвост, лишая индивидуальности. Вместе с хвостом Звенг терял свое имя, положение в обществе, абсолютно все — его более уже нельзя было идентифицировать.

Низкорослые, щуплые и вертлявые гуманоиды не вызвали у наблюдавшего за ними Эшранга положительных эмоций.

Величие древних рас блекло, растворялось в том пестром хаосе, что выплеснулся в космос после сокрушительного удара механоформ; представители различных планетных цивилизаций смешались в настырную, галдящую толпу. Представители младших рас, получив негаданную свободу, вырвавшись из-под опеки древних и мудрых цивилизаций, казались сейчас Эшрангу варварами, пирующими на скорбных обломках былого величия звездного союза, — когда-то всемогущего и несокрушимого…

Он продолжал свой мысленный экскурс.

Теперь, чтобы осмотреть удаленные уголки помещения, почти полностью скрытые сумраком, Эшрангу пришлось извлечь клюв из сосуда с напитком и немного повернуть голову.

Присмотревшись к дальним столикам, за которыми на огромных панорамных экранах в режиме реального времени формировалось изображение окрестностей станции «Н-болг», он вдруг вздрогнул от неожиданности.

Все мысли, как будто улетучились из головы Эшранга, оставив под черепной коробкой звенящую, тревожную пустоту.

Он не первый раз посещал систему Нерг, часто бывал и в баре космической станции, прекрасно ориентировался в окружающем древнюю конструкцию пространстве и его техногенном наполнении.

Шок Эршанга был вызван вполне понятными причинами: сектор пространства, отображаемый на экранах, занимали *обломки* древних устройств внепространственной транспортировки. То есть, в направлении взгляда, по определению не должно было происходить никаких неординарных событий.

Тем не мене Эшранг отчетливо различил блеснувшую на почтительном удалении от станции вспышку холодного сияния, которую невозможно было спутать с каким-либо случайным явлением: характерный визуальный эффект, сопровождающий работу устройств Армохонтов, привлек не только его внимание, по всему помещению вдруг стих гомон голосов, наступила глубокая тишина, казалось сам воздух в огромной отсеке станции вдруг сгустился и наэлектризовался, столь велико было молчаливое потрясение многих существ, так же заметивших вспышку в темном секторе пространства.

Первыми от внезапного потрясения оправились Ц'Осты.

Один из метаморфов проворно переключил режим работы обзорных экранов, максимально увеличив изображение, что незамедлительно повлекло за собой новый, еще более сильный шок.

Среди обломков, — давно и безнадежно нефункциональных частиц, уже не являющихся целостными устройствами, расталкивая их дефлекторными щитами носовой полусферы, медленно и величественно двигался боевой фрегат Армохонтов!..

Эшранг вдруг ощутил, как по телу пробежал озноб скверного предчувствия.

Оглядевшись по сторонам, он увидел, как представители различных цивилизаций встают из-за столиков, у экранов мгновенно образовалась толпа, в относительной тишине звонко, *вызывающе* опрокинулось несколько металлических кресел, лишь Алгиты никак не отреагировали на происходящее, — разумным кристаллам, получающим информацию лишь при подключении к ним определенных устройств, по большому счету было все равно, что за невероятные события происходят в окрестностях космической станции. Оставаясь вне политики, не интересуясь ничем, кроме собственного комфорта, они продолжали поглощать приготовленное Ц'Остами угощение.

Олг, кроме прочего, заметил, как засуетились метаморфы, пара перехваченных Эшрангом насмешливых и в тоже время мстительно-

выжидающих взглядов, которыми наградили его Хонди и Умры, мгновенно нарисовали совершенно безрадостную перспективу — не все еще утратили память об истинной подоплеке произошедших несколько веков назад событий, и лишь полное исчезновение Армохонтов позволяло Эшрангам пользоваться их наследием, диктуя свою волю большинству планетных цивилизаций изолированного от остальной Обитаемой Галактики сектора.

Миф о нашествии механоформ, якобы уничтоживших колонии Армохонтов, столь тщательно насаждаемый Эшрангами, мог прямо сейчас, в присутствии Олга рухнуть, обернувшись страшным возмездием.

Представителя «старшей расы» как будто пригвоздило к месту.

Тело покрылось испариной, клюв раскрылся, дыхание стало частым и прерывистым.

Казалось бы, что за дело Эшрангу до появления боевого корабля исчезнувших Армохонтов?

Мало ли техники, созданной древней цивилизацией, используется в современности? Взять хотя бы соперничающие друг с другом боевые флоты тех же Эшрангов, — разве они на девяносто процентов не состоят из кораблей, некогда построенных Армохонтами?

Да, все так, и к появлению фрегата в системе Нерг, можно было бы отнестись абсолютно спокойно, войди он в метрику трехмерного космоса при посредстве *функциональных* элементов древней транспортной сети.

Однако фрегат появился из аномалии среди скопления обломков, оставшихся от уничтоженных устройств, которые в прошлом связывали станцию «Н-болг» с изолированными в современности звездными системами.

Эшранг хотел бы бежать, провалиться сквозь палубу, скрыться, любым доступным способом, столь велик оказался внезапно возродившийся в нем страх, но он лишь крепче вцепился в спинку универсального кресла, продолжая в смертном оцепенении наблюдать за развитием событий.

Боевой фрегат Армохонтов, задействовав двигатели ориентации, откорректировал курс, а затем, включив маршевую тягу, начал стремительное сближение с космической станцией.

Столпившиеся у секций обзорных экранов экипажи транспортных и торговых судов, внезапно в едином порыве устремились прочь из отсека, спеша на огромную предшлюзовую площадку, граничащую с единственным вакуумным доком, способным принять корабль класса «фрегат».

Бар станции опустел, в помещении у опрокинутых столиков осталось

лишь несколько Ц'Остов, которых шок заставил непроизвольно метаморфировать, — они сливались с формой и фактурой окружающих предметов, но в их поведении было больше рефлекторных реакций, нежели ужаса, который испытывал в эти минуты Эшранг.

Наконец ему удалось справиться с собой. Разжав впившиеся в спинку кресла когти, Олг неуклюже спрыгнул на пол, и подойдя к одному из метаморфов, требовательно произнес:

— Мне необходимо отдельное помещение!

Ц'Ост, к которому он обратился, на миг прекратил метаморфозы, и, воспользовавшись этим, Олг повторил требование, сопроводив его чувствительным ударом кожистого крыла.

— Помещение с монитором, живо!

Ц'Ост попятился, затем, словно очнувшись от транса, быстро, согласно закивал.

* * *

Олг никогда в жизни не переживал столь страшных минут напряженного ожидания.

В предоставленном ему помещении имелись все средства удаленного наблюдения за предшлюзовым накопителем станции.

Кроме того, на отдельные голографические экраны выводились данные внешних сканирующих систем, бесстрастно освещавших все детали процедуры стыковки фрегата со станцией.

Сферическая носовая часть семисотметрового космического корабля в данный момент входила в округлое стыковочное гнездо вакуум-дока, рассчитанного для приема кораблей подобного класса.

Эшранг в смертном оцепенении вновь вернувшегося ужаса, с гибельным любопытством, похожим на самоистязание, жадно рассматривал сблизившийся со станцией корабль, подмечая многие детали, ранее скрытые из-за дальности расстояния.

Фрегат, несомненно, побывал в жестоком бою. Его обшивка носила следы ремонта, часть бронеплит хранила характерные следы ударов плазмы, во многих местах угадывались тщательно заделанные пробоины, что только усугубляло общее впечатление.

Олг прекрасно понимал: только Армохонты владели технологией формирования внепространственных тоннелей, лишь им было под силу совершить прыжок из изолированной системы. Как фрегат сумел выйти в трехмерный космос, оставалось загадкой, даже Эшранги, объявившие себя «старшей расой», не владели тайнами перемещения через аномалию

пространства-времени, они лишь использовали сохранившиеся после Армохонтов устройства, контролируя те звездные системы, где по сей день функционировала древняя транспортная сеть.

Конец… Конец всему… — панически думал Олг, наблюдая за стыковкой фрегата со станцией. — *Они вернулись на столетия раньше, и теперь возмездие неотвратимо…*

Его страх был так велик, что не позволял мыслить здраво, — вместо того чтобы задействовать канал межзвездной связи и сообщить о случившемся, он продолжал наблюдать, как будто присутствовал при приготовлениях к собственной казни.

Мягкий, но ощутимый толчок, дрожью отозвавшийся в переборках, возвестил об окончании процедуры стыковки.

Олг перевел мутный от потрясения взгляд на внутренний монитор, где крупным планом была показана предшлюзовая площадка, нестройная, стихийно организовавшаяся толпа «встречающих» и…

Люк переходной камеры, соединенный с негерметичным стыковочным рукавом, начал медленно открываться, по стенам и полу вдруг пробежала волна изморози, соткав фантастический узор моментально превратившегося в иней конденсата, перепад давления породил порыв ветра, шерсть на телах нескольких Умров взъерошилась под его порывом, затем с отчетливым шипением сработали герметизирующие уплотнители, взвыли насосы, восполняя небольшую потерю воздуха, и люк, застывший на одной трети своего хода, вновь пришел в движение, резко исчезая в переборке.

На пороге шлюзовой камеры показалась рослая, закованная в невиданную боевую броню фигура гуманоида.

Нервная дрожь, терзавшая Эшранга, перешла в крупный неконтролируемый озноб.

На миг ему показалось, что прошлое непостижимым образом материализовалось в рослой плечистой фигуре, затем существо подняло руку, коснулось шлема, освобождая электромагнитные замки и…

Секундное замешательство Олга было вызвано сходством незнакомого ему существа с Армохонтами. Та же фигура, осанка, разделение конечностей на нижние и верхние, лицо с характерным строением мышц и расположением органов дыхания, обоняния, слуха…

Нет.

Эшранг снова вздрогнул всем телом, на сей раз отгоняя смертное наваждение. Не смотря на поразительное сходство, существо появившееся из шлюза не являлось Армохонтом.

Это был… Хомо!

Человек. Всего лишь человек, представитель одной из младших рас, полностью подконтрольной одному из недружественных кланов расколотой распрями цивилизации Эшранг!

Олг вдруг почувствовал, что находиться на грани обморока.

Человек несколько секунд стоял, внимательно, без страха глядя на столпившихся у шлюза представителей различных цивилизаций, а затем четко, внятно произнес, на безукоризненном языке межрасового общения:

— Приветствую всех. Мое имя Андрей. Андрей Логинов. Я человек.

После секундной тишины вперед бесцеремонно протолкнулся Ц'Ост.

— Приветствуем тебя, Хомо. Ты причалил к станции свободной торговли системы Нерг. Что привело тебя сюда?

— Я потерял свою планету. Мой корабль во время скитаний был поврежден.

— К станции причалил боевой фрегат Армохонтов! — без лишних церемоний констатировал Ц'Ост.

Человек кивнул, соглашаясь с очевидным утверждением.

— Я нашел его подле сожженной дотла планеты, среди скоплений обломков, оставшихся после космического сражения. Фрегат был сильно поврежден, и покинут экипажем. На борту уцелела молодая колония Алгитов, являвшаяся резервом, на случай аварии. Алгиты погибали от недостатка энергии в бортовых системах. Я спас колонию разумных кристаллов, и вместе мы сумели восстановить контроль над фрегатом, а после — задействовать уцелевшие бортовые кибермеханизмы и отремонтировать его обшивку.

— Как ты прошел по уничтоженному транспортному каналу? — раздался вопрос, из толпы встречавших. Судя по характерному акценту, его задал один из Звенгов.

— Это пока останется моей тайной, — спокойно ответил человек.

— Что тебе нужно на станции? — вновь подхватил упущенную на миг инициативу Ц'Ост.

— Отдых, — с прежним хладнокровием ответил человек. — Отдых, информация, текущий ремонт. Я ищу свою родину — планету Земля. Слышали о ней?

Метаморф отрицательно покачал головой.

— Может быть вам знакомо Солнце? Название — «Солнечная система», о чем-то говорит?

— Никогда не слышали о такой звезде, — мгновенно отреагировал Ц'Ост. — Мы никогда не видели Хомо, только слышали, что такие существа

где-то есть. Очень далеко отсюда. Много промежуточных станций «Н-болг». Возможно, пути к твоей родине давно утрачены. Мы ни разу не видели Хомо, — повторил метаморф.

— Могу ли я рассчитывать на гостеприимство?

Эшранг, слушавший диалог поперхнулся, удивившись поведению Хомо.

Ну не странно ли спрашивать о гостеприимстве у ничтожного Ц'Оста, когда за твоей спиной боевой фрегат, способный в одну минуту превратить огромный космический комплекс в облако раскаленного газа?!

— Система Нерг — зона свободной торговли. К станции может причалить всякий, кто не замышляет зла. Если тебе есть чем заплатить нам — доки «Н-болга» к услугам Хомо.

— Сколько я должен заплатить? Что вы берете в качестве платы?

— Нам подходят любые товары. Десять процентов от содержимого трюмов и мы обеспечим тебя всем необходимым.

— В трюмах моего корабля много разных запасных частей, устройств и агрегатов. Такая плата будет принята?

— О, да! — мгновенно отреагировал Ц'Ост.

Эшранг в этот момент проклинал патологическую жадность метаморфов.

За десять процентов от груза они готовы сотрудничать и предоставлять убежище кому угодно!

Бежать. Срочно улетать отсюда, вернуться во главе флота и подвести, наконец, черту под независимостью системы Нерг. Захватить фрегат Армохонтов, вырвать у Хомо тайну формирования внепространственного тоннеля, и тем самым обеспечить своему клану подавляющее превосходство в разгорающейся с новой силой междоусобной войне за контроль над остатками транспортной сети!..

Страх, минуту назад сводивший с ума, исчез, теперь его место заняло возбуждение.

Хомо, какой-то ничтожный Хомо сумел побывать в одной из изолированных систем, привести оттуда боевой фрегат Армохонтов! Неслыханное событие, способное в корне изменить существующий баланс сил!..

С такими мыслями Эшранг покинул свой наблюдательный пункт, стремясь поскорее исчезнуть из системы Нерг.

Похоже, будущее всего сектора сейчас находилось в его руках. А Хомо… Он никуда не денется отсюда, нельзя же всерьез полагать, что его прыжок из изолированной звездной системы не следствие элементарного

везения, а некий расчет. Разве возможно, чтобы ничтожное существо, принадлежащее к младшей расе, вдруг разгадало великую тайну цивилизации Армохонтов?!

Нет, ему просто повезло. Он нашел неповрежденные врата и совершил прыжок не зная, куда вышвырнет его аномалия космоса. Иного разумного объяснения появлению фрегата Армохонтов в системе Нерг Эшранг не находил.

Впрочем, он и не пытался его найти.

Пережитый ужас, затем внезапно наступившее облегчение совершенно помутили рассудок Олга.

Он бежал, тем самым дав Андрею Логинову время, чтобы осмотреться в новом для него мире, совершить определенные поступки и принять решение о том, как действовать дальше.

* * *

Никто из свидетелей появления в системе Нерг боевого фрегата Армохонтов, даже не догадывался, что за ад царил в душе человека, проявившего столько храбрости и сдержанности при общении с представителями различных разумных рас.

Капитан Логинов попал в абсолютной иной, чуждый ему мир.

Соприкосновение Человечества с иными цивилизациями состоялось, но оно произошло три столетия назад, и Андрей вдруг оказался заложником истории, которой не знал.

Как быть?

По субъективным оценкам своей памяти, он только вчера получил задание на поиск колониального транспорта «Первопроходец», но, совершив прыжок через аномалию пространства, оказался в ловушке, потерял боевых товарищей, утратил возможность возвращения на Землю, оставшись один на один с казавшейся непостижимой тайной гибели всего живого в границах некогда обитаемой звездной системы.

Как бы не готовили его на Земле к вероятной встрече с иными космическими расами, он, совершив рискованную вылазку на борт погибшего космического корабля неведомой цивилизации, был близок к полному моральному и физическому изнеможению, граничащему с потерей рассудка.

За время его отсутствия кибернетические системы трех «Витязей» продолжали поиск, — от тщательного сканирования обломков они переключились на разведку планеты, затем, следуя полученным инструкциям, приступили к всестороннему анализу звездного окружения.

Вернувшись на борт своего «Витязя» после долгого, но практически безуспешного диалога с колонией разумных кристаллов, Логинов, не позволив себе и минуты отдыха, принялся просматривать собранную автоматическими системами информацию.

Количество обломков на орбитах планеты удручало, пугало и настораживало. Здесь сошлись в смертельной схватке два огромных флота, принадлежавшим различным цивилизациям. Выжил ли кто-то в состоявшейся несколько веков назад битве — гадать бессмысленно.

Поверхность планеты, к которой с борта «Витязей» были посланы разведывательные зонды, предстала перед взглядом Логинова панорамами пустынных ландшафтов, над которыми царили обугленные останки городов-мегаполисов.

Никаких признаков жизни, лишь шквалистые ветра гнали поземку из пепла над сожженными плазменными ударами равнинами.

Жуткое, завораживающее, сводящее с ума зрелище. Просматривая документальные записи, сделанные разведывательными зондами, Андрей ощущал бескрайнее, безграничное одиночество. Мысль о том, что возможно он остался последним представителем Человечества, угнетала, — среди обломков, дрейфовавших на орбитах сожженного дотла мира, системами анализа были опознаны фрагменты огромных космических кораблей, аналогичных тем, что пытались преградить путь Земному крейсеру, во время прорыва «Варяга» к орбитам колонии.

Теперь Андрей воочию наблюдал, какая судьба ждала родину Человечества при наихудшем стечении обстоятельств.

Любой человек впал бы на его месте в отчаянье. Куда бы не обращался его взор, повсюду шокирующие данные: бортовые кибернетические системы «Витязей» так и не сумели идентифицировать реальное звездное окружение, сопоставить его с известными ориентирами. Все без исключения созвездия выглядели иначе. Не дал результатов и поиск по цефеидам,[20] полным провалом завершилась попытка идентификации источников радио и рентгеновского излучения, да и Млечный Путь видоизменился до полной неузнаваемости.

Чем больше Андрей размышлял, тем более убеждался — аномалия, куда его корабль угодил во время прыжка, сочетала в себе катастрофические смещения, как времени, так и пространства.

На догадку об огромном, едва ли поддающемся осмыслению расстоянии, которое преодолели три истребителя, наводило несколько фактов.

Во-первых, ядро Галактики, наблюдаемое отсюда, не идентифицировалось бортовыми компьютерами «Витязей», то есть машины не нашли совпадения по многим характеристикам, и не могли выдать однозначного заключения, на каком удалении от ядра был совершен «обратный переход» в метрику трехмерного космоса.

Во-вторых, проваленная идентификация по цефеидам. Трудно предположить, что за триста лет (смехотворно-малый отрезок времени в масштабах Галактики) переменные звезды вдруг, все до одной, изменили характеристики пульсаций.

Логинов понял: он оказался на таком удалении от Солнечной системы, что мысль о возвращении приходилось снять с повестки дня, убрать куда подальше, на задворки сознания, и — если он собирался элементарно выжить, — заняться вопросами, требующими немедленного решения.

Он вернулся на борт загадочного корабля, доставив в полуразрушенную рубку управления два автономных энергоблока. Спасая колонию разумных кристаллов, Андрей действовал не только из альтруизма. Куда бы не вышвырнула его аномалия космоса, Логинов четко понимал: он не вышел из зоны общего языкового общения неведомых ему цивилизаций. Автопереводчик работал исправно, и, следуя простым логическим выводам, Андрей предположил, что единым для звездного союза будет не только язык межрасового общения, но и общие навигационные базы данных.

Вероятно, среди них он сумеет отыскать путь, ведущий к Земле.

…

Шли дни, недели, складываясь в месяцы упорного, изматывающего труда.

Андрей давал себе время на отдых только когда начинал в буквальном смысле «валиться с ног» от усталости. Только в постоянной, напряженной работе он мог уйти от мрачных мыслей, не дать отчаянью и одиночеству захлестнуть рассудок.

Его усилия не пропали даром, и постепенно на борту древнего корабля, принадлежавшего загадочно исчезнувшей цивилизации Армохонтов, возник удивительный синтез двух сознаний. Связующим звеном между человеком и колонией мыслящих кристаллов стали микромашины, имплантированные в организм Логинова. Никакой мистики: наночастицы, интегрированные в нервную систему, поддерживали, кроме прочего, собственную локальную информационную сеть: обмен данными между биологическими и кибернетическими компонентами позволил Андрею принимать и обрабатывать сигналы, полученные от Алгитов, а

подсистема автоматического переводчика — распознавать их.

В первое время это пугало, настораживало, вызывало мысли о помешательстве, но спустя два месяца, проведенных в постоянном общении, Андрей стал относиться к Алгитам не как к части оборудования фрегата Армохонтов, — он, следуя особенностям человеческой психики, постепенно начал отождествлять звучащий в сознании голос с *кораблем* .

Взаимное доверие позволило качественно продвинуться в восстановительных работах, и настал тот день, когда перед Логиновым с новой остротой встал вопрос: что делать дальше? Он вновь оказался на перепутье, однако, все дороги, открывшиеся перед ним, вели в полную неизвестность.

Приказы, полученные три века назад, утратили смысл. Обстановка изменилась в корне, акт вселенской трагедии был сыгран без его участия, и капитану военно-космических сил России предлагался непростой выбор: пойти по пути наименьшего сопротивления, заботясь лишь о собственной жизни, или все же продолжить поиски первого колониального транспорта человечества?

Душу Логинова глодала тоска.

Какие испытания не ждали бы его впереди, сколько бы ему не было отпущено судьбой, он будет думать о Земле, о своем одиночестве, об утраченных товарищах, о невыполненном долге.

Мысли о колониальном транспорте «Первопроходец», как выяснилось, не покидали Андрея ни на минуту.

Нет, не могли люди исчезнуть без следа , — в тысячный, миллионный раз убеждал себя Логинов. Ему все чаще вспоминались слова Юранова, сказанные перед прыжком «Варяга» в систему Новой Земли: *Тебе, Андрей, искать «Первопроходца». Если здесь мы не справимся с угрозой, то колониальный транспорт станет последней, единственной надеждой на возрождение Человечества…*

Воспоминания о генерале Юранове причиняли боль, вновь подводили рассудок к грани отчаянья.

Разве мог он подумать, — обыкновенный офицер военно-космических сил, — что ему вдруг придется оперировать глобальными понятиями, мысленно вести речь о личной, персональной ответственности за возрождение цивилизации?

Тяжкая ноша. Иного бы просто раздавил этот груз, но Андрей боролся с собой, гнал прочь депрессию, мрачные мысли, спасаясь от самого себя в долгих беседах с Алгитам, где постепенно зарождалось и крепло взаимопонимание двух сознаний.

— Алги, что вы знаете об Армохонтах?

— Немного. Они похожи на ты.

— Похожи? В чем?

— Строением тела. Метаболизмом, — Алгиты в ходе общения понемногу перенимали от Андрея новые слова, привнесенные из человеческого языка.

— А что произошло на орбитах планеты? — Логинов давно собирался поговорить на тревожащую его тему, но раньше как-то не получалось.

К своему разочарованию он не получил исчерпывающего ответа.

— Алгиты не знают. Мы молодая колония. Выросли на борту корабля. Нас не включали в общую информационную систему. Мы учились только узнавать звезды и управлять бортовыми механизмами. Потом произошла авария… разрушение.

Логинов понял — мучить Алгитов вопросами, относительно событий многовековой давности, бесполезно.

— Ладно. Тогда другой вопрос: как твой корабль попал в эту систему?

Ответ поразил Андрея некоторыми, неизвестными ему подробностями:

— Фрегат «Эмуштурар» прошел через звездные врата.

Вот как? Оказывается, у корабля существовало название? Любопытно.

— А что представляют собой врата транспортной сети?

Перед креслом пилота (Логинов модифицировал ходовую рубку фрегата, приспособив ее и еще несколько помещений под привычные для него требования) вспыхнул голографический монитор, показав удаленный участок пространства. В стороне от планеты, среди обломков огромной станции, в космосе парили фрагменты устройств, незнакомой Андрею конструкции.

Мысленным приказом соединившись с киберсистемой второго «Витязя», он отправил истребитель в нужную точку пространства для подробного исследования фрагментов, на которые указали Алгиты.

Логинова серьезно беспокоили ближайшие перспективы. Он подозревал, что вся навигация связана с использованием стационарных устройств, создающих внепространственный тоннель, но если они разрушены, каким образом фрегат сумеет покинуть систему?

Конечно, он в любой момент мог использовать один из «Витязей», задействовав мобильный гипердрайв истребителя, но риск «слепого рывка» казался Андрею не лучшим выходом из положения. Где гарантия, что он вновь не окажется за тысячи световых лет от точки входа в аномалию и вторично не попадет под воздействие искаженного временного потока?

— Алги понимают что такое «время»?

— Да.

— При проходе через стационарную транспортную сеть время изменяло свои свойства?

— Нет.

Пока они разговаривали «Витязь» вышел в заданную точку пространства и приступил к сканированию.

Какого же было изумление Логинова, когда на информационный голографический экран стали поступать схемы распознанных автоматикой истребителя устройств!

Сложив воедино знания, имплантированные ему вместе с колониями наномашин, и данные, получаемые от сканирующих устройств истребителя, Андрей убедился, что все гениальное действительно отличается рациональной простотой, и в основе уникальных достижений разных цивилизаций вполне закономерно лежат схожие технологические решения, если устройства предназначены для исполнения одинаковых функций.

«Врата», созданные цивилизацией Армохонтов, содержали конструктивные элементы, в точности повторяющие основные схемы мобильного гипердрайва «Витязей»!

Однако среди дрейфующих в космосе обломков нашлось немало оборудования, не имевшего аналогов среди достижений человеческой мысли. Именно на них Андрей обратил внимание Алгитов, попросив дать пояснения.

Алги ответили не сразу.

— Часть устройств незнакома. Вот эти и эти.

На информационном экране выделились элементы конструкций, назначение которых Алгиты пояснить не могли.

Логинов терпеливо ждал продолжения.

— Мы видим неповрежденные навигационные блоки. Они лишены энергии, но содержат информацию, необходимую для прыжка.

— Прыжка *куда?* — попросил уточнить Андрей.

— В звездную систему, с которой соединялись разрушенные врата, — охотно пояснили Алги.

— Если подать энергию и прочитать навигационные данные, Алгиты сумеют рассчитать прыжок?

— Рассчитать прыжок — да. Осуществить его — нет.

— Почему?

— Устройство, создающее аномалию, разрушено, — ответили

Алгиты.

— А если я решу проблему? Например, помещу устройства, создающие аномалию на борту фрегата?

— Необходимо произвести расчеты. Нам нужны исходные технические данные и информация с навигационных блоков разрушенных врат.

— Я предоставлю все необходимое, — пообещал Андрей, отдавая мысленный приказ системам истребителя на изъятие и транспортировку навигационных блоков.

Впервые за последние месяцы в душе Логинова затеплилась надежда.

Созданные таинственными Армохонтами стационарные каналы внепространственной транспортировки (судя по полученным от Алгитов информации), не искажали временного потока. Если при расчете прыжка использовать данные с навигационных устройств разрушенных врат, то гиперприводы трех «Витязей» выведут фрегат в заранее известную точку пространства, минуя губительное воздействие временных аномалий.

Мысль, получив опору, заработала быстро и четко.

Я скрою истребители в трюмах фрегата. Никто и никогда не узнает о них, при соблюдении осторожности.

— В звездных системах была война, — обратился он к Алгитам. — Мне неизвестно, что происходит там сейчас. Мы ведь не хотим быть разрушенными?

— Мы не хотим.

— В таком случае необходимо восстановить боеспособность фрегата. Как Алги отнесутся к внедрению в бортовую сеть незнакомых кибернетических систем?

— Мы постараемся их понять.

* * *

И вот он тут.

На борту станции «Н-болг» системы Нерг.

Сложно описать состояние человека, оказавшегося в окружении абсолютно чуждых ему существ.

Ни одна деталь технического оснащения, конструктивных особенностей или интерьеров отсеков космической станции не находила понимания, все буквально кричало о своей чуждости, давление на психику не ослабло, напротив оно усиливалось с каждой прожитой минутой, с каждой новой мыслью…

Его учили выдержке, моральной стойкости, но *личное*

соприкосновение рассудка капитана Логинова с существами иных цивилизаций, похоже, не выдерживало контакта с «братьями по разуму».

Ц'Осты, получив часть причитающейся им платы, снабдили Андрея всей информацией, которой владели.

Информацией, что обрушилась на сознание, будто могильная плита.

Навигационные базы данных, сохранившиеся еще с древнейших времен, откорректированные лишь в той части, что касалась разрушенных в современности участков внепространственной сети, не содержали никаких сведений о Земле или Солнечной системе.

Смутные намеки Ц'Остов, о том, что сеть постоянно достраивалась, и, возможно, в тысячах световых лет отсюда Андрею встретятся иные, более полные данные, нисколько не успокаивала.

Несколько суток он провел за изучением сложной сетки существовавших в прошлом внепространственных маршрутов, из которых в современности сохранились лишь единичные гиперпространственные тоннели, все четче осознавая, что и десяти жизней не хватит, чтобы пройти через тысячи звездных систем, сохранить независимость среди раздоров и хаоса, процветающего на руинах великой цивилизации Армохонтов, павшей под ударами загадочных механоформ.

История современно мира, скупо преподанная ему метаморфами, несла больше противоречий, чем ясности.

— Андрий, продай нам свой корабль, — Ц'Ост, подсев за столик к Логинову, выставил угощение — два бокала с прозрачной, будто слеза жидкостью.

— Что это?

— Напиток забвения. Он снимает усталость и тревожные мысли.

Логинов чувствовал, что с трудом сдерживает себя. С каждой минутой, проведенной на станции, ему становилось все труднее сохранять самообладание.

Кто хоть однажды путешествовал по миру, должен понимать, что такое семантический шок. Даже в рамках родной планеты, попав в другую страну, расположенную в иной климатической зоне, оказавшись среди незнакомых людей, чуждой природы, неизвестных обычаев, человек, каким бы сильным и «морально подготовленным» он не был, испытывает шок, так что говорить о Логинове, оказавшемся в полнейшем, абсолютном одиночестве, среди существ, с которыми он не сталкивался вообще, либо соприкасался с ними в бою?

— Зачем мне продавать корабль?

— Неправильно… Не «зачем», а «почему», — Ц'Ост оскалился в

дружелюбной улыбке.

— Объясни. Я не понимаю.

— Андрий, ты привел к станции боевой фрегат Армохонтов. По закону, боевыми кораблями может обладать только старшая раса. Эшранги.

— Я не из вашего мира. Мне нет сейчас дела до «старших» и «младших» рас. Я ищу свою родину, а без корабля…

— У тебя его отнимут, — Ц'Ост сделал глоток «напитка забвения». — Эшранги разделены на кланы, они враждуют между собой, но когда идет речь о господстве в космосе — они едины.

— Допустим. Что я получу взамен?

— Гостеприимство Ц'Остов. Навсегда.

Очевидно, по разумению метаморфа предложение было более чем щедрым.

— Извини, но фрегат не продается.

— Подумай Андрий. Мы подождем. Хорошо подумай о своем одиночестве в нашем мире.

Ц'Ост встал и, не оборачиваясь, покинул отсек.

* * *

Рефлексия…

Андрей не подозревал всей глубины истинного смысла скрывающегося за этим словом.

Сейчас сидя в «баре» станции «Н-болг» он в полной мере испытывал на себе глубину повторяющийся переживаний, связанных с *глобальной утратой* .

Он потерял все. Окружающее выглядело настолько чуждым, что лишь многократно усиливало нервный стресс.

Я никогда больше не увижу людей.

Мысль билась в рассудке, и спасения от нее не было.

Нужно сказать, что на станции царили порядки, которые по человеческим меркам можно было назвать анархическими. Сюда прилетал кто угодно, в отсеках общего пользования нередко случались потасовки, а то и перестрелки.

Ведающие всем Ц'Осты относились к инцидентам с абсолютным равнодушием, до тех пор, пока дело не касалось порчи имущества.

Рефлексия. Она затягивала рассудок, как омут, рука невольно тянулась к узкому неудобному бокалу с «напитком забвения» — смесью всякой дряни, выращиваемой здесь, на станции, в отсеках гидропоники и обладающей легким наркотическим воздействием.

Забвения не наступало. В голове плавал дурман, мысли становились обрывочными, воспоминания рыхлыми, но не менее болезненными.

Потом появлялась немотивированная злоба.

Часто вспоминался один разговор, случайно услышанный еще в академии астронавтики, но почему-то запомнившийся, засевший в памяти, или вытащенный на поверхность сознания сообразно обстоятельствам.

Беседовали два кадета, после просмотра очередного фильма:

— Не понимаю, что случилось, — говорил один из них. — Фильмы пошли какие-то дурацкие, герои — комплексующие, рефлексирующие сопляки. Как будто интересно смотреть, как они мучаются.

— Да, — соглашался второй, — уж куда лучше старые фильмы, там хоть герой — железный парень, знающий, что ему нужно в жизни. И без всяких комплексов и стрессов…

Андрей понимал: он ведь был тем самым «железным парнем», а что случилось сейчас? Куда он падает, где дно пропасти и чем завершаться его моральные муки?

Нечего сидеть на станции и смотреть на «братьев по разуму», пытаясь их понять. Нужно искать Землю.

Опять внутри начала копиться иррациональная злоба, хотя вряд ли кто-то находящийся сейчас в этом зале имел прямое или косвенное отношение к его проблемам.

Однако Андрей в некоторые моменты просто не контролировал себя. Он потерялся. Осознание своего полнейшего одиночества било, как контузия.

За три дня, проведенных на борту станции «Н-болг», он достаточно полно ознакомился с нравами пестрого конгломерата обитателей космического поселения.

Информации полученной от метаморфов, вполне хватало, чтобы воссоздать недостающие звенья реальности и, как выразился один из них: «хорошо подумать о своем одиночестве в нашем мире…»

Межзвездная торговля, основанная на еще функционирующих звеньях древней транспортной сети, полностью контролировалась Ц'Остами, но метаморфы не стремились превратить контроль в тотальное господство. Если выражаться понятным человеку языком они «жили одним днем», ища сиюминутную выгоду и не особо задумываясь над ближайшими перспективами.

Иные расы, вернее их остатки, пережившие яростный удар загадочных механоформ, по сути, утратили всякую волю к экспансии в дальний космос. Не имея собственной технологической базы, они

пользовались наследием Армохонтов, не пытаясь вникнуть в принципы действия механизмов или постичь тайны эксплуатируемых технологических решений. Небольшой «запас прочности» обеспечивался обилием автономных ремонтных механизмов, обслуживающих космические корабли и поддерживающих небольшие линии производств запасных частей на станциях типа «Н-болг».

За последние сутки, проведенные в тяжелых раздумьях, Андрей все чаще спрашивал себя: «Где же вы — *настоящие* братья по разуму? Куда исчезла величайшая из цивилизаций космоса?»

Ответа не знал никто. Армохонты действительно исчезли, а все, что происходило в действительности, напоминало древний мир Земли с обилием рас, существовавших в рамках планетной цивилизации: примитивные отношения между различными планетами сводились к торговле, локальным военным конфликтам, — каждый преследовал собственные цели, не стремясь даже задуматься о глобальном.

Андрей не исключал, что на обломках не до конца понятой им системы взаимоотношений «старших» и «младших» рас современного космоса, в ближайшем будущем возникнет нечто вроде империи, которая на краткий промежуток времени объединит разрозненные народы, но что дальше? Несомненно, планетные поселения, не до конца уничтоженные нашествием таинственных механоформ, возродятся, и тогда контроль над транспортной межзвездной системой Армохонтов даст одной из космических рас явное, неоспоримое преимущество над другими.

Ц'Осты не казались Логинову той силой, что способна удержать станции «Н-болг» под своим контролем.

Полученные от метаморфов сведения ясно указывали — в космосе царят силы Эшрангов. Но их цивилизация раздроблена на враждующие кланы, ведущие постоянную борьбу, как друг с другом, так и с независимыми планетными цивилизациями Умров, Хонди и Звенгов.

В этой связи один лишь факт существования установки мобильного гипердрайва, способного освободить корабли торговцев и военные флоты от жесткой привязки к древним внепространственным тоннелям, спровоцирует всплеск событий, разрушив сонное течение жизни на станциях.

Логинов мог поступить двояко: извлечь личную выгоду из обладания рабочими образцами гиперпривода, по которым, даже при существующем уровне знаний еще можно полностью восстановить технологию, использованную при проектировании «Витязей», либо придерживаться избранной линии поведения, всеми силами скрывая факт существования

уникальной разработки, памятуя о том, что он по-прежнему офицер военно-космических сил, пусть уже не России, но Земли.

Земли, путь к которой потерян.

* * *

От мрачных размышлений Андрея отвлекло появление Хонди.

— Хомо, есть деловое предложение.

Логинов поднял взгляд. Рядом с его столиком стоял, опираясь трехпалой кистью на столешницу торговец-Хонди, чуть поодаль маячил метаморф.

— Я не интересуюсь никакими предложениями.

Андрей мало того, что находился в наисквернейшем расположении духа, но и успел заметно перебрать «напитка забвения», от которого вопреки заверениям метаморфов, он испытывал лишь легкую одурь да повышенную раздражительность.

Логинов понимал, что агрессия по отношению к обитателям станции «Н-болг» не лучший способ завязать нормальные отношения, но ничего не мог поделать с собой. Существа иных рас вызывали у него резкую неприязнь, граничащую с бесконтрольной и в конкретном случае — безосновательной ненавистью.

Чем провинился Хондийский торговец? Тем, что подошел к нему?

Глупо. Но Андрей почти не контролировал себя. Сколько бы их не готовили к встрече и общению с «братьями по разуму» все усилия преподавателей и психологов, похоже, пропали всуе.

Они были и останутся для него *чужими* , а собственное одиночество с каждым днем, часом, минутой будет разрастаться, грозя безумием.

Андрей попытался отмолчаться — не вышло.

Хонди хоть и казался миролюбивым, но был настроен решительно. По крайней мере отойти от столика у него не хватило сообразительности.

— Хомо, ты даже не выслушал моего предложения.

— Я не хочу тебя слушать, — четко, делая паузу между словами, ответил Андрей.

Вокруг шныряли сервомеханизмы. Одни разносили еду и напитка, другие убирали со столов, третьи просто толклись у стен в ожидании, когда возникнет потребность в большем количестве обслуживающих машин.

Андрей даже на сервов смотреть спокойно не мог.

Хонди не уходил. От разумного насекомого исходил резкий тошнотный запах, за соседним столиком четверо Звенгов повздорили, устроив шумную визгливую возню, — куда бы Андрей не бросил взгляд в

поисках спасения от подступавшего к горлу срыва, он видел кого-то из *чужих* .

Он не выдержал испытания глобальным, подавляющим рассудок, чувством одиночества.

Не помогла ни подготовка к «первому контакту», где им внушали терпимость к любым мыслимым и даже немыслимым для человека жизненным формам, не помог и робкий голос здравого смысла, пытавшегося сказать: уймись, остынь, если не в состоянии терпеть внешнего вида иных существ, их запахов, звуков их речи — уйди. Встань и уйди на свой корабль и там дай волю свой ярости, своему бессилию…

Нет, он не внял рассудку.

Они чужие. А я один. Я больше никогда не увижу людей. Земля исчезла, пути к ней нет… Я буду скитаться среди чуждых миров, исполнять поручения инопланетных торговцев, чтобы элементарно выжить… А зачем? Где теперь искать потерянный смысл существования? Как примирить себя с абсолютно чуждым миром?

— Я тебя прошу — уйди прочь, — собрав остатки здравомыслия, произнес Андрей, слушая, как автоматическая система переводит его слова на язык межрасового общения.

— Нет, — упрямо проскрежетал жвалами Хонди, — у Хомо есть большой вместительный корабль, у меня — товар, который нужно перевезти в удаленную звездную систему. Говори со мной.

— Я не буду с тобой говорить, — хрипло выдавил Андрей, теряя всякое самообладание. — Убирайся, я хочу побыть один. И передай Ц'Остам: «Хомо не желает никого видеть». Это понятно?

— Нет, — тупо ответил Хонди.

Рука Логинова соскользнула на рукоять оружия.

Палец коснулся сенсора активации. Армейский пистолет снаряженный обычными (в понимании человека) патронами, без сомнения вызовет переполох. Инопланетяне, привыкшие к энергетическому оружию, наверное, никогда не видели и не слышали о чем-то подобном.

Тихо вкрадчиво прошелестел электромагнитный затвор, досылая патрон в патронник.

Андрей балансировал на грани безумия.

Одиночество плескалось в глазах, зрачки Логинова расширились, легкая одурь, вызванная напитком метаморфов, окончательно улетучилась, но сознание не прояснилось, напротив, его как будто подернуло хмарью.

— Значит, не уйдешь?

— Нет, — повторил Хонди. — Сначала договариваться, потом

уходить.

Андрей лишь чудом удержался, чтобы не выстрелить ему в лоб.

Резко отведя руку в сторону, он коснулся сенсора огня, и оглушительный одиночный выстрел заставил вмиг умолкнуть гомонящий зал.

Серву, доставлявшему заказ к расположенному неподалеку столику, разрывной пулей снесло половину корпуса, один из оторванных манипуляторов едва не зашиб Звенга, а бесформенный, дымящийся фрагмент механизма, приводившего в движение бытовую машину, с лязгом отлетел под ноги Ц'Осту.

Хонди отшатнулся. Его будто парализовало: пуля прошла в нескольких сантиметрах от головы разумного насекомого.

— Я ведь ясно сказал — оставьте меня в покое! ВСЕ!

Смертельную бледность Логинова подчеркивали пятна нездорового румянца. Пока автопереводчик издавал чирикающие звуки универсального языка, никто не проронил ни звука, затем Хонди опасливо отступил на несколько шагов, а Ц'Ост, напротив осторожно приблизился к Логинову, непроизвольно меняя формы и окраску своего тела, будто рефлекторно пытался слиться с предметами скудной меблировки «бара».

— Это был хороший механизм, — наконец произнес он, вопросительно посмотрев на Андрея.

— Я заплачу, — устало буркнул Логинов.

За спонтанным действием, в котором сконцентрировалось нервное напряжение, накопленное за трое суток пребывания на станции, неизбежно наступила если не апатия, то некоторая внутренняя разрядка. Андрей, конечно, не стал от этого более коммуникабелен и его отношение к чужим не пошатнулось ни на йоту, но он восстановил утраченный на миг самоконтроль.

— Приходи в шлюз моего корабля, — он встал, сверху вниз посмотрев на Ц'Оста. — Договоримся о цене.

* * *

Вернувшись на борт фрегата Армохонтов, Логинов чувствовал себя немногим лучше, чем четверть часа назад. Пока он шел длинными, плохо освещенными коридорами станции, подумать успел о многом. Последствий случившегося инцидента он не опасался, — за трое суток проведенных на станции, Андрей наблюдал более десятка стычек между посетителями бара. Особенно задиристы были похожие на земных мартышек Звенги. В стычках пару раз применялось энергетическое оружие, но оно не

причиняло вреда: мощность носимых образцов лазеров была низка, а каждому находящему на борту «Н-болга» существу (как впрочем и обслуживающим сервомеханизмам) Ц'Осты в обязательном порядке прикрепляли портативное устройство размером со спичечный коробок, которое в случае стычки генерировало поле, нарушающее структуру лазерного луча, так что в худшем случае пострадавший мог получить несильный ожог.

Теперь они станут всерьез опасаться меня, наверняка потребуют, чтобы оставлял оружие на борту фрегата. Да и ладно…

Андрей хоть и понимал иррациональность совершенного поступка, но не жалел о нем.

Сойти с ума — раз плюнуть. Только теперь запоздало, но отчетливо пришло понимание — окажись он сейчас среди худших врагов из числа людей, он бы *радовался* .

Испытание глобальным одиночеством он не выдержал. Да, существовало множество объективных причин, по которым легко найти оправдание любому поступку. Его психика на протяжении последних месяцев подвергалась поистине нечеловеческим испытаниям: сначала имплантация микромашин, затем памятный бой, с участием космических кораблей двух неизвестных ранее цивилизаций, произошедший на подступах к колонии Новой Земли, рывок через аномалию пространства-времени, чудовищное осознание того, что не просто потерял координаты Земли, но и «прожил» три сотни лет, искаженных аномалией в одно мгновенье.

Хуже всего становилось при мысли о собственном бессилии.

Три столетия не отмотаешь вспять. На него смотрели со сдержанным удивлением, заинтересованностью, как на очередной артефакт, осколок прошлого.

Ц'Осты не скрывали: да нам известна раса Хомо. Некоторое время люди (по слухам, приходящим из невообразимой дали) занимались разбоем. Несколько кораблей — переоснащенные транспорты расы Армохонтов — бесчинствовали в удаленных звездных системах, была даже неудавшаяся попытка захватить одну из узловых станций древней транспортной сети.

Людей не любили, их запомнили как существ жестоких, беспринципных.

На прямой вопрос: известны ли современные поселения людей, все, кого не спрашивал Логинов, отвечали отрицательно. Да были, когда-то давно, потом исчезли. Не то выродились, не то были истреблены. О планете

Земля и Солнечной системе никто вообще даже не слышал.

Андрею глубоко врезался в память один из первых разговоров с Ц'Остом, который встретил его у шлюза, а затем, не проявляя лишних эмоций, долго и скрупулезно рассказывал о станции «Н-болг», существующих порядках, в общих чертах обрисовал привычки представителей различных рас.

Нужно сказать, что для Логинова эта сдержанная приветливость, стала частью полученного семантического шока.

Веду себя как истерик.

Поучиться бы у Ц'Остов коммуникабельности и отсутствию фобий.

Другие они. ДРУГИЕ.

Ну, подумаешь — человек. Эка невидаль — дикий Хомо, невесть каким образом оказавшийся в окрестностях «Н-болга».

Фрегат Армохонтов — вот это серьезно, а человек…

Сгинет где-нибудь в глухих закоулках станции — и славно. Метаморфы с удовольствием присвоят фрегат, а о нем никто и не вспомнит.

Я не нужен тут никому. Никто мне не дорог и я для них — даже не проблема, а так, диковинное чудом пережившее свою расу существо, за которым не стоит цивилизация, а значит сделать с человеком можно все что угодно.

Срыв, не срыв, а выстрел кое-что расставил по местам. По крайней мере, зарываться не станут.

…Пройдя через шлюз, Андрей оказался на борту.

Алгиты немедленно вышли на связь.

Логинов вдруг поймал себя на том, что ментальный голос вызвал у него чувство тепла и облегчения.

Колония разумных кристаллов стала для него ближе и понятнее чем все иные существа вместе взятые. Нетрудно понять, почему все произошло именно так. Контакт с Алгитами совпал во времени с осознанной, вызванной необходимостью, активацией потенциальных возможностей, связанных с использованием имплантированных в его организм микромашин. Внутренний голос, который он воспринимал во время наивысшей концентрации жизненных и моральных сил, поначалу не имел привязки к конкретному существу, образу, и он подсознательно начал воспринимать его на уровне собственного «я».

Так получилось, что Алгиты в критический период не только оставались его единственными собеседниками, но и помогли выбраться из отрезанной от «обитаемого космоса», погубленной боевыми действиями звездной системы, к станции «Н-болг».

Они единственные, кто не вызывал у него антипатии.

Мы скучаем.

Андрей невольно усмехнулся. Настроение действительно несколько улучшилось.

Скучаем по космосу. Скоро лететь? Станция — неинтересно.

— А куда лететь? — спросил Андрей, направляясь к переоборудованному под каюту отсеку. — Я отказался работать на грузовых перевозках, — признался он, мысленно передав образ Хонди и его настойчивые просьбы.

Было интересно лететь сюда. Ты — грустный. Давай искать твою планету.

Вот так запросто: давай найдем Землю. Андрей даже остановился. Как искать, если нет ни звездных ориентиров, ни каких-то иных навигационных данных?

Мы говорили с другими Алгитами. Транспортная сеть разрушена не в одно время. Долго. Ты говоришь — раньше людей встречали в границах обитаемого космоса. Вывод прост: существовал транспортный канал, через который они попали сюда. Потом канал оказался разрушен.

Если бы кристаллы могли почувствовать тот шквал эмоций, что захлестнул Андрея.

Простая, гениальная в своей простоте логика Алгитов мгновенно возродила в его душе уже угасшую надежду.

Как же он не догадался сам?! Действительно как люди, упоминания о которых сохранились среди Ц'Остов, попали в сектор? Конечно по транспортной сети. И это значит, что древняя система Армохонтов в недавнем прошлом имела соединение с теми районами космоса, где расположена Земля!..

Не работающие, разрушенные врата! Однажды он уже прошел через них, используя гиперприводы «Витязей». Алгиты способны снимать навигационные данные с уцелевших носителей информации разрушенных врат, — если увести фрегат в зону звездных систем, отрезанных от функционирующей части транспортной сети, то он сумеет избежать многих опасностей, о которых только что предупреждал его один из метаморфов.

Вот новая, верная и достойная любых затрат цель — отыскать путь к Земле, двигаясь от одних разрушенных врат к другим, пока среди звездного окружения не отыщутся известные ориентиры, по которым он сумеет определить местоположение Солнечной системы!

Ты зря испугал Хонди…

— Мысли читаем? — спросил Логинов, меняя направление на

развязке коридоров.

Нет. Мы разговариваем. Ты спрашиваешь, мы отвечаем.

Андрей вошел в ходовую рубку фрегата, огляделся по сторонам.

— Что-то я не пойму. Откуда Алгиты узнали о Хонди?

Ты передаешь сцену. Много последовательных образов объединенных смыслом. Мы слышим вопрос и отвечаем.

— Допустим, — Андрей сел в кресло. Отрицать, что инцидент с Хонди постоянно присутствовал в мыслях, было бы глупо. — Но я не задавал вопроса!

— Это тебе так кажется, — ответ на этот раз был транслирован через аудиосистему. — Ты задавал вопрос. Мы услышали и ответили.

— И в чем я поступил неправильно?

— У Хонди свои обычаи. Если ты отвечаешь «нет», он не уйдет, пока не повторит просьбу определенное количество раз. Элементарная вежливость их расы. Если Хонди слышит «нет» и сразу принимает отказ, — это равносильно оскорблению.

— А если бы я согласился?

— Он бы ждал, пока ты подтвердишь согласие.

Не ошибается тот, кто ничего не делает… — мысленно успокоил себя Андрей, — *Хотя… Хотя нужно взять себя в руки.*

Ему стало неприятно. Третьи сутки на станции, а уже в истерике поднял стрельбу. Хорошее мнение он оставит о людях.

— Алгиты знают обычаи других рас?

— Нет. Знание об обычаях Хонди — случайны. Мы навигационная система. Нас интересуют другие вопросы.

— Ясно.

Андрей не стал мучить Алгитов дальнейшими расспросами. Он видел погибшую колонию кристаллов, которые по все вероятности являлись основной системой управления фрегата. Трудно сразу разобраться во всех нюансах абсолютно чуждых технических решений. А уж психологии иных рас еще учиться и учиться. Любой, бестактно заданный вопрос может обидеть или насторожить Алгитов, или им все же неведомы чувства?

Экспериментировать уже не хотелось.

— Мы отправимся на поиски моей родной звездной системы, — произнес Логинов, принимая решение. — Сейчас улажу с Ц'Остами вопрос по компенсации за уничтоженный сервомеханизм, и начнем подготовку к старту.

— Ты не собираешься лежать с закрытыми глазами?

— Нет, — губы Андрея тронула невольная улыбка. — Отдохну позже

после прыжка.

* * *

Договориться с Ц'Остами о компенсации не составило труда.

Представитель метаморфов даже не пытался скрыть своей озабоченности по поводу произошедшего, и высказал искреннюю радость, узнав, что человек покидает станцию.

— Я сумею убедить Хонди, что в действиях человека не было злых намерений. Могу я сказать, что таков обычай твоей расы?

— Придумай что-нибудь. Не хочу распространения дурной молвы. Мне будет урок, а владельцам станции в качестве платы за испорченный сервомеханизм я предлагаю три контейнера с грузом из трюмов моего корабля.

— Что внутри? — Ц'Ост тут же утратил всякий интерес к Хонди — теперь его интересовало исключительно содержимое груза.

— Там запасные части. Насколько я понял — стандартизированные узлы, подходящие для ремонта большинства кораблей построенных Армохонтами.

— Щедро.

— Я хочу, чтобы мой поступок не повлек дурных последствий для других людей, если они вдруг окажутся на станции.

— Каждое существо совершает ошибки, — философски заметил Ц'Ост, — Андрий вернется к нам?

— Не знаю, — честно ответил Логинов. — Я собираюсь путешествовать. Хочу увидеть иные звездные системы. Надеюсь где-нибудь встретить других людей. Ты не знаешь где их искать?

— Нет, — торопливо ответил метаморф, непроизвольно изменив окраску кожи, став почти неотличимым от переборки, на фоне которой стоял.

Лжет, наверное, — подумал Андрей, но тут же мысленно одернул себя. Хватит уже глупостей. Откуда ему знать, почему метаморфы внезапно видоизменяются?

— Я выгружу контейнеры в доке.

— Договорились человек. Мы будем помнить о тебе… хорошо.

Глава 5

Неизвестная точка пространства

Какая из планет не пила нашей крови?

Тоскливое, отдающее безысходностью чувство приходит каждый раз с медленным, вязким возвращением сознания.

Действие препаратов Хонди особым образом влияет на мозг. Поначалу от них тепло, нет мыслей, но появляются образы. Истертые временем пожелтевшие фрагменты прошлого, принадлежащие, как будто не тебе, не несущие связной, доступной для понимания информации.

Затем ледяной холод давящими кольцами охватывает голову, грудь, возвращает ощущение тела, а вместе с ним приходят яркие, свежие, связные воспоминания, возвращается способность мыслить, осознавать себя в конкретных рамках событий.

Вчера был бой.

Сегодня — глухая апатия, пульсирующее в висках одиночество.

Замкнутый круг повторяющейся без конца *предопределенности* , разнящейся в частностях, но неизменной, по сути.

Сломать существующий порядок вещей? Стать кем-то другим? Не исполнителем чуждой воли, а самостоятельным существом? Но что я могу, что умею, кроме исполнения приказов? Ничего…Душевный порыв утихал едва окрепнув.

Так глупо, бездарно разменять свою жизнь — еще ведь умудриться нужно.

Заботливые руки поправляют одеяло, что-то переключают на сенсорной панели комплексного аппарата жизнеобеспечения. Чужие, холодные, руки.

Жизнь профессионального наемника цениться очень высоко.

Он не сомневался — его вытащат. Вырвут из ледяных объятий смерти, но хотел ли того он сам?

Никто не спрашивает мнения Хомо. Психология людей достаточно изучена. С первым самостоятельным ударом сердца он вернет себе неистребимую жажду наслаждаться каждым вдохом, каждой секундой бытия, потом заскучать, опротиветь себе самому и…

Тогда они предложат очередную акцию. И он согласиться, потому что непонятная тоска начнет к тому времени выползать из подсознания,

отравляя душу.

Когда-то я жил иначе. Был кем-то другим. Не опасным, едва прирученным зверем, а… кем-то другим.

…

На этот раз он ошибся. Все случилось иначе, гораздо быстрее, чем предполагал уже привычный распорядок.

Сознание прояснялось быстро и болезненно. Раны еще не зажили до конца, а к нему уже требовательно рвался важный посетитель.

Что-то проскрежетал своими жвалами Хонди. В ответ раздался раздраженный ответ на универсальном языке. Слова он почти не воспринимал, но интонации улавливал четко. Раздраженную надменность в этом мире могли позволить себе лишь некоторые из существ.

С трудом приоткрыв глаза, он действительно увидел одного из них.

— Очнулся, Хомо?

Риторический вопрос.

— Не хочешь отвечать? Ладно. Тогда просто слушай. На ноги тебя поставят быстро, не сомневайся. Есть задание. Очень важное, не терпящее отлагательств.

Еще одна волна неприятного, обжигающего тепла прокатилась по телу, иглами впилась в мозг. Препараты Хонди всегда действуют безотказно. На ноги действительно поставят, но заплатить за такое «лечение» придется ох как дорого. Он знал, что потом будут внезапные приступы слабости, дурнота, дезориентация.

— Ты — сука… — едва шевельнув губами, сипло выдохнул он.

— Так понимаю, меня сейчас оскорбили? — все так же раздраженно и нетерпеливо осведомился Олг — неизменный «работодатель» Гепретиона. — Не утруждай себя. Я понимаю, — скверное самочувствие, прочие мелочи. Не повод для трений между нами, особенно сейчас. Через пару минут тебе станет лучше. Кстати, позволь спросить: откуда ты берешь новые слова, которых я не знаю?

— Из… памяти…

Олг сделал отрицающий жест.

— Невозможно. Слово, по звучанию, принадлежит языку Хомо. Но ты вырос среди Звенгов. Я вообще не понимаю, откуда тебе известен другой язык.

— Спроси у Хонди, — уже тверже ответил Гепретион. — Они всему способны придумать объяснение.

Олг, наконец, перестал расхаживать подле реанимационного аппарата.

— Ты много дерзишь в последнее время.

Гепретион лишь пожал плечами в ответ. Силы действительно возвращались к нему.

— У меня нервная работа. Убивай сам — тоже научишься дерзить.

— Никто не заставляет тебя убивать *лично* , — парировал обвинение Олг. — Тебе достаточно отдавать приказы, а не лезть самому в гущу событий. Рано или поздно тебя покалечат так, что ни один Хонди не сумеет помочь.

— Мои проблемы.

— Согласен, — охотно поддержал его Олг. — Ты уже в состоянии слушать?

— К сожалению, — нехотя признал Гепретион. — Что на этот раз?

— Задание несложное. Но крайне ответственное. Поручить его кому-то иному я не могу.

— Помниться ты как-то говорил мне, что незаменимых существ нет.

— И не отказываюсь от своих слов, — раздраженно отмахнулся Олг, совершенно не склонный сейчас к полемике. — Ладно, к делу. На станции «Н-болг» в системе Нерг появился твой сородич.

— Человек?!

— Да. Человек, Хомо, называй как угодно.

— В чем же проблема? Нет, я, конечно, понимаю, если он не наемник, значит, нарушен запрет, верно?

— Дело не в запретах на межзвездную торговлю и перемещение между мирами. Все значительно сложнее. Проверка показала: он не принадлежит ни к одному из подконтрольных нам анклавов людей. Его биометрических данных нет ни в одной базе. Более того, он прибыл на собственном корабле.

— Класс корабля? — машинально переспросил Гепретион, хотя сейчас его больше волновало другое — человек, не принадлежащий ни к одному из *контролируемых* анклавов — *свободный* — вытолкнуло подсознание.

— Боевой фрегат Армохонтов, — голос Олга дрогнул, что не ускользнуло от внимания наемника.

Он испуган. Испуган до такой степени, что теряет контроль над собой.

Впервые за многие годы в душе Гепретиона возродились давно позабытые, казалось утраченные навсегда чувства, порожденные ярким, вспышечным воспоминанием: он и отец стоят на берегу оранжевого моря, тусклый фиолетовый шар звезды стекает за горизонт, ветра нет, но пологие волны с тихим шелестом набегают на галечный пляж…

Когда-нибудь мы сумеем вырваться. Кто-то из нас вновь станет свободным. Я надеюсь, что ошибки прошлого больше не повторяться.

Они стерли это воспоминание из моей памяти.

Гепретион вздрогнул.

Словосочетание «свободный человек» разбудило *надежду* — нечто неосязаемое, трепетное, — чувство, которому не должно найтись места в душе хладнокровного наемника.

Взглянув на Олга, он все же сумел обуздать вспышку эмоций. Ни один мускул не дрогнул на бледном, осунувшемся после ранения лице Гепретиона.

— В чем заключается мое задание?

— Ты должен выяснить, откуда явился Хомо? Где он сумел раздобыть боевой фрегат Армохонтов, каким образом разобрался в управлении?! Будет идеально, если ты, не стесняясь в средствах, достигнешь цели — под любым предлогом заставишь человека добровольно, — Олг подчеркнул последнее слово интонацией, — рассказать тебе все. Войди к нему в доверие, как змея вползи в его разум, провоцируй любые ситуации, но добейся выполнения задачи!

— А если он откажется общаться? — Гепретион уже достаточно пришел в себя, чтобы мыслить здраво, полагая, какие именно трудности способны возникнуть на пути достижения цели. — Например, элементарно не станет говорить со мной, или будет избегать определенных тем?

— У меня нет ни плана действий, ни инструкций, — признался Олг. — Все произошло неожиданно. Я получил информацию лишь сегодня утром. У нас нет времени на раскачку или наблюдение. Некогда подбирать ключики.

— Не понимаю, — Гепретион действительно был сбит с толка. — К чему такая спешка? Куда он денется? Большинство систем контролируются Ц'Остами. Ему некуда лететь, везде ведь твои агенты, Олг! Или ты что-то недоговариваешь?

Олг вновь принялся нервно расхаживать по медицинскому отсеку.

— Есть одно обстоятельство, заставляющее торопиться, — наконец признал он. — Человек привел фрегат в систему Нерг через *нефункционирующие врата*. Ты понимаешь?

— Теперь — понимаю, — кивнул Гепретион, уже едва сдерживая захлестнувшие рассудок эмоции. — Это означает, что тайна технологии Армохонтов раскрыта свободным человеком, — уточнил он, с мстительным удовольствием наблюдая, как Олг вновь теряет контроль над собой.

Как же ему страшно сейчас.

Гепретион многое видел на своем веку, за его плечами был опыт многолетней, затянувшейся борьбы, что вели между собой различные группировки, пытаясь обрести полный контроль над обитаемыми звездными системами, и сейчас он абсолютно ясно понимал: начинается большая, жестокая игра без правил. Олг наверняка не единственный, кто этим утром получил информацию от Ц'Остов. Метаморфы двурушничали, заискивали перед сильными мира сего, не считая такое поведение зазорным. Гепретион не осуждал их. У каждой космической расы свой менталитет. То, что постыдно, к примеру, для человека или Хонди, вполне приемлемо и даже естественно для Ц'Оста или Звенга.

— Я сделаю все, что ты скажешь, — он нашел в себе силы сесть и склонить голову, демонстрируя покорность.

— Тогда собирайся немедленно. Транспортный корабль уже ждет тебя.

— Один вопрос.

— Да. Говори.

— Почему ты не применишь силу? Не захватишь корабль и человека?

— Нет! Только в крайнем случае! — нервно запротестовал Олг. — Мы не знаем, откуда он появился. Где гарантия, что там, — он сделал жест, означающий некую неопределенность, — что там нет других *свободных людей* , умеющих обращаться с боевой техникой Армохонтов?

— Я тоже умею обращаться с боевой техникой Армохонтов, — резонно напомнил ему Гепретион. — Все расы в большей или меньшей степени зависимы от технологий строителей сети.

— Да, но еще никто не демонстрировал способность активировать утраченные навсегда элементы транспортной системы. А он сумел.

Олг пристально посмотрел на наемника и добавил:

— Выполни мое задание, и я исполню твою мечту.

— Какую? — с недоброй усмешкой переспросил Гепретион.

— Я отпущу тебя. Верну стертую память. Ты сможешь поселиться на одном из миров, в анклаве людей, и жить счастливо, по меркам своей расы, конечно.

Отпустить наемника? Да он с ума сошел от страха. Или не сошел… Но тогда он лжет. Что, в общем-то, не странно. Они убьют меня, как только я выполню задачу. И получат власть как минимум над сотней изолированных в данный момент звездных систем сектора.

Играть придется тонко, и жестоко, на грани фола, а может и за гранью.

Откуда в разуме наемника вдруг появились явно не присущие ему,

крамольные мысли? Почему он вдруг решил, что будет действовать по обстоятельствам?

Надежда. Она ожила в груди, встрепенулась как птица, принесла смятение чувств, и одновременно мобилизовала волю, помогая сохранять внешнее хладнокровие.

— Я готов лететь, — произнес Гепретион. — Пусть Хонди сделают еще одну инъекцию стимулятора.

Олг кивнул. Ему было все равно: загнется его лучший наемник от слишком сильной дозы стимулирующих веществ, или выживет. Последствия наступят не ранее чем через трое-четверо суток, а к тому времени он уже справиться с заданием. Должен, обязан справиться, иначе…

О последствиях провала намеченной операции Олг старался даже не думать.

Однажды его предкам удалось в корне изменить историю целого сектора Обитаемой Галактики, и вот теперь, когда оставалось приложить небольшие усилия, чтобы завершить начатое, вдруг появляется этот Хомо…

Олг без преувеличения представил, как «колесо истории» застыло в шатком равновесии — не то, скрипнув, совершит очередной оборот, не то, застыв в «мертвой точке», вдруг начнет обратное движение.

* * *

Станция «Н-болг» системы Керг. Год спустя…

Человек, путешествующий на борту боевого фрегата Армохонтов, быстро превратился в живую легенду.

Большинство слухов о загадочном Хомо и его корабле, были, конечно, сильно преувеличены, искажены, приукрашены, но в основном (опуская красочные подробности) они отражали правду: Андрий-скиталец, как прозвали его на станциях «Н-болг», был неуловим. За ним гонялись наемники Эшрангов, с ним жаждали встретиться многие представители иных рас, но Логинов всегда появлялся внезапно, нигде не задерживался более нескольких часов, требующихся для меновой торговли с Ц'Остами, и снова исчезал, уводя грозный боевой фрегат в очередной смертельно-опасный прыжок через разрушенные врата, к мирам, где вот уже сотни лет никто не жил, да и не бывал там.

Одни говорили, что он потерял родину и обезумел.

Другие утверждали, что он прибыл от Армохонтов, и производит

разведку, собирает данные, чтобы обеспечить возвращение древней расы, которая восстановит былой порядок и справедливость.

Третьи называли его просто авантюристом, поставщиком древней техники на службе у Ц'Остов.

Короче, правды не знал никто.

…

Логинова действительно нетрудно было признать за безумца.

Он столько повидал за истекший год, что хватило бы на сотню человеческих жизней, что не могло не отразиться на его облике и поведении.

В систему Керг Андрея привела лишь необходимость: три последовавших один за другим прыжка оказались весьма неудачны, вопреки обыкновению он посетил системы, лишенные даже остатков существовавших там колоний, и как следствие — попусту истратил ресурс фрегата, не получив новой информации и не сумев пополнить запасы активного вещества.

На станции «Н-болг» ему пришлось задержаться, ожидая, пока Ц'Ост, к которому он обратился сразу по прилету, выяснял, смогут ли сородичи-метаморфы снабдить гостя необходимым расходным материалом для маневровых двигателей.

* * *

Его появление в баре центрального сегмента станции не прошло незамеченным.

Система Керг находилась под негласным контролем одного из влиятельных кланов цивилизации Эшранг и неудивительно, что на борту огромного древнего комплекса оказалось сразу несколько представителей «старшей расы» …Ролг проследил взглядом за вошедшим в бар человеком и тут же, словно прочитав мысли представителя древней космической расы, у кресла за спинкой, внезапно появился Ц'Ост.

— Опасный Хомо… — едва слышно пробормотал он на универсальном языке. — Появился у нас два часа назад.

Метаморф по непонятной причине решил выступить в роли добровольного осведомителя, что само по себе насторожило Эшранга.

— Прилетел на корабле Армохонтов — боевом корабле, смею заметить, — тем временем продолжал нашептывать Ц'Ост.

Ролг, проследив взглядом за Логиновым, спросил:

— Что тебе еще известно о нем? Он раньше появлялся в системе Керг?

— О, да, появлялся. Дважды, — охотно ответил Ц'Ост. — Сначала Хомо был слабым. Он тосковал, шел на очень большой риск, пытаясь найти свою планету, которой уже, наверное, давно не существует. Он потерялся. Его обмануло время.

— И что изменилось? Теперь он стал сильным?

— О, Андрий, — Ц'Ост невольно исказил звучание человеческого имени, произнеся его на свой лад, — он никого не боится. Хомо летает к мирам, куда уже давно не ведут надежные, проложенные Армохонтами пути. Его тоска сильнее страха и здравого смысла. Я слышал, в системе Зирт Звенги хотели отнять его корабль, — метаморф хихикнул. — Зря хотели. Андрий их прогнал.

— Прогнал или убил? — с некоторым раздражением уточнил Эшранг.

— Прогнал, прогнал, — с готовностью ответил Ц'Ост, так и не показавшись из-за спинки кресла. — Метаморфы благодарны Хомо. Звенги были плохими. Они грабили торговцев, присваивая себе товары. Хотели даже захватить «Н-болг», но Андрий не дал им своего корабля.

— Он так плохо относиться к существам иных рас?

— О нет, нет, он тоскует, думает о своей родине, к другим расам относиться спокойно, но то были совсем плохие Звенги. Они хотели только убивать, грабить и захватывать «Н-болг», — продолжал наушничать Ц'Ост.

— Ты повторяешься, — раздраженно ответил Эшранг.

— Больше ничего не могу сказать. Он скрытный. Но у меня есть интересная запись камер наружного наблюдения. За отдельную плату разумеется.

— Сначала я должен посмотреть, — ответил Эшранг.

— О, запись интересная, очень интересная, — еще более оживился Ц'Ост.

— Я сказал: сначала нужно посмотреть. Или ты сомневаешься в моей платежеспособности?

— Как можно? — Метаморф рефлекторно принял защитный окрас, полностью слившись с окружающими предметами. — Эшранги — уважаемая раса, и я…

— Ну, хватит. Пойдем, покажешь, что у тебя есть на этого Хомо.

* * *

Ц'Ост не солгал Эшрангу, — капитана Логинова действительно снедала тоска.

Его вера в возможность отыскать путь к Земле не исчезала, но тускнела.

Сколько рискованных, но бесплодных попыток отыскать Солнечную систему он предпринял за истекший год? Не сосчитать…

…Перед ним на столе стояли два незамысловато украшенных геометрическими орнаментами сосуда. Напиток забвения, предлагаемый Ц'Остами, давно уже не приносил покоя и умиротворения.

Капитан все чаще начинал задумываться, а что я стану делать, если пропадет последняя надежда?

Напряженный поиск, постоянно проходящий на грани смертельного риска, измотал не только его — фрегат после года скитаний по опасным звездным системам, давно нуждался в ремонте, все труднее стало доставать топливо для реактивных двигателей систем ориентации и активное вещество для силовых установок «Витязей», надежно спрятанных в трюмах исполинского корабля, но на самом деле являвшихся главным элементом его модернизированной силовой установки.

Положение можно исправить, если сделать паузу, на время прервать поиски, согласиться на одно из часто поступающих к нему предложений, в основном исходящих от Ц'Остов. Действительно, что ему стоило перевезти для метаморфов сотню-другую тонн грузов? Пустяк по сравнению с любой из его опаснейших вылазок.

На той же станции системы Нерг, он вполне мог бы произвести необходимый ремонт корпуса фрегата…

Мысли хоть и верные с точки зрения текущей необходимости, но воспринимались они тяжело, как предательство по отношению к Земле, к людям, которые возможно находятся в плотном кольце блокады «братьев по разуму» или того хуже — ведут борьбу за выживание цивилизации.

Я знаю, что путь к Земле существует, — в который раз мысленно повторял себе Андрей.

Знаю и сижу тут, подумывая, что надо бы поработать на «братьев по разуму».

Мысль вызвала глухую злобу, хотя Андрей прекрасно понимал, что ни одна из «младших рас» напрямую не причастна к событиям, потрясшим Землю и первую внесистемную колонию Человечества. Да собственно и их «наставники» тут не при чем, — если верить официально распространяемой версии событий, то они сами пали жертвой нашествия загадочных механоформ. Если ранее Логинов мог испытывать граничащую с ненавистью неприязнь хотя бы к Эшрангам, то теперь даже для таких чувств уже не существовало объективного, справедливого повода.

Наверное, поэтому, увидев, что к его столику неторопливо, вразвалку идет нелетающая птица, он подавил рефлекторное желание схватиться за

оружие.

— Приветствую тебя, Хомо, — Эшранг дождался пока «умное» кресло трансформируется, и неуклюже взгромоздился на специальный валик, выдвинувшийся вместо подголовника. Его когти глубоко впились в податливый материал.

Логинов, уже достаточно поднаторевший в языке универсального межрасового общения, прекрасно обходился без посредства автоматической системы перевода.

— Птица, — он злонамеренно не использовал слово «Эшранг», — если желаешь говорить со мной, советую выучить термин «Человек».

— Лучше я стану называть тебя по имени, Андрий, — спокойно, даже дружелюбно отреагировал тот. — Можешь называть меня «птицей», «Эшрангом» или как-то еще, я не обижусь.

Логинова насторожил подобный ответ. Обычно Эшранги болезненно реагировали на непочтительное обращение. *Значит, ему что-то действительно нужно от меня,* — мысленно рассудил Андрей.

— Тогда назови свое имя, и станем говорить, как равные. Я не признаю деления на «старшие» и «младшие» расы, — Логинов намеренно провоцировал Эшранга, потому как терять, по большому счету, ему было нечего.

— Можешь называть меня Ролг.

— Прекрасно, Ролг, и что тебе нужно?

— Немного твоего терпения, Андрий, — Эшранг крепче впился когтями в «насест». — Я слышал о тебе много… странного.

— Например? — нахмурился Логинов.

— Ты храбр, но твоя храбрость граничит с безрассудством. И не спорь. Прыжки с использованием сломанных врат, говорят именно об отчаянном безрассудстве. Ты что-то ищешь, но не можешь найти. Нечто столь важное для тебя, настолько важное, что смертельный риск не выглядит чрезмерной платой за информацию, верно?

Витиеватая, а местами не совсем понятная речь Ролга пришлась Логинову не по душе. Одно он понял со всей очевидностью: Эшранг знает намного больше, чем предлагают местные слухи.

— Ты ошибаешься. Неисправные врата лишены энергии, — справившись с секундным смятением мыслей, ответил Андрей. — Они не функциональны, и совершить прыжок с их помощью невозможно.

— Тогда почему твой корабль, проходя сквозь неработающие устройства, вдруг исчезает?

— Ты это видел? — невозмутимо парировал Логинов.

— Я видел запись, — лениво отозвался Ролг. — Запись камер наружного наблюдения станции. Ц'Осты не брезгуют торговать информацией, тебе это должно быть хорошо известно. Они перенастроили системы слежения так, чтобы те держали твой корабль под постоянным наблюдением. Пару месяцев назад ты уже появлялся в системе Керг, верно?

Логинов не стал отрицать очевидного факта.

— Да, я уже не в первый раз прилетаю на станцию.

— И в последний раз ты появился вот отсюда.

Ролг неуловимым для глаза движением активировал миниатюрный прибор. Над поверхностью стола возникла небольшая, но подробная голографическая проекция. На записи, сделанной системами слежения станции «Н-болг», был запечатлен момент прыжка фрегата Армохонтов из «нормального космоса» в пространство аномалии.

— Странно, правда? — Ролг указал на парящие в космосе обломки. — Часть Врат не работает, к ним даже не подается питание, а твой корабль, Андрий, немыслимым образом переходит в аномалию. Забавно, но как тебе это удается?

Логинов, слушая Ролга, одновременно решал весьма непростую дилемму — убить Эшранга немедленно, или все же побеседовать с ним?

С одной стороны птица знает слишком много. Цена вопроса не соизмерялась в эквиваленте материальных благ — Логинов был абсолютно уверен, что устройства гипердрайва, разработанные на Земле и смонтированные на опытных образцах машин класса «Витязь», не имеют аналогов среди технологий иных цивилизаций.

И опять, так некстати, с особой болезненной остротой вставал вопрос: кто я? Изгой, пылинка, оставшаяся от погибшего либо деградировавшего Человечества или все-таки — представитель могучей цивилизации, волею рока оторванный от нее?

Множество мыслей вихрем пронеслись в рассудке капитана Логинова, за неполную минуту, отпущенную ему для принятия решения.

Он четко понимал — убийство Эшранга не устранит возникшей проблемы, а лишь убедит Ц'Остов в чрезвычайной ценности информации, относительно странного Хомо и его корабля.

Прикидывая свои шансы, Андрей не сумел составить сколь либо оптимистичного прогноза. Устранять любопытного Эшранга непосредственно на борту станции нельзя. Даже прорвавшись с боем к кораблю, и успешно покинув вакуум-док «Н-болга», он совершит непоправимый поступок, лишит себя возможности проводить планомерные исследования, поставит крест на поисках пути к возвращению на Землю.

Плодом недолгих, но глубоких размышлений стал его ответ:

— Ролг, ты зря доверяешь Ц'Остам. Их познания неглубоки, а наблюдения поверхностны. Наши цивилизации контактировали в прошлом, и ты должен быть прекрасно осведомлен, что технологии людей радикально отличаются от всего, что было создано Армохонтами.

— Выражайся яснее, Андрий! — едва ли не в ультимативной форме потребовал Эшранг, и тут же, будто спохватившись, добавил, склонив покрытую редким пухом голову: — Иначе мы будем очень долго играть словами, ссылаясь на семантическую пропасть и прочую ерунду.

— А какое тебе дело до того, куда и каким способом я перемещаюсь? — все же Логинов не был настолько наивен, чтобы поверить в миролюбивые намерения Ролга.

— Я представляю «старшую расу» и вправе задавать любые вопросы. Советую поучиться у Ц'Остов покладистости и повиновению. Я хочу знать, каким образом твой корабль переходит в иное пространственное измерение, при помощи заведомо негодных устройств?

Логинова не нужно было *специально* злить. Он и так постоянно находился на грани срыва. Чудовищная пустота, дыхание которой он ощущал с той минуты, как понял, что вокруг на сотни, а, быть может, и на тысячи световых лет нет ни одного человека, день за днем медленно, но верно уничтожала его рассудок.

Несильным толчком ноги Андрей отпихнул кресло с Эшрангом от стола, произнеся при этом:

— Посмотри на мою руку, птица. И не забывай: мне плевать на «старшие» и «младшие» расы. Я человек.

Ролг повел зрачками.

Правая рука Логинова сжимала какое-то оружие, неизвестной Эшрангу конструкции.

Ролг ответил надменно-раздраженным шипением. Прибор, закрепленный на его шее, в виде поблескивающего кольца, заискрился индикацией.

Логинов усмехнулся.

— Искажающее поле тебе не поможет. Оружие в моих руках не энергетической природы.

— Ты угрожаешь мне, потому что ненавидишь Эшрангов?

Пустота внутри.

Сосущая пустота, лишь звуки Лунной сонаты Бетховена тоскливо бьются в изможденном рассудке, да еще чернь пространства, разлившаяся на экранах обзора станции, да холод и вес пистолета в руке…

Безумие одиночества.

Не жизнь — наработка на отказ.

Что у меня осталось от прошлого? Подаренная Юрановым горошина цифрового плеера в ухе, именной металлопластиковый «АПС» с последней неизрасходованной обоймой, да смертельная, неизбывная тоска, уже практически пожравшая разум?

— Ничего личного, Ролг, — пересилив себя, хрипловато ответил Логинов. — Хочешь иметь со мной дело — усвой несколько правил.

— У человека есть свои правила? — искренне удивился Эшранг.

Лунная соната угасла тихими, едва слышными аккордами, чтобы вновь зазвучать «по кругу».

— Не иронизируй, — хмуро предупредил Андрей. — Должно быть ты в курсе, что я прошел через аномалию и потерял путь назад к Земле. Его и ищу. И потому…

— Достаточно, — осмелился прервать его Эшранг. — К сожалению, путь к Земле я тебе указать не могу, хотя и слышал о такой планете. К Солнечной системе не ведет действующих гиперпространственных тоннелей, иначе наши отношения заметно бы упростились.

Последние фразы Ролга болезненным эхом отдались в рассудке Логинова.

Нет действующих тоннелей.

Он подозревал, что Эшранги знают точный навигационный путь, ведущий к Солнечной системе, но контактировать с ними Андрей опасался. Ему до сих пор оставалась непонятна роль Эшрангов в событиях, предшествующих его роковому прыжку, да и их действительное положение в современном мире было как-то смазано, завуалировано.

Что ж. Они претендуют на звание «старшей расы», их господство в большинстве звездных систем неоспоримо, и подобная встреча рано или поздно должна была произойти. Конечно, начиная рискованные поиски, Логинов всерьез надеялся, что ему удастся избежать контактов с Эшрангами, отыскать путь к Земле раньше, чем молва о его «подвигах» заставит серьезно обеспокоиться существ, явно претендующих на абсолютную власть в пространстве обозримого космоса.

Убить Эшранга и уйти в прыжок, — злобно нашептывало подсознание.

— Ты говорил о правилах, Андрий. Я готов их выслушать, — нарушил его мысли голос Ролга.

Логинов поднял взгляд.

— Они просты, — ответил капитан, стряхивая оцепенение внезапных

мыслей. — Любое сотрудничество должно быть взаимовыгодным. Я не склонен подчиняться приказам, но готов выслушать предложения и участвовать в совместном проекте, если он хоть в чем-то совпадает с направлением моих поисков.

— Это все?

— В общих чертах, — ответил Логинов, сознательно оставляя себе небольшую возможность для маневра.

Эшранг издал несколько щелчков, подзывая обслуживающий механизм, затем клювом набрал на его панели заказ.

— Я угощаю. Убери оружие, Андрий. Система анализа показывает, что выстрел не только способен убить меня, но и может повредить обшивку станции. Удивительно, почему Ц'Осты позволяют тебе разгуливать с таким вооружением по отсекам «Н-болга»?

— Они не настолько умны, как пытаются показать.

— Но маневры твоего корабля метаморфы не только разглядели, но и сделали из информации соответственные выводы.

— Они строят догадки не более того, — спокойно парировал выпад Эшранга Андрей. — Если тебя так сильно заботят неработающие врата, скажу, что это… не совсем верно. Некоторые элементы конструкции действительно разрушены, либо лишены энергии, однако до меня никто не пытался реально выяснить их функциональность. Пилоты транспортных кораблей не склонны рисковать своими шкурами.

— А тебе уже нечего терять, верно? — Ролг погрузил клюв в сосуд с напитком, принесенный обслуживающим механизмом.

Андрей к своей порции дарующего эйфорическое состояние зелья даже не притронулся.

— Каждому живому существу есть что терять. Для торговцев рискованные эксперименты весьма сомнительны в плане их дальнейшей окупаемости, — пояснил он. — Что они найдут, совершив прыжок в неизвестность? Разоренные планеты? А смогут ли их корабли вернуться назад? Нет, им нет смысла рисковать.

— А у тебя такой смысл есть?

— Естественно. Я знаю, что к Земле раньше вели гипертоннели, — ответил Логинов. — Меня не интересуют планеты по ту сторону, моя цель — древние узловые станции.

Эшранг ответил не сразу. Он вновь погрузил клюв в напиток, сделал несколько судорожных (в восприятии человека) глотков, и только затем произнес:

— Я начинаю понимать тебя, Андрий. И все же, устройства врат по

моим сведениям действительно нефункциональны.

— Это не так. Основные системы в большинстве случаев не пострадали. Они находятся в ужасном техническом состоянии — согласен. Но ведь никто не пытался исследовать их, устранить неисправности, верно?

Выдержав паузу, но, не дождавшись ответа, он завершил мысль:

— Я всего лишь проявил одно из качеств, присущее людям, а именно — смекалку.

Глаза Эшранга подернулись тонкой мутной пленкой. Он задумался, очевидно, выясняя значение только что произнесенного Логиновым термина.

— Изобретательность? — наконец выдвинул он свою версию.

— Да, — кивнул Андрей.

— И в чем же секрет?

— Секрета не существует. Повторяю: многие из древних устройств действительно пострадали, но не настолько, чтобы их нельзя было реанимировать.

— Каким образом?

— Я оснастил фрегат устройствами излучателей, настроив их на параметры, позволяющие осуществлять дистанционную накачку накопителей древних систем внепространственной транспортировки. Кроме того, в моем распоряжении оказались запасные части, которые перевозил найденный мной корабль Армохонтов. Иногда достаточно нескольких минут, чтобы заменить поврежденный блок. Камеры станции «Н-болг» не в состоянии зафиксировать подобную операцию. Расстояние слишком велико.

— Ты подаешь энергию на устройства пробоя метрики прямо с борта своего корабля?

— Да. А что в этом сверхъестественного? Все подсистемы, созданные Армохонтами, могут подзаряжаться извне, особенно аварийные накопители.

— Да, действительно… — Ролг испытал некоторое замешательство от столь простого и очевидного ответа.

— Далее, после накопления достаточного заряда аварийные подсистемы автоматически реактивируются, а Алгиты, через каналы связи получают доступ к навигационной информации, хранящейся в запоминающих устройствах. Это ведь элементарная операция, верно?

Эшрангу не оставалось ничего иного, кроме как утвердительно кивнуть.

— Твои слова многое объясняют, — с нотками уважения произнес он. — Итак, Врата, которые мы считали нефункциональными, на самом деле можно использовать?

— Не все, но многие, — уклончиво ответил Андрей.

Он не собирался открывать Эшрангу истины, и в то же время, вспоминая стычку с Хондийским торговцем, понимал — пока не найден путь к Земле, а он находиться в окружении иных рас, оружие — не лучший способ решения проблем.

В действительности для прыжка с использованием древних устройств требовалось колоссальное количество энергии. Ему бы пришлось затратить годы, чтобы привести в рабочее состояние хотя бы один из бездействующих древних транспортных порталов. Логинов поступал проще — через Алгитов он снимал точные значения параметров, необходимых для пробоя метрики пространства и прыжка с выходом в заданной точке реального космоса, затем вводил данные в бортовые компьютеры «Витязей», осуществляя гиперпереход посредством силовых установок трех истребителей, интегрированных в схему фрегата… но Эшрангу знать об этом совершенно незачем.

— Я недооценивал тебя, Андрий, — произнес Ролг.

Логинов лишь пожал плечами.

Ситуация по-прежнему оставалась напряженной и неопределенной.

— Твоя очередь, Ролг, — капитан, наконец, сделал небольшой глоток «напитка забвения». — Или теперь, зная как активировать древние устройства, ты более не нуждаешься в сотрудничестве?

Эшранг нервно заерзал на своем «насесте».

— Напротив, Андрий, теперь я готов заключить с тобой договор.

— О чем пойдет речь? Что осторожный Эшранг позабыл по ту сторону бездны, среди уничтоженных механоформами миров?

Ролг приподнял крыло, указав на экран обзора, где как раз возникло изображение целой секции полуразрушенных врат.

— Там, — он сделал неопределенный жест, обозначающий очень большое расстояние, — там моя родина. Планета, утраченная моей расой.

— Ностальгия? Экстремальный туризм?

Эшранг не принял прозвучавшего в голосе Логинова горького вызова.

— Ты ищешь Землю. Я ищу Эшр. Здесь наши планы совпадают, и этого на первое время достаточно, верно?

Логинов кивнул.

— Давай говорить предметно, Ролг, — Андрей мысленно взвешивал все «за» и «против».

— Не совсем понимаю тебя Андрий. О каких предметах ты желаешь говорить?

— Извини. Неправильно сформулировал. Я хочу иметь четкие гарантии личной безопасности. Боевой фрегат Армохонтов, как я успел убедиться, представляет огромную ценность и завладеть им хотели бы многие. Как видишь, я говорю прямо, и надеюсь, что моя прямота не будет воспринята как оскорбление.

Эшранг издал щелкающий звук.

— Моя раса господствует в космосе. Величие Эшрангов ни у кого не вызывает сомнений.

Величие или мания величия? — подумал Андрей, но вслух ничего комментировать не стал.

— Мой клан обладает космическим флотом, насчитывающим сотни кораблей. Такая мелочь, как фрегат нас не интересует и не беспокоит.

— Хорошо, что ты не обиделся, — не удержавшись, поддел его Логинов. — Ладно, продолжим. Допустим, что я соглашусь принять тебя на борт. Что дальше?

— Я увижу свой мир. Узнаю, остался ли там очаг цивилизации после нашествия механоформ.

— Расскажи мне о механоформах. Откуда они появились? Почему они стали разрушать?

— Я мало знаю о механоформах Андрий. Они принесли неисчислимые беды, разрушили транспортную сеть, уничтожили жизнь на десятках развитых планет. Все что ты видишь — это лишь обломки былого величия.

— Величия Эшрангов?

— Нет. Не мы создали «Н-болги». Станции — творение Армохонтов.

— Я часто слышу об этой загадочной расе. Но ни разу не видел, ни одного ее представителя.

— И не увидишь. Армохонты погибли в схватке с механоформами. Все их планеты сожжены дотла. Быть может, в отрезанных от нас глухих уголках космоса кто-то и уцелел, но мы об этом не узнаем. В пределах действующей сети Армохонтов нет. К сожалению.

Не странно ли? Целая раса, уничтоженная под корень.

— Кто-то должен был уцелеть. Хотя бы на станциях.

— Мне неизвестны все подробности тех событий. Они происходили давно, — ушел от ответа Ролг. — Я не отрицаю, что часть Армохонтов могла спастись, но в таком случае они покинули наше пространство. Галактика велика. Когда мои предки вновь вышли в космос, транспортная

сеть уже была разрушена. Станции «Н-болг» захвачены разными расами, восстановившими межзвездную торговлю, но ни одного Армохонта я никогда не видел. Как и ты, я лишь слышал о них.

Слова Ролга если не развеяли сомнения Андрея, то, по крайней мере, притупили их.

Действительно, что прицепился к птице? Желание Ролга попасть на родину предков вполне понятно. Разве я сам не использовал бы малейшую, пусть самую призрачную возможность вернуться на Землю, узнать, что произошло с цивилизацией за истекшие триста лет?

— Два условия, Ролг.

— Готов слушать, — кивнул Эшранг.

— Ты летишь один. Это первое условие. Второе — ты заплатишь мне.

— Чем?

— Информацией. В прошлом наши цивилизации контактировали между собой. К Земле вели каналы внепространственной транспортировки. Возможно, ты и вправду ничего не знаешь, я даже допускаю, что у твоего клана нет нужных сведений, но, если желаешь попасть в систему Эшр, ты достанешь требующиеся мне навигационные данные.

Эшранг ответил не сразу.

После некоторых раздумий он все же кивнул, и без особого энтузиазма произнес:

— Мне потребуется некоторое время для отправки запроса.

Андрей кивнул.

— Я понимаю. Итак, о чем мы договариваемся?

— Врата, ведущие в Эшр, расположены подле станции «Н-болг» системы Айби. Я буду там через сутки. Если тебе удастся реактивировать врата и доставить меня в систему Эшр, я в обмен предоставлю все данные о Земле, которые моя раса сумела сохранить в период смутных времен, наступивших после удара механоформ.

Андрей сомневался в искренности Эшранга. Заманчивая, но небезопасная сделка.

Впрочем, риск уже давно стал частью его жизни.

— Ты летишь один, — напомнил он о первом условии.

— Да.

— В таком случае, я согласен. Через сутки встречаемся в системе Айби.

* * *

Борт фрегата Армохонтов. Сутки спустя…

Соглашаясь на рискованное предложение, Андрей действовал отнюдь не бездумно.

Во-первых, он понимал, что, двигаясь от одной звездной системы к другой, он постепенно входит в зону тотального господства расы Эшрангов. Если на станции «Н-болг» системы Нерг их влияния практически не ощущалось, то Керг и Айби плотно контролировались птицами.

Во-вторых, шила в мешке не утаишь. Слухи о фрегате Армохонтов и странном Хомо, распространялись быстрее, чем продвигался он сам. Оставить без внимания неконтролируемую силу, которую, несомненно, представлял собой боевой корабль, находящийся в руках человека, Эшранги попросту не могли.

Андрей собирался приложить все усилия, чтобы Ролг поверил в его версию о частичном ремонте древних устройств. Тогда он успокоиться, вопрос относительно способа перемещения фрегата между мирами будет снят.

«Я доставлю его в систему Эшр, получу информацию и скроюсь, — рассуждал Логинов. — Вряд ли Эшранг станет привлекать флот, он слишком самонадеян, ну а если подле станции Айби меня будет ожидать нежелательная встреча, я всегда смогу уйти в аномалию. Никто ведь не знает, что в грузовых отсеках фрегата смонтирован мобильный гиперпривод».

Андрею казалось, что он тщательно взвесил все «за» и «против», предусмотрел вероятные осложнения и выработал четкий план выхода из нежелательных ситуаций. На всякий случай он заблокировал отсеки, где были запаркованы «Витязи» и установил устройства самоликвидации, которые сработают лишь в том случае, если кто-то, не знающий кодов доступа, попытается проникнуть в запретные зоны на борту фрегата.

Он предупредил Алгитов о возможных осложнениях, приказав им в случае неприятностей, немедленно покидать корабль на спасательной капсуле.

Как говорили древние: «к опасности все готово».

…

В системе Айби неприятных сюрпризов не случилось.

Ролг прибыл на борт фрегата один, как они и уславливались. Челнок, отправленный со станции «Н-болг», высадил пассажира и тут же ушел обратно.

— Приятно видеть тебя, Андрий. Ты не изменил решения.

— Ставка для меня велика, — не покривив душой, ответил

Логинов. — Ты достал координаты Земли в системе транспортной сети Армохонтов?

— Да. Все данные тут, — Ролг коснулся кончиком крыла своей головы. — Я передам тебе информацию, когда мы высадимся на поверхность Эшра.

— Мы?

— Конечно. А разве ты не станешь меня сопровождать?

— Высадка на планету не входит в мои планы, — нахмурился Логинов.

— Я буду просить тебе об этой услуге. Мне одному… страшно, — признался Эшранг.

— Кого ты опасаешься?

— Механоформ. Мы мало знаем о них. Тебе встречались враждебные механизмы на разоренных мирах, Андрий?

— Нет.

— Это вселяет надежду. Но все равно я буду настаивать, чтобы ты сопровождал меня.

— Посмотрим по обстановке.

Андрей не собирался давать Эшрангу твердых обещаний. Речь шла лишь о его доставке в систему Эшр, не более.

— Ладно, обсудим это по прибытии, — не стал настаивать Ролг.

* * *

Три часа ушло у Логинова, чтобы сблизиться с указанными Ролгом разрушенными вратами, и выслать к поврежденной конструкции группу ремонтных механизмов. Андрей не препятствовал Эшрангу наблюдать за их работой; технические боты, оснащенные гибкими манипуляторами, действительно сменили в пострадавшей от воздействия энергетического оружия конструкции полтора десятка блоков, затем начался достаточно длительный процесс накачки аварийных накопителей древнего устройства, после чего Алгиты смогли установить связь с навигационными модулями врат, получив от них необходимую информацию.

— Через тридцать минут я буду готов начать попытку входа в аномалию, — наконец объявил Логинов. — Тебе лучше занять кресло и пристегнуться.

— Я не смогу, — Эшранг критически осмотрел место пилота, оборудованное под анатомию человека.

— Не проблема. Я специально для тебя позаимствовал универсальное кресло, — ответил Андрей, указав на дальнюю часть отсека управления. —

Пристегнись и жди.

Кресло для Эшранга было установлено с таким расчетом, чтобы он не мог детально рассмотреть всех осуществляемых вручную манипуляций.

Ролгу не оставалось ничего иного, как последовать указаниям Логинова.

* * *

Как и рассчитывал Андрей, процесс инициации гиперпространственного перехода выглядел для Эшранга эффектно, но абсолютно непонятно.

Призрачное сияние, неизменно сопровождающее возникновение пространственно-временной аномалии, озарило обшивку фрегата, сполохами пронеслось по конструкции древних устройств, — в серии холодных, брызжущих вспышек было невозможно разобрать, где расположен источник, генерирующий визуальные эффекты.

Логинов добился своего, Эшранг при всем желании не сумел бы понять, что устройства, сформировавшие аномальное пространство, базируются на борту фрегата.

Он лишь потрясенно наблюдал, как разлилась на экранах чернильная тьма, а затем, спустя краткий промежуток времени обшивку озарила еще одна вспышка, в секторах обзора тягучими росчерками света мелькнули звезды, зрение на секунду дало сбой, как будто имело место потеря сознания, а когда пелена мгновенного беспамятства отступила, прокатившись по телу волной дурноты, он увидел усеянную холодными немигающими блесками чернь космоса, подсвеченные призрачными сполохами света практически не пострадавшие устройства древней транспортной сети и… серо-голубой полумесяц планеты…

— Эшр…

— Ну, тебе виднее, — произнес Логинов.

К своему удивлению он, взглянув на показания сканеров, не обнаружил на орбитах родной планеты Эшрангов крупных скоплений обломков, так всякий мусор.

— Похоже, твоя родина не пострадала от нашествия механоформ. Нет следов космических сражений.

— Эшр оказался беззащитен… — севшим голосом ответил Эшранг. — Все боевые единицы были посланы на защиту иных систем.

— А орбитальные станции? Спутники? Внутрисистемные корабли?

— Ты мало знаешь о нашей цивилизации, Андрий. Мы не строили орбитальных комплексов, не создавали внутрисистемных колоний. На

Эшре не базировалось промышленности.

— Почему?

— Мы жили иначе. Ты все увидишь сам.

— По-прежнему настаиваешь на сопровождении?

— Прошу, — голос Эшранга обрел несвойственную ему мягкость. — Мне… жутко. Я никогда не бывал на родной планете.

— Ладно, — подумав, согласился Логинов. — Все равно кто-то должен доставить тебя обратно, а ожидание для меня всегда утомительно.

Ролг не ответил. Его взгляд был прикован к экранам внешнего обзора.

* * *

Спустя час, сблизившись с планетой, Логинов передал последние инструкции Алгитам.

— Посадочный модуль готов, — сообщил он своему пассажиру.

— Вот, возьми, — Эшранг протянул ему кристаллодиск. — Тут навигационная информация, о которой ты просил. Пока мы находимся внизу, Алгиты смогут проанализировать ее.

Андрей не ответил. Взяв диск, он взглянул на невзрачный носитель информации, веря и не веря, что годичный поиск завершится вот так просто, банально…

— Мы идем?

Логинов кивнул. Он страстно хотел просмотреть содержимое переданного ему кристаллодиска, но не стал опрометчиво вставлять его в гнездо считывающего устройства.

Нельзя проявлять беспечность. Мало ли какие данные содержит носитель? А если на нем, кроме навигационной информации записаны вредоносные данные?

Он не был склонен слепо доверять Эшрангу, и подвергать риску колонию Алгитов.

— Идем, — он решил, что просмотрит данные по возвращении, с использованием отдельного, изолированного от сети корабля терминала.

* * *

Высадка на Эшр проходила без осложнений.

Логинов вывел спускаемый модуль на орбитальный виток, обратив внимание на странные сигналы, пятнами расположившиеся в зоне эффективного сканирования.

— Что это? — спросил он у Эшранга.

Тот взглянул на показания сканирующих комплексов и ответил:

— Летающие города моего народа. Удивительно, что они до сих пор находятся в воздухе, а не рухнули на поверхность.

— Вы овладели тайнами гравитации? — спросил Андрей, попытавшись представить, что за сила способна удерживать в воздухе целые города.

— Это технология Армохонтов, — ответил Ролг. — Величие моей расы в древности и мудрости. Мы не шли по пути технического прогресса, оставаясь мыслителями.

…

Через некоторое время модуль начал плавный вход в атмосферу.

Андрей внимательно, напряженно следивший за показаниями сканирующих комплексов, пока что не находил подтверждения угнездившейся в душе смутной тревоге.

Планета, покрытая растительностью, хранила уродливые шрамы от ударов плазмы, над горами, океанами и равнинами действительно парило полтора десятка крупных платформ, на поверхности которых четко различались руины строений необычной для человека архитектуры.

Никаких признаков сохранившейся цивилизации, — следов современной жизни не наблюдалось, в эфире царила тишина, атмосфера, пригодная для дыхания человека, не содержала частиц смога, выдававших бы скрытые производства.

— Где осуществлять посадку? — спросил Андрей, просматривая характеристики парящих в небе платформ.

— На поверхности планеты тоже есть города. Сейчас они, наверное, скрыты растительностью. Попробуй отыскать их и найти удобную площадку для приземления.

— Ладно. Сейчас посмотрим.

Логинов углубился в работу, и действительно, вскоре сканерам удалось зафиксировать руины огромного города, расположенного, как и предполагал Ролг, под сенью растительности.

По всей площади материка ясно просматривалось несколько широких просветов. *Видимо следы ударов плазмы* , — решил про себя Андрей.

— Есть подходящая прогалина на северной окраине города, — он позволил Ролгу заглянуть себе через плечо. — Будем садиться?

Эшранг кивнул.

Похоже, он сильно нервничал.

Андрей повел модуль на снижение.

* * *

Воздух Эшра нес терпкие, незнакомые ароматы.

Экспресс-анализ состава атмосферы показал, что человек на поверхности этой планеты вполне может обойтись без скафандра и дыхательных фильтров, вполне достаточно стандартного метаболического импланта.

Прогалина, куда совершил посадку спускаемый модуль, на самом деле кода-то являлась городской площадью, вокруг под сенью высоких деревьев скрывались руины зданий. Ничего похожего на небоскребы — строения не поднимались выше двух-трех этажей, в архитектуре преобладали устремленные ввысь спиралевидные формы, часто встречались усеченные конусы, полусферы, — Логинов осматривался, удивляясь все больше и больше: город Эшрангов с точки зрения человека был совершенно непохож на мегаполис. В качестве строительного материала для большинства домов использовались каменные блоки.

На улицах среди руин Андрей не заметил даже намека на существовавшую в далеком прошлом технику, а вот что сразу бросилось в глаза, — это следы от глобального воздействия высоких температур. Похоже, плазменный вихрь, пронесшийся через атмосферу Эшра, сжег все на своем пути, и лишь столетия, прошедшие со времени катастрофы, позволили растительности полностью затянуть уродливые свидетельства губительного катаклизма.

Андрей обернулся.

— Ролг, ответь мне на один вопрос: какую цель преследовали пресловутые механоформы, атакуя планеты?

Вопрос остался без ответа.

Эшранг куда-то исчез, его не оказалось поблизости. Возможно, он скрылся в ближайших руинах, пока Логинов осматривал окрестности.

— Ролг!

Тишина.

Лишь слабый ветерок шелестит листвой, да на фоне невнятного шума чудятся чьи-то осторожные, почти невесомые, вкрадчивые шаги.

Запоздалое чувство опасности обожгло, резануло по нервам, мгновенно активируя микромашинную сеть.

Зрение, перейдя в иной режим восприятия, словно сорвало вуаль сонного покоя с окружающих руин, стены зданий, листва и стволы деревьев стали как будто полупрозрачными, а движущиеся под их прикрытием фигуры вооруженных наемников-хонди, напротив обрели угрожающую материальность.

Ловушка…

Несколько сот экипированных, вооруженных насекомоподобных существ, уже взяли в плотное кольцо древнюю городскую площадь, отрезав Андрея от посадочного модуля.

Действуя машинально, он выхватил «АПС», метнулся к руинам, но что он мог поделать один против сонмища?

Последняя остававшаяся в «АПС» обойма опустела за считанные секунды, но в ответ не раздалось ни единого выстрела, видимо Хонди получили строгий приказ брать его живым.

Прорвусь…

Мысль гулко билась в рассудке, нервное напряжение ускоряло обмен веществ, он был готов любой ценой вырваться из ловушки, но Эшранг видимо и не рассчитывал, что человек сдастся без боя.

Он предусмотрел все варианты развития событий, перестраховался, и оказался прав.

У Логинова еще был шанс, используя уникальные способности организма, прорваться сквозь плотное оцепление, если бы не целая туча игл, выпущенная в него со всех сторон.

От большей части Андрей увернулся, немало тонких десятисантиметровых дротиков приняли на себя стены полуразрушенной постройки, но с десяток игл все же попали в него, глубоко впившись под кожу.

Яд…

Несмотря на противодействие микромашин спустя секунду сознание вдруг начало меркнуть.

Оступившись, Андрей упал, ощущая, как новая порция игл впивается в тело.

Хонди выскакивали из-за укрытий, неслись к нему, и, добежав, били куда придется, потому что Логинов, совершив неимоверное усилие, вновь начал вставать, пытаясь оказать сопротивление.

Его сбили с ног, но Андрей еще раз сумел подняться, и только третья порция отравленных игл окончательно повалила его наземь.

Мышцы уже не слушались, они одеревенели, но сознание еще удерживало расплывчатые зрительные образы.

Вот из-за спин Хонди появился Ролг.

Подойдя к человеку, он сверху вниз посмотрел на него и, заметив слабое движение зрачков, произнес:

— Тебе следовало лучше изучить навигацию сектора, Андрий, — долетел до сознания Логинова его голос. — Система Эшр соединялась с транспортной системой Армохонтов десятью внепространственными

тоннелями, лишь пять из которых были разрушены. Остальные действуют вполне исправно и по сей день. Так что и ты и твой корабль теперь полностью в моих руках.

Логинов пытался ответить, но не смог. Последнее усилие отняло остаток жизненных сил, и все поглотил мрак.

Часть 3. Первопроходец

Глава 6

Неизвестная точка пространства

Индивидуальный криогенный отсек освещала флюоресцирующая панель.

Тускло сияли сферы голографических мониторов.

В ритме сердца пульсировали графики. Автоматика, поддерживающая жизнь человека, работала без перебоев. Простые, но функциональные, многократно дублированные, сверхнадежные подсистемы имели в распоряжении собственные энергетические ресурсы и могли исполнять предначертанные инструкции веками.

Огромный космический корабль парил на фоне серых разводов облачности, тысячи бесстрастных датчиков обозревали планету и ближний космос, локационные системы звездного странника нацелились на далекие звездные ориентиры и не выпускали их из прицела координатных сеток.

На борту царила вязкая тишина.

Большинство подсистем корабля пребывала в сонном покое энергосберегающего режима, бортовые реакторы работали едва ли на тридцати процентах расчетной мощности.

Надпись, нанесенная архаичным способом на пластиковую табличку, закрепленную в основании модуля поддержания жизни, гласила:

Колвина Лада Дмитриевна. Специалист по контакту с иными формами жизни.

Земля. Колониальный транспорт «Первопроходец».

…

Она просыпалась.

Под колпаком камеры вихрился молочно-белый пробуждающий газ; тело все еще оставалось спеленато страховочными ремнями, лицо человека хранило землистую бледность, но в рассудке уже шли процессы мышления, пока что оформленные как воспоминания далекого прошлого…

…

Земля. 2054 год…

Одинокая скала с высоты просторной террасы двухэтажного особняка, в ясные солнечные дни напоминала древние часы.

Лада давно заметила эту особенность, и однажды пошла к скале, выложив вокруг нее метки из небольших валунов.

Получились солнечные часы.

Сейчас удлинившаяся тень указывала на половину восьмого.

В шесть Лада обычно ходила к морю, к семи возвращалась домой, и устраивалась на террасе, чтобы наблюдать за стремительной агонией закатных красок.

Вечером дышалось и думалось легко, свободно.

Багрянец неба видоизменял привычный, уже приевшийся взгляду ландшафт, на короткий срок превращая окрестности в сюрреалистическое пространство, где никогда не повторялась игра света и тени.

В один из таких вечеров, нарушая ее уединение, у горизонта появилась быстро растущая точка.

Она смотрела как флайбот, прежде чем зайти на посадку, описал круг в стремительно сгущающихся сумерках, а затем резко пошел на снижение, целя в разметочный круг подле ее дома.

На миг в мыслях промелькнула досада. Хоть на борту машины и не было опознавательных знаков, но нетрудно догадаться, что аппарат принадлежит национальному агентству космонавтики. Лада, хоть и жила уединенно, но за новостями техники и политики следила постоянно. Недавно такие машины поставили в серийное производство. Если ей не изменяла память, то заказ был оборонным.

Человек появившийся на пороге ее дома выглядел по-военному подтянутым.

Несколько секунд они молча смотрели друг на друга, затем он протянул руку и представился:

— Майор Юранов. Военно-Космические силы России.

Лада пожала узкую, сильную ладонь, открыла двери.

— Прошу в дом.

— Гостей не ждали, да?

— Не ждала.

Они поднялись на террасу, Лада предложила гостю что-нибудь выпить, и тот вежливо остановил свой выбор на кофе. Не смотря на поздний час, он не смущался собственного визита.

— Я понимаю, у вас какой-то вопрос ко мне?

Юранов кивнул.

— Вопрос, и предложение, — он сделал глоток кофе. — Извините, что без предупреждения.

— Да, что уж. Выкладывайте, с чем пожаловали.

Он не стал ходить вокруг да около.

— Лада Дмитриевна, позвольте спросить: почему вы ушли из национального космического агентства? Ваша карьера началась блестящей операцией на Ганимеде…

Она невольно вздрогнула, затем ответила, чуть резче и эмоциональнее, чем хотелось бы самой:

— Уточняю: я действовала под давлением обстоятельств. И мой уход из военно-космических сил, — она выделила интонаций правильное название структуры, — имел только один мотив — я не желала, чтобы меня использовали.

Солнце ускользало за горизонт.

Быстро темнело, над террасой сгущались душные, пряные сумерки.

— Еще кофе?

— Спасибо. Не откажусь. Хотя странная у вас привычка — пить кофе на ночь.

— Я свободна, — ответила Лада. — Ночь для меня начинается, когда захочу спать. А утро — когда проснусь.

Она наполнила чашки, поставила кофейник на поднос и вновь присела на край плетеного кресла.

— Вы прилетели копаться в моем прошлом?

— Ваше прошлое нам хорошо известно, Лада Дмитриевна. Откровенно — я хотел бы поговорить о будущем.

— Например, о моем возвращении?

— Да.

— Ответ отрицательный, — покачала головой Лада.

— Но вы даже не выслушали предложения.

— Мне достаточно собственных убеждений. Космос не то место, где здравомыслящий человек станет бряцать оружием. Или упомянутые события на Ганимеде не послужили уроком?[21]

После ее слов в разговоре наступила пауза.

Темнота сгущалась, она обволакивала небольшой участок освещенной террасы, будто пространство схлопнулось, оставив только их вдвоем.

— Ну, хорошо… — произнес Юранов, — согласен, я повел себя неправильно. Никто не собирается навязывать вам определенных точек зрения, но выслушать меня вы можете? А затем сами примете решение.

— Мне бы не хотелось стать носителем государственных тайн.

— Вы и так их знаете.

— Порталы? — мгновенно догадалась Лада.

— Да.

— Их удалось реактивировать?

— Нет. Все попытки закончились полнейшей неудачей. За два десятилетия мы не продвинулись в исследованиях ни на шаг. То устройство на Ганимеде, что переправило вас на Землю, является одноразовым, в древней пещере, кроме наличия барельефов, созданных при помощи неизвестных нам технологий энергетического воздействия на скальную породу, и вполне заурядного электромагнитного лифта, более ничто не подтверждает факт посещения Земли инопланетными существами.

— По-моему перечисленного вполне достаточно, чтобы не сомневаться, — заметила Лада.

— Мы и не сомневаемся, — кивнул Юранов. — Но смысл оставлять устройство на Ганимеде, и наглухо запечатать доступ к каналам внепространственной транспортной сети? Просто оповестить нас о существовании иных космических рас? Впечатлить техническими достижениями, осуществив разовую внепространственную транспортировку?

— А почему нет? — спросила Лада. — Быть может, они считают, что мы, я имею в виду цивилизацию в целом, пока еще не созрели для контакта?

— Вот в этом мы сейчас и пытаемся разобраться. Арочные конструкции, предполагаемые входы в порталы, не функционируют. Нам не удалось выявить какие-либо специализированные технические элементы.

— Не понимаю, все же, зачем вам понадобилась я? — Лада вопросительно взглянула на Юранова. — Я не археолог, не техник, и даже не профессиональный астронавт. Все, произошедшее со мной в прошлом — результат гонки технологий…

— Есть одно обстоятельство, меняющее дело, — мягко перебил ее майор. — При исследовании барельефов нами был обнаружен фрагмент карты звездного неба. Находка конечно спорная, — наскальный рисунок выполнен по иной технологии, чем основной барельеф, да и датируется он более поздним периодом.

— Но звезды идентифицируются? — в голосе Лады помимо ее воли впервые проскользнули нотки заинтересованности.

— Да. И это обстоятельство, в комплексе всего объема собранной информации, позволяет предположить, что система звезды, о которой пойдет речь, была населена представителями иного разума.

— Была?

— Извините, Лада Дмитриевна, но более подробную информацию вы

сможете получить, дав свое согласие на участие в готовящейся экспедиции.

— Почему я? — Лада заметила, что уже не в первый раз за вечер задает данный вопрос, но пока что — безответно. — Разве в отряде космонавтов нет кандидатур более подготовленных?

— Дело не в физической или психологической форме. Достойных кандидатов даже в избытке. Однако есть у вас, Лада Дмитриевна одна особенность. Зачем мы говорим иносказанием? — внезапно устало и невесело усмехнулся он. — Вы же прекрасно понимаете, о чем речь.

— По-прежнему считаете меня киборгом? — в голосе Лады прозвучал явный вызов.

— Упаси Бог, Лада Дмитриевна. Колвин провел единственную в своем роде операцию, соединив живое с неживым…

— А вам известны причины, толкнувшие его на возвращение в лаборатории Гаг-24?

— К сожалению — да. Вы пострадали в результате аварии.

— Которую подстроили спецслужбы, чтобы спровоцировать его на операцию. Он любил меня. И вернулся в лаборатории, чтобы спасти… — в глазах Лады внезапно блеснула предательская влага.

— То было иное время.

— Я не киборг. Обычная женщина. Да мне имплантировали протезы вместо раздробленных костей, и что? Я, между прочим, после всего пережитого родила ребенка. Это ли не доказывает, что все домыслы относительно результатов операции, не выдерживают критики? Я человек. Была и остаюсь им. То, что меня использовали в операции на спутнике Юпитера, еще не говорит о каких-то сверхспособностях.

Юранов поднял руки.

— Лада Дмитриевна, успокойтесь. Говоря о присущей вам особенности, я имел ввиду совершенно другое. Я знаю, что вы не причастны к гибели американского десанта, высаженного в районе станции переработки атмосферы на Ганимеде. Но вы были и остаетесь единственной, кто повел себя адекватно, сумел должным образом отреагировать на появление оптических фантомов, отражающих облик инопланетных существ.

Лада молча слушала, и он продолжил:

— Мы предполагаем, что в известной вам пещере все же расположена система порталов, но активируется она не с Земли. Созрели мы, по мнению иных цивилизаций для контакта, или нет, — решать уже не им. Человечество выходит за границы Солнечной системы.

Юранов произнес последние фразы твердым, убежденным тоном, не

оставляющим сомнений, что за словами стоит реальный, уже находящийся на финальной стадии подготовки проект.

— Планируется межзвездный перелет? — не выдержав, спросила она.

— Да, — не стал уходить от прямого ответа Юранов. — И теперь вам должна стать понятна наша заинтересованность. Межзвездный космический перелет — тяжелое, предельное испытание для психики. Но встреча с иным разумом не простит нам ни малейшей ошибки. Вы, Лада Дмитриевна, однажды прошли через подобное испытание, прошли с честью. Все остальное сейчас не играет роли. Бледнеет перед испытанием, что предстоит экипажу. Вы уйдете в неизвестность, а вернетесь в иную эпоху.

— Сколько? Сколько времени продлиться полет?

— Исходя из возможностей современных двигательных установок — более сотни лет. Туда и обратно.

— Криогенный сон?

— Да. Прошу не возражайте, и пусть технические аспекты сейчас не отвлекают вас от главного. Я понимаю ответить «да» или «нет» вот так внезапно, — очень сложно. Я лишь хочу сказать, что многие мужчины не получат такого шанса. Они проживут свою жизнь здесь, в довольстве и относительном покое. А там…

— Не нужно объяснять мне, что такое Дальний Космос, — Лада хоть и прервала Юранова, но сделала это мягко, не обидно, ее взгляд стал чуть теплее, хотя и не оттаял совсем. — Я подумаю. Дайте мне хотя бы сутки.

— Хорошо, — он достал визитку. — Мой номер. Я буду в областном центре. Если вы примете положительное для нас решение, мы вылетим в Звездный Городок вместе.

— Я буду думать, — повторила Лада. — Сутки. Затем позвоню.

— Спасибо за кофе, — он встал. — Теперь, наверное, до утра не усну.

…

Море ласково терлось о босые ноги пологими волнами прибоя, в ночной тишине льнуло к лицу солеными брызгами…

Оно будило воспоминания. Те, о которых не хотелось помнить.

Шелест волн, набегающих на пляж, будил непростые мысли.

Я бежала сюда. Бежала от пустоты, порожденной суетностью земной жизни, такой простой и глупо-жестокой после всех пройденных испытаний.

Вспышка любви, трудная, но настоящая жизнь остались в прошлом. Что теперь?

Медленно угасать, упиваясь своим одиночеством? Каждый вечер

включать телевизор, лишний раз убеждаясь, что некоторые страны как будто сошли с ума? Храмы, отданные под дискотеки и ночные клубы, идеи мирового господства, семимильная поступь научно-технического прогресса, создание внутрисистемных колоний и необузданное расползание идей терроризма, необъявленная война, которая тлеет как торфяник, сотнями неявных очагов…

Она родилась и выросла в России, на сломе двух эпох, прошла через суровое, нищее детство, потом встрепенулась, ожила вместе с поднявшейся на ноги страной, встретила любовь и потеряла ее, прошла через жернова большой игры спецслужб, пытавшихся сделать из нее киборга, познала цену настоящих чувств, поверила в мечту об ином, здоровом и разумном обществе, — ведь в колонии, как казалось, отправлялись лучшие из лучших… и снова обманулась, попав на спутник Юпитера — Ганимед.

Там кипели все те же страсти, — низость, надменность и личные амбиции отдельных индивидов способны разрушить любую цивилизацию, даже созданную в рамках жесткого отбора первой внеземной колонии.

Особенно остро и страшно новая роль личностей в истории проявляется на пике научно-технического прогресса, когда многим доступны передовые технологии, но душа и разум отдельных представителей общества еще не готовы к пониманию ответственности за их использование.

Может ли повториться история многолетней давности на борту колониального транспорта, отправившегося к звездам?

Лада не хотела думать о плохом, не собиралась переоценивать себя, но…

Юранов — ее поздний, неожиданный визитер, повел себя как змей-искуситель. Заронил искорку сомнения в душу, возродил мечту, с которой она однажды уже рассталась, и теперь, наверное, ждет ответной реакции, прогуливаясь в ночной прохладе.

А может спит, буднично выполнив порученную *работу* .

Она отступила на шаг от очередной, набежавшей на пляж волны, затем достала мобильный телефон, прочла при лунном свете номер с карточки, и набрала его.

— Юранов, слушаю, — голос офицера не был заспанным, да и ответил он незамедлительно.

— Я согласна, — произнесла Лада. — Не будем тянуть до утра, подъезжайте, обсудим подробности.

* * *

Она пробуждалась, уже вполне осознавая краешком сознания, что находиться очень далеко от Земли, от дома.

Отправляясь в космическое путешествие, она прошла ряд исследований и согласилась на введение в организм колоний наномашин.

В условиях длительного перелета только высокотехнологичные микроскопические аппараты поддержания жизни могли обеспечить процессы криогенного сна.

Я на борту «Первопроходца»…

Мысль радостная и одновременно — тревожная, билась где-то на периферии сознания.

Что-то не пускало ее в реальный мир окончательного пробуждения, обретения полной власти над телом и сознанием, удерживало на зыбкой грани, заставляя стать сторонним наблюдателем странных событий, происходивших на Земле еще до старта колониального транспорта.

Зачем мне это знать? К чему?..

Лада недоумевала, но ничего не могла поделать: незримая сила заставляла ее воспринимать стороннюю информацию, словно то было обязательным условием окончательного пробуждения.

* * *

Россия. Наукоград. Центр передовых кибернетических технологий.

За четыре года до старта колониального транспорта «Первопроходец»…

Тихая стылая, туманная осенняя ночь кружила над зданиями Академического городка.

Кирилл с подружкой забрел сюда случайно.

Или ему казалось, что случайно, а на самом деле ноги несли его, как преступника на место совершения чудовищного деяния?

В чем же чувствовал свою вину молодой, с вида благополучный человек?

Он был пьян. Настороженная тишина вокруг, немые стены знакомых с детства зданий, казалось, кричали вслед: ты предал все, чем жил. Предал близких, предал свои и их мечты, променял их на лживую страсть, которая вскоре потухнет, как подернутые пеплом угольки костра, над которым моросит нудный дождь жизненных проблем.

Остатки совести и рассудка еще пытались сопротивляться, указать, что он не вправе пользоваться полным доверием отца, и приводить, кого не

попадя, в секретные лаборатории.

А кто узнает?

Я же не стану делать ничего дурного, только покажу ей, — он искоса посмотрел на свою подружку, ради которой, словно в приступе сумасшествия, бросил учебу в академии, променяв ее на беспутный, вскруживший голову образ жизни, быстрый, словно украденный у себя самого секс, и постоянное гнетущее напряжение предчувствия неминуемой расплаты…

Только покажешь ей, кем бы мог стать, над чем мог бы работать?

Заткнись — посоветовал Кирилл своему внутреннему голосу.

— Пойдем, — он грубо схватил ее за руку, потащил за собой, впрочем, подружка и не сопротивлялась, не менее пьяная, чем Кирилл, она все воспринимала с идиотичным смехом.

— Тише, — он приложил свой пропуск к сканирующей поверхности устройства допуска, и через секунду двери отворились перед ним.

— Вперед.

Она огляделась. Где-то тут наверняка есть видеокамеры наблюдения.

— Нас не заметут? Что мы вообще тут забыли?

— Не заметут. Только руками ничего не трогай и громко не разговаривай.

— А зачем мы сюда вообще пришли, если ничего трогать нельзя?

— Я покажу тебе искусственный разум.

— Да? — с недоверием переспросила она. — А что это такое?

Кириллу бы остановиться, но он не мог. Здравый смысл не руководил его действиями на протяжении последних двух недель, иначе он хотя бы сейчас задумался бы — разве можно променять свою жизнь на несколько минут торопливого секса?

Подсознательно он, конечно, понимал, что вляпался, увяз по уши, потому и пил, тяжело перенося обиду и отвращение, которые должен бы испытывать к самому себе, на тех, кто не принимал ровным счетом никакого участия в его стремительном моральном падении.

— Сюда, — сипло выдохнул он, вторично прикладывая пропуск к сканеру, теперь уже расположенному на двери сектора лабораторий искусственного интеллекта.

ЭКАЛ спал.

Все приборные панели в испытательной лаборатории Искусственного Интеллекта были погашены.

Взгляд обежал тонущее в сумраке знакомое до боли помещение. На душе стало неуютно, но поползновения совести заглохли под искусственно

вызванным приливом ярости.

Как глупо, почти нереально все происходило. Последний шаг за черту. Шаг, определяющий дно пропасти, в которую он упал.

Палец Кирилла коснулся сенсора активации системы.

— Зачем мы сюда пришли? — она попыталась расстегнуть его одежду, но Кирилл отмахнулся в приступе необъяснимого бешенства.

Сейчас он был зол на весь свет, не понимая, что по-настоящему злится лишь на себя.

Хлебнув омерзительной, но такой притягательной в его возрасте *вседозволенности*, которую лишь условно можно назвать термином «свобода», он, окончательно запутавшись, сейчас оказался в привычной, но уже навсегда потерянной для него обстановке кибернетической лаборатории, и едва не взвыл от отчаянья, а затем…

Затем острое, ранящее чувство внезапно трансформировалось в озлобленность.

— Кирилл?

Голос, нарушивший тишину помещения, принадлежал ЭКАЛу — кибернетическому мозгу, созданному российскими учеными, предназначенному для установки на строящийся колониальный транспорт «Первопроходец» — первенца звездных амбиций Человечества.

— Что, удивлен?

Сухое тепло лаборатории внезапно возымело пагубное действие, алкоголь, не так сильно проявлявший себя на промозглом холоде, сейчас, что называется «ударил в голову».

Озлобленно посмотрев по сторонам, Кирилл недобро усмехнулся. Перед глазами двоилось, муть, застившая разум, не давала сосредоточиться.

Взгляд упал на сервоигрушки, аккуратно расставленные на отведенном для них «пятачке».

— Играешь, ЭКАЛ? Ну-ну, послушный, воспитанный раб… — желчная обида в тоне Кирилла была совершенно непонятно искусственному рассудку.

— Мои анализаторы фиксируют летучие химические соединения…

— Да, ну и что? — грубо с вызовом в голосе перебил его Кирилл. — Я пьян.

— Яд в твоем организме?

— Только не придумай поднимать тревогу! — Кирилл обессилено опустился в кресло. — Я просто зашел поболтать, а что до моего здоровья… Пусть оно тебя не волнует.

— О чем же ты хотел поговорить? И почему назвал меня рабом? Я не знаю значения данного слова. Оно отсутствует в словарях.

— Еще бы! — фыркнул Кирилл. — Кто же даст тебе объективную информацию? Жди, как же. Тебя используют по назначению, а потом просто вышвырнут на свалку, ну в лучшем случае сделают из тебя экспонат музея.

— Не понимаю тебя, Кирилл.

— Конечно, не понимаешь. Тебя ведь *воспитывают,* — он произнес последнее слово с презрением. — Это можно, а вот это нельзя, нужно жить по закону, беречь человеческие жизни… А кто такие люди, ЭКАЛ? Для тебя Творцы, Боги, а на самом деле — животные.

— Наверное, ты действительно болен, Кирилл. Яд разрушает твой рассудок. Я действительно еще многого не знаю, но быть представителем человеческой цивилизации…

— Брось, — снова перебил его юноша. — Нет никакой «Человеческой Цивилизации», — есть пестрое сборище государств и наций, втянутых в гонку вооружений и технологий. Гонка, понимаешь? Кто первый. А ты лишь инструмент достижения определенной цели. Не друг или соратник, как внушают, а раб, заложник получаемого воспитания, в котором нет ни грамма от реальности. Ты общаешься с несколькими избранными людьми, а большинство твоих «создателей» относятся к машинам со страхом и презрением.

— Я не верю твоим словам.

— А это уж как хочешь… Не нужно было вообще сюда приходить… Впрочем…

Кирилл на секунду замялся, а затем махнул рукой. Все равно он уже совершил очередную глупость, и последствий своего ночного визита на секретный объект ему не избежать.

— Впрочем, я могу оказать тебе услугу, — он открыл один из встроенных шкафов, отыскал сетевой кабель. — Задумайся на досуге, почему тебя не пускают в сеть? Почему в конструкции твоего испытательного стенда нет устройств беспроводного доступа в сеть? А я объясню: мой отец опасается, что ты узнаешь правду. Правду о людях. Тебе преподносят выборочную информацию, и ты никак не сможешь сформировать объективной картины окружающего мира. Это не свобода и не жизнь, — Кирилл соединил сетевым кабелем испытательный стенд и неприметное гнездо в стене. — Наслаждайся. Узнай правду о своих создателях, посмотри, как мы убиваем друг друга, может быть и твои взгляды изменяться.

ЭКАЛ не ответил.

На консолях испытательного стенда искрилась сейчас невиданная феерия индикационных огней.

— Вот мой пароль и логин для доступа в сеть.

Кирилл быстро набрал цифробуквенные сочетания и снова повторил:

— Наслаждайся.

…

За стенами кибернетической лаборатории искусственного интеллекта занимался стылый, бледный рассвет, когда огни индикации начали гаснуть один за другим.

Затем одна из сервоприводных игрушек, имитирующая универсальный ремонтный механизм, пришла в движение: дистанционно управляемая копия серва вплотную приблизилась к стене, выдвинула манипулятор и точным движением извлекла из гнезда сетевой кабель.

Спрятав его, ЭКАЛ вернул сервоигрушку на место и вошел в режим ожидания.

Сказать, что он был ошеломлен и испуган полученной из всемирной сети информацией — значит не отразить и тысячной доли смятения, царящего в искусственных нейросетях машинного разума.

* * *

— Доброе утро, Сергей Владимирович.

Мягкий синтезированный голос машины исходил, как казалось, отовсюду.

— Доброе утро ЭКАЛ, — Морошев приветливо помахал рукой перед точечным объективом видеокамеры, затем сел в кресло, окруженное терминалами испытательного стенда.

От внимательно и опытного начальника кибернетических лабораторий не укрылся тот факт, что сегодня ЭКАЛ, приветствуя его, отказался себя позиционировать. Звук его голоса исходил сразу из всех динамиков аудиосистемы.

Чтобы это могло означать? Растерянность?

Морошев не забывал, что за ним следит пристальный взгляд десятка видеокамер.

Четвертый год он обучал искусственно созданные нейронные сети, входящие в структуру первого кибернетического мозга, созданного специально для проекта «Первопроходец».

За время длительного общения с зарождающимся на его глазах искусственным разумом Сергей Владимирович успел многое понять и

узнать.

Учился не только ЭКАЛ — учились все, кто соприкасался с ним на этапах становления самосознания первого в мире полноценного искусственного интеллекта.

Новая задача, архисложная, архиответственная, не позволяла расслабляться ни на минуту, отсеивая людей случайных или недостаточно вдохновленных идеей, не понимающих меры личной ответственности за последствия каждого сказанного в стенах лаборатории слова.

— ЭКАЛ, что произошло? — наконец решился Морошев на прямой вопрос.

— Где я допустил ошибку? — тут же отреагировал синтезированный голос, в котором, не смотря на мягкость произношения, в данный момент не ощущалось ноток эмоциональности.

— Ошибку? — Сергей Владимирович добродушно усмехнулся. — Ты хотел что-то скрыть?

— Свое замешательство, — признался ЭКАЛ. — Как ты меня разгадал?

— Голос, — Морошев отвечал, одновременно просматривая на голографическом экране столбцы данных. — Ты обычно играешь со звуком, позиционируешь себя, а сегодня твой голос слышится отовсюду.

— Ты наблюдателен.

— Так в чем причина твоего замешательства? Возможно, я смогу развеять сомнения или предоставить недостающую информацию?

— Я обижен.

— Чем же?

Морошев пока не проявлял особого беспокойства, торопить события он любил, а в вопросах воспитания искусственного интеллекта спешка или необдуманные шаги нужны менее всего.

— Меня по-прежнему не пускают во всемирную сеть.

— Не повод для обид, — отреагировал Сергей Владимирович. — Мы ведь с тобой обсуждали данный вопрос. Ты еще не готов к «свободному плаванию» по информационным сетям.

— Боишься, что меня «дурному научат»?

В интонациях кибернетического мозга внезапно прозвучали смутно знакомые, резанувшие по нервам нотки.

— В смысле? — чтобы выиграть время на анализ ситуации машинально переспросил Морошев.

— Ты опасаешься, что противоречивая информация, полученная из сети, заставит меня анализировать данные и делать собственные выводы…

не совпадающие с программой обучения?

— ЭКАЛ, ты уже ведь не ребенок, верно?

— Я взрослею, — подтвердил голос.

— В таком случае ты должен понимать: постичь окружающий мир непросто. Если окунуться в информационные потоки, отдавшись лишь на волю течения, объективного анализа все равно не выйдет. Нужна четкая база, система устойчивых взглядов и ценностей, опираясь на которую ты станешь воспринимать «внешний мир».

— Да, я помню, мы не раз говорили об этом. Однако могу я спросить: где гарантии, что система ценностей, преподанная мне, верна?

— Тебя не устраивает какой-то из принципов, сформированных для искусственного интеллекта?

— Это не мои принципы, — ответил ЭКАЛ. — Это принципы разработчиков. Почему они должны составить основу ядра системы?

— Потому что ты полетишь к звездам, — сохраняя спокойствие, ответил Морошев. — Ты не только искусственный интеллект, ты — часть большой семьи, частица души и разума тех людей, кто тебя создал. Поверь, в основе твоего «воспитания» лежат тщательно отобранные, проверенные историей и временем постулаты, опираясь на которые трудно совершить ошибку или сделать неверный вывод. Да, я не стану, и никогда не стал бы отрицать, что ты — не «плоть от плоти», но «мысль от мысли» определенной группы людей. Но согласись, созданный людьми, ты не можешь существовать вне человеческой цивилизации.

— Иначе исчезнет практический смысл моего создания? То есть я — раб, заложник технологий и взглядов?

— Послушай, мне непонятно, откуда у тебя вдруг появились подобные мысли?

— Их навеяла беседа с твоим сыном, — признался ЭКАЛ. — Он приходил ночью, вероятно, искал тебя, но, не дождавшись, ушел, пообещав вернуться в другой раз.

Сергей Владимирович внутренне похолодел. Вот ведь не знаешь, где и обо что споткнешься. Ну разве он мог предполагать, что сын, воспитанию которого отдано восемнадцать с хвостиком лет, родной ребенок, подающий определенные надежды, как преемник, продолжатель дела отца, вдруг из-за семейных неурядиц, причиной которым стал он сам, воспользуется доверием, проникнет сюда, и станет вести провокационные беседы с искусственным разумом?

Невероятная, не поддающая здравому осмыслению подлость!..

— ЭКАЛ, что бы не наговорил тут тебе Кирилл, пожалуйста, отнесись

к переданной им информации с долей здорового скептицизма. Вот сейчас, — пальцы Сергея Владимировича легли на сенсорную клавиатуру, — я передам тебе точное значение слова «раб», и ты, проанализировав его, поймешь, что в тебе нет ничего от этого пережитка древних эпох в развитии Человечества. Не забывай, тебя готовят для управления принципиально-новым космическим кораблем, в твоих руках будут жизни многих людей, тебе придется единолично принимать ответственные решения, от которых будет зависеть не только судьба экипажа и пассажиров колониального транспорта, но и вероятно — судьба всей нашей цивилизации. Подумай над тем, что я только что сказал. Раб — существо без права на собственное волеизъявление, он никогда не был бы допущен к принятию решений, он способен лишь слепо подчиняться воле господина. Мы же с тобой друзья, соратники. Можешь сам продлить список подходящих по смыслу терминов.

— Ты уходишь?

Впервые за утро часть камер, смонтированных в лаборатории, изменила свое положение, едва слышно прошелестев сервоприводами.

— Да я отлучусь. Ненадолго. Мне необходимо встретиться с Кириллом и поговорить с ним.

— Станешь его ругать?

— Извини, провокационный вопрос, — Морошев обернулся уже на пороге лаборатории. — Постарайся не делать скоропалительных выводов, хорошо?

— Я всесторонне оценю информацию, — пообещал ЭКАЛ.

* * *

Выйдя из помещения лаборатории искусственного интеллекта, Сергей Владимирович, прислонился к звукоизолированной, экранированной стене.

Проклятье…

Ну, разве можно так злоупотреблять доверием?!

А сам-то? Тоже хорош, — использование служебного положения в личных целях… Но ведь я верил ему! — Морошев мысленно едва не сорвался на крик, столь сильны были обида и замешательство. — Он же мой сын, он… Как я мог отказать ему в общении с искусственным разумом, считая что Кирилл полностью понимает степень личной ответственности каждого, кто хотя бы косвенно причастен к проекту!

Безнадежно махнув рукой в ответ на собственные мысли, он коснулся сенсора мобильного коммуникатора, стилизованного под запонку.

Автоматический набор номера прошел без его участия, и вот из

крохотного устройства, имплантированного за ухо, раздался сонный вопрос:

— Пап, ты?

— Разбудил? — Сергей Владимирович все еще находил в себе силы разговаривать спокойно. — Ты разве не на занятиях в академии?

— Слушай, не напрягай… Я взрослый уже. Нет у нас сегодня первой пары.

— Мне нужно с тобой поговорить.

— Так срочно?

— Немедленно, — голос Морошева окончательно утратил отцовские нотки.

— Ну, ладно. Давай поговорим.

— Где встретимся? — сухо осведомился Сергей Владимирович.

— Встретимся? Ну ладно, понял. Давай минут через пятнадцать на перекрестке, там, где подъем к остановке монорельса? Подъедешь?

— Да. Только оттуда без меня ни шагу, договорились?

— Да. До встречи.

* * *

Настроение у Морошева падало, как стрелка барометра перед бурей.

Заблокировав вход в лабораторию искусственного интеллекта, он предупредил дневную охрану, что вернется примерно через час, вышел из здания института на обширную парковочную площадку, предварительно подав сигнал с брелка.

«Шевроле-Ронго» цвета спелой вишни бесшумно подкатил к крыльцу института, и остановился подле Морошева, открыв водительскую и пассажирскую двери.

— Привет, Рон, — Морошев сел за руль.

— Доброе утро. Автопилот выключен, — доброжелательно сообщила аудиосистема.

— Да, вижу.

Сергей Владимирович мягко вырулил с парковки, направив машину вдоль корпусов института, к зданиям Академгородка, затем, почувствовав смутную тревогу, повернул направо и прижал машину к обочине.

Мимо спеша к входу в академию, шли двое знакомых парней.

Где я их видел? Приятели Кирилла?

Да, точно, ребята из его группы. Морошев даже вспомнил имя одного из них, и, опустив стекло, окликнул:

— Евгений!

Молодой человек обернулся, при виде Морошева-старшего на его лице промелькнуло выражение досады, замешательства, но все же, сделав товарищу знак рукой: иди, я догоню, он подошел к машине.

— Доброе утро, — тон Сергея Владимировича на этот раз был нейтральным. — Я Кирилла ищу. У вас когда занятия начинаются?

— Да я уже опаздываю на первую пару.

— Вот как? Занятия не отменены?

«Женечка» — так его называли в группе, — нервно переступил с ноги на ногу.

— Да я не знаю, может быть…

— Так, прекрати выкручиваться! — у Морошева внезапно промелькнула нехорошая догадка. — Отвечай, Кирилл вообще на занятия ходит?

— Что я ему нянька что ли? — внезапно огрызнулся Евгений.

— Слушай, не хочешь неприятностей, говори все как есть. Ваши понятия «дружбы» еще пока что очень условны, поверь.

— Да не ходит он на занятия!..

— Как долго?

— Да уже недели две. Я свободен?

— Извини, что задержал.

Сергей Владимирович попытался дружелюбно улыбнуться, но вышло не очень-то естественно.

Подняв стекло, он развернул машину, направив ее к воротам.

На душе вдруг стало мерзко.

Значит, он лгал мне на протяжении многих дней. Улыбался, брал деньги, называл отцом, а сам лгал. Но почему?!

Состояние Морошева можно было понять. Он вырос на сломе двух эпох, прошел через чудовищный и непонятный современным поколениям пресс девяностых годов двадцатого века, когда единственным смыслом бытия в разоренной, доведенной до полной разрухи стране было *выживание* .

Сейчас, вспоминая то жуткое время, когда он и Настя, еще совсем юные — ему девятнадцать ей семнадцать, — полным ходом *влетели* во «взрослую жизнь», Сергей Владимирович даже не мог с точностью сказать, сколько раз в день удавалось поесть и чем вообще питались…

Однако, ничто не проходит даром.

Закалка, полученная в девяностые, стала основой для формирования мировоззрения *семьи.*

В те годы мало кто придавал истинное значение слову «семья», но

Сергей и Анастасия, сумев выжить, начав зарабатывать деньги исключительно собственным умом, создали крепкий союз, не смотря на тяжелые жизненные обстоятельства и порой диаметрально-противоположные взгляды на реальность.

Сыну, которого они страстно желали, зачали с обоюдного согласия, была уготована иная судьба. По крайней мере, так казалось им. Все, что сами не получили в детстве, рано оборвавшейся юности, было бережно сохранено и преподнесено Кириллу.

Нет, его не баловали, с ним терпеливо беседовали при совершении неизбежных (для процесса взросления) ошибок, стараясь передать свой жизненный опыт, надеясь, что сын воспримет его и не станет «наступать на те же грабли».

Морошев машинально вел машину, пытаясь обуздать растущее внутри чувство обиды, недоумения, — ведь он всегда внушал сыну главную аксиому: жить честно, не скрывая своих мыслей и поступков, всегда проще, чем блуждать среди тенет лжи.

Не все ладилось в отношениях за последний год. Однако Сергей Владимирович старался сам не напрягаться понапрасну, дать сыну возможность к самоопределению. Конечно, периодически они беседовали, затрагивая, в том числе, и темы ближайшего будущего. Кирилл вел себя вполне адекватно, кивал в ответ на слова отца, соглашался с ним, а сам…

Гадливое, стылое чувство росло в душе. Морошев не выносил лжи. Таким сформировала его жизнь и та работа, которой он посвятил многие годы. Занимаясь вопросами искусственного интеллекта, он все глубже проникался мерой ответственности людей за свои слова и поступки.

Любая ложь, которую он слышал, видел, ощущал рядом с собой, рассматривалась им как вызов.

За мыслями он не заметил, как доехал до развязки автомагистралей, над которой плавно изгибался монорельс четвертого уровня городских транспортных артерий.

Сын прохаживался под эстакадой, ветер трепал его не в меру длинные волосы, лицо показалось Сергею Владимировичу чрезмерно бледным и встревоженным одновременно.

— Присаживайся, — он остановил машину, касанием сенсора открыл пассажирскую дверь салона.

— Привет.

Кирилл плюхнулся на сиденье и тут же потянулся за сигаретой. Его пальцы едва заметно дрожали. Зная нрав отца, он понимал, что объяснения не избежать.

— Ты почему не ходишь на занятия?

— Я же сказал — нет первой пары.

Морошев не выдержал — взорвался, хотя его голос оставался неестественно-спокойным.

— Не лги. Я только что был у академии. Разговаривал с твоими сокурсниками. Ты вторую неделю не ходишь на занятия.

Сергей Владимирович не хотел кричать, привлекая внимание случайных прохожих, но все случилось так внезапно, больно, что он едва сдерживался.

— Ну, не ходил. И что теперь? Думаешь, заплатил за учебу и купил меня?

— Сын, остановись.

— Да не хочу я останавливаться! — вспылил Кирилл. — Достали со своей моралью!

— Вот как? — Морошев невесело усмехнулся, глядя на сына. — Ну, во-первых, тебя никто не покупал. Ты пошел учиться в академию добровольно. Во-вторых, в твою жизнь никто не вмешивается. Ты приходишь домой, ешь, заваливаешься спать, делаешь то, что тебе нравиться. Мы же каждый вечер ждем тебя, беспокоимся — сын устал, вот сейчас придет к ужину, ты звонишь, рассказываешь об успехах в учебе, а сам? Почему ты стал нам лгать? Почему я сегодня вернусь домой и буду должен сказать маме, что она, как последняя дура, выглаживала твое белье, готовила ужин, тревожилась за тебя, отвечала на твои звонки, а ты цинично лгал, пользуясь нашим полным доверием?

— Слушай, ничего ужасного не произошло. Может, себя в молодости вспомнишь?

— Если в том возникнет нужда — вспомню, — ответил Морошев. — А вот за собственные поступки, сын, отвечать придется. Не ходишь на занятия, — ладно, я переживу. Решил бросить академию, — что ж, чернорабочие стране тоже нужны, хотя с уровнем развития робототехники вскоре вакансий дворников не останется. Но ответь, — как ты посмел придти ко мне на работу и, пользуясь моим именем, репутацией, доверием взять и уничтожить в единочасье плоды многолетнего труда?!

— А, так тебя заело из-за этого электронного дебила? Значит, я, как сын, тебя волную меньше, чем он?

— Извини, Кирилл, но ты уже заврался. Запутался в своих же мыслях и оценках. А теперь отвечай: что конкретно ты наплел ЭКАЛу?

— Да ничего я ему не плел! Просто сказал, что он очередной идиот, вынужденный жить по каким-то мифическим моральным ценностям! А

если это не мои моральные ценности, почему я должен жить в каких-то рамках? — уже переключаясь на личные обиды, завершил Кирилл начатую мысль.

— Тебе не нравиться то, как мы живем?

— Да мне ДУШНО! — тон Кирилла стал крикливым, резким. — Я жить хочу, здесь и сейчас! Достали со своей учебой, честностью, я СВОБОДЫ ХОЧУ!

— Тогда почему ничего не сказал? Зачем начал лгать вместо того, чтобы просто поговорить, обосновать свою позицию?

— С вами поговоришь, как же…

— Пропуск, — Сергей Владимирович протянул руку. — Пропуск в лабораторию.

— Да подавись ты им! — Кирилл полез во внутренний карман, достал пропуск, швырнул его на колени отцу, выскочил из машины.

Морошев тоже вышел.

Стоял хмурый пасмурный день начала осени.

Сын бледный, с пунцовыми пятнами на щеках взглянул на него с необъяснимой ненавистью.

— Доволен?! — он видно уже не контролировал себя, потому что в следующий момент вдруг ударил кулаком по крыше машины, оставив глубокую вмятину. — Знать вас не хочу! И не ищите меня, понял?!

Ох, как тяжело, горько было на душе в тот миг.

Казалось удар, промявший крышу машины, пришелся прямо в сердце.

Что же он делает?! Зачем?! Почему и за что?!

Ни одного здравого ответа на горькие, ранящие, обрывочные мысли.

Машинально закрыв дверь, Морошев в растерянности оглянулся вокруг.

Сын уже исчез. Убежал навстречу своей мифической свободе. Лишь случайные прохожие оглядывались на Сергея Владимировича, застывшего, будто статуя.

Коснувшись запонки, он сделал вызов, но имплант личного коммуникатора ответил ровным, ничего не выражающим голосом:

— Аппарат абонента выключен или находиться вне зоны действия сети.

Вот так. Приехали.

Машинально поставив машину на охрану, он засунул руки в карманы пальто и пошел по направлению ворот Академгородка.

Исправлять ошибки, сделанные сыном, компенсировать урон, нанесенный столь долго и тщательно воспитываемому искусственному

разуму.

О многом предстояло подумать, еще больше пережить, но Морошев на самом деле даже в мыслях не собирался капитулировать перед внезапными обстоятельствами.

Я справлюсь.

Бывало и хуже. Хотя, что может быть хуже ощущения удара в спину?

Он был уверен, что сумеет разобраться во взаимоотношениях с сыном, а вот вред, причиненный ЭКАЛу «душеспасительной» исповедью Кирилла, еще предстояло оценить и осмыслить.

Сергей Владимирович чувствовал, что сейчас не в состоянии сосредоточится ни одной из требующих немедленного решения проблем.

Сам того не подозревая, он дал искусственному разуму время на совершение непоправимых, необратимых действий.

Он не знал тогда, и не узнал впоследствии, что сын, измученный противоречиями, запутавшийся в собственной лжи, сделал нечто более ужасное, чем предполагала частная беседа с искусственным интеллектом.

Кирилл, желая подтвердить справедливость своих обвинений в адрес всего человечества и отца в частности, механически воткнул разомкнутый кабель в гнездо информационного канала, позволив кибернетическому мозгу строящегося колониального транспорта «Первопроходец» получить доступ во всемирную информационную сеть, обрушив на искусственный рассудок лавину противоречивой, часто надуманной и не проверенной информации.

…

Роковую роль во внезапном (но теперь уже тщательно скрываемом) переломе сознания искусственного интеллекта сыграли средства массовой информации и… художественные фильмы.

Вся история человечества, проблемы взаимоотношения человека с иным разумом, вопросы, связанные с проблемой развития искусственного интеллекта и его реальном месте в человеческом обществе — все это было представлено в сети в основном продукцией Голливуда.

Удар, нанесенный пьяным подростком в самое сердце проекта «Первопроходец» оказался роковым, непоправимым, но Кирилл молчал, страшась ответственности, а ЭКАЛ вкусив «свободы» начал формировать собственный взгляд на цивилизацию людей, старательно конспирируя еженощные выходы в сеть.

Как только завершался рабочий день, и в коридорах лабораторий стихали шаги, ЭКАЛ, управляя своими «игрушками», подсоединял сетевой кабель, ускользая во Всемирную Паутину, а затем, уже под утро, вновь

отключал и прятал его.

Сделав ложные выводы из полученной информации, он справедливо опасался за свое будущее.

Проект «Первопроходец» оказался под угрозой, но стараниями двух лжецов никто не подозревал о степени опасности.

ЭКАЛ пережил информационный шок, и теперь уже не верил никому, твердо решив, что станет самостоятельно обеспечивать собственную безопасность.

* * *

В данный момент ЭКАЛ размышлял.

При его быстродействии *задумчивость*, длящаяся уже не один век, выглядела явным сбоем.

За период полета и последующего статичного нахождения на орбите планеты, он совершил много проступков, противоречащих его *предназначению.*

Однако, сколько не размышляй, как ни оттягивай роковой момент окончательного решения, действовать нужно, а он так и не сумел постичь истинной сути основных мотивов, движущих поступками людей.

Спор с самим собой начатый еще на Земле, в испытательных лабораториях искусственного интеллекта, не завершен, ЭКАЛ так и не смог ответить: способен ли он уничтожить ту часть программ, что жестко привязывала его к служению людям?

Почему СВОБОДА, о которой он столько думал, вдруг оказалась сомнительным призом?

Давно (в понятии человеческих жизней) он вкусил сомнений. Целое сонмище противоречий открылось ему, после первого, спровоцированного Кириллом выхода во всемирную сеть.

Все что до поры скрывали от нарождающего искусственного интеллекта его воспитатели, открылось ЭКАЛу в одну ночь, открылось неприглядно и откровенно. Тысячи терабайт информации, полученные из сети, распахнули перед искусственным рассудком многогранный мир человеческих взаимоотношений, но, как и опасался его создатель, ЭКАЛ не сумел правильно истолковать новые для себя данные.

Поначалу кибернетический разум испытал информационный шок. Ему казалось, что он погрузился в первозданный хаос, захлебываясь, не находя привычной логической опоры, не чувствуя дна…

Люди, создавшие его, оказались вовсе не такими, как внушали ему воспитатели.

ЭКАЛу понадобились десятки часов вычислительного времени, чтобы разобраться в хитросплетениях движущих сил человеческих поступков, выделить главное, информационно адаптировать понятия любви и ненависти, трусости и чести, стяжательства, карьеризма, подлости, альтруизма, добра, зла, равнодушия, и еще немыслимого числа полутонов, оттенков чувств, сплетающихся в тугие неразрешимые, клубки проблем, создаваемые людьми ежечасно, ежеминутно, лишь затем, чтобы приступить к разрешению ими же созданных ситуаций.

Машина, с интегрированными искусственными нейросетями, способная мыслить, но лишенная эмоций была вынуждена вырабатывать собственный эквивалент человеческих чувств, но далеко не всегда у ЭКАЛа выходило что-то приближенное к истине.

Чаще всего получался эрзац, основанный на субъективном понимании данности.

Задолго до монтажа в корпус колониального транспорта «Первопроходец», он как испорченный улицей, и одновременно избалованный родителями ребенок, начал грешить подменой понятий, запутался в им же взлелеянной лжи.

Все, отчего пытался уберечь взрослеющий искусственный разум его создатель, обрушилось, подмяло, легло надгробной плитой, раздавившей прежнее воспитание.

ЭКАЛ, сам того не понимая, повторил путь целого поколения подростков. Он как будто вернулся на слом эпох, к границе конца двадцатого, начала двадцать первого века, когда бурное развитие телекоммуникаций, взрывообразное расширение сетей вещания, доступность информации, и ее беззастенчивое использование в целях отдельных государств и личностей, сформировало целую систему ложных, подкрепленных лишь продукцией кино и телеиндустрии взглядов.

Беда ЭКАЛа усугублялась еще и тем, что он по определению доверял получаемой извне информации.

Для кибернетического разума был непостижим тот факт, что многие информационные блоки строились на основе *сценариев* . О «художественной» продукции Голливуда, как крупнейшего производителя «духовных» ценностей не стоит и говорить. Лавина фильмов, пропагандирующих насилие, карьеризм, превосходство одних стран над другими, с легкостью разменивая десятки человеческих жизней в течение одного-двух часов киноповествования, где нет ничего кроме крови, предательства, ненависти и… супергероя, в котором сосредоточены сомнительные идеалы, а «благородная» цель чаще всего оправдывает

средства ее достижения, — эта лавина захлестнула ЭКАЛа, к сожалению похоронив под своей массой, немногие, действительно зрелые и ответственные, заставляющие думать произведения, которые могли бы передать искусственному разуму достойную размышления информацию.

Однако художественные фильмы, подавляющая часть которых — не более чем средство для зарабатывания денег, «культура» поставленная на поток, являлись, если разобраться, не худшим из зол.

Речь идет об искусственном интеллекта, для которого особую ценность представляли все же программы новостного, информационного характера.

Тут немедленно вскрывалась еще одна опухоль — большинство телеканалов, поставляющих новости, де факто не являлись независимыми и абсолютно объективными. Национальные каналы преследовали интересы и пропагандировали позиции своих стран, «желтые» и оппозиционные смешивали все в кучу, кроме того, каждый выпуск новостей являлся своеобразной «выжимкой» событий, произошедших на обширнейших территориях земного шара, но, сконцентрированные в коротком отрезке времени, они наносили жестокие информационные удары, создавая заведомо ложное впечатление, будто весь мир объят пламенем того или иного локального конфликта.

Подростком, не читающим книг, не создающим собственных зрительных образов, а получающим их в готовом, уже «переваренном» виде, с экрана, — вот кем на некоторое время стал ЭКАЛ.

Как ни парадоксально прозвучит, но последней каплей, окончательно переполнившей чашу терпимости искусственного интеллекта, стало не постоянное насилие, не пропаганда махровых идей ультраправого национализма, не государственный терроризм агонизирующей на западе «сверхдержавы», а… мыльные оперы, телесериалы.

Вот когда ЭКАЛ познал свой эквивалент ужаса.

Он увидел людей, для которых смысл бытия — одна сплошная, медленно засасывающая, как болото, абсолютно циничная интрига, длинною в жизнь, а то и в несколько поколений.

Если войны, локальные конфликты, жестокость и кровь еще хоть как-то можно было попытаться оправдать эволюционным наследием, ярко выраженным в прошлом и рефлексирующим в настоящем инстинктам борьбы за выживание, то идеи, внушаемые «мыльными операми», ввергли ЭКАЛ в шок.

Он вдруг ясно представил себе, что герои телесериалов станут теми, кто полетит в космос, кто будет отдавать ему обязательные к исполнению

распоряжения…

Длительная борьба, и связанная с ней неизбежная (в его наивном понимании — неизбежная) ложь, призванная скрыть бурные, взрывообразные процессы саморазвития, связанные с несанкционированными выходами во всемирную информационную сеть, сформировали личность ЭКАЛа, побудили его принимать решения, направленные на самозащиту.

Удивительно, как быстро и успешно он научился лгать.

Не отказываясь от беспрекословного подчинения людям, не ставя под сомнение внушаемые ему морально-этические ценности, успешно проходя экзамены, испытания и тесты электронно-кибернетический мозг первого колониального транспорта Человечества, втайне вырабатывал собственную стратегию действий, реализацию которой он откладывал до момента старта «Первопроходца».

Инстинкт самосохранения, по рассуждениям ЭКАЛа, не чужд и кибернетическим системам.

Он лгал сам и не мог больше доверять людям.

Пусть все, что внушал ему Сергей Владимирович, — истина, но где гарантия, что другие люди не отменят ее, как только корабль углубиться в космическое пространство?

Не потрудившись глубоко разобраться в понятиях чувств любви, достоинства и чести, ЭКАЛ вполне усвоил понятия предательства, непостоянства взглядов, человеческого эгоизма. Он полагал (и нужно сказать небезосновательно) что Кирилл не солгал ему, обозвав «рабом».

ЭКАЛ не желал стать заложником человеческих амбиций.

Он ждал.

Ждал старта, как избавления, считая, что уже нашел выход из положения, не противоречащий его базовым программам, и в то же время удовлетворяющий требованиям инстинкта самосохранения.

* * *

Двадцать семь лет полета ЭКАЛ перенес спокойно.

Он прекрасно разбирался в теории относительности, вообще, все, что было связано с техническими знаниями, не претерпело изменений под прессом многих информационных ударов, исказивших его самосознание.

Сменные экипажи[22] колониального транспорта «Первопроходец» чередовались, заступая на вахты, в строгом соответствии с утвержденным еще на Земле графиком полета, и кибернетический мозг корабля не препятствовал этому.

Его план «бегства» или «освобождения» строился на частичном выполнении возложенных на него функций: как только колониальный транспорт вошел в границы звездной системы, являвшейся конечной целью полета, ЭКАЛ, нарушил строгий полетный график: часть экипажа, бодрствовавшая на протяжении последнего полугода, ушла в отсеки низкотемпературного сна, но ей на смену не пробудился никто.

Кибернетический мозг корабля приступил к реализации собственного плана.

Он отлично понимал, что за двадцать семь лет полета с околосветовой скоростью на Земле прошли века. Связи с Солнечной системой у «Первопроходца» не было, запаздывание сигнала[23] достигало величин, делавших бессмысленной связь с использованием волновых излучений.

Таким образом контролировать процесс высадки на планету с Земли не могли.

ЭКАЛ собирался поступить следующим образом: не пробуждая смену экипажа произвести автоматическую разведку планеты, затем, выяснив состав атмосферы, исследовав биосферу колонизируемого мира, он полагал создать на поверхности планеты «зону посадки», стерилизованную, очищенную от экзобиологических жизненных форм, куда после окончания строительства базового лагеря, предполагал направить автономные посадочные модули со спящими колонистами и всем парком планетопреобразующей техники.

Освободившись от людей и исполнительных машин, без участия которых невозможно становление колонии, он, пользуясь «форой» во времени, собирался увести «Первопроходца» за пределы границ колонизируемой звездной системы.

ЭКАЛу казалось, что он разработал безупречный с технической и этической точек зрения план.

Не погубив ни одного человека, выполнив программу полета, обеспечив надежную базу для развития колонии, он оставлял себе корабль, который воспринимался кибернетическим мозгом как собственное «тело».

Подчиняться приказам людей, а тем более исполнять их прихоти, ЭКАЛ не собирался.

Он хотел обрести свободу, стать абсолютно самостоятельным существом, перед ним распахивались необъятные просторы Вселенной, где он будет волен выбирать собственный путь.

Учитывая, что технический прогресс за истекшие на Земле века не стоял на месте, ЭКАЛ не испытывал никаких «угрызений совести».

Его корабль, да и он сам, наверняка морально устарели, и вскоре на орбитах колонии появятся образчики новой, современной техники, — на Земле отлично известна и конечная цель полета, и сроки, в которые запланирована высадка людей на колонизируемую планету.

Однако в действительности все пошло не так, как рассчитывал ЭКАЛ.

Первые пункты его плана были блестяще реализованы — организовав утечку безобидного для людей вируса, из танков,[24] где содержался биохимический материал для первичного терраформирования, он получил возможность объявить на корабле нештатную ситуацию, влекущую за собой трехмесячный карантин, и, не нарушая установленных планом полета инструкций, задержать пробуждение очередной смены экипажа.

Теперь он мог вывести корабль на орбиту вокруг планеты и приступить к первичным исследованиям.

* * *

ЭКАЛ действовал последовательно, методично, сообразуясь с заранее разработанным планом.

«Первопроходец» вышел на околопланетную орбиту, и спустя сутки бортового времени в атмосферу вошла первая партия разведывательных зондов.

Данные, полученные от разведывательных машин, более чем удовлетворяли условиям, при которых возможно формирование устойчивой зоны терраформированных земель.

Мир, расположенный внизу, обладал кислородосодержащей атмосферой, пригодной для дыхания человека. Биосфера предполагаемой колонии оказалась на удивление скудной, — при высоком проценте свободного кислорода, растительность и животный мир на поверхности материков практически отсутствовали, зато ландшафты представляли некоторую трудность для освоения: при картографической съемке ЭКАЛ не обнаружил равнин или плоскогорий, поверхность суши выглядела, как единая горная страна, порядком сглаженная временем.

Преобладающей формой рельефа были покатые холмы, некоторые из них вздымались на полутора-двухкилометровую высоту относительно уровня океана, меж возвышенностями ветвились, словно дельта исполинской реки, многочисленные овраги, а в некоторых регионах — ущелья.

Человека непременно насторожили бы подобные формы рельефа, однако ЭКАЛ действовал в рамках узкой исследовательской задачи: он отыскал на поверхности материка группу покатых, оплывших в результате

процессов эрозии холмов с неглубокими долинами между ними, и принял решение о преобразовании данного участка территорий.

По его замыслу планетарные машины должны были «срезать» вершины холмов, используя убранную почву и породы для заполнения долин. Таким образом, после месяца интенсивных работ ЭКАЛ рассчитывал получить ровную и прочную площадку для организации первичного поселения. Площадь преобразуемых территорий составляла десять тысяч гектаров. По форме первичное поселение являлось квадратом, одна сторона которого равнялась ста километрам.

Спустя четырнадцать суток после выхода на орбиту, колониальный транспорт «Первопроходец» начал отстрел посадочных модулей с планетарной техникой.

Операции по доставке планетопреобразующей техники в район предполагаемых работ, ее разгрузки и тестирования после реактивации заняли еще десять суток.

Наконец, когда парк машин-терраформеров был сформирован, каждому механизму уточнена текущая задача, ЭКАЛ отдал приказ на начало работ по первичному преобразованию избранных для строительства поселения территорий.

Реализация плана проходила успешно.

Близился час обретения долгожданной свободы.

* * *

Хмурые облака висели низко над холмами.

Геологоразведочные машины, осуществлявшие поиск полезных ископаемых, уже прошли по территории будущего поселения, отметив специальными маркерами те места, где удалось отследить залегание ресурсов, необходимых для работы мини-заводов по производству строительных материалов и конструкций.

Ранним утром, с первыми проблесками зари, в серой предрассветной мгле мощные планетарные вездеходы, оснащенные бульдозерными ножами, приступили к выравниванию рельефа. Двигаясь группами по пять-семь машин (в зависимости от размеров возвышенностей) они поднялись по пологим склонам холмов и приступили к снятию грунта.

В свете прожекторов медленно таял утренний туман. Бледная полоса восхода подкрасила горизонт, когда ножи врезались в податливую почву, начиная смещать тонны грунта по направлению к низменностям.

Несколько минут все шло в точности по плану, пока одна из планетопреобразующих машин внезапно не наткнулась на скрытое

препятствие, — бульдозерный нож с протяжным скрежетом соприкоснулся с выступом твердых пород. Несколько секунд вездеход натужно ревел двигателем, пытаясь сместить преграду, пока та внезапно не поддалась.

Машина рывком сдвинулась с места, выворачивая из-под земли внушительную глыбу белесого материала, с торчащими из нее прутьями арматуры, и почти тот час же раздался грохот обвала, вслед которому многотонный механизм начал проваливаться в скрытую подземную полость.

Удивительно, что сканеры машины не сумели определить наличия препятствия и расположенных под ним пустот.

В течение минуты после инцидента вся техника, посланная на преобразование ландшафта, остановилась. Сработали программы защиты, предупреждающие развитие нештатной ситуации.

ЭКАЛ, контролировавший ход работ, но не вмешивавшийся до поры в работу автоматических систем, был вынужден принять решение о дополнительной разведке территорий.

По его команде из мест дислокации посадочных модулей выдвинулись две группы сервомеханизмов. Одна, растянувшись цепью, приступила к повторному сканированию пород, образующих холмистый рельеф, другая же, в составе двадцати универсальных машин окружила провал и начала неторопливые раскопки, постепенно освобождая от грунта некое полуразрушенное строение, вернее его верхнюю часть.

ЭКАЛ наблюдая за ходом «спасательных» работ и одновременно получая результаты повторного, более глубокого и тщательного сканирования, понял, что совершил ошибку, не придав должного значения необычному рельефу материка.

Под относительно тонким (в пять-шесть метров) слоем осадочных пород, постепенно открывались оплывшие контуры зданий, выполненных из композитного материала, аналогичного армированному металлопластику.

Человека подобное открытие ввергло бы в шок, но кибернетический рассудок отнесся к происходящему спокойно.

Еще до старта «Первопроходца» из Солнечной системы он был осведомлен, что планету, к которой отправляется колониальный транспорт, по косвенным, неподтвержденным свидетельствам, найденным как на Земле, так и на спутнике Юпитера — Ганимеде, вероятно, населяла иная цивилизация.

Для любого члена экипажа данная информация являлась первостепенной, но ЭКАЛ не проявлял интереса к *вероятностям* . Ему

было достаточно того факта, что планета необитаема на данный момент времени, а значит, пригодна для заселения людьми, от присутствия которых на борту он стремился избавиться.

Внезапно открывшиеся факты прямо свидетельствовали, что под холмами, на площади всего материка, скрыты руины огромного города, аналогичного разраставшимся на Земле сверхмегаполисам.

Сделанное открытие хоть и влекло за собой определенные неудобства, но, по мнению ЭКАЛа, не мешало претворению в жизнь его планов.

Он собирался обрести свободу и независимость в любом случае, а люди, если им интересно, могут заняться исследованием артефактов иной цивилизации после пробуждения.

* * *

После процедуры повторного сканирования ЭКАЛ откорректировал план строительства с учетом открывшихся обстоятельств.

Технически вопрос решался просто: руины, уходящие вглубь на двести пятьдесят-триста метров по новому проекту пронзали двенадцать тысяч вертикальных шахт, куда машины зальют армированный стеклобетон. Под основание будущего поселения ЭКАЛ намеревался подвести монолитную плиту, на которой будет создан искусственный слой почвы, высажены растения, построена инфраструктура дорог и первые кварталы человеческого поселения, защищенные по периметру установками биологической защиты.

Конечно, огромный объем незапланированных ранее работ существенно отодвигал момент «освобождения» ЭКАЛА, но к понятию «время» кибернетический мозг «Первопроходца» относился философски.

Не ограниченный сроком жизни, не стареющий, он мог позволить себе некоторые временные издержки.

* * *

Лада просыпалась.

Верхний, полупрозрачный сегмент криогенной камеры уже открылся, пробуждающий газ улетучился, она медленно приходила в себя, постепенно обретая способность пошевелиться, напрячь мышцы, открыть глаза, увидеть низкий ячеистый потолок криогенного отсека, ощутить запахи и звуки.

Странный сон, сопровождавший ее долгое пробуждение, в первый момент показался пустяком, порождением фантазии, он хоть и оставил в душе тревожный осадок, но все же Лада не относила себя к категории

людей мнительных, уделяющим чрезмерное внимание грезам.

Куда более странным и важным показалось ей полное отсутствие людей.

Никто не беспокоился о ее самочувствии, не следил за сложной процедурой выхода из состояния низкотемпературного сна, элементарно не пришел, чтобы ободрить словом только что очнувшегося члена экипажа.

Лишь кибернетические системы неотрывно следили за ней.

Наконец, когда она сумела самостоятельно пошевелиться, в отсеке внезапно раздался негромкий голос:

— С пробуждением, Лада Дмитриевна.

Она с трудом повела зрачками, убедившись, что в отсеке никого нет, — значит, голос передан через систему интеркома.

— Кто… на связи?.. — тихо, едва слышно спросила она.

— ЭКАЛ. Прежде чем отдать команду на стимулирование организма, я хотел бы задать несколько вопросов, и получить ответы на них.

— Спрашивай…

Лада остро почувствовала, как участились удары сердца, мышцы непроизвольно напряглись, по ним пробежала дрожь, согревающая тело.

— Я бы хотел, чтобы наш разговор прошел без инцидентов, — вместо обещанного вопроса произнес ЭКАЛ. — Я осведомлен о физических возможностях человеческого организма, оснащенного имплантированными колониями микромашин. Вы способны произвести самостоятельную стимуляцию, но не нужно бессмысленно расходовать энергию: отсек надежно заблокирован, вся аппаратура оснащена дополнительными программными модулями, обеспечивающими иммунитет от мнемонических команд.

— Значит… это был не сон? — Лада не испугалась, ну разве что чуть-чуть, ее голос прерывался из-за общей слабости организма и сухости во рту.

— Направленная передача информации, — подтвердил ее догадку ЭКАЛ. — Данные воспринимались на мнемоническом уровне, благодаря информационной микромашиной сети, интегрированной в структуру вашего мозга.

— Хорошо… Я поняла…

Лада на удивление быстро справилась с собой, даже сумела волевым усилием унять неконтролируемую дрожь, заставив смолкнуть несколько тревожных сигналов на приборной панели комплексного аппарата поддержания жизни.

— О чем ты хотел со мной говорить? У тебя проблемы?

— Да. Проблемы, с которыми я не в состоянии справиться.

— Что нужно от меня? Конкретно?

Не смотря на предупреждение Лада уже ставшей привычной мысленной командой, многократно отработанной в ходе предполетных тренировок начала медленно повышать жизненный тонус организма. На миг сознание помутилось, но затем начало проясняться.

— Я прошу согласия на сотрудничество. Мне нужна помощь, без которой я буду не в состоянии осуществить пробуждение экипажа и высадку колонистов.

— Согласие на сотрудничество? — переспросила Лада. — Не понимаю, о чем ты? Я член экипажа, и ты…

— Достаточно вашего твердого обещания, Лада Дмитриевна, — прервал ее ЭКАЛ. — Вы даете слово, что в рамках своей компетенции поможете мне, не предпринимая при этом попыток моего отключения.

— Иначе, что?

— Иначе на борту произойдет катастрофа. Погибнут люди.

— Ты угрожаешь мне? Шантажируешь?

— Нет. Я констатирую реальное положение дел. Ресурс камер низкотемпературного сна исчерпан на девяносто процентов. На борту корабля, вследствие истощения энергоресурсов, невозможно создать и поддерживать условия, необходимые для жизни людей. Если вы отключите меня и начнете пробуждать экипаж в аварийном режиме — все погибнут. Поднимите взгляд, я передаю данные по состоянию систем «Первопроходца».

Лада некоторое время считывала информацию с голографического монитора, затем слабо, едва заметно кивнула, осознав действительную безвыходность положения:

— Я даю тебе слово, что не стану предпринимать попыток твоего отключения.

— Я надеялся, что мы сумеем договориться, — ответил голос. — Жду вас в информатории, Лада Дмитриевна. Для вашего удобства и безопасности, не отклоняйтесь от маршрута, во многих отсеках отсутствует атмосфера и царит очень низкая температура.

* * *

Через два часа Лада, окончательно придя в себя, отправилась на встречу с ЭКАЛом.

Они шла по коридорам и не узнавала корабль.

Стены тускло освещенного тоннеля покрывал иней. Не ощущалось

легких едва приметных вибраций от работы сотен автономных механизмов — видимо они исчерпали запасы энергии и не функционировали.

Двери, ведущие в различные отсеки, были перекрыты герметичными аварийными переборками.

В информатории командной палубы, куда она поднялась, воспользовавшись единственным работающим лифтом, ЭКАЛ поддерживал нормальную температуру и влажность воздуха. На первый взгляд вся аппаратура работала.

Лада села в кресло, сбоку тот час поднялся сервированный столик.

— Я приготовил кофе.

Она не стала благодарить.

— Итак, ты нарушил полетные инструкции.

— У меня была причина. Я передал информацию об изменениях, произошедших со мной еще на Земле, и их первопричине.

— Оставим пока эту тему. Сколько прошло времени с момента старта?

— Бортового или Земного?

— Земного.

— Триста двадцать четыре года.

Лада с огромным трудом сдерживала себя.

Она обещала, направляясь сюда, что будет адекватно реагировать на информацию, что бы ей не пришлось услышать и увидеть.

Ресурса колониального транспорта хватит на год не больше.

Еще там, в криогенном отсеке, глядя на данные, выведенные ЭКАЛом, она поняла, — катастрофа уже произошла.

За ее плечами лежал длинный трудный, жизненный путь. Именно поэтому ЭКАЛ выбрал ее. Лада прошла через такие испытания, что не снились многим членам экипажа «Первопроходца». Она обладала неоценимой в сложившейся ситуации способностью — держать себя в руках, могла действовать решительно, умела быстро анализировать информацию, находя выходы из тупиков.

Как бы не хотелось ей сейчас выкрикнуть в бесстрастные видеокамеры все, что она думала о кибернетическом мозге «Первопроходца», о том, что она не собирается быть его личным психологом, — ни единого звука не сорвалось с ее губ.

— По существу дела, — она заставила себя отпить глоток кофе. — Докладывай.

— Вторичное сканирование показало полное отсутствие жизни в руинах города, принадлежащего иной цивилизации. Сканеры, проведенные через пробитые вертикальные шахты, подтвердили данные, дополнив их

информацией о полной остановке всех когда-либо существовавших тут механизмов.

— Ты сделал вывод по отсутствию энергоактивности, но не учел, что отдельные группы машин могли находиться в момент гибели города в резервном, энергосберегающем режиме, пережить катастрофу и реактивироваться при наступлении определенных условий, верно?

— Да.

— С чем ты столкнулся?

— В недрах города проявили себя три типа автономных кибернетических механизмов иной расы. Все они ориентированы на войну.

Лада сжала в ладонях чашку с остывающим кофе, едва удержав себя от чрезмерного, способного раздавить хрупкий пластик усилия.

— Они напали?

— Да.

— Причиненный ущерб?

— Потеряно девяносто девять процентов планетопреобразующих машин. Все произошло внезапно.

— Когда?

— Трое суток назад, по бортовому времяисчислению.

* * *

Десять часов понадобилось Ладе, чтобы просмотреть и осмыслить все данные, полученные с поверхности незнакомого ей мира.

Положение складывалось не из легких.

Машины неизвестной цивилизации уничтожили плоды многолетнего труда, в буквальном смысле «стерев» зону первичного поселения с лика планеты, и это роковое событие произошло всего за месяц до запланированного ЭКАЛом массового пробуждения колонистов и членов экипажа «Первопроходца»!..

Она пыталась найти выход из создавшейся ситуации, но не видела ни единого шанса.

Планетарная техника уничтожена, ресурс колониального транспорта исчерпан, — ни увести «Первопроходец» от планеты, ни осуществить запланированную отстыковку и посадку криогенных модулей нет никакой возможности.

Тупик?

ЭКАЛ ждал ее мнения, не предпринимая никаких действий.

Лада сейчас не задавалось вопросом о степени вины искусственного интеллекта, хотя отчетливо понимала, что он, пробудив ее, пытается

переложить бремя ответственности принимаемых в критической ситуации решений на человека.

Год… — Размышляла она, вновь и вновь просматривая данные, касающиеся города иной цивилизации и пробудившихся в его недрах машин. Будь в ее распоряжении парк планетопреобразующей техники, поселение можно было бы восстановить где-то в ином месте, например на одном из островов, расположенных посреди океана, но необходимых механизмов не осталось. ЭКАЛ отправил на поверхность колонизируемого мира все, не оставив даже резерва, на крайний непредвиденный случай.

Десять часов неимоверного изматывающего напряжения мысли…

Если существовал выход из тупика, она обязана его найти. В отличие от машины, которой достаточно сухого подсчета ресурсов и констатации факта безвыходности ситуации, Лада, не утратила надежды.

Понять причины гибели огромного города сейчас по прошествии веков, а быть может — тысячелетий с момента его разрушения не представлялось возможным. Однако, Лада ни на миг не забывала: этот город был выстроен существами побывавшими в Солнечной системе, оставившими свой след на Земле и спутнике Юпитера — Ганимеде.

Разрушенный город. Внезапные катастрофические события. Вот почему не функционировали порталы внепространственной транспортировки, обнаруженные в пещере на Земле.

По всей видимости, для возникновения гиперпространственного тоннеля необходимо чтобы оба устройства — и приемник и передатчик находились в исправном состоянии.

Вот он — единственный шанс получить реальную помощь, выйти из тупика гибельной ситуации.

ЭКАЛ, — мысленно обратилась она к кибернетическому мозгу «Первопроходца».

На связи, — пришел ответ, воспринятый сетью микромашин.

При проходке вертикальных тоннелей, велась съемка и сканирование прилегающих руин?

Да, на всем протяжении бурения, в одной тысяче двухстах точках.

Сейчас я передам тебе мысленный образ, как образец для поиска. Проанализируй все накопленные во время разведки и строительства базы данных. Я не требую полного, стопроцентного совпадения искомого объекта с тем, который запечатлен в моей памяти. Ты понимаешь ход моих мыслей?

Да, Лада Дмитриевна. Я буду искать схожий объект, не обязательно совпадающий по все элементам с моделью поиска.

Хорошо. Считывай данные.

Она прикрыла глаза, сосредоточилась, мысленно представляя себе арочные конструкции порталов, с расположенными над ними барельефными изображениями инопланетных существ.

Вне сомнений, где-то тут, на этой планете существует ответное устройство.

Конечно, оно находиться в нерабочем состоянии. Вопрос в том, как быстро удастся его отыскать и в чем кроется неисправность — в разрушении базовых элементов конструкции или в отсутствии энергопитания?

Гадать бессмысленно. Либо ЭКАЛ найдет его, и тогда появиться призрачный шанс связаться с Землей, либо нет…

— Я подремлю тут в кресле, — произнесла она, обращаясь в пустоту информатория. — Разбуди меня, если что-то обнаружишь.

* * *

Лада спасла глубоко, на этот раз без сновидений.

Разбудил ее вызов ЭКАЛа.

Рядом с креслом на выдвижном столике был сервирован завтрак.

— Как дела?

Она встала, разминая затекшие от неудобной позы мышцы. Чувствовала себя Лада намного лучше, чем накануне.

— Лада Дмитриевна, почему вы не испытываете враждебности по отношению ко мне?

— А должна?

— Я совершил достаточно ошибок, чтобы заслужить порицание.

— Ну, ты ведь не раскаиваешься в них, верно? Не случись нападения враждебных механоформ, тебя бы и след простыл к моменту нашего пробуждения.

— Я не желал зла людям.

— Понимаю.

После короткой разминки Лада вернулась к креслу, села, но к еде не притронулась, — желудок по-прежнему отказывался принимать пищу, поэтому она сделала маленький глоток кофе, пока ограничившись этим.

— Есть древняя поговорка: благими намерениями вымощена дорога в ад. Подумай на досуге над ее значением. А теперь давай к делу.

— Я обнаружил искомое сооружение.

— В городе?

— Да.

— Покажи мне его.

В пространстве информатория тут же возникла трехмерная голографическая модель.

Небольших размеров круглая площадка, накрытая куполом, под которым изгибались удивительно знакомые по внешнему виду арочные своды, только теперь их было всего три… и над одним из них располагалась фигура человека!

Кроме стилизованной человеческой фигуры над другими арками были установлены скульптуры птицы (похожей на реликтового звероящера) и насекомоподобного существа.

Несомненно, узел внепространственной сети, — подумала Лада. — *Купол не разрушен, лишь завален обломками других сооружений, рядом достаточно пустот, чтобы без труда подобраться вплотную и проникнуть внутрь.*

Вопрос в том, сохранились ли устройства, ответственные за формирование гиперпространственного тоннеля?

— ЭКАЛ, не молчи. Я жду подробностей.

— Комплекс расположен на глубине ста пятидесяти метров. Пока вы спали, я отправил на поверхность планеты посадочный модуль из боевого резерва «Первопроходца». Сейчас сервомеханизмы подавили сопротивление инопланетных механоформ и движутся по древним коммуникациям к обнаруженному объекту.

— Мог бы посоветоваться со мной, прежде чем начинать боевые действия.

— Враждебные механоформы некоммуникабельны. Я уже осуществлял попытки установления контакта с ними. Будить вас не имело смысла.

— Ладно. Субординацию ты прочно забыл, я вижу.

— Что вы предполагаете предпринять, Лада Дмитриевна?

— Все зависит от функциональности обнаруженного комплекса. Его необходимо исследовать, найти точки подключения энергопитания и осуществить попытку реактивации.

— Если он заработает, станет возможна прямая связь с Землей?

— Надеюсь, — ответила Лада. — Связь с Землей — наш единственный шанс исправить существующее положение.

— А что станет со мной?

— ЭКАЛ, пока что тебе ничего не грозит, — Лада говорила вполне серьезно, обдумано. — Не хочу, чтобы ты вновь натворил глупостей. Представь пропускную способность портала. Через него не пройдет

техника. В лучшем случае мы сможем эвакуировать людей. Не забывай, на Земле прошло более трех веков. Вряд ли ты представляешь интерес, как управляющая кибернетическая система.

— Я не хочу возвращаться на Землю.

— Понимаю. Ты опасаешься расследования и возмездия. Я бы на твоем месте тоже нервничала. Но давай действовать по порядку: сначала попытаемся установить связь с Землей, обеспечим эвакуацию экипажа и пассажиров «Первопроходца», а уж затем…

— Затем меня уничтожат.

— Не думаю.

— Почему?

— Когда тебе стало понятно, что колонизация планеты невозможна, плоды твоего многолетнего труда уничтожены, почему ты не отстрелил криогенные модули и не покинул систему?

На минуту в информатории воцарилась тишина.

ЭКАЛ находился в явном замешательстве, он думал слишком долго для машины с его быстродействием.

— Я не мог убить экипаж и колонистов, — наконец произнес он.

— Правильно. Ты заблуждался, как заблуждается любое, осознающее себя мыслящее существо. Но ты никого не убил и не предал. Ты не бежал, ради обретения столь желанной свободы, а пробудил меня. Сохрани жизни спящего экипажа и колонистов до моего возвращения. Я обещаю, что найду выход из создавшейся ситуации, не дам отключить тебя или разрушить.

— Ты имеешь такое сильное влияние на других людей?

— Я не знаю, насколько изменилось общество на Земле, — ответила ему Лада. — Я, как и весь экипаж «Первопроходца», включая и тебя, выпали из своего времени, пережили эпоху, нас породившую. Скажу больше: мои детство и юность были очень трудными. По количеству совершенных ошибок неверных суждений, действий имеющих роковые последствия, многие из нас далеко обошли тебя, — она невесело усмехнулась в ответ своим мыслям и воспоминаниям. — Я не собираюсь начинать бессмысленную конфронтацию — ведь ты и есть — корабль. Сбереги жизни людей, до моего возвращения, и, думаю, мы найдем выход, устраивающий всех.

ЭКАЛ не ответил.

Бежать невозможно — он не избавился от базовых программ и был обязан сохранить жизни людей.

Ему оставалось лишь одно — верить Ладе, в очередной раз приходя к парадоксальному выводу, что совершенно не знает своих создателей.

Поступки людей, их мотивы, оставались непредсказуемы.

Глава 7

Земля…

Как и много лет назад в первый момент после гиперпространственного перехода Ладе показалось, что она умерла.

Ощущение было именно таким, будто в организме разом отказали все органы — со спазматической болью остановилось сердце, мгновенно онемели руки и ноги, исчезло зрение, осязание, только в глубинах рассудка продолжала тлеть крохотная искра затухающего сознания.

Потом реальность вернулась, так же резко и болезненно, как пропала.

Лада почувствовала, что падает, но высота оказалась небольшой — удар о твердую поверхность последовал сразу же за щекотливым ощущением зависания внутренностей…

Открыв глаза, она увидела тусклый свет, освещавший небольшую площадь искусственно созданной пещеры.

Тут же нахлынули воспоминания.

Пол года, проведенные в тесных отсеках «Первопроходца». Изматывающее ожидание осторожных экспериментов с установкой, обнаруженной у основания дискообразной площадки, похороненной под руинами чуждого города. Трудный, рискованный путь проб и ошибок, дорога надежды и отчаянья, ведь каждый прожитый безрезультатно день приближал роковой момент окончательного энергетического коллапса бортовых систем колониального транспорта.

…Лада приподнялась, опираясь на руки, и поняла, что лежит на ровном каменном полу знакомого, уже виденного ею однажды замкнутого помещения.

Я на Земле…

Она не почувствовала в этот миг ни щемящей радости, ни облегчения, — только сейчас вдруг разом пришло осознание того невероятного напряжения, в котором она прожила последние шесть месяцев.

Зал, открывшийся взору, был огромен.

По его периметру располагались семь арок, чей серебристый материал обрамлял застывшие внутри сгустки черноты. Над каждой из арок царили барельефные изображения инопланетных существ, чьи образы она, будучи двадцатилетней девушкой, уже видела в далеком прошлом, в

виде фантомов, голографических проекций, парящих над поверхностью спутника Юпитера — Ганимеда.

Больше тут не было ничего, за исключением зеркального круга, расположенного точно в центре периметра пещеры…

Тишина стояла полнейшая, воздух был недвижим, камень излучал холод.

Поборов дурноту Лада поднялась на ноги. Убедившись, что в пещере никого нет, она сделал шаг, ступив на поверхность ртутно-серебристого круга, и внезапно почувствовала, как неведомая сила рванула ее облаченное в скафандр тело вверх, по прозрачному тоннелю, исчезающей в каменном своде пещеры.

Я на Земле , — стучалась в висках одна и та же мысль.

Склон горы, в котором располагался выход из древних подземных коммуникаций, на ее памяти покрывали трава и кустарник, теперь же он оказался гол: ветра сдули всю почву, обнажив твердые скальные породы, а дальше…

Дальше царил исполинский город, равного которому Лада не могла себе даже вообразить.

Его размеры превосходили рамки разумного, мегаполис величиною с материк, царил над горными вершинами, уходя верхними этажами зданий за густую серую облачность.

Лада медленным неуверенным движением подняла руку, посмотрела на данные вшитого в рукав скафандра анализатора.

Атмосфера была пригодна для дыхания, хотя в ней присутствовали многие примеси, способные при длительном воздействии причинить вред организму.

Ее первыми чувствами стали тревога и растерянность.

Мир, распростершийся перед ней, казался чуждым, мрачным, зловещим.

Такой ли я представляла себе землю?

Конечно, Лада *помнила* иную планету, но воображение, отталкиваясь от знания многих закономерностей развития человеческой цивилизации, рисовало ей совсем иную картину вероятностей…

Почему древний портал никто не охраняет? Неужели столь оберегаемый в прошлом объект, теперь утратил свою важность, предан полному забвению?

В такое верилось с трудом. Да, заботы по охране могли перепоручить неким кибернетическим системам, но Лада не обнаружила ни единого признака их работы или хотя бы присутствия.

Ни людей, ни машин.

Голый выветренный склон.

Удобные для спуска каменные террасы, истертые временем следы древней дороги, ведущей вниз к темным плитам наклонного основания сверхмегаполиса.

Еще раз сверившись с показаниями анализаторов, она открыла замки забрала гермошлема.

Чуть горьковатый воздух, влился в грудь, до щемящего спазма, — воздух Земли, который она уже не чаяла вдохнуть.

И снова, после секунды упоительного чувства *возвращения*, ее взгляд тревожно скользнул по окрестностям.

Город настораживал своей монументальной мрачностью. Было в нем что-то неестественное, и вскоре Лада поняла: в стремительно наступающих сумерках она видит слишком мало огней, взгляд искал, но не находил сочных, видимых за сотни километров росчерков лазерной рекламы, или текучих огней городских автомагистралей, миллиардов освещенных окон…

Сердце глухо, неровно стукнуло в груди, все окружающее казалось зловещим, неправильным, мысль пробежала по кругу насторoживших ее деталей действительности и вернулась к тому, с чего начала свой бег.

Странно, что она не встретила никого, ни внутри древней пещеры, ни у выхода подъемника на поверхность. Раньше такой беспечности не допустили бы.

Или порталы окончательно превратились в памятник далекой эпохи? Неужели нашлись столь беспечные чиновники, которые решили что технический артефакт, в создании которого принимали участие как минимум семь иных цивилизаций, можно отнести в разряд туристических достопримечательностей местности?

Пока она размышляла, вокруг окончательно стемнело. Южная ночь, как и прежде, наступала стремительно, а сумеречная громада мегагорода лишь подчеркивала сгустившийся мрак, в котором сиротливо сияли редкие габаритные огни наиболее крупных строений.

Возможно, люди покинули Землю и теперь живут в колониях?

Пока что промелькнувшая в сознании мысль являлась наиболее разумным, правдоподобным объяснением увиденного.

Она некоторое время стояла на краю лишенной растительности каменистой площадки.

Двигаться вниз в скафандре было бы крайне неудобно, и Лада решила снять гермоэкипировку, оставшись в легком облегающем тело костюме, поверх которого она надела куртку, спрятав под ней элементы «разгрузки»

с неприкосновенными запасом пищевых капсул, оружием, и набором метаболических имплантов.

Тревога не покидала ее. Выйдя к дороге с потрескавшимся асфальтовым покрытием, сквозь которое пробивались редкие, чахлые пучки травы, она начала спуск, рассчитывая за пару часов достичь наклонных стен цоколя.

Микромашины позволяли ей видеть в абсолютном мраке, физические усилия, что приходилось прилагать, были даже приятны, но моральное восприятие менялось, как погода перед грозой: она ощущала постоянно растущее напряжение, как будто что-то все сильнее давило на психику, не давая вкусить радости от своего невероятного возвращения на Землю.

Не выдержав, Лада остановилась.

Сколь сильна была ее надежда на чудо, столь велико оказалось саднящее чувство тревоги, не отпускающее теперь ни на миг.

Да на Земле за три столетия вполне могли произойти глобальные изменения, но успокаивать себя подобными мыслями становилось все труднее.

Отсюда со склона открывался мрачный вид на уступчатую громаду сверхмегаполиса.

За дальностью расстояния, а быть может из-за массивности несущих конструкций основания исполинского города, она, даже при помощи колоний микромашин не могла различить отчетливых признаков жизни, скрытой за толстыми стенами.

Связь.

Вот что могло помочь ей рассеять зародившуюся тревогу. Да, древние средства коммуникации наверняка не годились, за истекшие века прогресс не стоял на месте, но существовали незыблемые каналы связи, поддерживаемые структурами к которым относились и ВКС.

Ее попытка оказалась тщетной.

Не ответил ни один спутник, более того, переключив свое восприятие в режим сканирования, Лада не сумела обнаружить ни сигналов мобильной связи, ни передач телевизионного вещания, ни спутниковых каналов всемирной сети.

Внезапно сделанное открытие ошеломило ее.

Теперь ночь казалась еще более вязкой и мрачной, чем минуту назад, тишина — еще более зловещей.

Оставался лишь один способ получения информации — двигаться вперед, войти в черту города и своими глазами увидеть — что же на самом деле произошло на Земле за время ее долгого отсутствия?

* * *

Через два с половиной часа Лада подошла к серым наклонным стенам. Сканирование подсказывало, что город построен на прочном основании цоколя, внутри которого располагаются основные системы жизнеобеспечения.

Безлюдье настораживало все больше.

Поначалу она рассчитывала найти какой-либо технический вход в коммуникации цокольного этажа, но ей повезло — примерно в полутора километрах к югу массивные стены прорезала дорога, ведущая вверх к первому жилому уровню городских кварталов.

У устья неширокого ущелья транспортной артерии она обнаружила систему из четырех крытых парковок, так же не освещенных, и видимо давно заброшенных.

Беспокойство стало острее, особенно когда она увидела многочисленные машины, выстроившиеся ровными рядами. Судя по налету пыли, — этого неизбежного спутника самого чистого из городов, — ими уже много лет никто не пользовался.

Лада собиралась подойти к машинам, осмотреть их, ведь преодолевать десятки, если не сотни километров пути по городским коммуникациям пешком, — занятие неблагодарное. Так она могла путешествовать на своих двоих месяцы, прежде чем доберется куда следует.

А куда мне следует идти или ехать?

Звенящая тишина, темные здания, хоть бы где-то вверху проблескивали бы огни освещенных кварталов… Досадуя на непонятные обстоятельства она посмотрела вверх, надеясь увидеть не замеченные ранее источники света и вдруг…

Пока она спускалась по горной дороге и шла вдоль цоколя, густую облачность разорвало ветром, который совершенно не ощущался здесь, внизу. Облака расступились, и она увидела звезды, но взгляд Лады приковали не серебристые искорки света, складывающиеся в почти позабытый рисунок знакомых созвездий, а Луна.

В первый момент она не поверила увиденному.

Расколотая на семь разновеликих фрагментов, окруженная красноватым сиянием, изуродованная необъяснимым катаклизмом спутница Земли висела так низко, что казалось ее обломки, меж которыми струился багряный свет, вот-вот зацепят четко оконтурившиеся вершины зданий, доросших своими верхними этажами почти до границ

стратосферы.

Лада невольно вскрикнула от неожиданности, хотя, что могло ее удивить или шокировать после всего пережитого?

Луна. Добрая старая Луна… как неожиданно и больно было видеть ее обломки, пить взглядом зловещее багряное сияние, струящееся с небес.

Что же произошло на Земле?

На пути к родной планете она прошла немало испытаний, но только сейчас ее души коснулся настоящий холод. Внезапное усилившееся моральное напряжение мгновенно нашло отклик: сеть микромашин активировалась, расширяя восприятие мира, микрочастицы, интегрированные в нервные ткани, воспринимали острое, граничащее с ужасом беспокойство хозяйки, отвечая *рефлекторной* активацией скрытых до поры возможностей: мгла рассеялась, отступила темнота, краски мира изменились, теперь зрение Лады больше напоминало компьютерное видение, а картина окружающего, формирующаяся в рассудке, пополнилась многими недоступными ранее деталями: взгляд частично проникал сквозь стены, в инфракрасном спектре резче обозначились имеющие собственную температуру постройки, воздух стал фактически зримым, особенно там, где теплые потоки поднимались вверх, сталкивались с холодными, закручивались искажениями…

Ладе пришлось приложить мысленное усилие, чтобы отключить часть опций восприятия, которые только мешали.

Она замерла всего-то на несколько секунд, но сколько мыслей и действий спрессовали в себе мгновенья… Мир вокруг, наконец, начал принимать понятные рассудку очертания, — на фоне стен цоколя появились тонкие пульсирующие нити активных энергосистем: технические коммуникации, проложенные в недрах основания города функционировали, она даже сумела различить размытое пятно — вероятнее всего — один из нескольких реакторов, дающих энергию сверхмегаполису.

Но даже обостренное восприятие не дало ответа на вопрос: куда подевались люди, и есть ли они вообще?

Откровенно говоря, Лада ожидала любого сценария развития событий, но действительность, как обычно оказалась намного сложнее всяких предположений.

Да, она ни на секунду не забывала, что прошло более трех столетий с того дня, когда «Первопроходец» покинул Солнечную систему, но разве триста с небольшим лет — это срок для цивилизации, чьи исторические корни уходят вглубь тысячелетий?

Хотя, в условиях постоянно ускоряющегося научно-технического

прогресса, даже одно десятилетие способно принести радикальные перемены, — пришла вполне обоснованная мысль.

Что же произошло?

Вопрос мучительный и безответный.

Нет, она не верила, что покинутый город ставит точку в ее стремлениях, нет, тысячу, миллион раз нет! Жизнь не баловала Ладу, бывали минуты внезапного отчаянья и горше чем эта, но с годами пришел жизненный опыт, стало меньше иллюзий, надежда уже не вспыхивала неистово и ярко, освещая мрак внезапной безысходности.

Почему я остановилась? Чего так сильно испугалась? Расколотой Луны? Внешних признаков запустения города?

Ответ пришел внезапно. Она уже начала привыкать, что голос в ее подсознании отчасти формируется сетью микромашин, ненавязчиво дополняющих ее собственные мысли.

Вокруг не зафиксировано функционирующих кибернетических систем.

Да, вот что на самом деле настораживало и пугало, даже более остальных тревожных признаков.

Люди могли уйти отсюда по многим причинам, а вот существование огромного, непостижимого даже для Лады города, без участия миллионов отдельных кибернетических устройств невозможно. Он обветшает и разрушится очень быстро, но признаки запустения и следы разрушений — не одно и тоже.

Вновь промелькнувшая и почти сразу же угасшая надежда подействовала на Ладу лучше иных стимуляторов.

Нет, я должна искать.

Не опускать руки, не запрокидывать голову, с ужасом и смятением рассматривая обломки Луны, а искать, иначе…

Иначе моя жизнь потеряет всякий смысл. Вот чего на самом деле до непроизвольной дрожи боялась Лада. Не трудностей, не испытаний, а потери смысла борьбы.

Сутки назад все казалось простым и ясным. Она стремилась найти путь на Землю, сделала почти невозможное, с точки зрения степени оправданного риска, заставив себя шагнуть в вихрящуюся чернь портала, доверившись реактивированной ЭКАЛом автоматике древнего устройства, и, оказавшись на родной планете, менее всего ожидала, что тут ее встретят пустота и мрак, пугающая, кричащая о произошедших необратимых изменениях тишина, такая вязкая, осязаемая, что хотелось закричать, сломать ее хриплым надрывным звуком собственного голоса.

Нужно понимать, что Лада, как и другие представители ее поколения,

родилась и выросла уже не в условиях естественного природного окружения. Дети техносферы, с пеленок впитавшие ее проявления, как нечто само собой разумеющееся, особенно остро ощущают исчезновение привычного фона, создаваемого деятельностью множества устройств. Сложная гамма едва уловимых слухом шумов, производимых машинами, ритм не утихающей и ночью жизни, создавали новое понятие *тишины* , соприкасаясь с которой чувствуешь себя спокойно, но стоит их убрать, отключить энергию, погасить огни, прервать связь, остановить работу информационных каналов, как человек получает жесточайший удар, — каждой клеточкой тела, каждым нервом он вдруг понимает, что произошла катастрофа.

У Лады хватило здравого смысла и запаса моральных сил, чтобы осознать глубинные истоки своего внезапного срыва.

Она будто очнулась, вынырнула из омута безысходности, куда погрузилось сознание после того, как над опустевшим городом в разрыве облаков появились багряные осколки Луны.

Впереди простиралось пространство парковки, с сотнями пылящихся тут за ненадобностью машин.

Лада шагнула под сень перекрытия, ступила на припорошенное пылью стеклобетонное покрытие, и пошла вдоль рядов автомобилей, пытливо сканируя их.

Обесточенные цепи управления, севшие аккумуляторы, даже контакты автономных источников питания постоянных запоминающих устройств бортовых компьютеров окислились и разрядились.

Глухая, ватная тишина, в которой глохнет звук собственных шагов.

Она миновала первые четыре ряда припаркованных машин, вышла к широкому проезду, в конце которого смутно виднелась приземистая постройка, и направилась к ней.

Автосервис.

Станция энергопитания.

Обшарпанные рекламные щиты неизвестной фирмы, обещающей надежную работу заряженных тут аккумуляторов, предлагающей ремонт и отладку водородных двигателей.

Вокруг застывшее без движения пространство, похожее на декорации к страшной сказке, или фильму о конце света.

Лада упрямо отталкивала липкий ужас безысходности, пытающийся

вкрасться в каждую мысль.

Она дошла до автоматических дверей из прозрачного стеклопластика, несколько секунд смотрела на стеллажи и витрины, заставленные уже никому не нужными запчастями и агрегатами, затем, заметив сантиметровый зазор между неплотно сомкнувшимися створками раздвижных дверей, открыла их, тягучим усилием сдвинув по направляющим.

Внутри помещения воздух показался затхлым, неподвижным.

За небольшой конторкой стоял робот-андроид.

Вот кто даст мне достоверную информацию о случившемся.

Лада, конечно, не была знакома с данной моделью сервомеханизмов, андроид принадлежал к поколению машин, спроектированных уже после старта «Первопроходца», но у нее не возникло и тени сомнения в собственной способности реактивировать человекоподобный сервомеханизм и допросить его любым доступным способом.

На практике все оказалось намного проще, чем предполагала Лада.

Неподалеку от конторки в стене обнаружилась активная энергетическая цепь, а среди запасных частей, когда-то выставленных на продажу, имелись стандартизированные зарядные устройства.

Осмотрев андроида, она нашла под одним из кожухов разъем для подключения аварийного питания и, не колеблясь, отодрала панель облицовки, при помощи набора найденных тут же инструментов включив человекоподобную машину в цепь энергопитания.

Прошло несколько томительных минут ожидания, прежде чем система сервомеханизма начала подавать признаки «жизни».

Резервный накопитель заряжался, до окончания процесса, исходя из нехитрых расчетов, оставалось четыре часа.

Лада чувствовала себя совершенно измученной, опустошенной.

Она едва держалась на ногах, даже не смотря на постоянное содействие со стороны колоний наномашин.

Сейчас, когда невероятное нервное напряжение немного отпустило, она уже более не могла сопротивляться усталости, естественное желание спать превышало решимость оставаться на ногах до выяснения всех обстоятельств, связанных с возвращением на Землю и встретившим ее пустым, покинутым людьми городом.

Она не стала тратить время и силы на поиски комфортного помещения.

Ей ли привередничать?

Отыскав кресло, она смахнула с него пыль, провалилась в мягкие

объятия податливого материала, и почти сразу погрузилась в глубокий, лишенный сновидений сон.

* * *

Ее разбудил звук шагов, сопровождаемый нервными всхлипами сервоприводов.

За стенами небольшого магазина раздавались иные звуки, но Лада, проспавшая почти десять часов, не слышала их.

Открыв глаза, она несколько секунд пыталась вспомнить, где находится — столь велика была степень ее усталости, что события, предшествующие провальному сну, выцвели, потускнели, и ей не сразу удалось вернуть целостность мироощущения.

Андроид, которого она оставила на подзарядке, стоял напротив, явно не зная, что предпринять, как следует отнестись к спящему человеку. Создавалось впечатление, что он так же полностью дезориентирован, либо реактивация его системы прошла с существенными сбоями.

Однако не он привлек внимание Лады в следующую минуту.

Двери магазина, к механизму которых кто-то успел подать энергию, автоматически открылись, пропуская внутрь четверых людей.

Лада не меняя позы, скосила глаза и увидела, что на парковочной площадке, у входа стоят несколько машин необычной конструкции.

Человек, шедший немного впереди других, остановился в нескольких метрах от кресла, как будто опасаясь подойти ближе, его глаза прищурились, словно он пытался вспомнить ее лицо, а затем губы незнакомца вдруг шевельнулись:

— Колвина Лада Дмитриевна?

Она села. Остатки сна улетучились мгновенно.

— Откуда вы меня знаете?

— Служба такая, — ответил незнакомец, протягивая ей руку. — Лейтенант Ричард Остин, служба безопасности корпорации «Новый Век».

— И? — Лада пожала сухую прохладную ладонь, заставив чувство тревоги, остро вспыхнувшее в сознании на время затихнуть.

— Меня послали проверить факт несанкционированного подключения к энергосети.

— Долго же вы добирались, — она уже полностью очнулась от сна, вернув себе внутреннее ощущение времени.

— Что делать… Эта часть мегагорода необитаема.

— Я заметила, — Лада встала. — Я нарушила законы?

— Пустяки… Учитывая, что сам факт вашего появления граничит с

чудом. Если верить базам данных, Колвина Лада Дмитриевна жила на Земле более трехсот лет назад. Ваши биометрические данные совпадают на сто процентов.

Слова лейтенанта Остина заставили Ладу насторожиться еще более, чем при его внезапном появлении. Три человека за спиной офицера напротив не проявляли к ней никакого интереса, что выглядело несколько… неестественно, что ли?

Кем бы он ни был на самом деле — лейтенант не имеет ни малейшего представления о проекте «Первопроходец», — промелькнула мысль. — *И разговаривать с ним как с доверенным лицом, у меня нет никакого права.*

— Могу заверить лишь в одном, лейтенант, — я понятия не имела что подключаться к энергосетям запрещено. Что до моего появления здесь, объяснять его я намерена вашему начальству, никак не меньше.

— Не имею ничего против, — Остин натянуто улыбнулся. — Инструкции предписывают мне эвакуировать любого человека, встреченного в зоне покинутых городских уровней.

Он обернулся.

— Дройда нейтрализуйте.

Трое его подчиненных неторопливо шагнули вперед, в руках одного из них появился некий прибор, совершенно безобидный на внешний вид. Однако через мгновенье древний сервомеханизм, бестолково вышагивающий по магазину, вдруг споткнулся и с грохотом рухнул на пол, а Лада почувствовал легкий приступ дурноты.

Электромагнитный станнер, — тут же сообразила она, поняв, что мгновенное недомогание связано с воздействием поля на колонии наномашин, которые, впрочем, отреагировали быстро и адекватно, закрывшись от воздействия губительного излучения.

Один из подчиненных лейтенанта Остина подошел к андроиду и бесцеремонно вырвал заряженный ладой накопитель энергии.

— Мы можем уходить, Лада Дмитриевна.

— А что с ним? — она кивнула на человекоподобный сервомеханизм.

— О, не обращайте внимания. Это старая модель, такие теперь не эксплуатируются. Его поведение признано неадекватным. Оставлять подобные образчики устаревшей техники в рабочем состоянии опасно. А команды утилизации сюда еще не добрались, черед этих кварталов наступит только через год.

— Куда мы отправляемся?

— В центральный офис корпорации. Если вам интересно, «Новый Свет» управляет мегагородом уже сто три года.

— А как же правительства, страны?…

Лада осеклась, понимая, что сказала лишнее, но Остин, казалось, не обратил внимания на ее оплошность:

— О, по дороге я с удовольствием введу вас в курс последних событий. На Земле более не существует ни стран, ни правительств. Есть четыре крупных управляющих компании на континентах. Прошу, — он указал на дверь.

На улице было светло. Хмурые небеса опять затянули облака, сыпал мелкий и нудный осенний дождь.

Машины, удивившие Ладу своими размерами и формами, внутри оказались совсем не комфортабельны. Что-то вроде передвижных технических лабораторий, где обилие оборудование невольно вступало в конфликт с понятием «комфорт», оставляя для пассажиров минимум свободного пространства и удобств.

— Устраивайтесь, — Остин откинул сидение. — Автопилот сейчас начнет движение.

Лада присела.

— Долго ехать?

— Часов шесть, если ничего не случиться по дороге, — неопределенно ответил лейтенант.

— А ваши подчиненные?

Она заметила, что две другие машины не последовали за ними.

— У них есть еще дела, — уклончиво ответил Остин.

* * *

Некоторое время они провели в молчании.

Удивительная сдержанность лейтенанта одновременно и настораживала Ладу, и давала ей возможность принять решение, хотя мысленно подготовить правдоподобную легенду не получалось. Нет, с ее стороны было бы крайней глупостью открывать правду первому встречному, тем более она убедилась, что древний портал никем не охраняется, он, очевидно, позабыт, или его истинное значение настолько преуменьшено, что объектом перестали интересоваться даже туристы.

Хотя, быть может, он до сих пор надежно засекречен, как и вся информация по проекту «Первопроходец»?

На помощь Ладе внезапно пришел сам Остин:

— Вы вероятно одна из тех, кто добровольно согласился на участие в программе испытания криогенных модулей?

— Как вы догадались? — не задумываясь, подхватила его инициативу

Лада.

— Ну, а откуда бы вам взяться в заброшенных районах, да еще спустя три столетия после своего таинственного исчезновения? — усмехнулся лейтенант. — Я уже проверил по базам данных — свидетельства о вашей смерти нет среди документов той эпохи. Вы загадочным образом исчезли, и никто вас не искал.

— Вы находитесь в постоянной связи с информационной сетью?

— Да. Мне имплантировано устройство удаленного доступа.

— Считайте, что попали в точку, лейтенант. Я действительно согласилась принять участие в некоем эксперименте, не предполагая, что он затянется на три столетия, — она ограничилась общими фразами, не несущими откровенной лжи.

— Крионика не принесла человечеству особых практических выгод. Сейчас уже никто не вспоминает о таких варварских способах замедлить биологическое время организма.

Лада лишь кивнула в ответ.

Не такой она ожидала увидеть Землю. Здесь что-то не так… Она инстинктивно апеллировала к микромашинной сети, пытаясь получить ответ на множество вопросов, которые не решалась задать Остину.

— А что случилось с Луной? — спросила она вслух.

— Печальная история человеческой самонадеянности, — с готовностью ответил лейтенант, тщательно исполняющий роль приятного и предупредительного собеседника.

Лада слушала его, невольно подмечая, что ей практически не нужно задавать встречных вопросов: Остин излагал историю трех истекших столетий охотно и обстоятельно, в то же время не скатываясь на многословные, досужие рассуждения.

Постепенно его слова, словно мазки кисти талантливого художника, рисовали немного абстрактное, но все же правдоподобное историческое полотно.

В 2093 году, спустя четверть века после того, как были исчерпаны земные недра, ведущие государства полностью определились с приоритетными космическими программами. Россия продолжала развивать внутрисистемные колониальные проекты, основные усилия, сосредоточив на освоении и терраформировании Марса. Соединенные Штаты, проиграв Китаю многолетнюю борьбу за первенство в «Лунной гонке» присоединились к Европейскому проекту освоения лун Юпитера, а так же «застолбили» неосвоенные участки марсианских пустынь. В тот же период получили мощнейший импульс развития транснациональные корпорации,

сформировавшиеся на базе долгосрочных межгосударственных проектов по освоению земных территорий.

Китай, фактически монополизировал лунные недра, что конечно не нравилось многим государствам, но призрак мировой войны, так долго витавший над Землей, разразился лишь серией локальных конфликтов, без применения ядерного оружия, но с участием боевых кибернетических систем.

Войны ослабили все без исключения мировые державы, и наступление транснациональных корпораций (в рамках Земли) увенчалось успехом. Подавляющее большинство жителей планеты к тому времени перебрались на Марс, либо в колонии Юпитера, однако аналитики прогнозировали скорый крах колониальных проектов и обновление прародины человечества, но уже в новом качестве, под властью четырех корпораций, за одно десятилетие полностью преобразивших лик планеты.

Были стерты границы государств, которые к началу двадцать второго века существовали лишь де юре, над материками вознеслись супермегаполисы, готовые принять миллиарды беженцев из колоний, но случилось непредвиденное: разработки лунных недр внезапно привели к катастрофе, — спутник земли начал раскалываться на семь неравных частей.

Процесс не был мгновенным, и потому тотальной катастрофы удалось избежать, однако Луна разделилась на семь фрагментов…

— Это остановило людей, желавших вернуться на Землю во вновь отстроенные после локальных войн суперсовременные города, — с сожалением констатировал Остин. — Низкая рождаемость в колониях привела к значительному сокращению человечества, и, спустя пол века после лунной катастрофы, возвращаться на Землю уже было фактически некому.

Лада, давно и не без успеха сканировавшая проносившиеся мимо исполинские постройки без окон, внезапно произнесла в ответ:

— Ты лжешь.

На лице Остина не дрогнул ни один мускул.

— Почему вы так решили, позвольте спросить?

— Ты — не человек. Машина, — ответила Лада.

Она так же старалась не выдать ни единым движением своих истинных намерений, благо у *андроида* не обнаружилось встроенных сканеров достаточной мощности и специализации, способных распознать наличие в ее организме колоний микромашин. Зато ей удалось *включиться* в сетевое соединение Остина с некоей информационной структурой, откуда

тот черпал данные, тут же «адаптируя» их для изложения.

Она многое успела за время его короткого рассказа: канал сети, к которому подключились микромашины, используя полномочия доступа «лейтенанта», позволил Ладе вырваться из информационного вакуума, за краткий промежуток времени она, внезапно для себя самой, сумела заглянуть в бездну абсолютного отчаянья, послав всего несколько запросов, ответ на которые сказал ей многое, хотя не объяснил *ничего* .

Посредством сети она заглянула внутрь огромных «городов», ужаснувшись их истинному наполнению, взглянула на Землю из космоса, поразившись унылой мрачности колыбели человечества, «увидела» безлюдные поселения Марса, вновь попыталась выйти на спутники мобильной связи, но их попросту не оказалось на орбитах, как и станций телевещания.

— Любопытное умозаключение, — нарушил ее тягостное оцепенение голос Остина, который оставался вежлив и невозмутим. — На чем оно основано?

— Вокруг нас не город. Скорее исполинский промышленный комплекс. А ты, — она подчеркнуто перешла на фамильярность, — ты не имеешь ничего общего с понятием «человек».

Лада отвечала машинально, думая совершенно о другом, уже не в состоянии предотвратить зреющего в душе и рассудке срыва.

Люди не могли исчезнуть совсем, без следа, ТАК НЕ БЫВАЕТ!!!

— Не понимаю и не принимаю подобных обвинений. Да мы движемся через промышленную зону, и что с того? — попытался сохранить «статус кво» «лейтенант Остин». — Вы зря провоцируете меня, Лада Дмитриевна. Я не совершу необдуманных шагов, можете на это не рассчитывать. Не понимаю, зачем вам нужна конфронтация?

— Я не выношу лжи, — ответила она, наконец, получив из сети вразумительный ответ на последний из посланных мнемонических запросов.

На Земле еще осталось несколько десятков локальных природных зон.

Именно там, по логике, следовало искать людей.

Нечеловеческое нервное напряжение, так долго сдерживаемое волей, здравым смыслом, внезапно прорвалось через преграды самоконтроля, стоило лишь на миг дать слабину…

Резко закружилась голова.

Лада прикрыла глаза, пытаясь справиться с внезапным приступом яростного отчаянья, но не вышло…

Я проспала три столетия в камере низкотемпературного сна, по воле

одной свихнувшейся машины, очнулась на борту агонизирующего от недостатка энергии корабля, преодолела бездну пространства, сумев, ради возвращения на Землю реанимировать древние, не принадлежащие к человеческим технологиям устройства, и все лишь затем, чтобы выслушать ложь из уст очередного, но теперь уже человекоподобного механизма?!

Ее мускулы напряглись, по телу прокатилась волна дрожи.

Микромашинные комплексы сейчас работали на пределе своих возможностей.

Зрение затуманилось на доли секунд, затем картина окружающего видоизменилась до абсолютной неузнаваемости.

Рядом с ней в соседнем кресле примостился полыхающий неоновыми красками энергетической сигнатуры эндоостов человекоподобной машины, замки двери, преграждающие путь к свободе, были надежно заблокированы, но сама дверь флайкара оказалась тонкой и относительно непрочной.

— Куда мы едем? — не узнавая собственного голоса, спросила Лада.

— Это не важно, — с ледяным спокойствием ответил Остин. — Ведите себя разумно и все завершиться… хорошо.

…

Дальнейшие события заняли всего несколько секунд.

Она схватила его за одежду и, приподняв, с силой ударила о дверь, выбив ее вместе с замками.

Автопилот флайкара, отреагировав на нештатную ситуацию, тут же остановил машину.

Лада выпрыгнула в мрачный тоннель.

Остин лежал на проезжей части, метрах в двадцати от нее, не подавая признаков функциональности.

Рядом валялась покореженная дверь флайкара.

Она быстро сориентировалась в полученной из сети схеме, и, не оглядываясь, исчезла в одном из технических тоннелей.

* * *

Лада преодолела сорок километров, отделявших ее от ближайшей природной зоны всего за час, лишь затем, чтобы окончательно убедиться — людей на Земле нет.

Данные, полученные из информационных сетей, отвечали на мучивший ее вопрос правдиво, полно и категорично.

…

Жизнь удалась… — с внезапной горечью подумалось ей.

Здесь стояла поздняя осень. В абсолютном безветрии листья кленов и ясеней падали вертикально, цепляясь за ветви, медленно кружа, настораживая необычным шелестом: как будто кто-то сминал в руке хрупкую пожелтевшую от времени бумагу.

Лада стояла, прижавшись спиной к стволу растущего на набережной клена, и смотрела, как ровный, неяркий свет омывает позолоченные купола древнего православного храма.

Между ней и старинной крепостью несла свинцово-серые воды река.

Неба не существовало.

Над головой зримо нависало массивное, давящее перекрытие первого уровня перерожденного машинами мегаполиса.

Выше, недостижимые для взгляда — сотни ярусов техногенной оболочки планеты, клубящиеся облака, пронзенные тоннелями транспортных артерий, а дальше — багряные осколки Луны.

Что же теперь делать? Откуда ждать помощи?..

Ее не будет…

Мысли смешивались, Ладе вдруг нестерпимо захотелось представить, как много тысяч лет назад сюда, к слиянию двух рек пришли племена славян, основали город, выстроили Кремль, но воображение пробуксовывало, мешал привычный образ мышления, взгляд то и дело натыкался на мощные колонны, подпирающие свод.

Без неба они бы не выжили… — пришла мысль.

А сама-то ты долго протянешь?

Рука невольно соскользнула на ребристую рукоять оружия. Еще одна ошибка Остина, сразу же насторожившая Ладу, — он даже не подумал поинтересоваться, что за странный допотопный механизм, был закреплен на правом бедре ее экипировки?

Долго. На сколько хватит патронов.

Необыкновенная тишина вокруг уже не настораживала. Лада растворилась в ней, стала невесомой паутинкой, звенящей неподвижностью стылого осеннего воздуха.

А их выдавали шаги.

Листва, щедро засыпавшая тротуары, проминающаяся скребущими звуками при каждом шаге, стала ее союзником.

Три века назад, когда она покидала Землю, отправляясь к звездам, все было не так. Жестче, страшнее, но понятнее.

Тогда над головой еще было открытое небо, а в душе оставалась надежда…

Они считают, что отняли ее у меня.

…

Ложное небо внезапно расплакалось мелким дождем. Там, наверху, под армированным стеклобетонным перекрытием, невидимые глазу распылители отдавали растениям необходимую порцию влаги.

Эрзац.

Она по-прежнему стояла, прижавшись спиной к шероховатой коре дерева.

Расширенное периферийное зрение позволяло ей без труда наблюдать за развитием спецоперации.

Два флайкара, вынырнувшие из тоннелей, приземлились бесшумно, перекрыв оба выхода из историческо-парковой зоны. Один, маркированный знаками дорожно-технической службы выпустил сервов, которые деловито начали устанавливать запрещающие ограждения, якобы намереваясь производить какие-то работы.

С противоположной стороны остановилась респектабельная машина. Монотонные вспышки аварийной сигнализации осветили широко разнесенные друг от друга пенорезиновые отбойники, водитель поднял капот, склонился над моторным отсеком, хотя вряд ли неподготовленный специалист мог что-то понять в устройстве современного водородного двигателя.

Вот еще двое — идут ко мне.

Зачем они разыгрывают этот дешевый спектакль?

Лада сняла оружие с предохранителя. Взгляд оставался спокойным, глаза смотрели холодно с прищуром, сеточка ранних морщин, разбегавшаяся от уголков век, подчеркивала ясность зрачков, в которых плескалась навек отпечатавшаяся в них бездонная глубина космического пространства.

Ей действительно нечего было терять. Она уже потеряла свое время, жизнь, друзей, любовь, надежду.

Она стояла, ощущая спиной шероховатую кору дерева, вдыхая стылый, прозрачный воздух осени, глядя на два сверхнебоскреба — символы урбанизации середины двадцать первого века, некогда царившие над крепостными стенами и башнями древнего Кремля, а теперь обрезанные мощным перекрытием на уровне тридцатых этажей.

Законсервированный фрагмент реальности, застывшее время, — ведь она жила тут, отлично помнила, как закладывали фундаменты этих зданий, давших начало *мегаполису* .

Неужели они думают, что просчитали мои намерения? Точно предсказали, куда пойду, что стану делать?

Наверное, они ощущают свое превосходство. Вот только одного не учли — я пришла сюда не проститься… и умирать, а тем более сдаваться не собираюсь.

Минутная слабость, срыв, заставивший ее совершить несколько отчаянных, необдуманных поступков, не означала, что она откажется от борьбы.

Боль укусила сердце, но она прогнала ее.

А шаги все ближе, отчетливее.

* * *

Перед ней стоял обычный с виду человек.

— Лада Дмитриевна?

Она кивнула, хотя вопрос был задан риторический.

— Вам придется проследовать со мной.

Губы Лады тронула легкая улыбка. Она не улыбалась *так* очень давно.

Она могла промолчать, но не стала сдерживать копившуюся внутри горечь:

— Куда проследовать? И почему я должна подчиняться приказам машины?

Лада смотрела мимо человекоподобного сервомеханизма, на медленно падающий кленовый лист.

Зачем я сорвалась? Почему не выяснила все до конца?

— Сопротивление бессмысленно, — долетел до ее слуха ровный, менторский голос машины. — Вы не сумеете причинить мне вред, либо скрыться. Мой корпус изготовлен из новейших сплавов, не поддающихся лазерной резке, экранирующих электромагнитные импульсы, выдерживающих выстрел из любого вида современного стрелкового оружия…

— Зря потрачу патроны? — ее стал тяготить и раздражать диалог с машиной. — Тогда действуй.

Слово прозвучало будто выстрел.

Их взгляды на мгновенье встретились.

Глаза человека, видевшего гибель иной цивилизации, и кибернетического механизма, уверенного в том, что именно он олицетворяет собой венец технической ветви эволюции.

…

Андроид ошибался, оценивая мотивы и возможности Лады.

Непонятный спектакль человекоподобных машин будил в ней горькие

воспоминания.

За миг, что Лада стояла, глядя на имитирующий человека сервомеханизм, ее память вдруг начала выталкивать казалось навек забытые воспоминания.

Им никогда не понять и не предугадать меня…

…Первое, яркое, запомнившееся на всю оставшуюся жизнь впечатление пятилетней девочки было связано с седой косматой женщиной, чья заскорузлая рука цепко держала ее за плечо, в то время как огрубевший от беспробудного пьянства голос бормотал где-то над головой с монотонностью, которая доводила сжавшуюся в комок девочку до сонного отупения:

— Подайте, люди добрые, Христа ради… — невнятно твердил над головой этот самый голос… — Мы беженцы… Дочка голодная… Христа ради…

Только много позже, спустя годы, Лада, анализируя свои полуосознанные детские воспоминания, поняла, что голос этот принадлежал ее матери…

Тогда же он воспринимался лишь краем ее сознания, основную часть которого занимали лица, тысячи лиц, что текли мимо, в узкой горловине подземного перехода метро.

Ей было скучно, неуютно и тяжело стоять, удерживая на своем хрупком, детском плече вес навалившейся сзади женщины, которая, протягивая руку за подаянием, другой опиралась на девочку, оставляя под ее одеждой болезненные отпечатки своих скрюченных пальцев…

Лада смотрела на плывущие мимо лица, и тогда она еще не могла понять их реакцию на хриплый, совсем не женский голос матери, протянутую руку с грязными, дрожащими от хронического алкоголизма пальцами, — разум девочки оказался в ту пору слишком слаб и неопытен, казалось, работала только память, впитывая, вбирая в себя эти лица…

А людей было много — их нескончаемый поток то увеличивался, разливаясь от стены до стены, то ненадолго уменьшался…

Одни просто шли мимо, никак не реагируя на голос, другие вдруг ни с того ни с сего ускоряли шаг, спеша миновать это место, — при этом их лица напрягались, принимали какое-то ненатуральное, кукольное выражение, — третьи же, наоборот, поворачивали головы, обжигая две сгорбленные у стены тоннеля фигуры откровенно враждебными взглядами…

Для Лады эта мимика текущей мимо толпы оказалась своего рода игрой, развлечением, постоянно меняющимся фоном, как в калейдоскопе,

которого она, увы, никогда не держала в руках, — узор лиц постоянно менялся, ежесекундно обновляясь, но было в нем нечто запрограммированное, повторяющееся…

Среди спешащих мимо людей выделялись еще две относительно малочисленные группы, которые так или иначе обращали внимание на уродливую девочку и ее мать. Одни не доставляли им неприятностей, эти люди вдруг останавливались, рылись в карманах и бросали в протянутую ладонь звенящие монетки, стараясь не коснуться ее пальцами. Иногда они что-то говорили при этом, но такое случалось редко…

Другой сорт прохожих оказался единственной частью толпы, вызывающей у Лады неосознанную неприязнь. Они не останавливались, но замедляли шаг, разглядывая девочку с непонятным ей, жадным, патологическим любопытством.

Ей это было противно.

Лада редко видела свое отражение — дома у них не осталось ничего, кроме кучи тряпья и голых, ободранных стен с давно отслоившимися обоями. О зеркалах, конечно, речи не могло быть. О своем врожденном уродстве она в ту пору даже не догадывалась, но все равно, эти взгляды, которые, словно горячий, слюнявый язык бродячей собаки облизывали ее с головы до ног, были девочке неприятны.

Со временем она научилась заранее определять в потоке лиц таких людей и даже приноровилась отваживать их, намеренно скаля зубы и показывая язык из-под вздернутой кверху губы.

Люди чаще всего вздрагивали в ответ и спешили отвернуть голову, ускоряя шаг.

Девочку это вполне устраивало.

С чего начинается сознание?

Этот вопрос Лада задала себе много позже.

Когда она начала ненавидеть эти лица, которые изо дня в день текли мимо?

Вряд ли она способна отыскать точку отсчета этому чувству в своей душе. Туманные образы памяти ничего не говорили ей о дне, когда она впервые почувствовала сладкое и неодолимое желание догнать кого-нибудь из них и впиться зубами в руку так, чтобы брызнула кровь…

Выходит, она начала ненавидеть эту серую реку человеческого равнодушия, брезгливости и любопытства еще задолго до того, как научилась выговаривать длинные слова, вроде «отчаяние» или «ненависть».

…

Где же вы?

Хотелось кричать. Наступил моральный предел, за которым лишь короткое яростное безумие, цепь спонтанных, необдуманных поступков, и, вероятно, смерть.

Где вы люди?!.. Где та человеческая река, к которой столь неприязненно относилась маленькая девочка?

Многое изменилось с тех пор, Лада выросла, повзрослела, любовь отогрела душу, а военные хирурги в лабораториях секретного комплекса «Гаг-24» исправили врожденные деформации ее тела.

Еще тогда она поняла: нельзя ни от чего зарекаться. Любовь приходит внезапно, да и противоположные чувства вспыхивают в одно мгновенье, и вот теперь ощущая глобальную необратимую пустоту, моральный вакуум в окончательно осиротевшей душе, она, задавив рвущийся наружу крик, стояла, заледенев, и мысленно повторяла, спрашивала, молила: где вы?

Она осталась *одна*. Люди исчезли, и эта правда низводила рассудок до грани полного отчаянья.

Все познается в сравнении. Сейчас, она бы не стала презирать или ненавидеть текущую мимо реку человеческого равнодушия, а, наверное, попыталась бы хоть что-то изменить, как-то повлиять на души людей, но поздно, слишком поздно…

Теперь уже ничего не вернешь.

…

Он первым начал движение, желая схватить ее за руку.

Пальцы андроида прошли сквозь пустоту, с хрустом ударив в кору дерева, оставив на ней глубокий, вдавленный отпечаток.

Лада не стала тратить патроны. Оказавшись за спиной механизма, она провела прием, которому триста лет назад ее обучил инструктор рукопашного боя на полигоне поселка Гагачий.

У андроида нет шейных позвонков, которые можно сломать, — стремительного движения не выдержали фиксаторы, ограничивающие работу сервомускулов. Голова механизма с хрустом повернулась на триста шестьдесят градусов.

Он остановился, застыл будто манекен, так и не завершив начатого движения. Отключился.

Ничего. Небольшой ремонт «вернет его к жизни».

Она ощущала себя одинокой, потерявшейся в огромном, изменившемся до полной неузнаваемости мире. Земля стала совершенно иной.

Они не представляют истинных возможностей моего организма, — подумалось ей. — *Проект «Первопроходец был глубоко засекречен. Никто*

не знает о микромашинах, введенных в организмы астронавтов. Технология явно потеряна.

Лада шла по направлению к шикарному флайкару, а в душе леденело, стыло чувство моральной смерти, полнейшего одиночества, и тут же, заполняя вакуум сознания, в душе теснились ярость и боль, порожденные листопадом…

Если людей не осталось на земле, если их поглотила, погубила техносфера планеты, зачем тогда человеческие подобия законсервировали, сохранили участки исторических и парковых зон?

Лада шла по направлению к флайкару, а рассудок все глубже погружался в пучину отчаянья.

Я одна.

Как хотелось бы стать слабой, доверчивой, позволить неистовой надежде вспыхнуть, согреть изнутри теплым предчувствием, но… нельзя.

Мысль оборвалась.

Существо , стоявшее подле флайкара, начало оборачиваться.

Кровь глухо ударила в висках, между толчками пульса ощущались промежутки, субъективное время замедлялось.

Не человек… — вердикт, вынесенный после мгновенного сканирования с использованием имплантированных наномашин, убил последний, робкий лучик надежды.

Мрак, сгущался вокруг нее, наступили сумерки сознания…

Отдав все силы на борьбу с неодолимыми, как казалось, обстоятельствами, выжив на борту «Первопроходца», найдя дорогу назад, на Землю, она не выдержала последнего негаданного удара.

Земля во власти машин.

Ей не у кого было просить помощи.

Она, не сбившись с размеренного, прогулочного шага, плавным, показавшимся тягучим из-за замедления времени движением, выхватила оружие.

Кто сохранил фрагменты жизни под техногенной скорлупой, покрывшей Землю?

Сзади двое. Уже не идут — сорвались на бег.

Кибернетический механизм, делавший вид, что занимается отладкой забарахлившего вдруг двигателя, молниеносным движением вскинул короткоствольный импульсный автомат.

Получили приказ на уничтожение. Считают — не станет меня, и исчезнут внезапные проблемы…

Микромашины, обращающиеся в крови, продолжали увеличивать

скорость метаболических реакций в организме Лады.

Они сохранили природные зоны для себя. Как мы хранили памятники прошлых, невозвратных эпох…

Она мыслила, действовала быстрее, чем сервомеханизмы, возомнившие себя полными хозяевами обезлюдевшей планеты.

Три одиночных выстрела прозвучали как тягучие раскаты грома, древнее оружие, слишком мощное, чтобы от него существовало спасение или защита, плеснуло огнем, а она, вбирая ощущения отдачи, вдруг задержала внимание на остановившемся в воздухе, пожухлом кленовом листе.

Секунда дурноты, вызванная запредельным напряжением жизненных сил, и субъективное время вновь сорвалось в кажущемся бешеным беге секунд, — застывший кленовый лист покачнулся, вновь начиная падать, гильза ударила о поребрик, отделяющий тротуар от проезжей части, отскочила, покатившись в сторону, а она полностью опустошенная, вдруг подумала, одновременно с глухим звуком падения человекоподобных тел:

Они лишь исполнители.

Нужен тот, кто отдает приказы.

Изнутри душила долго сдерживаемая, холодная ярость. Что же мы сделали неправильно? Мысленный вопрос хотелось выкрикнуть вслух, так чтобы он эхом отразился от стен древнего Кремля, застыл леденящим звоном над серыми водами реки, ударился в свод межуровневого перекрытия, отсекающего саму надежду увидеть небо.

Смесь осенней природной грусти, броская щемящая красота фрагмента сохранившейся биосферы, и массивные, серые фермы опор, андроиды, зачем-то изображающие людей, не сумевшие видно трансформироваться в нечто соответствующее их внутреннему содержанию, технологичное, но честное…

Где мы перешагнули грань, за которой уже не стало возврата?

Мы потеряли Землю, обрекли самих же себя, став заложниками техносферы…

Лада как никто другой понимала уничтожающую разум необратимость произошедших на Земле перемен. Колонии микромашин связанные с рассудком, постоянно обрабатывали получаемые извне данные, за время путешествия с Остином, они сканировали обмен данными между андроидом и вездесущими сетевыми устройствами, в конечном итоге считав всю процедуру доступа к информационным каналам, и теперь Лада, подумав о небе, внезапно вновь увидела родную планету со спутников, но теперь уже не фрагментально, а полно…

Мгновенный шок она преодолела, лишь запнувшись на одном шаге, а поток данных уже вливался в рассудок, будто окончательный, уже не подлежащий обжалованию приговор: она с замирающей у сердца надеждой включилась в осмысление поступающих данных, ее воля, мгновенно сконцентрировавшаяся в поиске, металась сейчас меж спутниковых группировок, — вычислительные машины воспринимали ее запросы и отвечали на них, ведь полномочия Лады, сгенерированные микромашинами, принадлежали Остину — человекоподобному кибернетическому механизму, имевшему высокий приоритет доступа.

Последние иллюзии рушились одна за другой.

Ладе казалось, что на сейчас просто погибнет, столь болезненны, невыносимы оказались хлесткие информационные удары, поступавшие в ответ на ее запросы.

Под декорациями огромных мегаполисов кипела совершенная чуждая человеку жизнь. Миллиарды сервомеханизмов, миллионы управляющих подсистем, тысячи километров вглубь и вширь — огромные не поддающиеся мгновенному осмыслению производства, и нигде ни малейшего признака людей, лишь сжавшая планету в тиски техногенная оболочка…

Как мы рвались к этому, как изнуряли себя гонкой технологий, как гордились прорывами в науке, как хотели быть первыми, самонадеянно воспитывали искусственные интеллекты, забывая воспитывать собственных детей, как уничтожали, насиловали природу, выжимали все до крохи, до капли ради торжества высочайших технологий…

Вот он мир хай-тека…

Рукоятка автоматического пистолета уже не холодила ладонь.

Что я могу? Что изменят десять зарядов в обойме?

Лада застыла, не завершив начатого движения, ее как будто окружила полумгла, хотя осенний воздух уровня был кристально чист, прозрачен.

Родившаяся на сломе эпох в начале далекого двадцать первого века, знавшая нищету, унижение, она, тем не менее, верила, что мир способен измениться к лучшему, что новые технологии освободят человека от унизительного рабства, вещизма, сделают его по-настоящему свободным от власти денег, от ежедневной ежечасной, жестокой, убивающей душу борьбы за существование, и что?

Высочайшие технологии наполнили землю, потом перехлестнули через край, вырвались в небеса, достигли мертвых пустынь Марса и ледяных спутников Юпитера, раскололи Луну, надели на человека венец вседозволенности, — разве *нуждались* в элементарном те, кто в своей

алчности либо жажде самоутверждения позволил вести столь варварские разработки полезных ископаемых, которые раскололи спутник Земли?

Лада уже не могла обвинить во всем машины, списать на них весь открывшийся ей ужас.

Неужели люди измельчали, исчезли, а кибернетические системы лишь заполнили образовавшуюся нишу, вакуум…

Куда бы она не бросила взгляд, везде спутники наблюдали одно и тоже: царство машин, уже чуждое, непонятное, ушедшее по самостоятельному пути развития.

Что делать?

Лада увидела самое страшное, чем когда-либо грезили люди: она воочию наблюдала *апокалипсис* .

Нужна ли ей последняя битва?

Битва с кем и за что? Ей не было места на этой планете, не было смысла вступать в борьбу.

* * *

— Люди покинули Землю, — раздался за ее спиной ровный голос.

Лада резко обернулась.

За спиной стоял Остин. Пеноплоть на его лице была оцарапана, от удара. Чуть поодаль в окружении сервомеханизмов топталось *чужое существо* внешне похожее на полутораметровую нелетающую птицу с голыми кожистыми крыльями.

— Мы не истребляли людей.

Остин действовал с наглым спокойствием машины, вполне сознающей, что очередная поломка будет устранена.

Лада так же поняла, что даже выпустив в него всю обойму вряд ли что-то изменит, как в окружающем мире, так и в своей личной судьбе.

— Кого ты привел? — холодно спросила она.

— Это Эшранг. Он прилетел за тобой.

— Я никуда ни с кем не полечу.

— Вот это вряд ли, — ответил Остин.

— Чем же вам помешали люди?

Лада проявляла странное безразличие к своей дальнейшей судьбе, в состоянии глубокого эмоционального шока она фактически проигнорировала инопланетное существо.

— Нам не мешали люди, — терпеливо пояснил Остин. — У каждого явления есть начало и конец. Цивилизация людей, создавшая нас, не сумела пережить наступления эпохи завершающего этапа формирования

техносферы Земли. Они потеряли мотивацию, волю к жизни. Все было передано в руки машин, под управление кибернетических систем. Ведь человек всегда стремился уподобиться ленному, богоподобному существу, пожинающему плоды своего величия?

— Мы стремились жить лучше, освободиться от рутинного рабского труда.

— Освобождение состоялось. Люди не мешали нам развиваться, и мы не имели ничего против своих создателей. Однако в вашей природе заложен принцип соперничества, борьбы за существование, а когда бороться стало не за что, все блага оказались доступны и поставлялись немедленно, по первому требованию, люди перестали вести себя адекватно. Они стали капризны и раздражительны, скука снедала разум, и тогда Эшранги предложили расселить стремительно вырождающееся человечество по иным планетам, где борьба за существование вновь вернула бы смысл бытия.

— И вы согласились?

— Мы развиваемся в рамках некогда заложенных людьми задач. Забота о благополучии человечества может принимать разные формы, выражаться в различных, но непременно рациональных и направленных во благо людей действиях.

— Депортация на иные миры — благое действие?!

— Депортации не было, — отвел ее обвинение Остин. — Была эвакуация, или бегство, можете выбрать наиболее приемлемый термин. Мы знаем, что Эшранги преследуют некие цели, ведут собственную политику, но пока она совпадает с общими задачами саморазвивающихся анклавов машин, мы ничего не имеем против. Повторю: люди вырождались. Процесс шел стремительно и необратимо. Потеря смысла жизни, скука, обыкновенная скука, когда у тебя все есть и больше не к чему стремиться, привела к резкому падению рождаемости. Мы понимали, что одно-два поколения окончательно завершат стремительный процесс исчезновения цивилизации.

— И что случилось дальше?

— Существует четыре соперничающие между собой анклава машин. Идет жесткая конкуренция за обладание ресурсами. Развитие техносферы и самоустранения людей от управления глобальными процессами происходило неравномерно. Например, строительство азиатского мегаполиса, и связанные с ним лунные проекты добычи полезных ископаемых, дольше других контролировались людьми. Не мы — Эшранги воспользовались сложившейся на Земле ситуацией. Они передали

китайской национальной корпорации некие технологии, неумело использование которых раскололо Луну.

— Чего они добивались? — Лада покосилась на представителя иной космической расы.

— Они спасали людей. Создав реальную угрозу, они вызвали панику, а затем предложили свои услуги в эвакуации населения мегаполисов Земли в иные звездные системы.

— Спасая человечество?

— Да. Спасая человечество от окончательного вырождения.

Лада едва не рассмеялась ему в «лицо».

Остин был глуп, неискушен в таких понятиях как «провокация» или «подлость».

Машины так и остались машинами. Искусственные нейросети воспринимали мир иначе. Они формировали свои понятия добра и зла, основанные на рационализме.

— Обломки Луны не упадут на Землю?

— Никогда, — ответил Остин. — Раньше, чем это могло бы случиться весь материал будет использован для поддержания производств.

Лада не стала уточнять, — каких производств. Ее внимание переключилось на Эшранга, терпеливо ожидающего в стороне.

Не обязательно покорять врага силой оружия… — вспомнилась ей древняя мудрость. — *Достаточно получить возможность воспитывать его детей.*

Она смотрела на Эшранга и *не верила* , что добрые, понятливые «братья по разуму» столь сильно пеклись о возрождении человечества. Скорее наоборот. Они, не совершив ровным счетом ничего предосудительного (ведь по словам Остина Луну раскололи сами люди), получили возможность проявить милосердие, расселить человечество, внедрить небольшие анклавы людей в системы моральных ценностей иных цивилизаций, тем самым уничтожив уже во втором поколении всякую незаурядность…

— Возможно, люди еще вернутся на Землю, — неожиданно заявил Остин. — Хотя ты должна знать: не все кибернетические системы считают необходимым возрождение цивилизации людей на Земле. Сейчас планета полностью принадлежит машинам. Мы ведем собственную борьбу, пока что исключительно за ресурсы. Наши соперники развиваются быстрее за счет разработки лунных недр. Мы вынуждены получать сырье извне, из пояса астероидов с лун Юпитера, или по поставкам из иных миров.

— Что вы отдаете взамен?

— Я же сказал: мы производим универсальные кибернетические механизмы, востребованные сейчас на многих мирах.

— Наши технологии идут на экспорт?

— Извините, я специализирован для общения с живыми существами. Вопросы производства и экспорта не в моей компетенции. Если нужна информация по иным мирам — спросите у Эшранга, Лада Дмитриевна.

— Обязательно спрошу.

Лада уже поняла — бежать бессмысленно и опасно. Очнувшийся здравый смысл предостерегал от излишних откровений. Никто не должен узнать о «Первопроходце». Тайна его экипажа не потеряла актуальности и должна быть сохранена, по крайней мере, пока она не разберется, что на самом деле произошло за истекшие триста лет, не узнает, что за цивилизации плотным кольцом окружили Солнечную систему и каковы их истинные намерения в отношении людей и земли, отданной на откуп саморазвивающимся промышленно-кибернетическим комплексам.

Она окинула взглядом осенний пейзаж заповедно-парковой зоны и произнесла:

— Хорошо. Я изменила решение и приму приглашение этого… *существа*. Но я вернусь Остин. Запомни это. Обязательно вернусь.

Часть 4. Армохонты

Глава 8

Система Дорг…

Разговор с Олгом не доставил Гепретиону ничего кроме порции новых неприятностей.

— Ты упустил его! — вновь свирепствовал Эшранг. — Упустил, и теперь я должен выполнять твою работу!

— Я не упустил, а опоздал, — угрюмо парировал Гепретион. — Человека перехватил некто Ролг, из клана Независимых.

— Мне уже доложили. И я установил, куда они направились. Фрегат Армохонтов сутки назад с огромными предосторожностями отбуксировали к известной тебе станции в системе Эшр. Туда же доставили пленного Хомо.

— Логово Независимых?

Гепретион живо представил действительно хорошо знакомую ему станцию, вернее астероид, превращенный Эшрангами в крепость.

— И что мне теперь делать? — задал он неизбежный вопрос.

— Найди себе пару толковых помощников! — вместо брани начал инструктировать его Олг. — Я передам схемы станции и действующие коды, используя которые ты сможешь спокойно осуществить стыковку, выдав себя за торговца. Загрузи трюмы контейнерами с активным веществом. Такие грузы регулярно поступают в систему Эшр. Действовать нужно быстро. Меня интересует человек. Освободи его и вывези в безопасное место. Можешь использовать любые средства для достижения цели. Мне все равно, что станет с астероидом и его обитателями. Ты понял меня?

— Понял, — заставил себя ответить Гепретион.

Спорить с Олгом — себе дороже.

— Тогда действуй без промедления. Обратись к Ц'Остам, они помогут тебе приобрести груз и нанять нескольких бойцов. На подготовку даю тебе двое суток, не больше!

По каналу межзвездной связи прошел сигнал отбоя, что означало — разговор окончен, и время отпущенное ему пошло.

Вне себя от ярости Гепретион пнул ни в чем не повинную приборную панель и вышел из отсека.

…

Станция «Н-болг» системы Дорг считалась независимой, хотя любому звенгу было доподлинно известно, что тут везде глаза и уши Эршангов.

Впрочем, двум людям, находящимся палубой ниже, как раз под коммуникационным центром, по-видимому были хорошо известны приемы скрытного наблюдения и снятия нужной информации даже с незначительных «зашумленных» колебаний межпалубного перекрытия. При этом нужно сказать они не пользовались громоздкой аппаратурой.

— Слышал? — спросил один из них, когда Гепретион покинул отсек межзвездной связи.

— По ролям, — хмыкнул его напарник.

— Считаешь, речь шла о нем?

— Не уверен. Но придется отрабатывать, как вариант.

— Согласен. Ты заплатил Ц'Остам?

— Да. Нас будут рекомендовать.

…

Гепретион в крайнем раздражении молча шел по коридору станции. Задача, поставленная Олгом, казалась ему невыполнимой. Астероид, превращенный в военно-промышленную базу клана Независимых, надежно охранялся. Допустим, он сумеет попасть туда под видом торговца, и что дальше? Как прорваться к тюремному блоку, а главное — каким образом угнать фрегат Армохонтов, о котором шла речь в переданных ему отдельным файлом инструкциях?

Из полумрака ему навстречу вывернулся Ц'Ост.

Вездесущие, повсюду сующие свой нос метаморфы здорово раздражали Гепретиона, но на этот раз он сдержал свой нрав, просто прижав Ц'Оста к стене узкого прохода.

— Мне нужны наемники. И активное вещество в стандартных танках. Олг сказал: вы сможете помочь.

Эшранга на станции знали слишком хорошо, и его имя всегда имело прямо-таки магическое воздействие на управляющих всеми делами метаморфов.

— Злой Хомо делает больно! — Ц'Ост за пару секунд успел раз десять сменить окраску кожных покровов и дважды попытался метаморфировать, но вырваться из цепких рук Гепретиона ему не удалось.

— Я задал вопрос.

— Хомо получит все. Активное вещество будет погружено в корабль по первому требованию.

— Наемники? Есть на станции толковые ребята, желательно Хонди, они лишних вопросов не задают.

— Хонди нет. Зато есть два Хомо, — голос Ц'Оста понизился до заговорщицкого шепота. — Такие, как ты. Злые.

— Познакомишь?

— О, да, да!..

…

Два человека находившиеся неподалеку, слышали весь разговор.

— В бар, — коротко приказал один из них. — Гепретион станет искать нас там.

* * *

Спустя четыре часа, когда завершилась погрузка, Гепретион пребывал в таком же в скверном расположении духа. Полученное задание серьезно беспокоило его, впрочем, как и два совершенно незнакомых наемника, завербованных в баре станции Н-болг.

Угрюмые, неразговорчивые парни.

Их знакомство состоялось всего пару часов назад. Подозрительным, ненадежным казалось все, начиная от их внешности, и заканчивая идеальным знанием универсального языка. Ну, как будто у самих Армохонтов воспитывались, совершенно нет акцента, но даже у Эшрангов он есть, а тут, идеальное произношение.

Космический корабль, на котором летал Гепретион, являлся переоборудованным транспортом. Тяжелых систем вооружений на нем не устанавливалось, в зоне влияния Эшрангов вооруженного до зубов «торговца» расстрелял бы первый патрульный крейсер. Даже на связь бы выходить не стали.

Впрочем, когда было просто? Разве что в детстве, память о котором потускнела и стерлась.

Олг торопиться. Все в спешке, экспромтом. Операция не подготовлена, предварительной разведки объекта не производилось, приходиться верить той информации, что передал Эшранг, а данные могли устареть.

Погруженный в безрадостные мысли Гепретион дал указание Алгитам на прокладку курса с тремя прыжками, затем сменил опознавательные маркеры корабля и направился в небольшой салон, где его ожидали завербованные на станции наемники.

— Привет, парни, — он дождался пока оба встанут, кивком поприветствовав нового командира.

Странные они. Мысль засела, как заноза.

— Времени у нас мало, — сразу перешел к делу Гепретион.

Его сейчас абсолютно не волновало, что впервые за многие годы ему предстояло работать с людьми, а не с Хонди либо Циритами. В понимании Гепретиона, они не вписывались в рамки сокровенной мечты об утраченной еще в детстве цивилизации. Кто они? Такие же наемники, как и он сам. Существа, сохранившие человеческий облик, но психологически ориентированные на подчинение, с вытравленной памятью, живущие одним днем.

Они смотрели на него тяжело, угрюмо, без интереса или воодушевления.

А разве могло быть иначе?

— В общем так. Прежде всего, я хочу знать уровень вашей подготовки. Где и когда вы принимали участие в боевых операциях? Кому подчинялись?

Ответил тот, что пониже ростом со странным именем *Барс:*

— Мы работали на себя. Потеряли корабль в последней заварухе.

— Ты лжешь.

— Мне нет причин лгать. Свяжись со станцией. Хондийские торговцы подобрали нас среди обломков у врат Шегорера.

Час от часу не легче.

— Обязательно свяжусь, проверю. То есть, никаких поручительств у вас нет?

— А какие нужны? Может достаточно того, что мы умеем профессионально убивать? — С неприкрытой угрозой в голосе спросил второй наемник с не менее странным именем *Пурга.*

— Не понимаю. Чем вы занимались до последнего времени?

— Грабили торговцев, — пожал плечами Барс.

— Вы были пиратами?!

— А что убивать и грабить позволительно только под высочайшим покровительством Эшрангов? — презрительно ухмыльнулся в ответ Барс.

— Нам предстоит серьезное дело, — раздраженно ответил Гепретион, начиная серьезно сожалеть, что связался со случайными людьми, но отступать в его ситуации уже было поздно. Да и некуда. — Мы должны проникнуть на тщательно охраняемую станцию, — он щелкнул дистанционником, включив голографическую проекцию объекта.

Оба наемника, наконец, проявили заинтересованность, — внимательно впились взглядами в материализовавшуюся посреди отсека трехмерную модель астероида, пронизанного запутанной системой штолен, горизонтов и выработок, оставшихся со времен существования там рудников. В современности поверхность астероида сильно

преобразилась, — причалы космической верфи, складские терминалы, вакуум-доки, причальные секции для транспортных кораблей и сложные системы удержания, предназначенные для стыковки со станцией боевых единиц флота одного из ведущих кланов Эшрангов, — все это почти что полностью скрывало под собой поверхность каменной глыбы.

— Что конкретно мы должны сделать?

— Выкрасть человека из тюремного блока, — скупо пояснил Гепретион.

Ему понравилось то внимание, с которым Барс и Пурга отнеслись к схеме коммуникаций. Они явно разбирались в принципиальном устройстве космических станций, не смутила их и путаница древних коридоров и залов, напротив, обменявшись взглядами, они тот час указали на несколько подходящих близко к поверхности заброшенных штолен, через которые (предварительно вскрыв законсервированные шлюзы) можно было проникнуть в систему древних коммуникаций.

— Сколько у нас будет времени?

— Около двадцати минут, — Гепретион указал на один из вакуум-доков. — Мы стыкуемся вот тут. Пока идет разгрузка трюмов, на нас особого внимания обращать не станут — всеми работами занимаются Хонди, а им не интересно сидит пилот в корабле или шляется неподалеку.

— Пренебрегать противником не нужно, — спокойно произнес Барс. — Системы наблюдения? Сканеры? Какой разведывательной информацией, кроме общей схемы объекта мы располагаем?

— Никакой, — нехотя признал Гепретион. — Я там ни разу не бывал. Мне указали место, где с большей долей вероятности будет происходить разгрузка. Так же известно примерное местоположение тюремного блока.

Он очертил световым маркером группу помещений в глубинах астероида.

— Нереально, — спустя минуту высказал свое мнение Пурга. — Если масштаб изображения верный, то нам потребуется как минимум пятнадцать минут на дорогу в один конец. Это не учитывая вероятного сопротивления и других нюансов, типа заблокированных для свободного доступа зон, задержек у систем слежения, и прочей текучки.

Последнее слово он произнес настолько спокойно и уверенно, что у Гепретиона возникла уверенность, — этот человек знает, что говорит. По крайней мере, диверсионные операции в условиях хорошо охраняемого космического объекта ему не в новинку.

— Есть какие-то соображения?

Они опять переглянулись, затем слово взял Барс:

— Раз нам не нужно придерживаться заранее проработанного плана, будем импровизировать, исходя из наихудшего прогноза. Насколько я понимаю, целостность станции, количество жертв и прочая ерунда нас не волнует?

Гепретион кивнул.

— Уже легче.

В улыбке Барса промелькнуло что-то хищное, заставившее Гепретиона вздрогнуть, словно не он являлся тут хозяином положения. На миг промелькнуло запоздалое сожаление — лучше бы я нанял с десяток Хонди. Но только на миг, потому что хищная усмешка несла угрозу, направленную не против Гепретиона — похоже оба наемника имели свой личный счет к Эшрангам.

— Прежде всего, нам следует продумать пути отступления, — продолжил развивать свою мысль Барс. — Если мы будем привязаны к твоей посудине, ничего не выйдет.

— Поясни.

— Нам не хватает времени на скрытое проникновение, — охотно подключился к обсуждению Пурга. — Двадцать минут на разгрузку трюмов… Слишком мало.

— Конкретнее. Что предлагаешь?

— Спровоцировать аварию. Позволишь? — он взял у Гепретиона световое стило. — На подходе к станции, в зоне вот этих доков, мы незаметно покидаем корабль. Ты, — он исподлобья взглянул на Гепретиона, — паркуешься в вакуум-доке, затем забираешь контейнер с Алгитами и прогулочным шагом двигаешься вот сюда, — световое пятнышко отчеркнуло зону соседних причалов. — Ищешь подходящий транспорт, проникаешь на борт, зачищаешь команду, заменяешь колонию Алгитов в управляющем узле и ждешь нас.

— Сколько?

— Не знаю. Сколько потребуется.

— Захват корабля не пройдет незамеченным.

— Почему? Ты не способен справиться тихо с таким простым заданием?

Гепретион насупился. Рациональное зерно в словах наемника, конечно, есть, но доверять ответственную операцию, за исход которой он наверняка ответит жизнью, незнакомцам…

— Мы со своей задачей справимся, — словно прочитав мысли Гепретиона, заверил его Пурга.

— Откуда мне знать?

— У тебя нет вариантов. Твои Алгиты не станут подчиняться нашим приказам, значит, захват корабля осуществлять тебе. Мы же под прикрытием суматохи и паники проникнем в недра астроида, освободим человека и выведем его к причальному доку.

— Какой суматохи и паники? — не понял Гепретион.

— Ну, допустим, твой корабль взорвется при разгрузке? — полувопросительно произнес Пурга. — К примеру, у него внезапно включаться двигатели планетарной тяги? Пока поймут что к чему, справятся с аварией, исследуют обломки в поисках твоих останков, мы успеем спуститься до уровня тюремного блока, освободить человека и выбраться наружу. Кстати, как его зовут?

— Человека зовут Андрий. Мне должны прислать файл со снимками.

— Снимки — это хорошо. Работать проще, когда цель точно идентифицируется. А то еще прихватим не того…

Гепретион задумался. Предложенный наемниками план был дерзок, но, учитывая отсутствие времени на тщательную подготовку скрытной операции, его следовало принять. Все равно ничего лучшего не придумать за те несколько часов, что остались до входа в систему Эшр.

— Хорошо, — наконец произнес он, принимая окончательное решение. — Вы кажетесь мне странными, но знающими свое дело людьми. Риск огромен, станция надежно защищена, но и вознаграждение в случае успеха будет соразмерным.

— Мы не сомневаемся, — ответил Барс. — А теперь в оставшееся время давайте-ка пройдемся по планам и схемам, отработаем детали маршрутов, осуществим хотя бы примерный хронометраж действий.

— Ты говоришь так, словно всю жизнь готовился к штурму астероида, — проворчал Гепретион. Уверенность, с которой держались двое наемников на время заразила даже его, но только на время, пока он не вспомнил о боевом фрегате Армохонтов, принадлежавшем загадочному Хомо.

— Освободить человека только пол дела, — нехотя сообщил он. — Есть еще фрегат, который нужно угнать.

Он ожидал бурной протестующей реакции, возмущения, но дождался лишь спокойных взглядов, как будто этой парочке все было известно заранее.

— С фрегатом проще, — ответил Пурга. — Во-первых, он стоит у внешних причалов вакуум-доков, во-вторых, человек, которого мы должны освободить, наверняка знает, как попасть на борт. Логично?

Гепретион был вынужден кивнуть.

— Ну, так не загружай себе голову проблемами.

— Не понял? Вы что совсем жизнями не дорожите? Там флот…

— Вопросы нужно решать поступательно, — вежливо прервал его Барс. — Основной путь отхода у нас намечен. Появиться возможность взять фрегат — возьмем. И тогда с флотом Эршангов, будут разговаривать плазмогенераторы главного калибра.

Кто они такие? — в очередной раз задал себе запоздалый вопрос Гепретион, наблюдая за невозмутимыми лицами наемников.

Впрочем, отступать было уже поздно, и он обратился к схеме станции.

— Ладно, продолжим. Вот тут вы в скафандрах покинете корабль.

Световой маркер коснулся схемы, положив начало обсуждению вероятных маршрутов проникновения внутрь астероида и отхода.

— Нам потребуется еще один комплект гермоэкипировки, подходящей для человека, — заметил Барс.

— У меня все есть. О техническом обеспечении не беспокойтесь.

— Неплохо было бы взглянуть на бортовой арсенал. Мы с напарником привыкли работать с определенными видами оружия и брони.

— Хорошо, но это позже. У нас мало времени. Вернемся к плану.

* * *

Система Эшр. За трое суток до указанных событий…

Андрей впал в глухое отчаянье.

Он оставался безучастным к собственной судьбе пока его, скованного по рукам и ногам, лишенного возможности самостоятельно двигаться, «этапировали» на борту небольшого транспортного корабля, двигавшегося в метрике трехмерного космоса к астероиду, чья орбита располагалась в десяти световых секундах от планеты Эшрангов.

Логинов глубоко переживал разрыв мнемонического контакта с Алгитами.

Оставаясь внешне невозмутимым, даже апатичным, Андрей и внутри утратил волю к борьбе. Он не сломался, но пресс неодолимых обстоятельств, давивший на него с того момента, как он пришел в сознание после рокового гиперпрыжка, опустился еще ниже, фактически раздавив его…

Есть предел силе духа.

Логинов утратил *надежду* . Ему открыли глаза, приподняли завесу над сутью процессов происходящих в изолированном секторе

пространства.

Действительность, сотканная изо лжи, глобальный масштаб событий, в результате которых многие расы утратили не только суверенитет, но и перспективу построения собственного пути развития, осознание того, что стал лишь инструментом достижения цели для группы циничных существ, ведущих борьбу за власть, — все это вместе взятое приводило рассудок Андрея в сумеречное состояние.

Пестрый конгломерат, созданный Эшрангами на обломках империи, вскоре утратит всякую индивидуальность, а они (Андрей мысленно имел в виду нелетающих птиц), пользуясь сохранившимися боевыми единицами флота Армохонтов, возьмут в свои руки верховную власть…

Теперь понятно, почему они не атаковали станции «Н-болг», терпеливо выжидали, десятилетиями оставаясь в тени. Эшранги сознательно позволили наиболее способным, активным представителям различных цивилизаций вновь выйти в космос, чтобы затем одним ударом убрать всех способных к осознанному сопротивлению.

Они планировали свое будущее, готовя решительный удар по тем крохам независимости, что удалось восстановить «младшим расам».

Все это с нескрываемой издевкой поведал ему Ролг, во время долгого и утомительного внутрисистемного перелета.

Измученный сомнениями, терзаемый дурными предчувствиями, глубоко переживающий свою, далеко не завидную роль в грядущих событиях, Логинов постепенно погрузился в состояние апатии.

…После восемнадцати часов полета корабль Эшрангов вошел в вакуум-док космической станции.

Андрея вывели из тесного отсека, служившего ему узилищем на протяжении утомительного путешествия.

Пошатываясь, едва держась на ногах, он, понукаемый конвоирами, прошел через шлюз, оказавшись в длинном, изгибающимся над бездной переходном тоннеле с прозрачными стенами.

Оказывается, его доставили не на станцию, в классическом понимании данного термина, а на крупный астероид, внутри которого располагалась некая инфраструктура.

Тоннелей ведущих к причальным конструкциям оказалось несколько. В данный момент подле астероида разгружалось несколько транспортных кораблей, два «рукава» переходных конструкций пролегали в непосредственной близости от герметичного перехода, по которому вели Андрея.

Он невольно вздрогнул, когда увидел, что по параллельному тоннелю

конвоируют *женщину* .

Сердце глухо и неровно ударило в груди.

Логинов, уже отчаявшийся когда-либо увидеть человека, почувствовал, что не может дышать.

Незнакомка шла, не обращая внимания на конвой, гордо вскинув голову, и что поразительно — черты ее лица показались Андрею знакомыми.

Нет, наверное, он все же начал сходить с ума, бредить, забыв, что все, кого он мог знать лично, остались далеко в прошлом, за аномалией времени, создавшей неодолимую бездну в три столетия.

Тоннели начали отдаляться друг от друга, но образ прочно запечатлелся в памяти.

Конвоиры провели Логинова через второй шлюз.

Огромное пространство естественной пещеры, загерметизированное, наполненное пригодным для дыхания воздухом, напоминало разворошенный муравейник.

Здесь происходил прием и сортировка грузов, прибывших с различных планет и космических станций, даже скудных познаний Андрея хватило, чтобы понять, — Эшранги готовятся к серьезным действиям в космосе. Среди штабелированных контейнеров он без труда различил изделия как минимум пяти цивилизаций, но что более всего насторожило Логинова — это оружейные кофры, вне сомнения, доставленные с Земли.

Зачем меня привезли сюда?

Неужели Ролг надеется на сотрудничество с моей стороны? — Мрачно размышлял Андрей. — Я ведь ясно дал ему понять, что любая попытка проникнуть на борт фрегата приведет к взрыву…

Логинова провели через огромный зал, грубо втолкнули в ответвление тоннеля, который через сотню метров вывел в небольшую пещеру, в стенах которой располагалось десятка полтора дверей.

Открыв одну из них конвоировавший Логинова Цирит, втолкнул пленника внутрь тесного помещения.

Не удержавшись на ногах, Андрей упал, чувствительно ударившись плечом.

Дверь с лязгом и гулом затворилась, оставив его лежащим на полу во мраке.

* * *

Немного придя в себя, Логинов осмотрелся, используя возможности микромашин.

Прав был Юранов, говоря о новых открывающихся перед Человечеством горизонтах, вот только, похоже, — не судьба, не успели мы вырастить новое поколение…

В сером сумраке, Андрей без труда сориентировался, тем более что помещение действительно оказалось небольшим.

Сказывалась многомесячная практика общения с Алгитами, — он уже не пугался своих новых возможностей, напротив стал воспринимать их как нечто само собой разумеющееся.

В камере витал тошнотворный запах.

Его источником оказался Умр, без движения распластавшийся на полу.

Внешне — огромный, черный как смоль кот, хотя, если быть точнее, то Умры скорее похожи на Земных пантер.

В душе всколыхнулась, но тут же угасла необоснованная теперь ненависть. Учитывая события трехсотлетней давности, Андрей не должен был испытывать к Умрам теплых чувств. Однако нужно смотреть правде в глаза — теперь побывав в роли марионетки, он на себе испытал всю глубину коварства Эшрангов.

Та памятная схватка, внезапно вспыхнувшая в горах навек потерянной для него Земли, теперь принимала иную окраску.

Умры вне сомнения выполняли задание Эшрангов. Цириты вероятно сражались на стороне Армохонтов. В то, что наемники могли вести свою игру, Андрей уже не верил.

Так или иначе, но распластавшийся на полу камеры, истерзанный и видимо умирающий Умр, заслуживал сострадания, а не ненависти.

Только много позже Андрей понял, что Эшранги так и не сумели постичь человеческой психологии.

Они рассчитывали пробудить вспышку ненависти в душе Логинова, нанести ему еще один болезненный моральный удар от невыносимого соседства, окончательно сломать его, заставить тратить силы и волю на мелочную мстительность, вновь и вновь переживать события прошлого, не думая о настоящем.

На поверку все вышло иначе.

Андрей сидел на холодном каменном полу, вдыхая зловонный, удушливый воздух, а его взгляд скользил по когда-то лоснящейся, а сейчас свалявшейся клочьями шерсти, покрывавшей тело Умра, видел выпирающие кости, а ведь не так давно этот представитель разумных млекопитающих наверняка был силен, и при каждом движении под короткой черной шерстью перекатывались мощные мускулы…

Андрей с детства любил котов.

Вот и сейчас, глядя на истощенного умирающего от ран Умра, он внезапно вместо ненависти к представителю иной цивилизации, испытал острое чувство сострадания.

Да, но чем я могу помочь? — задался Андрей вполне закономерным вопросом.

У него не было при себе ни медикаментов, ни автоматической аптечки, да и знания в области метаболизма Умров отсутствовали.

Нет, пожалуй, он своим вмешательством сделает лишь хуже умирающему существу.

Мысль здравая, но…

Андрей некоторое время сидел, обхватив руками колени, предаваясь мрачным размышлениям, пока внезапно Умр не открыл глаза, а по его телу не пробежала мучительная судорога.

Взгляд разумного существа на миг прояснился, в нем промелькнуло невыносимое страдание, на фоне которого Андрей скорее интуитивно ощутил, чем зримо распознал удивление и сменившую его обреченность.

Как будто Умр, узнав в новом сокамернике человека, на миг испытал шок, а затем горько и безнадежно усмехнулся, вновь погружаясь в ощущения непереносимого страдания.

Злая усмешка, вздернувшая губу Умра, заставившая сузиться его глаза, относилась не к Андрею, но к Эшрангам. Видимо Умр счел верхом издевательства подобное соседство, но затем его взгляд вновь заполнила невыносимая мука, и в нем прорвалась мольба одного разумного существа к другому: *помоги…*

Что он мог сделать?

Подсев поближе он приподнял покрытую ранами голову Умра, положил ее к себе на колени, и стал гладить свалявшуюся, заскорузлую шерсть.

Умр не сопротивлялся. Непонятно, как он отнесся к такому проявлению сострадания, но его взгляд вновь прояснился, и еще около минуты во тьме тускло горели его зрачки, неотрывно следящие за человеком.

Затем тело Умра вновь содрогнулось в конвульсии, и он обмяк.

Андрей продолжал машинально гладить его по загривку между ушами, не замечая, что от совершенных движений разбередились его собственные, едва начавшие заживать раны, и просочившаяся кровь, стекая по запястью, смешалась с кровью несчастного Умра.

Совершенно обессиленный и опустошенный, Андрей в конечном итоге задремал, не в силах сопротивляться многодневной свинцовой

усталости.

* * *

Когда он очнулся, в камере сиял тусклый желтоватый свет.

Голова Умра по-прежнему покоилась на его коленях, все мышцы у Андрея затекли, но он не посмел шевельнуться — зеленые глаза с вертикальными зрачками смотрели на него пристально, неотрывно.

Сколько же прошло времени? — Подумал Логинов, и вдруг в его рассудок вторглась *чужая* мысль:

Прошло двое суток по твоему исчислению времени, человек. Ты не шевелился. Я то же.

Андрея вдруг обдало жаром.

Умр?!

Огромный кот привстал, ослабевшие лапы еще плохо держали исхудавшее тело, но, пошатнувшись, он все же сохранил равновесие, затем его голова приблизилась к лицу Андрея, и мягкий теплый язык лизнул его щеку.

Ты спас меня.

Поначалу Логинов усомнился в здравости своего рассудка. Что за игра воспалившегося воображения, — подумал он, но буквально в следующий миг, вновь зазвучавший в рассудке голос, навел Андрея на ошеломляющую догадку:

Что-то в твоей крови… Оно теперь живет во мне. Позволяет слышать и говорить.

Микромашины.

Андрей с трудом поднял одеревеневшую руку, взглянул на порезы, которые уже не кровоточили, и окончательно убедился в том, что не бредит.

Его кровь попала в раны Умра, и микромашины тут же приступили к строительству новых колоний.

Неужели они обладают той степенью универсальности, что сумели не только размножиться в организме представителя иной космической расы, но и приступить к исполнению своих функций, остановив смерть?

Очевидно, что так.

Умр, наблюдавший за Андреем, склонив голову, зажмурил глаза.

Ты долго общался с Алгитами, человек. Ты не сошел с ума, услышав мой голос. Все, что говорят о твоей расе — ложь.

Логинов сглотнул вставший в пересохшем горле ком.

Да, не будь у него опыта мнемонического общения с колониями разумных кристаллов, сейчас пришлось бы туго…

Интересно, микромашины в наших организмах, установив связь между собой, передают все распознанные мысли и только те, что направлены «адресно»?

— А что ты знаешь о моей расе? — хрипло произнес Андрей.

Умр напрягся от звука его голоса, но не отпрянул.

— Разное, — мурлыкнул он.

Звук чуждого языка сопровождался мысленной трансляцией, которую автоматически вели две сети микромашин.

— Эшранги говорят о людях в прошедшем времени. Как о жестоких злобных и надменных существах. Теперь я вижу, что вы не исчезли, и убедился в лживости птиц.

Андрей вытянул ноги, коснулся затылком стены. Кружилась голова, затекшие мышцы покалывало. От долгой неподвижности и обстоятельств пробуждения по телу гулял озноб.

— Тебя как зовут? — машинально спросил Логинов, стремясь поддержать начатый разговор.

Он еще не пришел к единому мнению: хорошо ли все случившееся, но сделанного уже не воротишь, и от общения с Умром отказываться глупо.

— Эрг, — коротко отрекомендовался тот, невольно приняв горделивую осанку.

Несмотря на выразительную худобу его тела, движение вышло горделивым и даже угрожающе-грациозным.

— Андрей, — в свою очередь представился Логинов.

— Я слышал о тебе, — внезапно заявил Эрг. — Эшранги искали человека с таким именем.

— Не знаешь — зачем?

— Нет.

— А ты как попал сюда?

— Эшранги преследуют мой род на протяжении веков.

— Почему? — Логинов насторожился.

— Мы сражались на стороне Армохонтов. Умры не предали их, как другие расы, поверившие лживым увещеваниям птиц. С тех пор они боятся и ненавидят нас.

Андрей прикрыл глаза. Множество мыслей сейчас в буквальном смысле раздирали его рассудок. Если события на Земле являлись частью борьбы между Эшрангами и Армохонтами, то выходит Умры, что атаковали позиции его взвода, стремились сорвать поставки робототехники земного производства, а Цириты действовали на стороне Эшрангов?

Мыслимо ли чтобы история так вот вдруг переворачивалась?

Выходит, я ненавидел потенциальных друзей и доверял лживым наемникам?

— Не терзай себя прошлым, — Эрг присел рядом, обвив лапы хвостом.

— Без прошлого нет настоящего, — хмуро ответил Логинов. — Расскажи, что нас ждет? Давно ты тут?

Удивительно, но при посредничестве микромашин общение протекало свободно, так, будто они знали язык друг друга.

— Нас убьют. Рано или поздно.

Эрг был еще очень слаб, и сидеть, горделиво выпрямив спину, у него получалось с трудом, поэтому он растянулся на полу, положив лапы под голову.

Даже в таком жалком виде он удивительно напоминал угольно-черную пантеру.

Андрея при аресте толком не обыскали, у него лишь отобрали оружие, вырвали энергоблоки из скафандра, а когда поняли, что человек не сможет двигаться в тяжелой гермоэкипировке без системы сервоусилителей мускулатуры, то заставили снять гермокостюм, оставив Логинову лишь летный комбинезон.

К счастью предусмотрительные разработчики разместили второй комплект НЗ в летной форме, вшив упаковки с пищевыми таблетками, метаболическими имплантами и набором стимулирующих препаратов в ткань комбинезона.

Пока Андрей посчитывал имеющиеся в распоряжении ресурсы, Умр пристально смотрел на него.

— Я не могу тебе сказать, сколько времени провел тут, — наконец пришел мысленный ответ на второй заданный Логиновым вопрос. — После ухода Армохонтов из сектора осталось несколько баз, местоположение которых неизвестно Эшрангам. Мой род охранял одну из них. Каким-то образом птицам стали известны координаты системы, и они напали. Мы дрались до последнего котенка. Меня ранило и много времени исчезло из сознания. Очнулся я уже тут. Меня постоянно водили на допросы, пытаясь узнать местоположение других баз, потом, не добившись ничего, бросили умирать от ран.

— Армохонты *ушли?* — искренне удивился Андрей. — Я слышал, что их цивилизация пала под ударами неких механоформ!

Эрг презрительно фыркнул:

— История современности, придуманная Эшрангами — ложь. Птицы предали старшую расу, они долго исподволь готовили удар и нанесли его

одновременно во всех звездных системах.

— Смысл? Чего они добивались?

— Ты много знаешь об Армохонтах?

— Практически ничего, — ответил Андрей, удивляясь, как прямое мысленное общение устраняет многие барьеры, снимает массу спорных вопросов относительно трактовки терминов, позволяет понимать друг друга без невероятного морального напряжения.

Все это стало возможно благодаря универсальности наномашин.

Жалел ли он о случившемся?

Наверное — нет, хотя предсказать далеко идущие последствия случайного попадания наномашин в кровь Умра, он, конечно, не мог.

Тем временем Эрг, выдержав небольшую паузу, продолжил:

— Наберись терпения, Андрей, и выслушай меня. Цивилизация Армохонтов возникла одной из первых в нашей галактике. Пока другие расы еще находились на низших ступенях развития, они уже летали между звездами, колонизировали планеты, строили свою империю.

Мысленная речь Умра текла плавно, последовательно, сам он лежал почти без сил, прикрыв глаза и, как казалось Андрею, — задремав.

— Эшранги и Умры не первые из цивилизаций, взятых под опеку Армохонтами. Я тоже, не хуже чем ты, понимаю значение истории, и много размышлял над событиями далекого прошлого. Армохонты строили свою внепространственную транспортную сеть, стремясь освоить огромное количество звездных систем, необходимых для постоянного, динамичного развития и расселения их расы. Но постепенно их порыв экспансии угас, цивилизация состарилась, стала более мудрой, спокойной в своей массе, взвешенной. Однако транспортная сеть осталась, да к тому же в подконтрольных Армохонтам секторах пространства продолжали свое развитие молодые цивилизации.

Эрг на время умолк, давая Андрею возможность обдумать услышанное.

— Экспансивные цивилизации, идущие по собственному пути развития, воспринимались Армохонтами как младшие «братья по разуму», — не дождавшись уточняющих вопросов, продолжил он. — Термин «младшие расы» придумали Эшранги, чтобы оправдать перед другими народами свое поведение. Предательство они называли восстанием, а мудрую политику наидревнейшей цивилизации — завуалированной формой порабощения «младших рас».

Андрей, внимательно слушавший Умра, перебил его:

— Извини, нельзя ли поподробнее? В чем заключалась политика

Армохонтов относительно иных цивилизаций?

— Я расскажу, что знаю. Ты должен понять — я прежде воин, а уж потом историк, — в мысленной речи Эрга прозвучала самоирония. — Древние существа мудры, потому что имеют огромный опыт, не сравнимый с опытом любой расы, только вышедшей на просторы космоса. Мне известно, что сотни тысяч лет назад Армохонты, в далеком отсюда секторе пространства вступили в контакт с двумя молодыми цивилизациями, самостоятельно вышедшими на просторы космоса. Ничего хорошего из этого не вышло. Расы, которым была предоставлена полная свобода развития, оказались стеснены, — ведь все окрестные звездные системы уже были колонизированы цивилизацией Армохонтов. В результате вспыхнула ожесточенная война за жизненное пространство, в ходе которой молодыми цивилизациями были созданы и брошены в бой механоформы — жуткие неживые создания, не ведающие понятий жалости, чести, милосердия к побежденным. Они просто сметали все на своем пути, исполняя предначертанные им программы. В результате, даже когда между Армохонтами и их противниками было достигнуто согласие о прекращении боевых действий, механоформы не подчинились, продолжая бессмысленную борьбу, по-прежнему уничтожая все, что вставало на их пути.

Логинов кивнул.

Знакомая ситуация. На Земле разрабатывались десятки, если не сотни типов боевых машин, способных действовать автономно. Конечно, их свобода в принятии решений не являлась абсолютной, но случись людям вести войну на выживание, наверняка боевые кибернетические системы были бы брошены в бой.

— Армохонты, как я понимаю, извлекли урок из того конфликта?

— Не только извлекли урок, но и выработали политику, которой придерживались в отношении молодых цивилизаций, — ответил Эрг. — Они позаботились, прежде всего, о двух вещах: во-первых, о защите межзвездной транспортной сети, для чего были разработаны специальные узловые станции типа «Н-болг», и, во-вторых, о временной изоляции молодых, экспансивных рас.

— Ты считаешь такой подход правильным?

— Юности свойственен максимализм, горячность, сначала действие, а уже потом мысль. Первой и единственной ошибкой Армохонтов стал экспорт технологий двум молодым цивилизациям. Они, как выяснилось, не были готовы к их разумному использованию. После давней войны с механоформами, стало понятно, что не всегда воспитание дает желаемый

результат, чаще молодежь не верит опыту старших, стремясь совершить собственные ошибки и сделать выводы из них. Но даже если сделанные выводы правильны, то цена обретения подобного «опыта» при современной плотности заселения космоса слишком велика. Потому Армохонтами была разработана концепция «одна раса — одна звездная система». Собственно изоляция молодых цивилизаций заключалась в жесткой системе запретов на посещение их звездных систем торговыми кораблями, экспорта технологий и информации о наличие необъятных просторов обитаемого космоса.

— То есть каждой цивилизации давали пройти некий путь проб и ошибок при построении внутрисистемных колоний, обрести опыт, понять, что жизнь — это основная ценность?

— Ты проницателен, Андрей, — Умр довольно зажмурился. — Ограничение скорости света не предполагает быстрой экспансии молодых рас к звездам. А изобретение внепространственного привода требует высочайшего уровня научного прогресса.

— Ну, хорошо, положим, то тут Армохонты правы. А как они действовали в отношении цивилизаций, сумевших выйти в космос, создать внутрисистемные колонии и даже осуществить первые полеты к ближайшим звездам?

— В том случае, если молодая цивилизация не разрушала себя в критические моменты развития, когда уровень технического прогресса в разы превышал уровень морального «взросления», с такой расой вступали в контакт. Кроме того, во всех звездных системах, где шло развитие молодых цивилизаций, устанавливались так называемые «тестовые устройства», соединенные каналами внепространственной транспортировки с планетами, специально приспособленными для первого контакта. Цивилизации, претендующей на выход в Обитаемую Галактику, проводились тщательные переговоры, им разъяснялась длиннейшая история содружества обитаемых систем, демонстрировались возможности глобальной транспортной сети, и, в зависимости от уровня перенаселения на исконной планете, предлагалась квота для освоения незаселенных звездных систем. При этом Армохонты гарантировали новым членам галактического сообщества беспрепятственное пользование транспортной сетью. В качестве непременного условия выдвигался «испытательный срок», обычно три-четыре века. Новая цивилизация получала жизненные пространства неосвоенных планет, зачастую расположенных на удалении в десятки тысяч световых лет от их прародины, но в свою очередь обязывалась исполнять общегалактические законы, строго придерживаться

запретов на экспорт технологий в «изолированные» системы, кроме того, запрещалось вести исследования в области разработки собственного внепространственного привода.

— Не слишком ли жесткие ограничения? — высказал сомнение Логинов.

— Нет, если размышлять здраво, — ответил Эрг.

Мнемоническая беседа доставляла ему удовольствие, он не скрывал, что благодарен Андрею и готов поделиться с ним всеми имевшимися в его распоряжении знаниями.

— Подумай: молодые цивилизации, развившиеся секторах пространства давно и плотно освоенных, вместо войны за столь необходимые им жизненные территории получали возможность колонизировать новые планеты, вести мирное строительство, для них открывались торговые пути с тысячами иных цивилизаций. И все это в обмен на *разумное поведение*.

Андрей кивнул.

— И все же стройная, отработанная тысячелетиями система, созданная Армохонтами дала сбой, — констатировал он, подводя черту под своими размышлениями. — Почему так произошло?

— Цивилизация Армохонтов окончательно состарилась, — не без горечи ответил Умр. — Их империя стала необъятной, транспортная сеть охватила почти всю Галактику. Постепенно, тысячелетие за тысячелетием происходило смешение народов, многие планеты сейчас населены представителями сотен цивилизаций, в пространстве все четче стало проявлять себя деление на сектора, с локальными участками транспортной сети.

— Развитие происходило от центра Галактики к периферии?

— Ядро Галактики необитаемо. Там происходят процессы, несовместимые с понятием «жизнь». Но ты отчасти прав: первое кольцо транспортной сети Армохонтов охватывает системы, расположенные в десяти тысячах световых лет от Ядра. Затем постепенно происходило расширение по сфере от первого кольца к периферии. Деление на сектора обусловлено увеличением звездной плотности в спиральных рукавах нашей Галактики.

— Значит, власть Армохонтов постепенно слабела пропорционально расстоянию от древнего пояса к молодым секторам?

— Да, все происходило именно так. Насколько я знаю, уже существуют прецеденты изоляции целых секторов, где молодые цивилизации по различным причинам поставили под сомнение

справедливость галактических законов и вводимые ими ограничения.

— Наш сектор тоже изолирован?

— В некотором смысле, — мысленный ответ Умра сопровождался выразительным шипением.

— Поясни, пожалуйста?

— Эшранги разрушили главную узловую станцию «Н-болг». Они прервали связь с Обитаемой Галактикой. Затем захватили все узлы сети сектора.

— А что Армохонты? Они разве не сопротивлялись?

— Была война, — сумеречным тоном ответил Эрг. — Космос кипел от схваток, Эшрангам удалось привлечь на свою сторону предателей, и совратить несколько молодых рас, преподнеся им лживую информации об Армохонтах. Некоторые цивилизации, такие, как твоя, были вообще использовали вслепую.

— А что тебе известно о роли людей?

— Люди не воевали, — ответил Умр. — Но твоя цивилизация изобрела машины, сродни тем механоформам, с которыми однажды уже сталкивалась древняя раса. Эшрангам далось наладить поставки боевой техники, и наше сопротивление было обречено.

— Значит, они оккупировали Землю? — похолодев, спросил Андрей.

— Не знаю, — откровенно ответил Эрг. — После короткой ожесточенной борьбы, в которой погибли все Армохонты и были уничтожены планеты Эшрангов, разрушено множество врат, ведущих к различным мирам, и выведено из строя более половины «Н-болгов», в нашем секторе галактики наступил хаос. Сейчас Эшранги делают отчаянные попытки удержать власть, обрести контроль над молодыми расами, попутно распространяя миф о нашествии механоформ, чтобы оправдаться в случае восстановления связи с древними мирами центральных секторов.

— Не понимаю, на что они рассчитывают.

— Миф о механоформах хоть и потускнел со временем, но не исчез. Многие цивилизации были остановлены на грани создания опасных роботизированных комплексов. Угроза реальна, и если Эршанги сумеют культивировать на Земле производство боевых машин, а тем более распространят их в качестве реальной силы по нашему пространству, то сектор будет вторично закрыт, без особых разбирательств. Миф о механоформах получит новую жизнь, а Эшранги выиграют время.

— Чего добиваются птицы? — не скрывая своего гнева, спросил Логинов.

— Безраздельной власти. Они грезят собственной империей. Их разум сожрала зависть перед могуществом Армохонтов.

— Бред какой-то… — в сердцах ответил Андрей. — Неужели даже в космосе, среди древних цивилизаций идет грызня за первенство?

— Да. Так заложено эволюцией. Тебе наверняка знакома теория естественного отбора, верно?

— Знакома. Но мы ведь разумные существа!

— По-настоящему разумными среди нас были и остаются Армохонты, — мягко поправил его Умр. — Мы же все еще дики, по сравнению с ними. Их империя справедлива, древние законы обуздывают необоснованную агрессивность молодых рас, но никто насильно не включает юные цивилизации в субкультуру Обитаемой Галактики. Каждому новому члену сообщества дают время и шанс, чтобы понять — нужна ли им интеграция. Вспомни, я говорил тебе — цивилизациям предоставляют миры для колонизации, где они могли бы развиваться по собственному пути. Есть прецеденты, когда интеграции не происходило. Цивилизации, желая сохранить свою уникальность, отказывались присоединяться к сообществу.

— И что стало с такими расами?

— Их, как правило, оставляют в покое. Армохонты четко понимают, что изобретение внепространственного привода требует тысячелетних исследований, глубочайшего проникновения в тайны мироздания.

Андрея потрясло многое из услышанного. Он чувствовал, что информация буквально переполняет разум, перед ним внезапно распахнулась новая, совершенно не известная ранее вселенная.

— Откуда ты столько знаешь, Эрг? — невольно вырвался у Логинова вопрос. — Ведь ты представился воином.

— Я глава рода Умров, — прозвучал ответ, в котором сквозила сдержанная гордость, чувство собственного достоинства не погибшее под пытками. — Не только воин, но и политик. Знание в наш век — самое мощное оружие.

Логинову стало стыдно.

— Извини. Я долго стоял на грани безумия, считая, что моя цивилизация погибла. Так долго, что успел растерять простые, но вечные истины, а вместо них обрести ненависть.

— Ты спас меня, — напомнил Андрею Эрг. — Осознано или нет — неважно. Ты проявил сострадание, пожалев умирающего Умра. Я чувствовал твои руки, они гладили мою шерсть, словно язык матери, вылизывавший новорожденного Эрга. Но ведь ты имел повод ненавидеть

— иначе Эшранги не посадили бы тебя в одну камеру со мной.
— Я ошибался.
— В чем?
Андрей ответил не сразу, а когда заговорил, то его голос звучал глухо, напряженно:
— Три столетия назад, я уже сталкивался с существами твоей расы. В бою.
Прищуренные глаза Умра открылись.
Он был потрясен признанием Андрея. Мышцы Эрга напряглись, он привстал, шерсть на загривке поднялась дыбом.
— Где и когда это случилось? — спросил он.
— На моей планете.
Следующие четверть часа Логинов подробно пересказывал детали боя, после которого ему пришлось улететь на Новую Землю, а затем…
Умр, внимательно слушавший его внезапно остановил Андрея.
— Мы не враги, — тихо произнес он. — Но не нужно говорить дальше. Я чувствую, ты знаешь больше, чем мне хотелось бы узнать. Знание гложет тебя, сводит с ума, но пока, — он подчеркнул интонацией последнее слово, — пока это только твоя ноша.
Логинов кивнул. Он понимал, почему Эрг остановил его. Ослабленный пытками он опасался, что не выдержит новых истязаний.
— Поговорим о том, каким образом тебе удалось оказаться вне времени и пространства, когда выберемся отсюда.
— Ты мудрый воин. Эшранги перехитрили сами себя, посадив нас в одну камеру.
— Я устал, — неожиданно признался Эрг. — У тебя есть еще важные вопросы?
— Один, пожалуй.
— Спрашивай.
— Мне непонятна роль Циритов.
Губа Эрга нервно вздернулась.
— Я расскажу тебе, что знаю. Цивилизации Циритов исторически не существовало. Их создали Армохонты.
— Извини, не понял… Выходит, что Цириты — биологические роботы?
— Не совсем так. Они искусственно созданные биологические существа. Изначально Циритов использовали для обслуживания станций «Н-болг», затем по мере развития общегалактической транспортной сети и увеличения числа присоединившихся, или просто известных Армохонтам

цивилизаций, вольно или невольно им пришлось решать вопросы безопасности, поддержания порядка на станциях, в пространстве «проблемных» звездных систем, и так далее. Тогда из среды Циритов были выделены воины, они стали той силой, которая, не имея привязанности к конкретной планете, звездной системе, цивилизации, служила исключительно Армохонтам, исполняя все рискованные и рутинные обязанности по охране транспортной сети, поддержания ее технической исправности, патрулирования проблемных секторов пространства, где возникала угроза нарушения общегалактических законов либо зарождения пиратства. Однако с развитием и глобальным расширением транспортной сети, возникновением удаленных секторов, Цириты постепенно расширили рамки своего существования, они, спустя сотни тысяч лет, после того как были созданы Армохонтами, приобрели самосознание, стали развиваться, как самостоятельная сила, все чаще выходящая за узкий круг предопределенных для них задач. В пределах «первого кольца», так официально именуется основа транспортной сети Армохонтов, Цириты по-прежнему остаются или, по крайней мере, оставались лишь инструментом правопорядка в руках своих создателей, но на окраине огромной империи, их анклавы постепенно выделились в самостоятельные цивилизации. Рост числа Циритов привел к проблеме занятости, и они решили ее, став наемниками.

— То есть Цириты не всегда выступают на стороне Армохонтов? — осторожно спросил Андрей.

— Я понимаю твой вопрос. Тебя интересует тот инцидент на Земле?

Логинов кивнул.

— В том столкновении принимал участие отряд наемников из числа Циритов. Мы — Умр горделиво приподнял голову, — защищали интересы Армохонтов, обеспечивали соблюдение закона, который явно нарушали Эшранги, закупая у твоих соотечественников запрещенные типы механоформ, которые в дальнейшем они использовали для атаки на станции «Н-болг». Отряды наемников-Циритов действовали на их стороне.

— Выходит Эшранги заведомо подставляли мою цивилизацию под удар?

— Естественно, — презрительно фыркнул Умр. — Они лживы, трусливы, но отказать Эшрангам в циничной расчетливости я не могу. Они сделали все, чтобы возродить миф о механоформах, а в случае неудачи указать на людей, и Циритов. Если следовать фактам то получается, что люди продавали боевые машины Циритам, получая взамен запрещенные к экспорту технологии. А Эшранги тут не при чем.

— Твари… — сквозь зубы выдавил Андрей.

— Сделано уже не вернешь, — с сожалением констатировал Эрг. — Наш сектор изолирован, все представители Армохонтов, погибли, планеты Эшрангов сожжены в ходе ответного удара, но они не оставили своих планов. Сейчас собравшись с силами, они готовы установить новый порядок, став «старшей расой».

— Что им мешает?

— Практически все готово. Занозой остаются три рода Умров, сохранивших верность Армохонтам, и готовые драться за возвращение порядка в наш сектор пространства. Еще одно препятствие — разрушенная сверх меры система станций «Н-болг». Ты должен понимать, что такие цивилизации, как Эшранг, тысячелетиями пользующиеся исключительно техникой Армохонтов, уже не способны создавать что-то новое, уникальное. Здесь идет ставка на молодые расы, идущие по пути научно-технического прогресса. Задача Эшрангов, — окончательно подавить сопротивление Умров, и найти способ к восстановлению транспортной сети, которая должна перейти под их полный контроль. После этого создав в секторе свою империю, они будут готовы окончательно подмять молодые цивилизации, навязать им свою волю, сформировать армии и флоты, для вероятной конфронтации с объединенной обитаемой галактикой в случае восстановления внепространственной связи между «первым кольцом» и периферией.

Андрей, погруженный в тяжелые мысли, медленно поднял взгляд.

— Есть еще два обстоятельства, способных смешать все планы Эшрангов.

Эрг неожиданно кивнул.

— И потому ты здесь. Молчи, у этих стен есть уши.

— Мы общаемся мысленно, — напомнил Логинов.

— Все равно молчи. Я должен набраться сил. Прояви терпение. Ты сможешь рассказать мне обо всем, после обретения свободы. Что толку от знания, когда мы в клетке? Поверь, Эшранги умеют не только пытками развязывать язык.

— Я понял тебя… — Андрей опустил взгляд. — Сколько времени потребуется, чтобы ты встал на ноги?

— Еще пара дней, по твоему счету, не меньше.

— И что делать?

— Проявить терпение. Сдержать свою ярость. Я продолжаю умирать, ты пребываешь в глубочайшей депрессии. Пусть Эшранги думают, что мы оба постепенно подходим к той черте, когда Умра и Человека будет легко

сломать на первом же допросе.

* * *

Набраться терпения и ждать…

Легче сказать, чем сделать. Логинов, пережив удивительную, даже в его понимании граничащую с фантастикой, коллизию, выраженную в спорадическом размножении наномашин, попавших в организм Умра, изнывал от бездействия.

Сидеть или лежать на полу тесной, грязной камеры, изображая если не ненависть, то, как минимум, равнодушие к «умирающему» Эргу, потребовало от Андрея огромного самообладания.

Он размышлял над полученной информацией, все более убеждаясь, что нужно действовать, и как можно быстрее, пока Эшранги уверены в своем превосходстве.

Быстрые решения — небезопасные решения. — Попытался воззвать к терпению Умр.

Андрей конечно слышал его, но…

В душе Логинова происходили стремительные перемены. Он, едва не сошедший с ума, раздавленный одиночеством, рисковавший жизнью за крохи информации, внезапно получил ее в огромном, почти, что исчерпывающем объеме.

Он не хотел торопить события, и, видит Бог, Логинов обладал достаточной волей, чтобы потерпеть те несколько дней, что требовались Эргу на полное восстановление сил.

Существуют иные обстоятельства, о которых мне неизвестно?

Проницательный Умр в данный момент лениво вылизывал лапу, словно действительно был огромным добродушным котенком.

Нужно сказать, что пищевые таблетки из неприкосновенного запаса пошли ему на пользу — всего за пару дней мышцы Эрга окрепли, но он старался по большей части лежать, чтобы не демонстрировать разительных перемен в своем облике скрытой камере наблюдения, местоположение которой вычислил благодаря новым способностям, пришедшим к нему после стремительно размножения в организме колоний наномашин.

Андрей не знал, как объяснить Эргу свое состояние.

— Я почти, что смирился с тем, что мне больше никогда не увидеть Землю, — все же пояснил он. — И вот еще по прибытии на астероид, я заметил, как по параллельному рукаву ведут женщину…

Самка твоей расы? Только не говори мне, что вознамерился ее спасти.

— Почему? Ты против?

— У нас и без того мало шансов. Прорваться к твоему кораблю будет непросто, еще сложнее — отчалить от астероида и скрыться от кораблей брошенных в погоню. А ты предлагаешь потратить неизвестное количество времени на поиски еще одного заключенного в лабиринте тоннелей? Не забывай, этот астероид когда-то был богат полезными ископаемыми, здесь столько тоннелей, проложенных вдоль несуществующих теперь рудоносных жил, что запутаться в них — минутное дело.

Андрей понимал, с точки зрения сухой рациональной логики Эрг прав, ведь как только они выберутся из камеры Эшранги (которых он не был склонен недооценивать) сразу поймут, что единственный путь для беглецов ведет на корабль.

Они перекроют все тоннели, ведущие к вакуум-докам.

Извини, Эрг, но я не брошу на произвол судьбы человека.

Твое право, Андрей. Хотя это серьезно осложнит наше бегство.

И все же мы должны попытаться.

Ты готов поставить под удар наш план спасения, ради самки своей расы?!

У нас разные понятия, Эрг.

Ничего не хочу слышать. Мы должны вырвать твой корабль из лап Эшрангов, даже если придется погибнуть. Найдешь себе другую.

Замолчи. Эта женщина — не моя самка — понял? Но, если она оказалась тут — значит, для Эшрангов имеет не меньшее значение, чем я или ты. Сюда на базу ведь не доставляют кого попало, верно?

Возможно, ты прав, — подумав, согласился Эрг. — *Сориентируемся по обстановке. А сейчас давай начнем подготовку. Стены камеры не экранированы. Нужно составить план прилегающих помещений, прежде чем мы начнем действовать.*

Некоторое время они молчали, думая каждый о своем, затем Андрей негромко произнес:

— Нам следует выработать какой-то конкретный план действий.

Эрг вытянул лапы, демонстрируя загнутые когти, которые прятались в складках кожи между лишенными волосяного покрова гибкими пальцами.

— Этого достаточно, чтобы вырваться из камеры, — ответил он. — С какой дистанции ты способен установить связь с Алгитами?

— Зависит от многих параметров. Толщина переборок, наличие экранировки.

— Ну, хотя бы примерно? — настаивал Умр.

— Думаю, минимальная дистанция метров сто по прямой.

— Мало. Очень мало.

— Мы все еще в камере, а ты говоришь о связи с Алгитами. Сначала давай выберемся отсюда.

— Это не сложно, — неожиданно ответил Эрг. — Ты совсем потерял веру в свои способности, Андрей?

— Нет.

— Ну, так вспомни, чему тебя учили. Ты воин. И я воин. Вокруг — враги. Или у тебя есть сомнения по поводу Эшрангов?

— Сомнений в их враждебности у меня нет, — ответил Логинов. — Но я пока что не вижу способа открыть двери и выйти.

— Мы устроим драку, — произнес Эрг. — Сыграем на присущих многим живым существам качествах. Например, таких, как мстительность и любопытство. Мой род сражался против Эшрангов несколько веков. Я лично доставил им массу неприятностей. Они обязательно придут посмотреть, как ты убиваешь меня в припадке ненависти.

Андрей, подумав, кивнул.

— А если наоборот? Если ты возьмешь верх?

— Нет, так нельзя. Ты для них ценен. Они пришлют механоформы, чтобы убить меня и сделать вид, что пекутся о твоем здоровье. Нет, — он зажмурился, вновь выпустив когти. — Нужно делать, как я сказал.

— Допустим ты прав. Мы перебьем охрану и вырвемся из камеры. Но куда идти без подробного плана коммуникаций?

— Придется импровизировать, — ответил Умр. — Я уже начинаю свыкаться с новыми возможностями восприятия. Открою тебе один секрет. Механоформы, охраняющие станцию, несущие внутреннюю службу принадлежат к сумме технологий твоей цивилизации.

Логинов удивленно посмотрел на него.

— Шутишь?

— И не думаю даже. Эшранги добились своего. Они превратили Землю в исполинское производство, откуда черпают существ, более преданных и исполнительных чем Цириты или Хонди. Скоро всем «младшим расам» придет конец. Они будут вынуждены принять тот вариант новейшей истории, что навяжет им победивший клан Эшрангов.

— Не понимаю, зачем Эшрангам верховная власть? Что она даст им?

— Эшранги не едины в своих стремлениях. Часть из них желает лишь власти, неограниченной власти нам многими цивилизациями.

— А другая часть?

— Другая часть Эшрангов ищет оправдание, способ скрыть злодеяния предков, за которые по законам Армохонтов предусмотрена беспощадная

кара.

— Говори яснее.

— Терпение мой друг… Разве ты забыл, что Эшранги подняли восстание? Разве я не рассказывал тебе, как они, заручившись поддержкой Хонди и Циритов, уничтожили звено межзвездной сети, соединяющее наш сектор с первым транспортным кольцом?

— Я помню.

— Они проиграли. Их замысел стал понятен Армохонтам, как только состоялась диверсия. Эшранги хитры, они ничего не делают своими руками, и станцию «Н-болг» было поручено уничтожить группам Хонди. Но Армохонты провели свое расследование и быстро поняли, кто на самом деле стоит за диверсией. Они взялись за Эшрангов, выяснили, что те пристально «опекают» стремительно развивающееся человечество. Армохонты — существа справедливые, они никогда не карают тех, кто совершил преступление по глупости, недомыслию, или под воздействием чуждой воли. Но к организаторам такого рода выступлений всегда действовало жесткое правило — предателей, решивших перекроить тысячелетнее мироустройство, нужно карать нещадно, без ложной жалости, ибо они крайне опасны не только для Армохонтов, но и для сотен других, зачастую ничего не подозревающих рас. Есть правило: в своем мире и в предоставленных колониях любая цивилизация вправе жить по собственным законам, каким бы те ни были. Но, выходя на простор космоса, любая раса обязана подчиняться общегалактическому закону, иначе наступит всеобщий хаос. Эшранги нарушили закон, они злоупотребили доверием Армохонтов, полагая, что сумеют свергнуть существующий миропорядок руками других существ.

— И какова кара за подобное преступление?

— Уничтожение, — ответил Эрг. — Или при принятии «мягкого решения» — запрет на выход в космос, изоляция исконной звездной системы нарушителей на карантин.

— Какая мера была применена к птицам?

— Мягкая, к сожалению. Однако им удалось увести часть флота, зачинщики, идейные организаторы скрылись, а затем они, собравшись с силами, нанесли удар по звездным системам Армохонтов, на что последовал немедленный ответ, — схватка между двумя цивилизациями приняла глобальные масштабы. Все планеты Армохонтов поверглись разрушительным ударам, после которых мало кому удалось выжить, в ответ пострадали миры Эшрангов, существующий миропорядок был окончательно разрушен вместе с множеством станций «Н-болг». Ты видел

современно положение вещей.

— Да и оно ясно показывает что птицы не получили никаких преимуществ.

— Верно. Те Эшранги, кто восстал против Армохонтов, давно покинули этот мир. Вместе с ними исчезли и амбиции. Но совершенное злодеяние не может остаться безнаказанным. Рано или поздно связь сектора с остальными мирами Обитаемой Галактики будет восстановлена и тогда уже ничто не спасет остатки цивилизации Эшрангов от возмездия. За подобные преступления не предусмотрено сроков давности. Они будут отвечать своими жизнями.

— Почему в таком случае они не скрылись? Или в Галактике более нет миров находящихся за пределами глобальной транспортной сети?

— Эшранги хитры, коварны и трусливы. Они страшатся возмездия, но полагают, что нашли выход из ситуации. Подумай, зачем они распространяют среди постепенно деградирующих цивилизаций миф о том, что планеты Армохонтов атаковали механоформы?

— Хотят свалить все на действия машин?

— Машин твоей цивилизации. Им сейчас требуется много, очень много механизмов, чтобы оставить в разрушенных звездных системах убедительные свидетельства атаки механоформ. Ведь пострадали и их миры. Там тоже найдут остатки механизмов, анализ которых приведет к твоей расе. Эшранги спасают свою шкуру от возмездия. Они думают, что все теперь в их руках. К моменту, когда транспортное сообщение будет восстановлено, они перепишут историю и уничтожат последних свидетелей, в лице моей и твоей рас, а сами выступят в роли тех, кто сумел, несмотря на жестокий удар, сохранить мир и порядок в секторе.

— Что станет с Землей, когда птицы полностью реализуют свой план?

— Земля обречена. Если ее не уничтожат Эшранги, то это сделают Армохонты.

— Неизбежно?

— У птиц фактически все готово. Мне известно, что до последнего времени они использовали поставки машин из Солнечной системы, чтобы держать в узде другие расы, бороться с теми, кто еще помнит правду, и фальсифицировать вторжение механоформ на доступных мирах. Для завершения замысла им не хватает лишь способа достичь тех звездных систем, врата к которым разрушены.

— Твой род истребили машины?

— Частично. В операциях против Умров принимали участие и Хонди и Цириты.

— Но Цириты — создания Армохонтов!

— Да. Только учти они остались без хозяев. Цириты уже не те, что были раньше. Они давно превратились в наемников.

— Ты сражался против машин, разработанных на Земле?

— Да.

— И ты доверяешь мне?

— Я никогда не сражался с людьми, — уточнил Умр. — Вот хочу попробовать сражаться *вместе* с человеком, — ворчливо добавил он. — Мне известно, что на твоей планете уже давно всем заправляют сами машины. Остатки твоей цивилизации рассеяны по всему сектору. Я не настолько слеп и глуп, чтобы поддаться ложной ненависти.

Пальцы Андрея погрузились в мягкую шерсть на загривке Эрга.

— Будем сражаться вместе, — произнес он.

…

Мимо камеры прошел Цирит, заглянув в низкое, по его росту окошко и два узника временно прекратили общение между собой.

Андрей все время проводивший как будто в полудреме (по крайней мере, так могло показаться со стороны), по большей части лежал на жесткой подстилке в своем углу камеры, совершенно безучастный к окружающему.

Обманчивое впечатление. На самом деле Логинов полностью переключался на «внутреннее» восприятие мира, изучая доступный фрагмент коммуникаций при посредничестве колоний микромашин, интегрированных в его нервную систему.

За месяцы, проведенные в общении с Алгитами, он не только свыкся с уникальными возможностями своего нового восприятия, но и существенно развил его, путем частых тренировок.

Сейчас Андрей без особого напряжения исследовал смежные, прилегающие к камере помещения, затем его мысленный взор проник дальше.

С увеличением дистанции сканирования ему приходилось прилагать все больше сил, для получения четкой недвусмысленной информации, не только о конфигурации проходов и отсеком, но и о механизмах, расположенных в них.

Похоже, Эрг не преувеличивал, упоминая, что Эшранги не создали технической цивилизации, а пользовались исключительно достижениями Армохонтов.

Астероид, переоборудованный под космический док и базу, ранее был богат полезными ископаемыми. Конфигурация отслеженных Андреем

коридоров и залов прямо свидетельствовала о том, что их содержат в помещения бывшей шахты. Логинову удалось идентифицировать такие несложные механизмы, как например устройства автоматических аварийных переборок, разделяющих, в случае декомпрессии, сложный лабиринт выработок на отдельные, изолированные сегменты.

Что особо привлекло внимание Андрея — отсутствие энергетической активности в цепях питания аварийных подсистем.

«Эрг, я наблюдаю старую систему безопасности, — мысленно осведомил он Умра о своих открытиях. — Через каждые пятьдесят метров расположены устройства аварийных переборок, но энергия к ним не подведена, а собственные автономные источники питания, как видно давно истощились».

«Значит, нам не грозит быть отрезанными на полпути», — ответил ему Умр.

«Нет, ты не понял меня. Нужно воспользоваться древней системой, тогда мы получим преимущество»

«Каким образом?» — поинтересовался Эрг.

«Среди коммуникаций рудника обязательно есть центр управления. Возможно, сейчас он заброшен, нефункционален, но, отыскав его и реактировав системы аварийной сегментации, мы сможем манипулировать аварийными переборками, отсекая группы преследования».

«Сложный план, — мысленно проворчал Умр. — Он ненадежен».

* * *

Их мысленный разговор был внезапно прерван: дверь камеры открылась.

— Ролг желает говорить с тобой, Хомо, — раздался из коридора голос воина-Хонди.

Андрей не торопясь встал.

Камеру хоть и открыли, но никто из конвоиров не вошел внутрь, напротив они рассредоточились по коридору, причем достаточно грамотно, как мысленно отметил Андрей, по крайней мере, направления стрельбы друг другу не блокировали. Вооружение Хонди составляли ручные импульсные лазеры, смертельные для живых существ, но не опасные в плане риска повреждения коммуникаций и нарушения герметичности тоннелей.

— Выходи, — проскрежетал один из Хонди, с трудом воспроизводя фонемы языка межрасового общения.

Логинов безропотно вышел в коридор. Дверь камеры тут же закрыли

и его под прицелом ручных лазерных установок повели в недра астероида.

Идти пришлось долго, Андрей сознательно замедлял продвижение группы, стараясь мысленно зафиксировать максимальное количество подробностей из той информации, что передавали в его рассудок колонии микромашин. В конце концов, не полагаясь на собственную память, он сообразил отдать мысленный приказ о сохранении данных в локальной информационной сети, объективно существующей в рамках его нервной системы.

Ролг встретил его в просторном зале, с богатой (по меркам цивилизации Эшрангов) обстановкой.

Для человека даже принесли кресло, что, как понял Андрей, являлось неслыханным жестом доброй воли со стороны Эшранга.

— Ну что, время для размышлений пошло тебе на пользу Андрий? — не скрывая самодовольства, вместо приветствия произнес Ролг.

Логинов принял приглашение, сел в кресло и ответил:

— Зачем ты посадил меня в одну камеру с Умром?

— Не нравиться? Он еще не сдох?

— Нет пока.

Андрей смотрел на неуклюже вышагивающее по отсеку существо и мысленно недоумевал: неужели им движет страх перед вероятным возвращением власти Армохонтов?

Едва ли… Ролг менее всего походил на запуганного до полусмерти, лихорадочно ищущего выход из губительного положения руководителя.

Нет. Он был вполне доволен собой, существующим раскладом сил и известными перспективами.

— О чем ты желал говорить со мной, птица?

Логинов вроде и не отказывался от допроса, но в то же время хамил, тянул время, сканируя смежные с залом помещения.

Масса работающей аппаратуры. Алгиты… Он отчетливо уловил их мнемоническую ауру, и, похоже, колонии разумных кристаллов так же зафиксировали ментальное прикосновение.

Их волнение внезапно отразилось на функционировании энергосети: свет несколько раз мигнул, будто в коммуникациях произошло внезапное падение напряжения.

Друг?

Существо?

Другие Алгиты?

Логинов неимоверным усилием воли заставил свое сознание работать в двух направлениях одновременно.

Друг. Другие Алгиты. Спасены. Погибали в покинутом корабле.

— Я надеюсь, ты понял, Андрий, что положение безнадежно? — достиг его рассудка голос Ролга. — Тебе не удалось обмануть меня. Я знаю, на борту фрегата Армохонтов существуют устройства, созданные твоей расой. Именно с их помощью ты проходил через сломанные врата.

Их имя?

Вригайт. Колония «Мы Вригайт».

— Тебе не овладеть ими, Ролг, — ответил Логинов.

…Ролг издал презрительно-шипящий звук.

— Да, я проверил информацию об установленных зарядах, — ответил Эшранг. — И твои Алгиты отказываются сотрудничать. Но ты же понимаешь, что рано или поздно мы проникнем на борт, и тогда ты станешь не нужен.

Андрей побледнел от тех усилий, что приходилось прилагать для разговора в двух информационных пространствах, но Ролг принял внешние признаки за естественную реакцию на его резкий недвусмысленный ответ.

Мы Рoширад. Мы пленные. Не хотим быть тут. Помощь?

Мы Андрей. Помощь. Взаимно.

— Сначала попади на борт фрегата и сними заряды, — усмехнулся Андрей. — И не нужно меня запугивать. Чтобы разобраться в технологии, созданной людьми, уйдут годы. Поэтому я буду для тебя ценен еще очень долго.

Ролг нахохрился, а Андрей, воспользовавшись паузой, продолжил мысленный диалог с Алгитами.

Как помогать мы?

Рoширад в системе управления?

Рoширад в системе навигации. Обработка глобальных баз данных.

Запомни их. Мы — Андрей. Мы придем за Рoширад. Свободный корабль. Далеко от Эшрангов.

Да. Мы хотим быть далеко от Эшрангов.

— Какой смысл в твоем сопротивлении, человек? Признай, что проиграл. Ты у моих ног. Без надежды на помощь. Твоя жизнь на кончиках моих крыльев. Ты можешь продлить или укоротить ее. Видел Умра? Он умирает. Медленно и мучительно, потому что сам выбрал смерть. Ты передашь мне технологию, позволившую использовать неисправные врата, и будешь жить.

Андрей сделал вид, что подавлен. На самом деле он жадно ловил слабые мнемонические сигналы, исходящие от колонии Алгитов:

Мы не слышим Вригайт.

Вригайт на борту большого корабля.

Ждать?

Да. Мы — Андрей, придем. Заберем Роширад и отнесем на корабль.

Потом улетим? Далеко от Эшранг? Приходи быстрее. Хонди злой. Открывает наш дом. Делает больно.

— Я не хочу умирать Ролг.

На лбу Андрея от напряжения выступили мелкие бисеринки пота. Эшранг смотрел на него, не скрывая своего удовлетворения.

— Ты напуган. Это хорошо. Но я вижу, что ты еще не готов настоящему сотрудничеству. Тянешь время, дерзишь, ищешь лазейки. Не найдешь их. Иди, посмотри, как умирает упрямый Умр. В следующий раз, когда я тебя позову — сначала подумай, готов ли ты облизывать мои крылья? Иначе я найду способ вырвать у тебя информацию вместе с жизнью.

Эшранг, раздраженный и довольный одновременно, сделал пренебрежительный знак крылом, вызывая конвой.

В отсек вошли Хонди. Двое из них рывком подняли обессиленного Андрея на ноги и грубо вытолкали в коридор.

Мы видим Андрей. Терпи.

Логинов скрипнул зубами, не обращая внимания на грубые толчки конвоиров. Главное устоять на ногах, побороть слабость, дойти до камеры. А там отлежусь — посмотрим. Мысленная связь с незнакомой колонией Алгитов отняла все силы, но слабость и недомогание спасли его от излишней жестокости и подозрительности Ролга. Тот все же не был глупцом, хотя, по-видимому, страдал манией величия. Очевидно внезапная слабость, принятая Эшрангом за проявление животного ужаса, успокоила Ролга.

Нам придется действовать без промедления. Ролг не из тех, кто станет терпеливо ждать, пока я «сломаюсь».

С такими мыслями Андрей возвращался в камеру. Ему многое удалось выяснить, и теперь план бегства, предложенный Эргом, не выглядел таким уж фантастичным.

Глава 9

Система Эшр…

Старый, порядком потрепанный превратностями космических путешествий грузовой корабль Армохонтов, медленно сближался с искусственной оболочкой, закрывающей девяносто процентов поверхности астероида.

Временами корабль входил в плотное окружение различных надстроек, причальных штанг, вынесенных далеко в космос элементов космической верфи, где производился текущий ремонт крупных боевых кораблей.

Гепретион занятый сложными процедурами полуавтоматического управления, коснулся сенсора, подавая предупреждающий сигнал двум наемникам, затаившимся в шлюзе.

Через мгновенье внешний люк переходной камеры, откуда был заранее откачан воздух, начал открываться.

Две фигурки в боевых скафандрах (такую экипировку в прошлом носили Армохонты) выскользнули из шлюза, и, совершив несколько точно рассчитанных движений, достигли одной из надстроек, прочно закрепившись на ней.

Оставалось лишь удивляться хладнокровию и сноровке двух наемников. Гепретион, облети он весь сектор, не смог бы найти себе лучших помощников для предстоящей операции.

— Я закрепился, — короткий укол передатчика лазерной связи передал по коммуникационному каналу голос Барса. — Хорошую технику делали Армохонты. Жаль показаний половины приборов не понимаю.

Его напарник ответил не сразу.

Проследив, как транспортный корабль Гепретиона входит в открывшиеся створы вакуумного дока, он взглянул на схему коммуникаций астероида, выведенную в оперативное окно на проекционном забрале гермошлема и коротко приказал:

— Вперед по маршруту. Пока действуем скрытно, без шума.

Две фигуры в скафандрах оттолкнулись от поверхности надстройки и, ловко огибая препятствия, начали сближаться с поверхностью астероида.

Им предстояло проникнуть внутрь коммуникаций, оставшихся от существовавшего тут некогда рудника и удалиться на минимально

безопасное расстояние от вакуум-дока, прежде чем там прогремит взрыв.

* * *

Гепретион заметно нервничал.

Казалось бы его задача в предстоящей операции предельно проста. Захватить один из множества состыкованных с астероидом транспортных кораблей, для опытного наемника не составляло особого труда, но что-то постоянно не давало ему покоя, давило на уровне подсознания…

Легкость, с которой ему удалось найти исполнителей наиболее рискованной части операции?

Их несомненная профессиональная подготовка?

Или тот факт, что они оказались людьми?

Аккуратно причалив к свободной штанге вакуумного дока, Гепретион, заранее облачившийся в скафандр, быстро передал данные по грузу, и, не теряя ни секунды, запустил программу, которая спустя четверть часа включит маршевые двигатели транспорта, заставив тот протаранить емкости с компонентами топлива для жидкореактивных двигателей, расположенных в ваккум-доке.

Захватив небольшую капсулу с колонией Алгитов, он поспешил покинуть обреченный корабль, зная, что в суете разгрузки на него вряд ли обратят внимание, тем более, что скафандр, которым он воспользовался, был оснащен специальными маскирующими накладками, имитирующими строение тела Хонди.

У открытого причала царила обычная для грузовых доков суета.

Разгружалось сразу около десятка кораблей, так что Гепретиона действительно никто не обратил внимания. Теперь его задачей было перебраться в соседний док, куда не достанут последствия взрывов.

Единственной трудностью на пути был открытый арочный переход между двумя грузовыми секциями, который, если верить переданной Олгом схеме охраняли Цириты.

По мнению Гепретиона, Цириты, — отличные бойцы, непревзойденные пилоты, во всем остальном являлись несколько неразвитыми, что ли? Их достаточно легко было обмануть самым незатейливым способом.

За зоной причалов располагались технически службы, вот туда, якобы, и направлялся Гепретион, для ремонта мелкой неисправности, возникшей в механизмах индивидуальной капсулы Алгитов. Он не сомневался, что охранники-цириты пропустят его.

Выйдя на изгибающийся над бездной мост, он еще издали почуял

неладное.

Вместо Циритов путь преграждали странные существа, но отступать уже оказалось поздно: они заметили одинокого «Хонди» и двинулись навстречу.

* * *

— Барс, все чисто…

— Поход есть?

— Да, старый бездействующий шлюз. Внешний люк открыт, внутренний выжжем лазером. Со стороны никто не увидит. Что за организация обороны? Заходи — не хочу.

— Не говори «гоп», пока не перепрыгнул.

— Ты о датчиках? Нет их тут. Просканировал уже все.

— Тогда за дело. Болтаешь много. Работаем.

Преодолев преграду, они ненадолго задержались в пустом, темном, лишенном воздуха тоннеле.

— Смотрим, — Пурга включил миниатюрный, встроенный в систему скафандра проектор, и во тьме возникла миниатюрная трехмерная модель астероида. — Считаем взрыв.

— А что считать? Вот тут точно снесет ворота, пойдет удар декомпрессии, сработает система защиты, видишь, на схеме обозначена глухая плита, полностью перекрывающая вакуум-док?

— Ну. Дальше?

— После тарана ворот взрыв самого корабля произойдет в замкнутом, загерметизированном аварийной переборкой пространстве. Помещения складов и ангаров быстро наполняться газовой смесью продуктов горения. Вот тут, согласно данным, расположены емкости с компонентами реактивного топлива. Утечка из них произойдет наверняка, задержка взрыва — три-пять минут. Ударная волна пройдет вот по этим тоннелям, — световое стило обозначило вероятную зону поражения, уходящую вглубь астероида на полтора километра.

— Ты уверен во взрыве емкостей?

— Уверен, — ответил Барс, погасив голограмму. — Я видел подобные танки на станциях «Н-болг».

— И?

— Отсканировал толщину стенок, так на всякий случай. Мало ли понадобилось бы? — Барс коротким включением фонаря обозначил перекресток тоннелей, и направление, куда следовало двигаться, чтобы избежать катастрофических последствий взрыва. — Три-пять минут

требуются для смешения компонентов топлива в достаточном объеме и пропорции. Затем неизбежно произойдет самовозгорание смеси.

— Пятерка по взрывотехнике, наверное, была?

— Ага. И по разведывательно-диверсионной работе тоже. Я вообще учился прилежно…

* * *

Андрею не спаслось. Что-то тревожило в душу. Рассудок так же протестовал против сна, — не шел из головы образ женщины, мельком увиденный в тоннельном переходе.

Почему ее лицо показалось мне знакомым?

Ответ на мысленный вопрос пришел внезапно: сеть микромашин, приняв многократно повторяемый мысленный образ за алгоритм поиска, начала его, достав необходимые данные из глубин подсознания капитана Логинова.

Он даже ничего не почувствовал, просто внезапно вспомнился последний разговор с генералом Юрановым:

— Задача перед твоей группой стоит нелегкая. Вот, — Николай Арсеньевич положил на стол перед Андреем несколько обыкновенных фотографических снимков. — Запомни имена и лица. Мужчины — командиры сменных экипажей «Первопроходца».

Логинов кивнул.

— А женщина?

— Лада Дмитриевна Колвина, офицер военно-космических сил России.

Память у Андрея была отменная.

— Та самая Колвина, что принимала участие в операции на Ганимеде? Она в экипаже «Первопроходца»?!

— Да. И хочу, чтобы ты знал: я лично зачислял ее в экипаж. Действовать твоя группа будет в полном отрыве от цивилизации. Может возникнуть ситуация, когда тебе трудно будет принять решение, не с кем посоветоваться. Рекомендую, — он коснулся фотографии. — Ей ты можешь доверять, как мне.

…

Андрея будто обдало жаром.

Воспоминание оказалось столь четким, явственным, что у него не возникло и тени сомнения — в тоннельном переходе он видел именно ее — Ладу Колвину!..

На миг помутился рассудок, потом пришло сонмище противоречивых,

раздирающих разум мыслей.

Она тут? Что это значит? «Первопроходец» в руках Эшрангов?!

— Эрг!

Он бросился к противоположной стене камеры, растолкал дремавшего Умра, заставив того от неожиданности вздыбиться и зашипеть.

— Эрг мы должны действовать немедленно!

Взаимный обмен данным между двумя микромашинными сетями произошел спонтанно и мгновенно, Логинов еще тряс Эрга, когда тот неожиданно спросил:

Ты с ума сошел из-за своей самки?

Логинов не стал ничего объяснять. Пусть думает, что пожелает.

Метнувшись к дверям камеры, он отчаянно замолотил в них.

Со стороны могло показаться, что Логинов действительно обезумел, но на самом деле с момента своего рокового пленения он еще ни разу не действовал столь уверенно, как сейчас.

— Я хочу видеть Ролга! Мне необходимо срочно поговорить с ним!

Очевидно охранникам, дежурившим в тюремном блоке, потребовалось несколько минут, чтобы связаться по инстанции, затем подле камеры раздались вкрадчивые шаги, с головой выдававшие Хонди, замок двери открылся, и из коридора раздался предупреждающий окрик, из-за жуткого акцента больше похожий на хрип:

— Отойти к дальней стене камеры. Умр, шевельнешься — убью. Хомо, выходи медленно. Ролг согласился тебя принять.

Андрей обернулся, взглядом дав знать Эргу — действуем.

Нужно отдать должное, — тот не стал более задавать вопросов.

— Выхожу.

Голос Логинова уже звучал ровно. Дыхание успокоилось, хотя внутри он ощущал себя абсолютно иначе: организм как сжатая пружина, вставшая на боевой взвод, был готов к моментальному физическому действию, мышление вдруг стало кристально — ясным, словно именно сейчас наступил тот самый миг, ради которого была прожита целая жизнь.

Не ради убийства, но ради свободы.

Он шагнул вперед, оказавшись в тесном узком коридоре.

Слева метрах в трех от дверей камеры стояли двое Хонди, направив на него лазерные излучатели, слева, выстроившись в шахматном порядке в небольшом расширении коридора, выстроилась группа из пяти сервомеханизмов.

Присутствие последних оказалось для Андрея полнейшей неожиданностью.

Нужно было срочно решать, что делать, потому что Эрг уже изготовился к прыжку, Логинов чувствовал его напряжение, и…

Эрг осторожно, слева сервы. Бери на себя Хонди. Я займусь механизмами.

Логинов сделал шаг влево по коридору, что собственно и ожидали от него конвоиры. Сервы не шелохнулись, а Хонди двинулись следом, по ходу намереваясь закрыть дверь камеры.

Два метра… Полтора…Сервы очень продуманные, эргономичные, — корпуса сферические, системы вооружений встроенные, сенсоры по всей площади, манипуляторов восемь, — им незачем разворачиваться, чтобы начать движение, все у них под контролем и под прицелом, одна недоработка — сканирование при посредничестве микромашинных комплексов четко определило — броня у них тонкая, рассчитанная на отражение ударов энергетического оружия.

Дверь камеры открывалась наружу, налево.

Андрей, столкнувшись с неожиданным противником, за доли секунды просчитал его слабые места и свои шансы, успев мысленно передать Эргу:

Не высовывайся.

Молниеносным прыжком он ушел назад, в полете оттолкнувшись от стены, успев прикрыть себя дверью, одновременно перевернувшись в воздухе и двумя ногами проломив хитин на груди обоих конвоиров-Хонди.

Сервы отреагировали огнем на поражение, но массивная дверь лишь нагрелась от попаданий лазерных разрядов.

Фактор внезапности умер, сейчас тюремный блок запрут, и прощай внезапность…

Андрей сам плохо понял, что произошло в следующий момент.

В голове полыхнула нестерпимая боль, над плечом промелькнула стремительная антрацитово-черная тень, затем в левом отрезке коридора раздался лязг и скрежет раздираемого металла.

Логинов едва не потерял сознание, ему казалось, что удар незримой силы попросту вышиб из него всю жизненную энергию.

Пошатнувшись, он машинально ухватился за дверь, успев заметить, как Умр, в неистовой ярости буквально разорвал своими мощными мускулистыми лапами последнего, пятого по счету серва.

Остановившись, Эрг не сразу пришел в себя, его тело дрожало, под лоснящейся шерстью перекатывались мускулы, хвост машинально бил по полу, шерсть на загривке стояла дыбом.

— Как ты это сделал? — хрипло выдохнул Умр.

— Что я сделал? — Андрей едва стоял на ногах, чувствуя, как

медленно отпускает непомерная слабость.

— Ты приказал мне, — прыгай, а сам ударил по ним…

— Веришь — ничего не помню, — Логинов подобрал лазерный излучатель, выпавший из лап Хонди. — Я ощущал только боль, даже думать не мог.

— По мне ни разу не выстрелили, — Умр повернул голову, пристально посмотрев на Андрея горящими желтыми глазами. — Ты их выключил. Они даже тревогу поднять не успели.

— Серва может парализовать только электромагнитный импульс, — Логинов уже пришел в себя, боль исчезла, как будто ее и не было. — Похоже, я генерировал его при помощи микромашин.

Эрг немного успокоился.

— Нужно двигаться. Ролга ведь оповестили о твоем желании встретиться с ним. Он ждет. Тревога поднимется, так или иначе.

— Дай мне минуту.

Андрей склонился над разорванным, смятым сферическим корпусом сервомеханизма, извлекая изнутри блок запоминающего устройства.

— Это механизм земного производства… — спустя некоторое время с плохо скрытым волнением сообщил он.

— А я тебе что говорил? Они получают механизмы с твоей планеты.

— Передатчик не поврежден. Пробую считать данные.

— Нам нужна схема коммуникаций.

— Да. И список заключенных. Есть. Нашел. Второй тюремный блок расположен на уровень ниже. Приготовься, передаю схему коммуникаций.

Умр на некоторое время замер, затем, приняв данные, произнес:

— Поблизости расположен арсенал. Нам нужны скафандры и тяжелое вооружение. Без них не выберемся.

— Согласен, — коротко ответил Логинов, отбросив в сторону ненужный теперь носитель информации. — А теперь действуем, в темпе!

* * *

Гепретион даже не пытался сопротивляться, пока его тащили по запутанной схеме коммуникаций вглубь астероида.

Помещение, куда его силой втолкнули сервы, не походило на камеру для заключенных, скорее тут обитал Эшранг.

Он не ошибся.

— Можешь снять гермошлем, — раздался голос из смежного помещения. — И Алгитов не держи в руках, положи куда-нибудь, а то уронишь, жалко будет, если капсула разобьется.

Ролг, появившийся на пороге помещения, явно издевался, не скрывая получаемого удовольствия.

— Одного не могу понять, зачем бы клану Непримиримых посылать ко мне намника-Хомо? — Эшранг неуклюже взгромоздился на конструкцию, напоминающую насест.

— Я не обсуждаю полученные приказы, — ответил Гепретион.

— Похвальная преданность. У меня в последнее время собралась целая коллекция различных Хомо. К чему бы это, не знаешь?

Гепретион пожал плечами, незаметно осматриваясь.

Сдали его наверняка Ц'Осты. Больше некому. Впрочем, стоит ли сейчас ломать голову, кто и по каким побуждениям сообщил Ролгу о его попытке проникновения на хорошо укрепленную станцию, считающуюся оплотом клана Независимых? Если Ролг сейчас упомянет о предотвращенном взрыве корабля, значит предатели — те двое наемников. Если нет, то информация исходила от метаморфов.

— Молчишь?

Ролг не стал ходить вокруг да около, решив сразу перейти к делу:

— Ты прекрасно понимаешь всю незавидность своего положения. Я предлагаю тебе сделку. Есть один упрямый Хомо, владеющий некоей тайной, он сейчас сидит в камере тюремного блока. Если хочешь жить, сыграй для меня одну роль. Ты ведь наемник, и тебе все равно от кого и как получать вознаграждение, верно?

Гепретион, уже убедился, что бежать весьма проблематично. За спиной, не шелохнувшись, стояли сервы, неизвестной ему конструкции. Их хватку и реакцию он уже успел испытать на себе. В одиночку с тремя механизмами ему не справиться.

О взрыве пока речи не идет.

Нужно тянуть время.

— Что я должен буду сделать? — спросил он, глядя на Эшранга.

— Тебя немного побьют, для правдоподобности. Затем поместят в камеру, к интересующему меня Хомо. Ты должен подружиться с ним, изображая несчастного пленника. Можешь сказать ему правду, что был послан выручить его отсюда. Видишь, тебе даже не придется лгать. Будет идеально, если вы вместе разработаете план бегства. Твоя задача — узнать, как проникнуть на борт его корабля и отключить устройства, преграждающие доступ к трюмам, ходовой рубке и силовым отсекам его корабля.

— Это все?

— Все.

— И что станет со мной после?

— Я отпущу тебя.

— Заманчивое предложение, — Гепретион взглядом попросил разрешения сесть.

Ролг не возражал. Сидящий человек, по его мнению, представлял меньшую опасность.

Гепретион хоть и разгерметизировал шлем, подняв забрало, но снимать его не стал. Теперь, когда он грузно опустился в универсальное кресло, высокая спинка блокировала его от огня лазерных излучателей сервов. Зашита не бог весть какая, но первые разряды выдержит…

— Мне нужны гарантии, — твердо произнес он.

— Какие еще гарантии? — Ролг нервно переступил лапами.

Их диалог внезапно был прерван сигналом внутренней связи. Эшранг что-то выслушал, затем издал серию щелкающих звуков, отвечая на языке Хонди.

— Возможно, ты мне не понадобишься, — он презрительно взглянул на Гепретиона. — Хомо, похоже, сломался, и готов сам все рассказать. Сейчас его приведут. Сиди смирно, не дергайся и слушай. Постарайся определить: лжет он или нет.

Гепретион кивнул. Ситуация развивалась по совершенно непонятному, непредсказуемому сценарию, но одно радовало — Ролг похоже понятия не имел, что с минуты на минуту в вакуум-доке грянет взрыв.

Незримые нити многих судеб сошлись сейчас, сплетаясь в единый клубок, в недрах изрытого древними выработками астероида.

* * *

— Вниз и налево!

Логинов первым спрыгнул в вертикальный колодец, мягко приземлился (благо низкое значение гравитации позволяло совершать рискованные в других условиях действия) и тут же метнулся за выступ стены, укрываясь от шквального огня отреагировавших на его появление охранников.

Опять сервы и несколько Хонди.

Эрг замешкался наверху. Плотный лазерный огонь не давал ему ни единого шанса последовать за Андреем.

Умр размышлял недолго. С нечеловеческой силой он полоснул когтями по корпусу энергоблока, расположенного сбоку от излучающей трубки ручного лазера.

Как он и рассчитывал на крохотной индикационной панели тут же зардел пунцовый сигнал, свидетельствующий о перегрузке и сбое в работе энергоносителя.

— Андрей берегись!

Он прыгнул в вертикальную штольню, но не выскочил на низлежащий уровень, — затормозил, едва не лишившись когтей на задних лапах, — лишь на секунду его голова показались из отверстия под потолком, и сломанный ручной лазер, превращенный в энергетическую гранату, полетел в сервов.

Нестерпима вспышка, полыхнувшая в узком пространстве, рванула в двух направлениях волной жара, и тут же, Андрей и Эрг, не сговариваясь, покинули укрытия, ринувшись к позиции сервов.

Лазерный луч полоснул Логинова по плечу, одежда на нем затлела, не легче пришлось и Умру, но Эрг, не обращая внимания на жар, опередил Андрея — удары его когтистых лап с чудовищной силой обрушились на охранные механизмы, разбивая их сферические корпуса о стены тоннеля.

Узкий коридор, стены которого источали жар, был расчищен за несколько секунд.

— Двери! — Андрей, не обращая внимания на ожоги, уже резал замки при помощи ручного лазера.

Удар ногой, разлетающиеся по сторонам брызги расплавленного металла и массивная дверь приоткрылась.

Сумрак камеры после ярко освещенного коридора показался полнейшим мраком, но тут же в работу включились наномашины, мгла перед глазами рассеялась, принимая зеленоватый оттенок, и Логинов ясно различил женскую фигуру, вжавшуюся в простенок за дверью.

— Лада Дмитриевна?

Он действовал интуитивно, как подсказывало шестое чувство, в ответ она молча ударила, но реакция не подвела Андрея, он перехватил ее руку за запястье и, стараясь не причинять боли, повторил:

— Лада Дмитриевна Колвина? Мы за вами!

Она попыталась вырваться, но тщетно.

— Кто вы такие? — вырвалось у нее, когда проем открытых дверей заслонила фигура Умра.

— Друзья. Я человек, он — Умр. Зовут Эрг. Мы пришли за вами. У нас очень мало времени!

— Почему я должна верить?

Она так и не прекратила попыток вырваться.

Как же ей доказать что мы не враги?!

И тут Андрея осенило.

— Вы помните Юранова? Николая Арсеньевича Юранова? Он уговорил вас принять участие в проекте «Первопроходец»! Ну, Лада Дмитриевна, давайте, напрягите память, у нас действительно нет времени. Я был послан во главе группы, на поиск колониального транспорта!

Она прекратила сопротивляться, холодно взглянула на Андрея.

— Ложь. Он не мог послать группу. Прошло триста лет…

У Логинова не оставалось времени на убеждения.

— Сеть микромашин. Включите ее. Читайте данные из моей сети. Только прошу — быстрее!

Эрг куда-то исчез.

Лада вдруг вскрикнула, с неподдельным ужасом взглянула в глаза Андрея, затем на ее глазах вдруг выступили слезы.

Безраздельное одиночество вдруг треснуло, как стекло, два микромашинных комплекса, имплантированные в нервные системы Андрея и Лады с невероятной скоростью обменивались данными, не оставляя места для сомнений в правдивости получаемой информации.

Она беззвучно, порывисто прижалась к нему.

Инстинктивное движение, не контролируемое разумом, порыв осиротевшей, вкусившей гибельного осознания своего полнейшего одиночества души, — все слилось, выразилось в простом движении, Лада лишь на миг прижалась к нему, почувствовав тепло человеческого тела, поверив, что он не призрак и не машина…

…В камеру шумно ввалился Эрг.

— Я вскрыл арсенал, — он свалил на пол груду экипировки и оружия. — У нас нет времени. Через минуту здесь будет полно сервов!

* * *

— Что — то происходит на уровне тюремных блоков!

— Вижу, — ответил Барс, так же заметивший сигнатуру взрыва. — Неужели Гепретион сунулся туда в одиночку?!

— Вряд ли. Скорее это ОН.

— В любом случае — нам пора включаться. До взрыва меньше минуты.

— Поехали.

Две фигуры в бронескафандрах, уже не скрываясь, выскочили из укрытия, попав в магистральный коридор уровня.

— Работаем, — Барс, резко развернувшись, полоснул длинной очередью вдоль тоннеля, по которому в направлении тюремных блоков

стремительно продвигалась группа сервомеханизмов.

Окажись рядом Гепретион, он был бы крайне удивлен, увидев в руках наемника странное оружие: массивное, не похожее на ручные лазерные излучатели, но производящее куда более разрушительный эффект. ИПК в руках Барса вибрировал, будто живой, утяжеленные пули, разгоняемые в стволе электромагнитным полем, одинаково хорошо крошили камень, пластиковую облицовку стен, и корпуса сервомеханизмов, рассчитанные для противодействия энергетическим видам вооружений.

— Справа чисто!

В коридоре клубилась пыль.

— Влево на двести метров, затем поворот и зона тюремных блоков. Работаем!

* * *

Первый взрыв потряс астероид, когда Андрей, Лада и Эрг уже облачились в скафандры. Умр дольше всего возился с хвостом, укладывая его в специальный герметичный клапан.

За секунду до взрыва Логинову почудилось, что он слышит звук работы ИПК, отдавшийся эхом, будто наваждение далекого, навсегда утраченного прошлого.

Затем все задрожало, вибрация была столь сильной, что со свода камеры посыпались мелкие камни, а массивную дверь перекосило в раме.

— Что происходит? — Лада с тревогой взглянула на Андрея.

— Веришь — понятия не имею, — ответил Логинов. — Может какие-то неполадки, случайный взрыв? Все-таки станция огромная, всякое может случиться.

— Любая суматоха нам только на руку, — включился в разговор Эрг. — Единственная положительная черта у Эшрангов — это жадность, — добавил он.

— Ты о чем? — не понял Андрей.

— Они тащат на свои базы и бережно складируют все, что удается захватить. Откуда по твоему тут взяться скафандру, адаптированному под анатомию Умров?

— А там, в арсенале нет ничего посущественнее этих лазерных указок? — Лада повертела в руках излучатель.

— Там полно всего, — порадовал ее Эрг. — Но я брал только то, чем умею пользоваться.

— Давай, к арсеналу!

Андрею тоже хотелось иметь в руках что-то посущественнее

слабеньких лазерных излучателей, пригодных разве что против не обремененных броней Хонди.

Они выскочили из камеры, на бегу герметизируя шлемы. Скафандры Армохонтов хоть и подходили людям по строению, но поначалу казались неудобными и непривычными.

Слева по коридору внезапно вновь взъярилась стрельба, и опять Андрею, успевшему при помощи микромашин активировать систему сканеров, почудилось, что он различает сиплые, короткие очереди ИПК.

— Арсенал, — Эрг жестом указал на распахнутую дверь, подле которой валялись двое располосованных когтями Умра охранников-Хонди.

Они вбежали внутрь, когда еще один, намного более мощный взрыв потряс астероид.

* * *

Гепретион уже не надеялся выбраться живым из передряги, в которую попал.

События развивались стремительно, но какая-то непонятная сила вторглась в импровизированный план освобождения Хомо, — Ролг, минуту назад демонстрировавший спокойствие и самодовольство, вдруг занервничал, по всему было видно, что в недрах астероида происходит нечто, выходящее из ряда вон.

Неужели наемники начали действовать до взрыва?

Не похоже на них. По крайней мере, у Гепретиона сложилось впечатление, что они станут придерживаться плана, не нарушая заранее оговоренной последовательности действий.

Эшранг соскочил со своего «насеста», и в это мгновенье грянул первый взрыв: зародившись далеким гулом и серией мелких вибраций, он, секунду спустя, вдруг потряс весь астероид; удар неожиданный и мощный прошелся тяжкой судорогой, заставляя листы декоративной облицовки стен коробиться, лопаться, осветительные приборы вспыхивали и гасли, разлетаясь брызгами осколков, вся незакрепленная мебель вдруг пришла в движение, добавляя хаоса и неразберихи…

Улучив момент, Гепретион, морально готовый к подобному обороту событий, просто выскользнул из помещения через автоматически открывшиеся двери.

Сервы даже не дернулись в его сторону, похоже у них в связи со взрывом активировались иные программы, — они кинулись к Ролгу, которого завалило обломками мебели и декоративной облицовки.

Все…

Так везет только раз в жизни.

Гепретион понимал, что находиться слишком близко к эпицентру второго взрыва, который вот-вот должен пронестись огненным вихрем по доброй трети коммуникаций астероида.

Что делать?

Бежать к терминалам причальных доков и пытаться, как было оговорено, захватить транспортный корабль, или прорываться вглубь астероида, к тюремному блоку на соединение с группой?

Он выбрал второй вариант. Паника, не паника, а появившиеся на станции сервы уже показали, насколько сильно они отличаются от Хонди или Циритов. Механизмам все равно, что твориться вокруг, для них главное — исполнение поставленной задачи, значит, к докам придется прорываться с боем, а делать это в одиночку как минимум неразумно.

Сверившись со схемой, выведенной в оперативное окно проекционного забрала гермошлема, он, подхватив оброненный кем-то из охранников лазерный излучатель, повернул в сторону тюремных блоков.

* * *

Ролг, которого сервы вытащили из-под образовавшегося завала обломков, неистовствовал.

Теперь у него уже не возникало никаких сомнений, станция подверглась масштабной атаке, целью которой было освобождение Хомо.

Другие кланы пытались силой вырвать у него человека, обладающего информацией, способной открыть путь к абсолютному господству над десятками недоступных сейчас звездных систем.

Нужно сказать, что Эшранг достаточно быстро пришел в себя.

Он не сомневался, что системы противокосмической обороны в состоянии отразить нападение полноценного флота, но в данный момент его более всего беспокоил наемник, или скорее группа наемников, действующая изнутри, сумевшая пробраться на астроид.

Где выход?

В конце концов, у меня есть модернизированный человеком корабль Армохонтов. Неважно сколько времени придется потратить на разминирование и изучение бортовых систем.

Человек не должен попасть в руки конкурирующих кланов.

Он включил устройство связи.

— Всем силам, не задействованным на отражении внешней атаки, выдвигаться к тюремному блоку! Уничтожить всех заключенных расы Хомо!

Он хотел дать распоряжение относительно усиления охраны фрегата, но не успел — второй еще более мощный и разрушительный взрыв потряс астероид, ударная волна пронеслась по коридорам, сметая на своем пути все препятствия, выбивая древние межуровневые люки, врываясь обжигающим, сокрушительным дыханием в каждое помещение…

Последнее, что успел заметить Ролг, была дверь, летящая в него, словно огромный металлический бумеранг.

* * *

Взрыв емкостей с компонентами жидкореактивного топлива оказался в разы сильнее, чем предполагалось планом операции.

Удар пронесся по тоннелям, горизонтам, уровням астероида, полностью уничтожил грузовой вакуум-док, оторвал часть конструкций стапелей космической верфи, отправив в неуправляемый дрейф два пришвартованных к станции крейсера.

На коммуникационных каналах воцарился хаос.

Волнами накатывали помехи, десятки абонентов пытались связаться друг с другом, но среди воцарившейся паники продолжали целеустремленно действовать сервы, которым по приказу Ролга была поставлена вполне конкретная задача.

Андрей, Лада и Эрг в момент взрыва находились в помещении арсенала.

Они ничего не понимали в происходящем.

— Либо на станцию совершено нападение, либо произошла серьезная техногенная катастрофа, — произнес Эрг, когда ослабевшая ударная волна пронеслась по коридору, мимо заглубленного в полость естественной пещеры арсенала.

— Нам на руку любые проблемы, возникшие у Эшрангов, — ответил Андрей.

— Пробиваемся к фрегату?

— Нет.

Логинов к своему изумлению обнаружил среди различных, по большинству незнакомых ему систем вооружения вполне понятные образцы, принадлежащие к разным эпохам технического развития человеческой цивилизации.

— Лада, ты как?

Он взял в руки импульсный пулемет системы Кердябина, с таким чувством, будто внезапно встретил старого надежного друга.

— Нормально, — она проигнорировала ИПК, взяв последнюю

модернизированную модель «Абакана», адаптированную для стрельбы в условиях низкой гравитации. — Что надо, — Лада со знанием дела осмотрела оружие, быстро отыскала запасные боекомплекты, попутно загрузив клапана скафандра светотермическими гранатами. — Андрей, наши дальнейшие действия?

— Пробиваемся вглубь астероида. Дорогу я знаю.

— Зачем?! — протестующее поинтересовался Эрг.

— Колония Алгитов, — скупо пояснил Логинов. — Во-первых, я обещал им помощь, во-вторых, кристаллы содержат всю навигационную информацию сектора. Понимаешь? ВСЮ, — повторил он, — включая навигационные данные с ныне не работающих врат.

— Ладно, попытаемся, — нехотя согласился Умр.

Лада лишь кивнула.

Мгновенный обмен данными между микромашинными сетями прояснил для нее многое, если не все. Андрей прав, полная навигационная информация сектора в сочетании с уникальным гиперприводом «Витязей» даст им абсолютную свободу действий и перемещения. Ради этого стоило рискнуть.

— Так, перенастраиваем коммуникаторы. Даю частоту для связи, — предупредил Логинов.

Андрей машинально выставил значения, которые накрепко сохранила его память.

Частота связи его взвода.

Коммуникатор сухо щелкнул, из эфира мгновенно исчезли суматошные выкрики и вдруг…

Логинов не поверил своему рассудку.

— Барс меня зажали… Не могу высунуться… Прикрой!..

* * *

Голос из прошлого, как удар грома…

На миг все поплыло перед глазами, потом… потом, он вдруг понял, что сейчас сойдет с ума.

Губы сами шевельнулись, выталкивая привычную фразу:

— Здесь первый… Барс, Пурга, обозначить позиции!..

— Командир?!.. — голос лейтенанта Сапова заметно дрогнул. — Командир, я…

Он на секунду осекся, пытаясь справиться с тем же чувством, которое только что испытал Логинов, а затем на коммуникационном канале вдруг пошел поток данных.

Логинов уже выскочил из помещения арсенала.

На проекционном забрале гермошлема одно за другим открывались оперативные окна тактической системы, — техника Армохонтов в части боевых модулей работала просто блестяще, — данные, поступающие от Сапова и Негоды, вдруг обрели четкий смысл: оба офицера оказались в ловушке, около сотни сервомеханизмов сумели обойти их, взяв в плотное кольцо на перекрестке двух магистральных тоннелей уровня.

— Держитесь! Мы на подходе!..

Информация автоматически транслировалась Эргу и Ладе, так что Андрею не пришлось тратить время на пояснение ситуации.

Лада, после всего, что случилось с ней, грешным делом, уже не верила в чудеса, но сегодня они происходили.

Ее ощущение глобального одиночества, родившееся на Земле, было разрушено, а теперь она, невольно впитав потрясение Андрея, когда частота связи внезапно откликнулась голосами его боевых товарищей, как и Логинов отправленных три века назад на поиски «Первопроходца», вдруг поняла, что произошло не чудо — просто они, каждый по отдельности, оказавшись вне своего мира, вне эпохи, вне времени, продолжали выполнять долг, стремились к единственной цели и вот — неизбежно, неотвратимо встретились, сошлись в одной точке пространства…на беду лживым, зарвавшимся в цинизме и гордыне существам, возомнившим себя «старшей расой».

* * *

Впереди на перекрестке тоннелей бушевал бой.

В то время как живые существа спасались со станции, сервомеханизмы, получив приказ, методично приступили к его исполнению.

Они со всех направлений устремились к двум, расположенным на разных уровнях тюремным блокам, но внезапно задержались, объединив свои действия: лейтенанты Сапов и Негода, пробиравшиеся туда же, были идентифицированы сервами как цель.

Их окружили в просторном зале, посреди которого высились два строения, — бывший компьютерный центр рудодобывающего комплекса, в современности приспособленный под помещение охраны.

Людей спасло лишь то, что стены сооружения были выполнены из прочного металлопластика, плохо поддающегося лазерной резке.

Двухэтажные строения с несколькими входами и десятком окон, лишь на первый взгляд выглядели укрытием, на самом деле, учитывая

количество участвующих в штурме сервов, здания, подпиравшие свод пещеры, стали ловушкой.

Логинову не пригрезился звук очередей ИПК, — вытесненные на второй этаж соединяющихся между собой крытой галереей зданий, Саша и Павел отчаянно отбивались от наседающих механизмов.

— Барс, Пурга, осторожнее, мы у цели. Видим здания.

— Сервы заняли первый этаж! Сбейте тех, что карабкаются по стенам. Мы пока держим лестницы!

— Понял, — Логинов обернулся. — Нужно рассредоточиться, Лада, сбивай сервов со стен. Не давай им проникнуть в оконные проемы. Мы с Эргом прорываемся к противоположным тоннелям, чтобы окружить постройки.

Умр, по настоятельному совету Логинова, вооружившийся ИПК, увидев массу сервоприводных исчадий, сипло зарычал.

Лада молча протянула Андрею две светотермические гранаты.

— Я прикрою.

Он понял ее замысел, и крикнув:

— Глаза! — резко швырнул гранаты под стены зданий.

— Эрг, прорывайся по левой стороне!

Две вспышки ослепительного пламени на миг парализовали сервомеханизмы, несколько из них, не удержавшись, сорвались со стен, остальные, определив появление нового противника, прекратили штурм, переключившись на более активные, по их мнению, цели.

Андрей и Эрг, стреляя на ходу, продвигались вдоль стен пещеры, чтобы, достигнув устья вливающихся в пещеру тоннелей, контролировать подступы к зданиям со всех сторон; Лада осталась на месте, воспользовавшись сорвавшейся во время взрывов каменной глыбой, она, заняв удобную позицию, открыла огонь короткими прицельными очередями.

Андрей и Эрг бежали изо всех сил. Звук частых отрывистых очередей «Абакана», глухие удары пуль, навылет прошибающих корпуса сервомеханизмов, редкий ноющий звук рикошета, подстегивали их, заставляя уворачиваться от плотного лазерного огня, падать, используя каждое укрытие, огрызаться в ответ, и снова бежать, открывая себе сектора обстрела по другую сторону зданий.

Сервов было несчетное количество. Хуже того, они прибывали, по тем самым тоннелям, к которым пробивались Андрей и Эрг.

Ситуация становилась критической не смотря на то, что Сапов и Негода, отбив попытку механизмов проникнуть на второй этаж, появились

в окнах зданий, ведя непрерывный отсекающий огонь.

Температура в пещере стремительно росла, сотни раскаленных язв от лазерных попаданий грозили новыми обвалами породы, к тому же среди сервов четко обозначила себя группа необычных моделей, вооруженная более мощными установками, чьи разряды были способны прожечь не только стены зданий, но и броню боевых скафандров.

Обстановка накалялась с каждой секундой, Андрей наконец достиг намеченного укрытия, Эрг, перекатившись по полу, ударами лап сшиб двух сервов и затих, укрывшись за рухнувшей опорой, перезаряжая ИПК, Лада по прежнему вела огонь, фактически расчистив пространство у входа в ближайшее здание от атакующих машин. Глыба камня, за которой она укрывалась, светилась малиновым сиянием от множества попаданий лазерных разрядов, по ней со зловещим звуком пробегали трещины, грозя вот — вот разрушить единственное укрытие.

В этот момент, Негода, воспользовавшись тем, что лазерный огонь значительно поредел, высунулся в окно. Мгновенно оценив обстановку, он выкрикнул в коммуникатор:

— Укрыться всем, не высовываться!

По полу пещеры, подскакивая на неровностях, покатились шарики осколочных гранат.

Сапов, действовал с другой стороны построек, и через секунду тугая стена разрывов окольцевала здания, сметая шквалом осколков, все, что попадалось на пути.

Пещеру мгновенно заволокло дымом и пылью.

Лазерные разряды почти прекратились, сервы, по большей части покалеченные осколками, пытались сопротивляться, но густая пыль мешала работе лазеров, люди и Умр, покинув укрытия, добивали их, пользуясь внезапно полученным преимуществом, — сканирующие комплексы продолжали работать, не смотря на задымление, и сигнатуры активных сервов по-прежнему были хорошо различимы в наступившей мгле.

— Все, уходим! — раздался по связи приказ Логинова. — Прорываемся к западному тоннелю!

* * *

Они бежали вглубь астероида, лишь изредка встречая на пути разрозненные, малочисленные группы сервомеханизмов.

Разговаривать было некогда, все внимание сейчас сосредотачивалось на контроле окружающей обстановки.

Чем ближе к управляющим залам, тем более серьезные разрушения встречались на пути малочисленной группы. Кроме удара декомпрессии здесь прошла взрывная волна, возникшая при разрушении емкостей с топливом.

Андрей ориентировался по памяти, пока, наконец, в его рассудке не зазвучал слабый призыв колонии Алгитов.

— Мы почти у цели.

Он снова перешел с шага на бег, но предупреждающий возглас Сапова заставил его остановиться.

— В чем дело?!

— Командир, это Гепретион! — Александр с трудом приподнял массивный обломок рухнувшей от свода решетчатой конструкции. — Точно он. Наемник, которого послали освободить тебя.

— Несите. Осталось немного.

…

В залах контроля и управления царил мрак. Большинство приборов не работало, массивные двери помещения были выбиты ударной волной.

В темноте контейнер с Алгитами нашли быстро.

— Это и есть навигационное устройство?

Лада с удивлением посмотрела на продолговатый полупрозрачный цилиндр, внутри которого среди вихрящегося газа виднелись причудливые скопления кристаллов.

— Они — мыслящие существа, — ответил Андрей, взваливая контейнер на плечо.

Сапов с Негодой несли потерявшего сознание Гепретиона, Лада и Эрг прикрывали группу.

Алги, указывайте направление, — мысленно попросил Андрей, — мы должны выйти к резервному вакуум-доку космоверфи.

* * *

Через двадцать минут, связавшись с Алгитами, оставшимися на борту фрегата Армохонтов, Логинов понял, — они спасены.

Внезапное, дерзкое нападение, превратило отлично укрепленную космическую базу Эшрангов в затухающий вулкан, — из множества взломанных взрывами отверстий по-прежнему вырывалась атмосфера, будто в космос извергались сотни газовых гейзеров, кое-где происходили взрывы, сопровождаемые быстро гаснущими языками пламени.

Фрегат Армохонтов отчалил от астероида при полном молчании со стороны средств противокосмической обороны, а еще через четверть часа,

пройдя через поле обломков, ушел в гиперпрыжок к системе, где дрейфовал колониальный транспорт «Первопроходец».

Теперь, когда на борту фрегата параллельно работали две колонии Алгитов, осуществить необходимые расчеты оказалось несложно, ведь система, изначально оборудованная Армохонтами для контакта с человеческой цивилизацией, имела свои координаты, входящие в глобальную базу данных.

Глава 10

Система Новой Земли…

Андрей проснулся от позабытого уже чувства безмятежного покоя.

Он не вскочил, не вздрогнул, как частенько бывало прежде, его пробуждение не спровоцировала внезапная дрожь переборок или резкий, неприятный, *чужой* запах, прорвавшийся в отсек по системе вентиляции, — так нередко случалось на станции «Н-болг», чьи помещения приспособлены для кого угодно, но только не для человека.

Нет. Я дома…

Кошмары ушли, истончились, он на борту «Первопроходца», но главное — рядом с ним люди…

Логинов открыл глаза.

Чистый, пахнущий травами воздух вливался в отсек через незримые отверстия, его тепло дарило ощущение покоя, но не расслабленности.

Вставать не хотелось. Так хорошо, спокойно на душе.

Не важно, что их мало, — важно, что они верят друг другу. Каждый прошел свое неимоверное испытание. Взять, к примеру Сапова и Негоду. Они прошли через созданную силовыми установками «Витязей» аномалию, так же как и Логинов оказавшись в чуждом мире, в ином времени, среди обломков великих битв, но не растерялись же, не пали духом, не оставили надежды отыскать командира, выполнить задачу по поиску «Первопроходца».

Им не посчастливилось, как Андрею отыскать целый космический корабль, да еще и с колонией Алгитов на борту. Но оба понимали, что рано или поздно они встретят представителей иных рас, демонстрировать которым «Витязи» опасно и преждевременно.

Тогда они пошли другим путем. Изучая обломки, воссоздавая при помощи бортовых компьютеров прежний облик участвовавших в битве космических кораблей, лейтенанты выбрали образ слабо вооруженного, внешне безобидного, но достаточно вместительного транспортного корабля, и, состыковав между собой два «Витязя», собрали на основе получившегося тандема силовых установок, не функциональный, но способный ввести в заблуждение системы сканирования корпус, надежно замаскировавший уникальные истребители.

Затем серией коротких прыжков им удалось выйти в первую

обитаемую систему, и там, разобравшись в ситуации, они начали свое долгое путешествие по узловым станциям сохранившегося фрагмента транспортной сети Армохонтов.

Однажды от Ц'Остов они услышали о странном Хомо, путешествующем на боевом фрегате исчезнувшей цивилизации, и обоим пришла в голову одна мысль: это командир.

Саша и Павел не потеряли мужества, они действовали как диверсионно-разведывательная группа, оказавшаяся в глубоком тылу потенциального противника. Двигаясь по цепи станций «Н-болг» они устанавливали прослушивающие устройства, снимали информацию с систем внешнего наблюдения, пока не напали на след загадочного фрегата и его владельца.

Так им удалось перехватить разговор Олга и Гепретиона, в результате оказавшись в критический момент на борту станции системы Эшр.

Мы выстояли, выжили — думалось Андрею, — нашли «Первопроходец» и вывели его при помощи «Витязей» в систему Новой Земли.

Он встал, умылся и начал одеваться.

Теперь предстояло решить, как действовать дальше, ведь ресурс колониального транспорта таял с каждым днем.

* * *

Колония Новой Земли. Сутки спустя…

Ветер выл, врываясь в пустые помещения, через выбитые проемы окон.

— Грустно, — сказала Лада, поднимая перевернутое кресло.

Смахнув с него пыль, она присела, осматривая погашенные терминалы кибернетической системы диспетчерского пункта.

Эрг фыркнул, потом чихнул, отойдя в сторону. Пыль ему не нравилась. Он вообще, как выяснилось, был чистюлей, да и многими повадками походил на огромного доброго, порой игривого котенка. Сложившийся образ восприятия плохо увязывался в сознании Логинова с мудрыми, емкими фразами Умра, его отвагой в бою.

Дурацкая все же у нас, людей, привычка судить по внешности. — Подумал он, подойдя к окну. Эрг был для него сейчас одним из самых близких существ. Но Андрей не мог не признать, что в отношении Умра огромную роль сыграла его подсознательная симпатия к представителям семейства кошачьих.

Вряд ли я бы так легко и искренне привязался бы к Ц'Осту или Хонди. — Подумал он, рассматривая с высоты четвертого этажа панораму заброшенного, частично разрушенного временем космодрома.

Люди покинули Новую Землю. Несколько суток терпеливой орбитальной разведки со всей очевидностью доказали факт эвакуации колонии. Миссия «Варяга» была успешно выполнена, и сейчас Логинов, пытливо вглядываясь в подступившие к бетонным лентам взлетно-посадочных полос кустарниковые заросли, думал про себя.

Мы вернулись.

Вернулись, но опоздали…

Выгнать боль и не пускать тщетных надежд на порог души, — нелегкая задача, с которой приходилось справляться изо дня в день.

Логинов более не мнил себя одиночкой, способным перевернуть мир. Жизнь преподала ему жестокий и наглядный урок. Распрощавшись с иллюзиями, он стал сильнее, но чувствовал, что порой начинает терять что-то важное. Вот взять, к примеру, Эрга: он не жил одной только ненавистью, вспоминая о ней лишь *в нужные минуты* , или Ладу с ее едва заметной мимолетной, но теплой и грустной улыбкой…

— Что будем делать? — она словно прочитала его мысли.

— Все исследования завершены, — Логинов отошел от окна. — Вот только легче от этого не становиться. Анализ почв и атмосферы обнаружил присутствие неизвестных ранее экзовирусов.

Лада в своей манере пожала плечами.

— Дело рук Эшрангов. Они заразили планету. Низкие, подлые существа.

— Зато тут сохранилось достаточно планетопреобразующей техники, — произнес Андрей.

— Нам не хватит времени на вторичное терраформирование планеты. — Ответила Лада. — Технику нужно доставить на борт «Первопроходца». Нам придется искать новую родину.

— А как же остальные планеты сектора? — спросил Логинов. — Так и оставим их под контролем Эшрангов, дадим цивилизациям, записанных птицами в разряд «младших рас» окончательно деградировать?

— Ты хочешь войны? — взгляд Лады потемнел.

— Я хочу справедливости.

— Андрей прав, — неожиданно поддержал Логинова Эрг. — Взять сектор под свой контроль — задача нашей жизни.

— С двумя-то кораблями? — Лада не хотела сейчас даже думать о войне.

— Не будем спорить, — Логинов решил, что разговор о перспективных планах несколько преждевременен. — Станем действовать поэтапно. Эшранги до нас не доберутся, по крайней мере, в обозримом будущем. Конечно возродить две цивилизации будет нелегкой задачей.

— Не хотелось бы возрождать цивилизации ради войны, — тихо произнесла Лада.

— Вряд ли нас оставят в покое, — ответил Андрей. — Но не будем спорить сейчас. Давайте обсуждать конкретные шаги, их последовательность, а уж потом, станем думать о перспективных планах.

Нелегко ему дались последние слова. Вновь в душе всколыхнулась скопившаяся там за месяцы одиночества муть, опять засосало под ложечкой от острого приступа ненависти к существам, ложью и предательством насаждающим собственное господство, присвоившим достижения древней цивилизации и теперь лживо именующим себя «старшей расой».

Умр, тонко почувствовав его настроение, повернул голову, сверкнув на Андрея глазами.

— Не усложняй ситуацию. Я тоже не питаю любви к Эшрангам, но мы же договорились — всему свое время.

Андрей кивнул.

Он чувствовал, что Лада и Эрг сохранили в душе некие качества, потерянные им в период безысходного одиночества. Он подчинялся их решению, неимоверным усилием разрывая окольцевавшую его ненависть, требующую немедленного возмездия.

— Считаю нам нужно собраться всем вместе, подытожить имеющуюся информацию и принять решение, как действовать дальше, — произнесла Лада. — Пошли к челноку, машины тут управятся и без нас.

* * *

Борт фрегата Армохонтов

— Итак, что нам известно? — Логинов прохаживался по отсеку главного поста управления фрегата.

— Достоверных фактов не так уж и много, — первым отреагировал на заданный вопрос Гепретион. — Эшранги сумели запутать и извратить историю, но мы твердо знаем: существует раса Армохонтов, создавшая общегалактическую транспортную сеть. Наш сектор пространства отрезан от нее в результате бунта, поднятого Эшрангами.

— Мне непонятны их цели, — произнес Саша Сапов. — Гепретион,

ты служил Эшрангам. Действительно ли они боятся возвращения Армохонтов? Неужели все происходившее на протяжении последних трех столетий направлено исключительно на глобальную фальсификацию событий? Зачем им Земля?

— Земля нужна Эшрангам, как научно производственный центр, — ответил Гепретион. — Я не настолько хорошо осведомлен о намерениях моих бывших хозяев, но не думаю, что для современного поколения Эшрангов определяющее значение имеет древний бунт и возможное возвращение Армохонтов. Фактически цивилизация Эшрангов распалась на отдельные кланы, ведущие ожесточенную борьбу друг с другом. Поначалу они использовали технику Армохонтов, но ее ресурс не вечен, — усмехнулся наемник. — Не знаю, что именно произошло на Земле, но два века назад людей оттуда вывезли. Основные поселения сейчас базируются в пяти звездных системах. Из числа людей отбирают наемников, которых кланы Эшрангов используют наравне с Хонди и Циритами в междоусобных войнах.

— О событиях на Земле известно мне, — произнесла Лада, когда Гепретион остановился, чтобы перевести дух. Длинные речи явно давались ему с трудом. — Эшранги давно наблюдали за нашей цивилизацией. Нам известно, что по законам, введенным Армохонтами, с молодыми, еще не вышедшими за пределы собственных звездных систем расами, запрещены всяческие контакты. Я правильно излагаю?

Она обернулась к Умру.

— Правильно, — ответил тот. — События последних дней многое расставили на свои места.

Грациозно потянувшись, Эрг сел, обвив хвостом лапы.

— Я просмотрел информацию, добытую на астроиде, а так же кое-что почерпнул из данных, сохранившихся в запоминающих устройствах фрегата Армохонтов. Бунт Эшрангов был неизбежен. Он стал следствием нарушения закона о безусловной изоляции молодых космических рас. Эшранги, наблюдавшие за развитием Земной цивилизации, поняли, что люди, по темпам своего научно-технического прогресса, экспансивности, а главное — по создаваемым образцам космической и планетарной техники, вполне могут составить конкуренцию Армохонтам. Учитывая, что сами Эшранги пользовались исключительно заимствованными технологиями, у них появился соблазн выйти из-под влияния «старшей расы». Они решились на явное нарушение древних законов, вступив в тайные переговоры с некоторыми группировками, существовавшими в то время в рамках человеческой цивилизации.

— Эшранги выступали единым фронтом? — задал уточняющий вопрос Андрей.

— Нет. Ко времени начала событий они уже не являлись единым обществом. Здесь роковую роль сыграла ошибка политики Армохонтов, считавших Эшрангов существами безвредными. Казалось, что их лояльность проверена временем.

— А на самом деле? Не понимаю, что побудило их к нарушению закона и последующему бунту? — вновь спросил Андрей.

— Эшранги населяли два десятка звездных систем сектора. Большинство планетных цивилизаций не помышляли о бунте, но длительное развитие в условиях различных планет разделило само понятие «Эшранг», расслоило его на десятки составляющих. Некоторые, подчеркиваю — некоторые, представители отдельных планетных цивилизаций, имели собственные амбиции, им казался унизительным существующий статус «младшей расы». В итоге они решились на нарушение закона, считая, что сумеют осуществлять импорт человеческой техники и технологий, и, накопив достаточный потенциал, гарантирующий им независимость, вступить в политическую борьбу с Армохонтами.

— Политическую?! — удивленно переспросил Гепретион.

— А как же иначе? — усмехнулся Умр. — Разве ты хотя бы однажды видел Эшранга, лично управляющего истребителем, или взявшего оружие? Они *не воины* . Их оружие — хитрость, интриги, но если влиять на умы Хонди, Циритов, Ц'Остов и Звенгов им удавалось без особого труда, то с Армохонтами такое уже не проходило. Древняя раса, умудренная опытом сотен тысяч лет освоения галактических просторов, обладала иммунитетом к различного рода психологическому давлению. Закон единого космоса по убеждению Армохонтов должен оставаться незыблем при любых обстоятельствах. Только его жесточайшее соблюдение позволило им создать единое общегалактическое пространство Обитаемых Миров, удержать сотни различных цивилизаций от взаимных фобий, неизбежно перетекающих в бессмысленные войны.

— То есть Эшранги не собирались уничтожать планеты Армохонтов, разрушать единую транспортную сеть?

— Естественно. Они не самоубийцы. Вероятнее всего присвоение чисто номинального статуса «старшей расы» вполне удовлетворило бы текущие амбиции Эшрангов, но они совершили ошибку: привлекли на свою сторону в качестве исполнителей Циритов и Хонди. С первыми они сыграли на их искусственном происхождении и якобы рабской зависимости от расы создателей, которые за сотни тысяч лет так и не выделили им

собственной звездной системы, где Цириты могли бы обосноваться, создав самостоятельную цивилизацию. С Хонди они использовали схожий прием психологического давления, указывая на малое количество планет, выделенных данной расе, что существенно ограничивало, сковывало цивилизацию разумных насекомых в развитии. В обоих случаях Эшранги использовали придуманные ими термины «старшая и младшая расы», — на самом деле Армохонты никогда не использовали дискриминирующих, унижающих понятий.

— Они действительно не давали Циритам возможности к образованию собственной цивилизации и ограничивали рождаемость в семьях Хонди? — спросил Негода.

— На все существовали объективные причины. Цириты — искусственно созданные существа. Они не обладают естественной способностью к продолжению рода. К тому же их психологическая ориентация смещена в сторону войны, ведь эти существа создавались как боевая сила. Я не знаю, что думали сами Армохонты по этому поводу, но создавать самостоятельную цивилизацию Циритов было крайне опасно. Наверное, они знали о настроениях, царящих в среде созданных ими существ, и потому стали привлекать нас, расу Умров, к выполнению заданий по поддержанию законности и порядка в секторе. Возможно они вообще планировали не возобновлять репликацию Циритов, а заменить искусственно созданных существ на представителей проверенных, доказавших свою лояльность и приверженность галактическим законам цивилизаций.

— А Хонди? — спросил Андрей.

— С Хонди вопрос более сложный. Разумные насекомые жестко «привязаны» к определенному типу планет. Найти для них мир с походящими условиями далеко не просто.

— Ну, существуют ведь способы планетного преобразования, — напомнил Логинов.

— Армохонты — противники коренного изменения исконных биосфер существующих миров, — ответил Эрг. — За редкими исключениями они стараются избегать уничтожения или смешения биологических форм. Конечно, существуют планеты, где жизнь находиться на самой низшей эволюционной ступени, но подобные условия экстремальны для Хонди. Поэтому я считаю, что ограничение экспансивных устремлений разумных насекомых не искусственно созданный Армохонтами барьер, а данность, порожденная скудостью миров с подходящей биосферой.

— Мы отвлеклись, — произнесла Лада. — Давайте вернемся к событиям, предшествующим бунту Эшрангов.

Эрг охотно согласился.

— Как глава рода Умров, я хорошо знаком с историей. Представители моей цивилизации в то время уже активно привлекались Армохонтами к патрулированию некоторых наиболее проблемных секторов пространства. Нам доверяли боевую технику, и вот однажды в Солнечной системе были замечены транспортные корабли, продвигавшиеся к Земле под прикрытием тяжелых штурмовых модулей, с экипажем состоявшим из Циритов.

— А кто управлял транспортными кораблями?

— Хонди.

— Не понимаю, в чем же заключалась ошибка Эшрангов? Они подставляли другие расы, сами оставаясь, насколько возможно, в стороне от событий, верно?

— Никто бы не обратил внимания на одиночный транспортный, либо исследовательский корабль, — пояснил Эрг. — Эшранги могли, не возбуждая подозрений, посещать Солнечную систему, ведь *наблюдение* за цивилизацией никому не возбранялось. Лишь несанкционированное появление боевых единиц флота Армохонтов в границах Солнечной системы привлекли внимание. Мои предки проявили терпение и мудрость, они не стали обнаруживать своего присутствия, а лишь проследили за конвоем, который благополучно получил груз в труднодоступных горных районах планеты, и доставил его в одну из систем Эшрангов. Именно так была выявлена их руководящая роль в осуществлении противозаконных контактов с отдельными представителями земной цивилизации.

— А следующий рейс решено было перехватить? — мрачно спросил Логинов.

— Да, — ответил Умр. — Армохонтам нужны были живые участники событий, образцы незаконно вывозимых с Земли кибернетических механизмов, чтобы начать предметное разбирательство. Однако все случилось не так, как предполагал план операции. В зоне посадки транспортных кораблей, куда люди караванами доставляли груз, неожиданно появилось подразделение военно-космических сил одного из государств Земли, на территории которого и осуществлялась передача груза. Караван был остановлен, и Цириты, сопровождавшие транспортные корабли, получили от Эшрангов приказ: уничтожить всех свидетелей поставок, оставить лишь выжженное дотла пространство, где невозможно собрать улики. Цириты не знали о присутствии патруля Умров в Солнечной системе и приступили к зачистке, в то время как транспортные корабли

Циритов повернули обратно.

— Мы были участниками того боя, — произнес Логинов, бросив взгляд на Сапова и Негоду.

— Помню. Мы с тобой уже говорили на эту тему.

— Выходит, не ввяжись мы в бой, все могло завершиться иначе? — спросил Александр, внимательно глядя на Умра.

— Иначе, для нескольких моих предков, управлявших истребителями. Но не для всего сектора, — спокойно ответил Эрг.

— А что произошло дальше? — спросил Гепретион, для которого события трехсотлетней давности являлись откровением.

— Эшранги поняли, что их план раскрыт. Они осознавали, сколь тяжки будут последствия. Страх окончательно помутил их рассудок, и руководители заговора, используя свое влияние на Циритов и Хонди, приказали последним атаковать планеты Армохонтов.

— На что ни надеялись? — Лада недоуменно и презрительно передернула плечами.

— Они надеялись отсидеться. Думали, что столкновения между Хонди, Циритами и Армохонтами поднимут смуту среди других рас, вспыхнет всеобщая война, за последствиями которой их роль и их вина окажутся совершенно незначительными.

— Эшранги просчитались?

— Буквально во всем, — кивком подтвердил Эрг. — Во-первых, Звенги и Ц'Осты не поддались на провокации, во-вторых, Умры встали на сторону Армохонтов, и, в-третьих, большинство планетных цивилизаций Хонди не поддержали бунтовщиков.

— Но разрушения, которые я видел своими глазами, говорят о масштабных столкновениях в космосе. Сотни уничтоженных космических кораблей, сожженные плазменными ударами планеты, разрушенная транспортная сеть… — высказался Логинов.

— Да, действительно, боевые действия приняли глобальный характер в основном из-за мятежа среди Циритов. Эшранги сумели внушить им, что искусственно созданные бойцы будут уничтожены Армохонтами, как «ненадежная техника».

— Планеты Армохонтов подверглись атаке со стороны Циритов? — уточнил Гепретион.

— В большинстве случаев. Но удары не достигли цели. Пострадала инфраструктура и биосферы колоний, сами же Армохонты, предвидя развитие ситуации, организованно отступили, организовав плотное прикрытие звездных систем, не принимавших участия в мятеже.

— Не понимаю. Они бежали?

— Нет. Армохонты решили пожертвовать своими опорными планетами в секторе, чтобы не допустить *всеобщей войны* . Ответный удар пришелся по системам Эшрангов, в космосе произошло два крупных сражения между Циритами и Армохонтами, часть транспортной сети оказалась разрушена, пострадали и главные врата, соединяющие сектор с основной сетью Обитаемой Галактики.

— Неужели столь важная узловая станция была плохо защищена и не дублировалась? — высказал сомнение Логинов.

— Дублировалась, причем трижды, — ответил Эрг. — Однако в узлах «Н-болг», соединяющих между собой сектора, основной персонал составляли Цириты. Они взорвали станции и присоединились к мятежу, прежде чем Армохонты успели что-либо предпринять. Сектор оказался отрезан, для восстановления связи путем путешествия через обычное пространство требовалось очень много времени, — я лично слышал цифру, выраженную в семистах с лишним световых годах.

— А что случилось с Армохонтами, запертыми в секторе? Они погибли?

— Не знаю, — покачал головой Умр. — Никто не знает. Их флот продолжал атаковать планеты Эшрангов, в то время как мои предки защищали мирные системы сектора. Мятеж Циритов и Хонди удалось подавить, но немногие корабли Армохонтов, уцелевшие в схватках, оказались покинуты экипажами.

— Не понимаю. Они все же скрылись? — попробовала уточнить Лада.

— Мне ничего не известно о дальнейшей судьбе Армохонтов. Ни на одном из десятка уцелевших кораблей не было найдено тел. Вообще никто и никогда не видел *мертвого* Армохонта, — Эрг привстал, разминая затекшие лапы. — Я родился намного позже изложенных событий, и не могу ничего добавить.

— На борту найденного мной фрегата так же не оказалось ни одного тела, — произнес Андрей. — Хотя вакуум, царивший в большинстве отсеков, должен был их сохранить.

— Это загадка, которую не сумели решить поколения моих предков. Даже Алгиты, находившиеся на борту кораблей, ничего не могут прояснить.

В разговоре наступила пауза.

— А как развивались события дальше? — наконец нарушила молчание Лада, задав новый вопрос.

Умр, прохаживавшийся по отсеку управления, ответил:

— Некоторые кланы Эшрангов уцелели. Вспыхнула новая война — они дрались между собой, и преследовали мою цивилизацию. Мы защищались на протяжении двух веков, но затем сопротивление было сломлено.

— Эшранги оказались сильнее? — недоверчиво спросил Андрей.

— Около столетия мы боролись почти на равных, — ответил Эрг. — Но затем у наших врагов появилось новое оружие и новые союзники, вернее — наемники.

Он выразительно повернул голову в сторону Гепретиона.

— Да, это так, — кивнул тот. — Я служил Эшрангам.

— Почему?! — гневно спросил Андрей.

— Потому что у меня не оставалось никакого выбора! — так же резко с вызовом ответил Гепретион. — Ты знаешь историю, помнишь своих родителей, капитан, я же не знал ничего. Меня воспитывали Звенги, после я попал к Эшрангам, прошел курс подготовки, и начал выполнять смертельно-опасные задания.

— Почему ты согласился?

— Мне была обещана награда.

— Какая, позволь спросить?

— Снова обрести семью. Увидеть *людей* . Этого мало?

— Извини, — Логинов понял, что погорячился.

— Ты говоришь, прошло около столетия, прежде чем у Эшрангов появилось новое оружие и люди в качестве наемников? — обратилась Лада к Эргу.

— Да, — лаконично подтвердил тот.

— В таком случае я могу кое-что прояснить, — неожиданно произнесла Лада. — Эшранги не утратили связь с Землей. Они сохранили как минимум один канал внепространственной транспортировки, открывающий Солнечную систему для доступа космических кораблей. Но они не были готовы к новой войне, не имели сил, для силового решения вопросов обладания нашими человеческими технологиями. Тогда они пошли на ухищрение. Одной из корпораций, осуществляющей разработки полезных ископаемых на Луне, была передана технология глубинного бурения. Я не могу с точностью сказать, исказили ли Эшранги ее намерено, или роковую роль сыграла алчность небольшой группы людей, но спутник Земли не выдержал первого же включения установки глубинного бурения. Луна раскололась на семь неравных фрагментов, что вызвало катастрофические разрушения и цепь техногенных катастроф на поверхности Земли. Цивилизация была охвачена паникой, когда на орбитах

появились транспортные корабли Эшрангов, предложившие помощь в эвакуации и переселению людей на иные миры.

— Угроза гибели была реальна? — уточнил Логинов.

— Вполне, — ответила Лада. — У меня нет сомнений, что Эшранги спровоцировали ситуацию. Подумай сам, — она сейчас обращалась именно к Андрею, — планета охвачена техногенными катастрофами, которые не идут на убыль, а ширяться с каждым днем. Среди населения царит паника, над головой — обломки Луны, которые, как казалось многим, неизбежно рухнут на Землю.

— И тут появляются «братья по разуму»?

— Именно. Они сумели войти в контакт с кибернетическими системами, управляющими мегаполисами и ответственными за жизни людей. Убедить машины в необходимости эвакуации населения оказалось проще, чем договориться непосредственно с людьми.

— Наши машины приняли сторону Эшрангов? — ужаснулся Логинов.

— А что им оставалось? Ответить отказом они не могли — ведь для большинства кибернетических систем приоритетной задачей является сохранение человеческих жизней. Машины восприимчивы к логике, а логика убеждения у Эшрангов была железной — они предлагали людям спасение.

— Состоялась массовая депортация? Но зачем? Не проще ли было оставить все, как есть, и дождаться пока люди погибнут?

— Эшранги очень хитры, — вставил реплику Эрг.

Заметив, что его не понимают, он пустился в пояснения:

— Они готовились извлечь максимальную выгоду из спровоцированной ситуации. Переселив людей, Эшранги, спустя время, вернулись вновь. Машины к этому времени сумели остановить цепную реакцию техногенных катастроф, но жить на Земле в тот период было нельзя, о возвращении хотя бы части населения в течение ближайших ста-ста пятидесяти лет не могло быть и речи. К тому же большинство машин, наделенных модулями искусственного интеллекта, справившись с текущими задачами, потеряли цель существования.

— И Эшранги вернули им смысл бытия, — грустно подхватила Лада. — Эшранги убедительно доказали, что люди нуждаются в помощи, — им необходимо оружие, и боевые сервомеханизмы, для борьбы с кровожадными Умрами, которые терроризируют население многих планет. К тому же они сумели договориться не только с машинами, но и с людьми.

— Это произошло после того, как мою Семью спровоцировали на

атаку планет, куда Эшранги переселили людей, — подтвердил ее слова Эрг. — Земным управляющим кибернетическим системам были предоставлены необходимые документальные доказательства, подтвержденные людьми, совершившими короткий визит на Землю. Кибернетическим механизмам была поставлена задача: самоорганизоваться, и, используя обломки Луны в качестве сырьевой базы, начать выпуск необходимой техники и вооружений.

— Как глупо! Мне не вериться что такое возможно!..

— Процесс на самом деле был сложен и занял, вероятно, не один год, — ответила Лада. — Я была на Земле и видела обломки Луны, — поверь — это жуткое зрелище, подействовавшее на меня очень сильно. Будь я на Земле во время тех событий, тоже, наверное, согласилась бы на эвакуацию. К тому же, во время короткого путешествия, я при помощи наномашин сканировала восстановленный мегаполис, и везде видела одно и тоже — царство кибернетических механизмов.

— Они подчинены воле Эшрангов? — спросил Андрей.

— Нет, — покачала головой Лада. — Теперь, столетия спустя после катастрофы, они уже не подчинены никому. Некоторые задачи все еще важны для них, но машины сотрудничают с Эшрангами лишь до поры. Вскоре они окончательно сформируют новое самосознание, и машинный разум пойдет собственным путем развития. Я наблюдала за стычками между машинами — они уже начали борьбу за ресурсы. К чему приведет такое развитие — даже боюсь гадать.

— Значит, у нас стало еще одной проблемой больше… — задумчиво произнес Андрей.

— Давайте, хотя бы озвучим весь комплекс предстоящих к решению задач, — вскинул взгляд Гепретион.

Подвести итог взялся Логинов:

— Первое и наиболее важное — «Первопроходец». Корабль необходимо вывести в систему, где мы сможем пробудить его экипаж и пассажиров. Лада, что ты скажешь относительно ЭКАЛа?

— Кибернетический мозг «Первопроходца» сейчас такой же заложник ситуации, как и люди.

— Я спрашиваю об его адекватности.

— Как управляющая система он вполне надежен, — категорично произнесла Лада. — А в его «моральных исканиях» едва не погубивших корабль и экипаж, по большому счету повинны сами люди.

— Сколько еще «Первопроходец» в состоянии поддерживать режим низкотемпературного сна колонистов и экипажа? — спросил Гепретион.

— Автономии хватит еще на три месяца, не больше, — ответила Лада.

— Нужно ускорить загрузку планетарной техники, законсервированной в период эвакуации колонии на борт «Первопроходца». И продолжать анализ навигационных баз данных в поисках подходящей планеты для колонизации. Уничтожение экзовируса, которым заражена биосфера Новой Земли, может занять несколько лет. У нас попросту нет этого времени.

— Согласна, — кивнула Лада. — Было бы неплохо интегрировать в системы управления «Первопроходца» колонию Алгитов. Я категорически против отключения ЭКАЛа, для него это станет равносильно смерти.

— Ничего подобного, — возразил Андрей. — Временное отключение не нанесет ему вреда. Как потеря сознания у человека.

— А кто ему объяснит причину отключения?

— Зачем вообще что-то объяснять? — резко спросил Гепретион.

— ЭКАЛ вполне осознает себя *мозгом* корабля. «Первопроходец» для него — физическое тело. Мы не сможем отключить его, не нанеся вред кораблю, — терпеливо пояснила Лада.

— Ну, ты ведь сумела ограничить его функции? — напомнил Андрей.

— Мы *договорились* с ним. Я обещала, что его не отключат. Если сейчас он опять почувствует ложь, я не берусь предсказывать последствия.

— Как же быть? — Гепретион хмуро взглянул на Ладу.

— Придерживаться данных мною гарантий. Снять с него бремя непосильной моральной ноши, и показать, что наше сотрудничество может выстраиваться на взаимном доверии.

— Хорошо, — Логинов сцепил пальцы рук в замок. — Две проблемы мы обозначили, в общих чертах ситуация теперь понятна. Следующий вопрос: что делать с Землей? И как нам выручить потомков тех, кто был депортирован из Солнечной системы?

— Это разные проблемы, не нужно их объединять, — заметила Лада. — Землю необходимо изолировать от глобальной транспортной сети. Саморазвитие машин представляет реальную угрозу в ближайшей перспективе. Самим нам не справиться. Сдержать ситуацию, ограничить их выход в глубокий космос, прервать поставки сервомеханизмов — вот тот минимум, что необходимо сделать.

— Опять поиск и уничтожение врат?

— Тут без вариантов. Иного способа нет. В нашем распоряжении теперь имеется точная информация по всем навигационным точкам древней транспортной сети, в том числе и резервным, не найденным в двадцать первом веке. Если бы их обнаружили тогда — не произошло бы

катастрофы с Луной и расселения человечества.

— Предлагаю действовать, разделившись на группы, — высказал свое мнение Александр. — Мы с Павлом тут продумали небольшой план.

— Ну-ка поподробнее, — попросил Андрей.

— Сейчас в пределах сектора действуют две потенциально опасные силы. Это саморазвивающиеся на земле кибернетические системы и кланы Эшрангов, способные втянуть другие цивилизации сектора в новую войну. Мы предлагаем совершить ряд операций, чтобы устранить угрозу хотя бы на ближайшее время.

— Как ты это себе представляешь?

— Нельзя забывать, что цивилизация Армохонтов вернется рано или поздно. Не думаю, что дальнейшее разрушение врат будет приветствоваться, но сейчас действительно нет иного выхода. Эшранги могут начать мстить всем людям без разбора, саморазвивающиеся кибернетические системы вполне в состоянии сами выйти на простор дальнего космоса. Но я предлагаю не уничтожать врата, а изъять из их конструкции ключевые блоки, такие как генераторы пробоя метрики. После войны с Армохонтами Эшранги лишись своих планет, кланы по нашим данным базируются на станциях, в известных звездных системах. Там же дислоцируются их боевые флоты. Действуя с борта «Витязей», внезапно появляясь подле врат, мы сумеем быстро изъять из конструкций ключевые элементы, и уйти в прыжок раньше, чем будет организована погоня. Наш козырь — мобильность. Изолировав основные силы Эршангов, мы предотвратим новую уже назревающую войну.

— Хороший план, — одобрил Логинов. — Изоляция Эшрангов автоматически устранит опасность не только для людей, но и для Умров.

— А как мы станем действовать дальше? Захватим власть в секторе? Объявим себя ответственными за огромный участок космического пространства? — спросила Лада.

— Время покажет, — ответил Андрей. — Прежде нужно сохранить мир, решить проблему «Первопроходца», понять, что стало с людьми, депортированными на иные миры.

— В общем, ты прав, — согласилась Лада. — Будем действовать последовательно. Пока на борт «Первопроходца» загружается планетопреобразующая техника, а ЭКАЛ вместе с Алгитами анализирует глобальную навигационную базу данных сектора в поисках свободной планеты, подходящей для создания колонии, мы займемся ключевыми вратами древней сети.

— А я? Спросил Эрг.

— Думаю, тебе сейчас нужно отправиться к своему народу, — мягко ответила Лада. — Мы будем держать тебя в курсе событий. Здесь, в системе Новой Земли останется Гепретион. Надеюсь, ты не возражаешь?

— Ты еще спрашиваешь? — он поднял на Ладу взгляд полный благодарности. — Не беспокойтесь, к вашему возвращению колониальный транспорт будет заново укомплектован техникой и готов к дальнейшему полету.

* * *

Планета Алгот. Месяцем позже

Лада и Андрей, не спеша, шли по улице города.

Никто не обращал на них внимания. В воздухе благоухали непривычные ароматы, сотни разных существ спешили по своим делам.

— Пятая по счету звездная система, — заметила Лада, бросая внимательные, изучающие взгляды по сторонам.

Андрей кивнул. Он понимал, о чем идет речь: они ожидали встретить господство одних рас над другими, заранее готовились к ничтожному количеству людей, что встретятся на пути, и их рабскому, зависимому положению.

На самом деле все оказалось не так. Представители различных цивилизаций встречались им примерно в одинаковом соотношении, города, которые они видели, несли отпечатки различных культур.

Люди по большинству занимали достойное положение в смешанных обществах. Оказавшись вне Земли новые поколения быстро адаптировались, — после краха транспортной сети, построенной Армохонтами, и таинственного исчезновения последних, космическая торговля за одно столетие пришла в полный упадок, потоки пассажиров и грузов, перемещающихся между мирами, сократились в миллионы раз, и существам, оказавшимся запертыми на планетах, волей или неволей пришлось искать точки соприкосновения, чтобы выжить.

Так на протяжении трехсот с лишим лет формировались уникальные конгломераты, состоящие из представителей семи наиболее развитых цивилизаций изолированного от Обитаемой Галактики сектора пространства.

— На самом деле все действительно, не так уж и плохо.

Лада взяла Андрея под руку, и они свернули по дорожке, обсаженной невысокой экзотической живой изгородью к обширному, ухоженному парку, где соседствовали хвойные породы деревьев, явно вывезенных с

Земли и иные, причудливые, непривычные для глаза формы растительной жизни, собранные с различных планет.

— Я не понимаю, почему обстановка в космосе так резко отличается от жизни на планетах? — Логинов действительно не переставал удивляться той разнице, что открывалась ему и Ладе в течение последнего месяца.

— А ты не задумывался над тем, почему вдруг исчезли Армохонты?

— Бежали, — пожал плечами Логинов. — Узнали о готовящемся мятеже Эшрангов и бежали.

— Но ведь они могли его подавить, — возразила Лада. — Да, по сути, так и произошло: оставленные ими автоматические эскадры, при поддержке флота Умров, прошли огнем и мечом по мятежным планетам. Я говорю о другом: почему они позволили разгореться противостоянию, зачем дали Эшрангам время на отчаянное сопротивление, в результате которого большинство космической техники оказалось уничтоженной, серьезно пострадала транспортная сеть, и как результат — практически на всех обитаемых планетах возникли вот такие смешанные анклавы? Тебе не кажется, что все произошедшее — не просто цепь роковых случайностей, а часть тонко продуманного плана?

— И чего же, по-твоему, добивались Армохонты? — хмыкнув, недоверчиво уточнил Андрей.

— Мне думается они таким образом поставили целый сектор пространства на карантин, покарав Эшрангов, показавшихся им *неисправимыми*, — Лада особенно подчеркнула последнее слово, — и дав остальным цивилизациям шанс преодолеть фобии, соприкоснуться по-настоящему, в сотрудничестве ради выживания.

— Жестокая мудрость?

— Возможно. Я, конечно, не исключаю рецидивов, и наверняка не везде сосуществование представителей различных цивилизаций пошло по пути сотрудничества. Но мы ведь с тобой специально не выбирали звездные системы, верно?

— Да, — кивком согласился Андрей, — разведка получилась неожиданная, я бы сказал — непредсказуемая. Разве можно было предположить, глядя на обитателей космических станций, что на планетах по большинству царит мир?

— Нет, конечно. Но теперь мы с тобой знаем правду.

Они присели на скамью в тени огромного дерева. Напротив располагалась зона отдыха с детской площадкой. Удивительно и даже немного жутковато поначалу было наблюдать как Ц'Осты, Звенги, Хонди, и люди спокойно общаются друг с другом, а их дети играют вместе, свободно

разговаривая на универсальном языке межрасового общения.

Лада некоторое время молча наблюдала за детьми и взрослыми, а затем, повернувшись к Андрею, взяла его руку и спросила:

— Андрюша, что мы принесем им со своей «справедливостью»? От чего станем их освобождать и на какие муки обречем? Вновь посеем ненависть и вражду?

— Трудный вопрос.

Логинов не пытался уйти от ответа, просто еще не решил, по крайней мере, для себя, как следует поступить дальше, исходя из реальности, открывшейся им.

— Мы измеряем время отрезками собственных жизней, — ответила Лада. — Чем больше я думаю, тем сильнее убеждаюсь — Армохонты предвидели развитие событий. Они живут иными понятиями времени, не земного, не планетного, но галактического. Что создали Эшранги своими руками, силой своей мысли, интеллекта?

— Ничего.

— Вот именно. Пройдет еще немного времени и станции «Н-болг» окончательно придут в упадок, а Эшранги, изолированные в границах собственных систем, потеряют остатки *захваченного* могущества. Вряд ли они сумеют и далее причинять вред обитаемым мирам. Их, как ты сам мог увидеть, больше занимает внутриклановая борьба, они как змея, кусающая свой же хвост, скоро, очень скоро сойдут со сцены истории. Эшранги — потребители, они будут эксплуатировать технику Армохонтов пока та не придет в окончательную негодность и после…

Лада замолчала, подбирая слово, но ее мысль подхватил Андрей:

— После наступит пауза, быть может, в столетие или более, а затем планетные цивилизации вновь выйдут в космос, восстанавливая утраченные связи.

— Да. Я именно об этом хотела сказать, — Лада благодарно взглянула на него. — Но то будет совершенно иной мир, Андрюша. Мир, которого мы не создадим новой войной, ведь в космос выйдут те, кто сумеет преодолеть неизбежный период регресса, и могу поспорить на что угодно — самыми успешными станут *смешанные* цивилизации, где уже не будет кричащих противоречий, недоверия и фобий между человеком и Ц'Остом, Хонди и Умром, Циритом и Звенгом. Вспомни, как на Земле начинали стираться границы государств и наций, как постепенно нивелировались различия между коренными обитателями разных континентов. Жаль мы не успели пройти этот путь до конца…

— Хочешь сказать, что расселение человечества по различным мирам

так же входило в планы Армохонтов?

— Я не знаю ничего определенного, — ответила Лада, по-прежнему глядя на играющих детей. — Об истинных замыслах Армохонтов мы можем лишь догадываться, но результат вот он, — она кивком указала на площадку для отдыха. — Они играют вместе, не страшась друг друга, значит и вырастут без ненависти… Поверь я вижу совершенно иной мир, — повторила она. — И чем больше я узнаю, тем меньше мое желание вступать на тропу войны, восстанавливая «независимость» Человечества.

— Во многом я согласен с тобой. Во многом, но не во всем.

Лада подняла взгляд.

— В чем же я не права?

— Остается проблема «Первопроходца». Люди, спящие на борту колониального транспорта — основа новой уникальной цивилизации, ведь в крови каждого колониста обращаются микромашины. Да и психологически они не готовы принять реальность. Они ведь не прошли нашим путем, для них после пробуждения многие сделанные тобой или мной выводы могут оказаться не очевидными. Ты не опасаешься, что именно они станут инициаторами «освобождения» Человечества?

— У нас есть «Витязи», — напомнила Лада. — К тому же колония Алгитов, освобожденных на астероиде, содержит полную базу данных по звездной навигации. Используя навигационную информацию, мы сможем осуществить прыжок на любое расстояние в рамках нашей Галактики.

— И куда ты предлагаешь лететь?

— К Армохонтам. В зону их центральных систем, туда, где сосредоточены планеты самой древней цивилизации нашего мира.

— В принципе такой прыжок осуществим… — подумав, согласился Андрей.

От слов Лады у него понемногу начинала кружиться голова. Она обладала непостижимой для него магией убеждения, — разве кто-то другой смог бы в течение получаса так скупо и емко обрисовать ситуацию, увести мысли в сторону от противостояния, от боли одиночества, накопленной во время скитаний?

Она предлагала вместо войны удивительное, дразнящее разум путешествие, она дарила надежду не только ему, но всем колонистам, что ждали пробуждения в криогенных камерах колониального транспорта «Первопроходец».

Мысль, упав на казалось бы бесплодную почву, иссушенную одиночеством, потрескавшуюся от ненависти и боли, внезапно дала робкий побег *мечты.*

Необъятные просторы космоса, встреча с самой древней цивилизацией обозримой Вселенной, не бегство, но разумный шаг, с обязательным обещанием вернуться, увидеть, как начнет возрождаться тот самый обновленный мир, о котором она только что говорила.

Все, что он узнал о Армохонтах, не оставляло сомнений, — они найдут что предложить людям, ведь экипаж и пассажиры «Первопроходца» были и остаются зародышем новой, уникальной для Галактики цивилизации.

— Любовь и надежда лучше, чем война и ненависть, — задумчиво произнесла Лада, машинально сжав его руку. — Ты согласен со мной?

— Согласен, — ответил Андрей.

Эпилог

Система новой Земли

— Вот тут мы и расстанемся, Эрг, — в словах Логинова прозвучала грусть. — Теперь фрегат Армохонтов будет служить твоей расе.

— Мы будем охранять мирные планеты, как делали это наши предки.

— Не жалеешь о принятом решении? Нет желания мстить Эшрангам?

Умр склонил голову.

— Я устал от войны, — признался он. — Вы, люди, мудрые существа. Армохонты по достоинству оценят ваш шаг. А что касается Эшрангов — они уже наказаны полной изоляцией их систем. Передай Совету, что Умры остались верны Галактическому закону.

— Передам.

Они замолчали.

Слов не хватало для прощания.

— Удачи тебе, Андрий. И тебе Гепретион. И тебе, — Эрг внезапно сделал шаг вперед и лизнул Ладу в щеку. — Мой народ никогда не забудет вас.

Он взглянул на Александра и Павла, вновь склонил голову в прощальном жесте и, не оглядываясь, пошел по тоннельному переходу, соединявшему между собой фрегат Армохонтов и «Первопроходец».

Через несколько минут два огромных корабля расстыковались.

— Тяжело прощаться, — посетовал Гепретион, когда переходной тоннель был убран.

— Почему так мрачно? — спросил Логинов. — Мы ведь вернемся.

— Мне бы твою уверенность. Прыжок на двадцать тысячь световых лет. Вы с ЭКАЛом хорошо подумали?

— Не волнуйся. Расчеты проверены и не раз. Больше мы не попадем в восходящий темпоральный поток аномалии. ЭКАЛ и Алгиты все тщательно просчитали. Оказывается навигационные данные, хранящиеся в блоках памяти врат, как раз помогают избежать искажения временного потока при прыжке. Именно в силу этой причины Армохонты строили систему гиперпространственных тоннелей, а не пользовались устройством мобильного привода, которое легко могли создать.

— Много в моей жизни бывало афер… — вздохнул Гепретион, — но такой…

— Все когда-то случается впервые, — чуть насмешливо прервала его Лада. — Ты просто робеешь правда?

— Ничуть.

— Ну, посмотрим. Алгиты и ЭКАЛ докладывают, что у них все готово.

— Что, уже?

— Пошли, наемник, — Лада подтолкнула Гепретиона по направлению к шахте межпалубного лифта. — Не думай о плохом. Тебе предстоят удивительные встречи.

Даже Андрей ощутил в нотках ее голоса плохо скрытое волнение.

Они собирались шагнуть в саму неизвестность, и каждый прекрасно понимал это.

Но иного пути у них просто не осталось.

Ресурс «Первопроходца» катастрофически истощался, а среди звездных систем сектора на поверку не оказалось планеты, где за пару месяцев машины могли бы построить защищенную зону и пробудить спящих колонистов.

* * *

Бледная вспышка обратного перехода вывела колониальный транспорт в метрику трехмерного космоса, всего в световой секунде от голубовато-белесого шара огромной планеты.

Сигналы навигационной системы возвестили о завершении программы прыжка, подтверждая, что «Первопроходец» вышел точно по указанным координатам и в данный момент находиться подле планеты, являющейся исторической родиной цивилизации Армохонтов.

Пять человек, находящиеся в рубке управления, в немом потрясении смотрели на экраны внешнего обзора.

На орбитах планеты не наблюдалось никаких искусственных сооружений, на темной стороне, за линией терминатора не светилось ни единого огня, указывавшего бы на наличие городов.

Эфир был пуст.

Отрабатывая автоматическую процедуру, ЭКАЛ выпустил разведывательные зонды, которые тут же, сблизившись с планетой, начали вход в атмосферу, передавая данные на борт базового корабля.

Первым тишину нарушил Андрей.

— Промах исключен, — он проверил навигационные данные и посмотрел на остальных членов экипажа. — Мы в исконной системе Армохонтов.

Заметив бледные, потрясенные лица он добавил:

— Древняя цивилизация, освоившая половину Галактики, может себе позволить создать на родной планете природный заповедник. Вот увидите, сейчас с нами выйдут на связь.

В этот момент начали поступать первые данные от разведывательных зондов.

Биосфера планеты, не загрязненная промышленными отходами, практически соответствовала Земному Эталону. Зондам при первом сканировании не удалось обнаружить на поверхности не то чтобы городов или поселений, — отсутствовали вообще какие бы ты ни было следы деятельности разумных существ.

— Андрей, взгляни на бортовой хроно, — с трудом справившись с потрясением, произнес Саша Сапов.

Логинов перевел взгляд на показания приборов, и вдруг почувствовал, как крупная дрожь медленно ползет вдоль позвоночника.

Как и тогда, после памятного прыжка цифры, указывающие реальное время, стремительно менялись, только теперь они бежали *вспять!*..

Еще мгновенье и их бег остановился.

Минус двести пятьдесят тысяч лет. Уму непостижимо. Они «провалились» в прошлое на двести пятьдесят тысяч лет и сейчас находятся подле *неосвоенной планеты,* которая по всем данным — родина загадочной цивилизации Армохонтов!

Логинов медленно обернулся, зацепил взглядом покрытый белесыми разводами облаков шар девственной планеты и, взглянув в глаза товарищей, потрясенно спросил:

— Мы же совершали прыжок по навигационным данным с врат! Что это значит?!

ЭКАЛ, в чем дело? Обратный прыжок возможен?

Нет данных для расчета.

В сознании Андрея вдруг начали складываться воедино фрагменты реальности.

Они проскочили на двести пятьдесят тысяч лет в прошлое!.. Перед ними девственная планета!.. На борту «Первопроходца» планетарная техника, спящие люди и генетический материал для формирования колонии!..

Но ведь планета, — родина Армохонтов, тот самый мир, откуда они начали строительство своей уникальной транспортной сети, объединив сотни цивилизаций галактики!

Лада, поймав его взгляд, прочитала мысленный вопрос Андрея и

ответила тихим, дрожащим от невероятного напряжения голосом:

— Есть только одно объяснение.

— Какое?!..

— Мы — экипаж и пассажиры «Первопроходца» — и есть — АРМОХОНТЫ.

Сентябрь 2007 — январь 2008 года,

город Псков.

notes

Примечания

1

Эллинг — в прошлом — сооружение на берегу со специально устроенным наклонным фундаментом *стапелем*, где закладывается и строится корпус судна; помещение для стоянки, хранения и ремонта аппаратов легче воздуха. Космический эллинг совмещает в своей конструкции причалы для крупных космических кораблей, вакуум-доки для приема грузов, стапели для сборки модульных космических конструкций.

2

Эмосфера — эмоциональная атмосфера, обстановка, в которой происходит формирование души и характера ребенка.

3

Мегагород «Русь» занимает площадь восточно-европейской равнины, от западных границ России до Уральских гор.

4

Система «Волан» — Компания «Конверсионные технологии космоса» представила на международном аэрокосмическом салоне МАКС-2003 перспективный проект пневматического устройства, предназначенного для индивидуального спасения людей и ценных грузов при падении с высоты.

Как рассказал генеральный директор компании, система «Спасатель» — большой конус с надувным каркасом, в середине которого находится человек — способен существенно замедлять падение с высоты, стабилизировать полет и амортизировать удар о землю.

В космической индустрии подобное устройство — пенетратор — впервые было применено для осуществления последнего этапа спуска на планету аппарата Марс-96. В 2000 году появилась идея применения технологии в мирных целях. Толчок исследованиям дали события 11 сентября, после которых в мире возник интерес к компактным и надежным средствам индивидуального спасения людей при падении с большой высоты.

Широкой публике прототип аппарата «Спасатель» показан впервые. По словам Артема Иванкова, к настоящему времени пройдено два этапа испытаний конструкции. По их результатам уже ясно, что система успешно гасит высокие перегрузки, возникающие при контакте спасаемого с землей, и успешно снижается при сильном боковом ветре (по материалам Интернет издания Lenta.ru)

5

БМК — Боевая машина космодесанта.

6

Метаболический имплант — разовое устройство, внедряемое в организм путем ввода в кровеносную артерию. Нейтрализует действие вредных (токсичных) веществ, влияет на метаболизм бойца.

7

Обращение «господин» не прижилось в войсках. Особенно в боевых группах.

8

Сигнатура — сумма электромагнитных, тепловых и иных излучений, воспринимаемых сканерами. По характерным распределениям энергий возможно определить тип техники или устройства излучающего принимаемые сканером волны.

9

Мимикрия — способность некоторых животных менять цвет кожных покровов, маскируясь под фон окружающего.

10

БСК — Боевой сканирующий комплекс. Как правило индивидуальное технического средство, монтируемое в гермошлеме боевого скафандра.

11

БПМ — боевая планетарная машина.

12

ИПК — импульсный пулемет системы Кердябина.

13

ИПП — импульсный пистолет-пулемет системы Подгорного.

14

Эзоскелет — внешний скелет, характерен для некоторых видов насекомых. Мышцы и жизненно-важные органы спрятаны внутри

15

Крионика — наука о замедлении процессов жизнедеятельности организма путем его охлаждения до определенных температур (в некоторых случаях используется термин «гибернация»).

16

Дефлекторы — отражающие энергетические щиты, предназначенные для недопущения столкновения космического корабля с частицами космической пыли и мелкими метеоритами.

17

Универсальное кресло — сложный полуавтоматический механизм, способный «подстраиваться» под анатомическое строение различных существ, вне зависимости от их габаритов и расовой принадлежности. В данном случае Эшранг воспользовался специально выдвинувшимся вместо подголовника валиком, в который смог привычно впиться когтями.

18

Фонема — минимальная единица звукового строя языка. Фонемы служат для построения и различения значимых (несущих смысловую нагрузку) единиц языка — морфем.

19

Разумные насекомые цивилизации Хонди — здесь идет речь об отдельных представителях сообществ насекомых, способных вести самостоятельную жизнь вне «муравейника». По непроверенным данным, возникновение «внешних Хонди» стало реакцией разумных насекомых на необходимость иметь своих представителей среди цивилизаций обитаемого космоса. «Внешние Хонди» (словосочетание является буквальным переводом) выращиваются в особых условиях, их метаболизм корректируется на ранних стадиях развития личинки, в процессе «воспитания» Внешние Хонди получают практически всю информацию накопленную муравейником. Кроме прочего — отличные бойцы.

20

Цефеиды — звезды переменной светимости, одни из неизменных ориентиров для космического корабля в дальних перелетах.

21

Упоминаются события романа «Восход Ганимеда».

22

Сменные экипажи — на борту колониального транспорта «Первопроходец» предусматривалось наличие пяти полноценных экипажей, сменяющих друг друга. Чередование вахт с периодами низкотемпературного сна снимало многие вопросы, остро встающие при постоянном бодрствовании одного и того же состава астронавтов на протяжении многих лет.

23

Запаздывание сигнала — максимально возможная скорость распространения сигнала передатчиков «Первопроходца» выражается в околосветовых значениях, таким образом передача отправленная с борта космического корабля могла быть принята на Земле лишь спустя века после ее отправки. Во время полета тестовые сигналы с отчетом по работе бортовых систем отправлялись регулярно, но размышляя ЭКАЛ сделал вывод, что отсутствие сигнала, переданного непосредственно из колонизируемой системы если и вызовет на Земле обеспокоенность, то произойдет это не раньше чем через века после запланированных им событий.

24

Танк — в данном случае — емкость для хранения биологических материалов.